

124
144
П. М. Сталь.

ПРАВСТВЕННОСТЬ СЕМЬИ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ И ЖИЗНЕННЫЯ ПРАВИЛА.

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И СКАЗКАХЪ.

Сочиненіе увѣчанное Французской Академіей и по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія приобретаемое всеми народными и школьными бібліотеками, а также раздаваемое Парижскимъ Городскимъ Управленіемъ наградой преуспѣвающимъ въ Учебныхъ Заведеніяхъ.

Иллюстрировано французскими художниками:

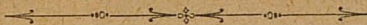
Шуллеръ, Фролихъ, Баярь, Мари, де ла Шарлери, Фроманъ, Бенстъ,
Матфись, де-Виллерсъ.

Переводъ съ французскаго
Н. Н. Мазуренко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

П. М. Сталь.

А 244
144

ПРАВСТВЕННОСТЬ СЕМЬИ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ И ЖИЗНЕННЫЯ ПРАВИЛА.

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И СКАЗКАХЪ.

81

Сочиненіе увѣнчанное Французской Академіей и по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія приобретаемое всеми народными и школьными бібліотеками, а также раздаваемое Парижскимъ Городскимъ Управленіемъ наградой преусиѣвающимъ въ Учебныхъ Заведеніяхъ.

Иллюстрировано французскими художниками:

3/1 x 33/16

Шуллеръ, Фролихъ, Баяръ, Мари, де ла Шарлери, Фроманъ, Бенсть, Матфись, де-Виллерсь.

Переводъ съ французскаго

Н. Н. Мазуренко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде всего необходимо объяснить, въ силу какихъ соображеній я нашелъ нужнымъ измѣнить заглавіе переведенной мною книги Сталя: «Morale Familère». Въ буквальномъ переводѣ это означаетъ: «Обыденное Нравственное Ученіе» или «Обыденная Мораль».

Окончивъ переводъ, слѣдовательно вполнѣ ознакомившись съ содержаніемъ означенной книги. я убѣдился, что въ ней авторъ вовсе не говоритъ о томъ, что понимается подъ выраженіемъ: обыденная нравственность, такъ какъ подъ этимъ разумѣютъ нравственное ученіе, правила, нравственный укладъ и обиходъ всего общества, безъ различія пола и возраста.

Обыденная нравственность значитъ мораль заурядная, общая всѣхъ и каждаго, обычной повседневной жизни, но не исключительно нравственность дѣтей и отношеніе, а также вліяніе на нихъ родителей.

Между тѣмъ въ этой книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней, рѣчь идетъ въ живописныхъ и увлекательныхъ, иногда чрезвычайно поэтич-

ныхъ разсказахъ и поученіяхъ (напримѣръ: исторія маленькаго пастуха и стараго карпа), только и исключительно о хорошихъ и дурныхъ чертахъ характера дѣтей, о средствахъ и способахъ вліянія на дѣтей, а также исправленія и улучшенія ихъ характера.

Вотъ почему я счелъ болѣе подходящимъ, знакомя русское юношество съ этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной книгой, дать ей заглавіе болѣе соответствующее ея содержанию, такъ какъ, озаглавивъ книгу: «Обыденная Нравственность,» значило бы относительно ея содержанія вводить въ заблужденіе всѣхъ, желающихъ ее прочесть.

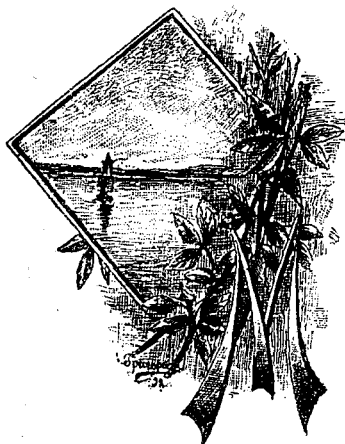
Говорить о высокихъ достоинствахъ этой книги нахожу излишнимъ, такъ какъ это вполнѣ достаточно удостовѣряется тѣмъ, что она не только увѣнчана Французской Академіей, но, кромѣ того, по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, приобрѣтаема всѣми народными и школьными библіотеками, а также раздаваема Парижскимъ Городскимъ Управленіемъ наградой преуспѣвающимъ въ Учебныхъ Заведеніяхъ.

Н. Мазуренко.

Четыре сверчка

булочницы.

ой пріятель Жакъ вошелъ однажды въ булочную, желая купить маленькій хлѣбецъ, который ему показался въ окнѣ чрезвычайно аппетитнымъ. Онъ имѣлъ намѣреніе предложить этотъ хлѣбецъ ребенку, совершенно потерявшему аппетитъ; его можно было уговорить, что

либо поѣсть только забавляя и упрасивая.. Жаку показалось, что такой красивый хлѣбецъ соблазнить даже больного.

Пока онъ ожидалъ полученія сдачи, въ булочную вошелъ мальчикъ шести или семи лѣтъ, бѣдно, но весьма чисто одѣтый и сказалъ, обращаясь къ булочницѣ:

— Сударыня, мама прислала меня за хлѣбомъ...

Булочница достала длинный, прекрасно выпеченный хлѣбъ въ четыре фунта вѣсомъ и положила его на руки мальчика.

Мой пріятель Жакъ невольно обратилъ вниманіе на исхудалое и задумчивое лицо маленькаго покупателя. Оно было рѣзкой противоположностью свѣжему и розовому виду находившагося въ рукахъ его хлѣба.

— Деньги есть у тебя?—спросила булочница, обращаясь къ мальчику.

Печально поглядывая на нее, мальчикъ отвѣчалъ, почему то крѣпче прижимая къ себѣ хлѣбъ:

— Нѣтъ, сударыня, у меня нѣтъ денегъ, но мама сказала, что завтра придетъ поговорить съ вами.

На это булочница ласково отвѣчала:

— Хорошо, дитя мое, иди себѣ съ Богомъ, неси хлѣбъ домой.

— Спасибо, сударыня,—отвѣчалъ мальчикъ, направляясь къ дверямъ.

Мой пріятель Жакъ получилъ уже сдачу и, положивъ въ карманъ купленный хлѣбецъ, подходилъ уже къ выходу, гдѣ съ изумленіемъ увидѣлъ, что мальчикъ все еще стоялъ около двери.

Въ свою очередь булочница, полагавшая что мальчикъ давно уже ушелъ, замѣтивъ, что онъ продолжаетъ стоять неподвижно, обратилась къ нему:

— Что же ты тутъ стоишь? Быть можетъ тебѣ не понравился хлѣбъ?

— О нѣтъ, сударыня, онъ очень хорошъ!—отвѣчалъ ребенокъ.

— Если такъ, почему же ты не несешь его скорѣе твоей мамѣ? Если ты запоздаешь, она подумаетъ, что ты баловался дорогой и будетъ тебя бранить.

Ребенокъ, повидимому, даже не разслышалъ сказаннаго. Замѣтно было, что вниманіе его было всецѣло чѣмъ то поглощено. Булочница подошла къ нему и, ласково потрепавъ его по щекѣ, спросила:

— О чемъ же ты мечтаешь, вмѣсто того чтобы идти домой?

— Сударыня — спросилъ мальчикъ — кто это здѣсь поетъ?

— Тутъ никто не поетъ,—возразила булочница.

— Нѣтъ, извините, я слышу пѣніе. Вотъ послушайте: кюикъ, кюикъ, кри, кри?

Булочница и мой пріятель Жакъ начали прислушиваться и ровно ничего не услышали помимо крика сверчковъ, этихъ обычныхъ гостей домовъ, въ которыхъ поѣщаютъ булочки.

— Это, быть можетъ, какая-нибудь маленькая птичка, а можетъ такъ шипитъ пекущийся хлѣбъ, въ родѣ того какъ шипятъ яблоки когда ихъ пекутъ?—сказалъ мальчикъ.

— Да нѣтъ же, мой миленькій дурачекъ—возразила булочница—это кричатъ сверчки. Это они поютъ въ пекарнѣ, такъ какъ тамъ только что растопили печь, а они всегда приходятъ въ восхищеніе когда увидятъ пламя.

— Ахъ, такъ это сверчки!—воскликнулъ мальчикъ; это вѣрно тѣ самые, которыхъ называютъ также: Кри—кри?

— Да, это именно тѣ самые—ласково отвѣчала добрая булочница.

Лицо мальчика радостно зардѣлось и онъ порывисто обратился къ булочницѣ, краснѣя и, очевидно, смущаясь своей просьбой, казавшейся ему дерзостью:

— Сударыня, какъ бы я былъ радъ, если бы вы мнѣ подарили хотя одного кри—кри. . . .

— Одного кри-кри?—возразила булочница расхохотавшись.—Да что же ты, мой миленькій, хочешь дѣлать съ однимъ кри-кри? Повѣрь, что я очень была бы рада, если бы могла тебѣ отдать всѣхъ сверчковъ изъ моего дома! О, я бы это живо сдѣлала!

— О, сударыня, прошу васъ дайте мнѣ хотя одного; только одного кри-кри!—воскликнулъ онъ, складывая свои блѣдныя ручки, торчавшія надъ плотно охваченнымъ большимъ хлѣбомъ. Мнѣ часто рассказывали, что кри-кри приносятъ счастье дому. Очень можетъ быть, если у насъ въ домѣ будетъ хотя одинъ сверчокъ, мама, у которой такъ много горя, перестанетъ постоянно плакать.

Мой пріятель Жакъ взглянулъ на булочницу. Это была красивая женщина съ свѣжими, розовыми щеками; она быстро отерла передникомъ навернувшіяся на глазахъ слезы. Если бы у моего пріятели Жака былъ передникъ, онъ сдѣлалъ бы то же самое.

— А почему же твоя бѣдная мама такъ часто плачетъ?—спросилъ Жакъ, не выдержавшій долѣе и рѣшившійся вмѣшаться въ разговоръ.

— Все это по случаю полученія счетовъ, по кото-

рымъ надо платить, — отвѣчалъ мальчикъ. Мой папа умеръ и теперь мама какъ ни старается усердно работать, а все же по всѣмъ счетамъ мы не въ силахъ заплатить.

Мой пріятель Жакъ поднялъ на руки мальчика вмѣстѣ съ его хлѣбомъ и, какъ мнѣ кажется, расцѣловалъ какъ ребенка, такъ и его хлѣбъ.

Тѣмъ временемъ булочница отправилась въ пекарню и, не рѣшаясь сама прикасаться къ сверчкамъ, попросила мужа поймать всѣхъ четырехъ и помѣстить ихъ въ коробочку съ дырочками, чтобы насѣкомымъ было чѣмъ дышать. Возвратясь въ булочную съ сверчками въ коробкѣ, она отдала ее мальчику, поспѣшившему домой съ довольнымъ и веселымъ лицомъ.

По его уходѣ булочница и мой пріятель Жакъ съ чувствомъ пожали другъ другу руки, проговоривъ оба въ одно время:

Бѣдный малютка!

Булочница взяла долговую книгу, развернула ее на той страницѣ, гдѣ былъ записанъ счетъ матери мальчика, перечеркнула дважды длинный счетъ и внизу его написала: «уплачено».

Пока она занималась этимъ дѣломъ, Жакъ, не теряя времени, опорожнилъ всѣ свои карманы, собравъ всѣ имѣвшіяся у него деньги, которыхъ на этотъ разъ оказалось, по счастью, довольно много, завернулъ ихъ въ бумажку и передалъ булочницѣ, прося ее отослать эти деньги матери мальчика, получившаго сверчки и приложить къ нимъ счетъ съ надписью объ уплатѣ, а также записочку на имя этой женщины, въ которой сказать ей, что ея милый ребенокъ будетъ современемъ ея радостью и утѣшеніемъ. Все это было тотчасъ написано и отдано рабочему парню изъ пекарни, съ приказаніемъ сбѣгать какъ можно живѣе и исполнить данное порученіе. Такъ какъ рабочій былъ очень проворенъ, а бѣдный мальчикъ своими маленькими ножками, съ громаднымъ хлѣбомъ, да еще съ четырьмя сверчками въ придачу, двигался очень медленно, вышло такъ, что парень изъ булочной прибѣжалъ раньше мальчика, заставшаго свою маму

Ребенокъ съ большимъ хлѣбомъ въ рукахъ шелъ медленно,

спокойной и радостно улыбающейся, чего онъ давно уже не видѣлъ.

Ребенку тотчасъ пришло въ голову, что чудо это было совершенно прибытіемъ въ домъ четырехъ черненькихъ и маленькихъ насѣкомыхъ. По-моему, малютка отчасти былъ совершенно правъ.

Не будь этихъ кри-кри и не имѣй онъ добраго любящаго сердца, развѣ такая перемѣна въ расположеніи духа и положеніи его матери могла бы совершиться?

Исторія маленькаго пастуха и стараго карпа.

Въ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ дней, представляющихъ изъ береговъ Рейна цѣлую серію дивныхъ декорацій, восхищающихъ путешественниковъ всѣхъ странъ, маленькій Петруша, чрезвычайно любившій смотрѣть на струившіяся воды рѣки, осторожно спустился съ своими четырьмя козочками съ плоскогорья позади Сентъ-Гоаръ, возвышающагося надъ красивымъ утесомъ феи Лорелеи на берегу ея возлюбленной рѣки. Пока маленькое стадо Петруши пощипывало траву, кое-гдѣ растущую въ расщелинахъ утесовъ, мальчакъ бродилъ по берегу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ легендарныя времена, добрая фея Лорелея, которую такъ несправедливо стремились изображать злой феей, тогда какъ совершенно наоборотъ она внимательно и добродушно наблюдала съ высоты своей скалы и, при посредствѣ своего семикратнаго эхо, предупреждала путниковъ и лодочниковъ объ опасностяхъ пути.

Петрушѣ было всего семь лѣтъ; онъ былъ такъ же игривъ и рѣзвъ, какъ его козочки, и такъ же какъ они любилъ утесистыя мѣста, крутизны и ущелья. Въ особенности предпочиталъ онъ дикія и суровыя мѣстности, какъ, напримѣръ, такое, въ которомъ онъ находился те-

перь. Когда ему удавалось добраться туда съ своими козочками, онъ забывалъ тамъ понемногу о своемъ горѣ. А у бѣднаго мальчика были уже огорченія и своего рода печали. Его большіе голубые глаза неустанно слѣдили за желтоватыми волнами величественной рѣки, пролагавшей себѣ дорогу чрезъ высокія, скалистыя преграды, которыя въ этомъ мѣстѣ сдавливаютъ старый Рейнъ и образуютъ для него какъ бы каменную темницу своими отлогими, крутыми стѣнами.

Всматриваться въ струящіяся волны потока, для берегового населенія красивой и большой рѣки, такой какъ Рейнъ, представляетъ собою всегда неисчерпаемое и новое удовольствіе. Пристально слѣдя за волной и ея бѣлымъ пѣнистымъ гребнемъ, мысль катится и скользитъ или засыпаетъ, разбивается какъ и волна. Набѣгаетъ другая волна и снова начинается то же самое. Повидимому, все это кажется всегда повтореніемъ одного и того же; однако нѣтъ: мѣняется волна, мѣняется и мысль. Достаточно зеленой былинки, подхваченной водой, неосторожному цвѣтку, попавшему въ воду, птицѣ, быстро несущейся надъ поверхностью воды, чуть не задѣвая ее крыломъ, порыва вѣтра, измѣняющаго извивы волнъ и форму гребней пѣны, наконецъ, ласкающаго солнечнаго луча, или набѣжавшей мрачной тучки, и каждую минуту картина мѣняется. Да, тѣ, кто умѣетъ смотрѣть на воду, по истинѣ счастливые люди! Эти бѣгуція впередъ рѣки, эти свѣтлые, глубокіе, движущіеся водяные пути представляютъ собою, какъ говорилось когда-то, какъ бы зеркало нашего существованія, изображеніе теченія жизни, и много мыслей приходитъ въ голову объ этомъ мірѣ и о другомъ, иномъ, когда слѣдишь какъ капля воды, эта дщерь неба, быстро катится, нагоняя одна другую и стремясь къ необъятному океану.

Пока мы все это проговорили, Петруша остановился. Его взоръ, блуждавшій до сихъ поръ неопредѣленно, вдругъ оживился и сосредоточился въ опредѣленномъ направленіи; его славное, маленькое, повидимому, большей частью печальное личико, засіяло радостью и немножко плутоватая, а еще болѣе, веселая улыбка заиграла на

губахъ, полураскрывшагося рта. Петруша своими дѣтскими глазками ясно разглядѣлъ въ водѣ толстую, большую рыбу съ коричневой, блестящей чешуей, какъ бы нарочно плававшую взадъ и впередъ передъ нимъ.

Я забылъ сказать, что Петруша держалъ въ рукахъ большой ломоть сдобной лепешки. Мальчикъ, весело улыбаясь, обратился съ такими словами къ рыбѣ:

— Эхъ, сударыня-рыбка! Кажись ты не на меня поглядываешь, а на мою лепешку. Ты, милая толстуха рыбка, должно быть порядочная обжора!

На это рыба ему отвѣчала:

— Обжора то я не обжора, миленькій мой Петруша, но, по правдѣ сказать, я въ родѣ тебя: люблю и покушать, люблю также хорошія и красивыя вещи, а слѣдовательно такая же любознательная какъ и ты. Я прогуливаюсь у берега моей милой рѣки такъ же точно какъ и ты, но мои прогулки не всегда такъ веселы и пріятны какъ твои. Мой прелестный утесъ Лорелей порядкомъ исковерканъ инженерами; ужасная желѣзная дорога, все преодолеваящая, и эта тропа, высѣченная въ уступахъ скалъ, все оно быть можетъ полезно устроившимъ это людямъ, но, могу тебя увѣрить, что намъ рыбамъ, старымъ дѣтямъ стараго Рейна, все это очень не по нутру. Когда громадная скала выступала далеко въ рѣку и возвышалась надъ ней какъ могучая каменная крѣпость, это было несравненно лучше! Рыбы свободно разгуливали и могли чувствовать себя въ безопасности подъ защитой гигантскихъ утесовъ; рыбаки и горожане Обервесселя не могли съ берега закидывать сѣти въ наши воды и не могло существовать такой длинной удочки, которая съ высоты скалы фей протянула намъ коварную приманку. Даже лодчички, держась подальше отъ скалъ, насъ не спугивали въ нашихъ глубокихъ убѣжищахъ. Можно было спокойно состариться въ тѣ времена, разжирѣть и размышлять на свободѣ. Теперь же только съ необычайными предосторожностями и рискуя жизнью, такія большія рыбы, какъ, на примѣръ, я и лососи, могутъ рѣшиться изрѣдка выплывать изъ мрачныхъ глубинъ рѣки. А, между тѣмъ, это было очень пріятно, когда возможно

было, выплывая на поверхность, подышать свѣжимъ воздухомъ, погрѣться на солнышкѣ и полюбоваться голубымъ небомъ и видами, и спокойно задремать въ теплой водѣ, предаваясь грезамъ о прошедшихъ временахъ и дѣлахъ. Да, милый мой Петруша, надо признаться, что желѣзныя дороги, а также пароходы компаніи Кельна и Дюльсседорфа создали намъ очень неприглядную жизнь. Все это вовсе не благопріятно рыбабъ

— Да, это вѣрно—отвѣчала растроганный Петруша.— Это также очень пугаетъ моихъ козочекъ. Всѣ пугаются когда несется поѣздъ или проходить пароходъ, и мнѣ также трудно было къ этому привыкнуть. Но, что подѣлаешь, сударыня-рыбка, на то воля Божья и весьма возможно, что все это, стѣсняя насъ, тебя, меня и моихъ козочекъ, полезно всѣмъ другимъ. Да вотъ, напримѣръ, хозяйка фермы вначалѣ очень косо на все это смотрѣла, а теперь очень довольна. Повидимому, все это вызываетъ благосостояніе страны; да, наконецъ, вотъ что я тебѣ скажу, почтенная рыбка, о моей хозяйкѣ; хотя она очень скуповата, даже порядочная жила, а все же теперь каждое воскресеніе даетъ мнѣ добрый кусокъ сдобной лепешки, а прежде давала только кусокъ ржаного хлѣба. А вѣдь лепешка хорошая штука! Не хочешь ли попробовать? Посмотри на этотъ кусокъ, онъ точно позолоченъ какъ твоя чешуя. А можетъ тебѣ болѣе нравится мякоть? Если у тебя, госпожа-рыбка, уже плохи зубы, такъ не угодно ли тебѣ мякоти?

— Милый Петруша, отвѣчала рыба, твоя лепешка превосходна, и мнѣ кажется какъ разъ въ мѣру поджарена и смотреть очень аппетитно и, конечно, мнѣ нравится. Но ты самъ, милый Петруша, нравишься мнѣ несравненно болѣе лепешки и, благодаря Бога, ты не созданъ для того, чтобы быть съѣденнымъ какъ лепешка, или какъ мы, несчастныя рыбы. Ты нравишься мнѣ твоимъ розовымъ личикомъ, добрымъ и невиннымъ взоромъ твоихъ большихъ глазъ, ясно доказывающимъ мнѣ, что ты вовсе не злой; вотъ почему, дорогой Петруша, я тобой восхищаюсь несравненно болѣе нежели твоей лепешкой.

— Да и ты тоже, какъ я вижу, вовсе не злая рыба, хотя и очень большая и толстая. А потому побудь тутъ немного и позавтракай слегка; половину моей лепешки я буду бросать тебѣ крошку за крошкой. Пока ты будешь глотать, я буду любоваться твоей прелестной чешуей и твоими красивыми движеніями подъ водою.

Бросая въ воду порядочный кусочекъ своей лепешки, Петруша промолвилъ:

— Не бойся ничего, почтенная рыбка, въ этомъ кусочкѣ нѣтъ крючка. Можешь его проглотить совершенно покойно.

Онъ усѣлся удобно на берегу, какъ разъ надъ рыбой, и завтракъ двухъ новыхъ друзей начался.

Въ перерывѣ, между двумя добрыми глотками, Петруша спросилъ:

— Позвольте узнать, госпожа-рыбка, сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ теперь ровно сто лѣтъ.

— Сто лѣтъ! Да неужели это вѣрно?—воскликнулъ Петруша.

— Да, мнѣ сто лѣтъ—возразила рыба.—Карпы никогда не лгутъ.

— Сто лѣтъ!—печально сказалъ мальчикъ.—Въ такихъ же лѣтахъ умерла моя бабушка! Ахъ, бѣдная моя рыбка, значить и ты скоро умрешь. Когда моя бабушка умирала, мнѣ всѣ говорили, стараясь меня утѣшить, что никто не живетъ болѣе ста лѣтъ.

— Ну, что же, это тебя утѣшило?—спросила рыба.

— О нѣтъ!—отвѣтилъ мальчикъ—я каждый день вспоминаю о бабушкѣ и никогда ее не забуду.

При этихъ воспоминаніяхъ Петруша не выдержалъ: сердце его переполнилось скорбью и изъ глазъ брызнули слезы, такъ что онъ схватился за носовой платокъ.

— Дорогая моя бабушка, это не ея вина, что ея нѣтъ теперь около меня, ей очень не хотѣлось умирать. Она мнѣ говорила: «Ты еще очень малъ, бѣдный мой Петруша. Кто же о тебѣ позаботится? У тебя нѣтъ ни отца, ни матери; одна я была около тебя, а теперь я чувствую, что Богъ зоветъ меня къ себѣ». Вотъ тогда моя тепереш-

няя хозяйка, фермерша, сказала моей бабушкѣ:» Я возьму Петрушу; онъ будетъ пасти моихъ козъ, будьте покойны, онъ сдѣлаетъ зарабатывать все необходимое». Тогда бабушка качнула головою въ знакъ благодарности и посмотрѣла на меня съ довольнымъ выраженіемъ лица, но послѣ этого она уже не шевелилась и не говорила; я звалъ ее, кричалъ, но все напрасно, она маѣ не отвѣчала. Ахъ, бабушка умерла и до сихъ поръ еще не ожила! Ахъ, госпожа-рыбка! Зачѣмъ это смерть тѣхъ кого мы любимъ такъ продолжительна, лучше было бы, если бы ихъ жизнь никогда не прекращалась!

Петруша снова расплакался. Доброй рыбкѣ очень хотѣлось бы имѣть руки, чтобъ притянуть его къ себѣ и утѣшить, а еще лучше имѣть ноги, чтобы вскочить на берегъ и расцѣловать его. Она сказала:

— Милый мой Петруша, ты такъ горюешь! Нашъ разговоръ тебя разстроилъ и огорчилъ. Я понимаю какъ ты былъ дорогъ и любимъ бабушкой!

— На это Петруша отвѣтилъ:

— Да, это правда! Бабушка меня очень любила. Но теперь никто меня не любитъ. Госпожа фермерша нельзя сказать, чтобы была злая, но и доброй назвать ее также нельзя. Право, сударыня-рыбка, тяжело сознавать, что около тебя нѣтъ никого близкаго и никому нельзя сказать: «мама».

Добрая рыба такъ сильно вздохнула, что кругомъ ея забрызгала вода и думалось ей:» Ахъ! Зачѣмъ, вмѣсто того чтобы быть бабушкой и прабабушкой, такое множество карповъ, плавающихъ вдоль по Рейну и никогда обо мнѣ не вспоминающихъ, я не мать этого маленькаго Петруши съ такимъ любящимъ, добрымъ сердцемъ!

Оба друга такъ были поглощены своимъ горемъ, что вовсе не замѣтили, что давно уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ кто-то слушалъ весь ихъ разговоръ.

Этотъ «кто-то» была красивая женщина съ кроткимъ и сострадательнымъ выраженіемъ лица, пришедшая сюда во время ихъ разговора. Ея прелестное лицо было блѣдно; причина этой блѣдности объяснялась чернымъ платьемъ и всѣми принадлежностями глубокаго траура. Она подошла

Друзья не замѣтили, что ими кто то любовался.

съ другой стороны скалы и тотчасъ остановилась, не желая помѣшать сердечнымъ изліяніямъ старой рыбы и мальчика.

Между тѣмъ, когда она увидѣла, что Петруша, задыхаясь отъ душившихъ его рыданій, вытянулся во всю длину на берегу, чтобы поплакать свободнѣе, она не выдержала и подбѣжала къ нему.

Въ первую минуту Петруша сильно испугался, но доброе, сострадательное выраженіе лица дамы тотчасъ его успокоило.

— Бѣдный сиротка—сказала она, обращаясь къ Петрушѣ,—я слышала все, что ты говорилъ рыбамъ Рейна, и твои жалобы глубоко проникли въ мое сердце! Никто лучше меня не пойметъ твое горе. Годъ тому назадъ умеръ мой сынъ, прелестный мальчикъ твоихъ лѣтъ; не хочешь-ли, милый Петруша, замѣнить мнѣ его? Что касается меня, я постараюсь сдѣлаться для тебя доброй мамой.

Застѣнчивый, скромный Петруша молчалъ, не зная что ей на это отвѣчать.

— Смѣлѣе, милый Петруша, смѣлѣе; соглашайся и благодари ее! — шепталъ ему какой-то голосъ и ему показалось, что это голосъ бесѣдовавшей съ нимъ рыбы. Голосъ продолжалъ:

— Само небо посылаетъ тебѣ это сердце, жаждущее привязанности какъ и твое; соединивъ въ одно ваше горе, вы почувствуете большое облегченіе.

Петруша уже не сомнѣвался, что это дѣйствительно голосъ его друга карпа и, смѣло протянувъ свою маленькую ручку красивой дамѣ, сказалъ:

— Я съ удовольствіемъ готовъ сдѣлаться вашимъ мальчикомъ, но, любя васъ, я не буду забывать своей бабушки; не такъ-ли?

— О, конечно, милый мой мальчикъ!—воскликнула дама, обнимая его—вѣдь я тоже не забуду своего сына!

Слушая это, рыба пришла въ такое восхищеніе, что до половины высунулась изъ воды и въ восторгѣ, приговаривала:

— Ахъ, славная дама! Ахъ, милый мальчикъ! Какое счастье ниспослано имъ свыше этой встрѣчей!

Когда рыба нѣсколько успокоилась и замѣтила, что Петруша ищетъ ее глазами, она сказала:

— Прощай, милый Петруша; теперь я согласна, что настоящее не хуже прошлаго и все еще есть на берегахъ Рейна добрая фея.

Вслѣдъ затѣмъ рыба быстрымъ движеніемъ хвоста и головы такъ высоко подскочила въ воздухъ, желая, вѣроятно, этимъ замѣнить поклонъ, что Петруша не могъ сказать навѣрное—исчезъ ли старый его другъ въ воздухъ или въ глубинѣ рѣки.

Видя, что мальчикъ стоитъ въ полномъ смущеніи и недоумѣніи, дама тихонько погладила его щеку рукою, какъ бывало дѣлывала это его бабушка. Эта маленькая ласка пробудила его какъ со сна. Петруша, никогда до того не бесѣдовавшій съ рыбами, не могъ рѣшить навѣрное приснилось ли ему это или дѣйствительно онъ наяву говорилъ съ рыбою.

Одно, въ чемъ онъ никоимъ образомъ не могъ сомнѣваться, это въ томъ, что около него была прелестная женщина, усыновившая его названная мать и съ нѣжностью протягивала ему руки.

Понятное дѣло онъ не заставилъ себя просить еще разъ и бросился въ ея объятія. Старый Рейнъ до этого никогда еще не видѣлъ до такой степени нѣжно растроганныхъ сердець.

— Называй меня всегда «мама», а я тебя буду звать: «милый сыночекъ»—сказала ему прелестная молодая женщина.

— Да, да, да, милая мама,—радостно твердилъ Петруша, совершенно ошеломленный выпавшимъ на его долю счастьемъ.—Ты моя мама, а я твой маленькій сынъ!

Петруша былъ честный, добросовѣстный человѣчекъ и когда онъ и его новая мама нѣсколько успокоились, онъ, тотчасъ вспомнивъ о своихъ обязанностяхъ, сказалъ:

— Милая мама, я долженъ отвести и сдать козъ фермершѣ и проститься съ ней, такъ какъ не будь ея, моя бабушка не могла бы умереть сколько-нибудь спокойно.

Она взяла хворостинку и, вмѣстѣ съ мальчикомъ, они погнали козъ къ фермѣ.

Фермерша безпрекословно отпустила Петрушу, понимая, что ему выпало большое счастье.

Быть может вы захотите знать, что случилось съ Петрушей въ то время когда я вамъ пишу этотъ разсказъ?

Это большой и красивый восемнадцатилѣтній молодой человекъ, самый свѣдущій студентъ славнаго Гейдельбергскаго Университета. Онъ былъ всегда такимъ добрымъ, хорошимъ сыномъ усыновившей его матери, что она не на шутку бы разсердилась, если бы осмѣлились сказать, что онъ не ея сынъ.

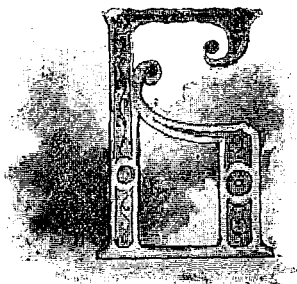
Но у Петруши замѣтили особую черту: онъ ни за что не соглашался ѣсть карповъ. Онъ никогда не забывалъ, что къ этой породѣ принадлежала красивая рыба, которой онъ любовался около утеса Лорелеи, гдѣ, уснувъ, вообразилъ, что разговаривалъ съ этой рыбой, пока не пришла и не разбудила его вторая мать, та милая женщина, которая усыновила его.

Годовщина

въ Лондонѣ.

Былъ праздникъ въ Лондонѣ, въ отелѣ Гарриссона, Грегори Сюлливанъ и К^о. Конторы были заперты. Въ домѣ было большое торжество. Сто человекъ собрались въ просторной столовой. Сорокъ изъ пирующихъ были

родственниками: братья, сыновья, дочери, внуки, внучки, племянники и племянницы богача негоціанта. Шестьдесятъ другихъ участниковъ пиршества состояли изъ разнаго рода служащихъ торговаго дома Гаррисона, Грегори Сюлливана и К^о, одного изъ самыхъ значительныхъ и пользовавшихся большимъ уваженіемъ торговыхъ домовъ Лондонскаго Сити.

Обѣдъ былъ весьма обильный и роскошный. Всѣ были въ отличномъ расположеніи духа и настроеніи, и Грегори, съ сіяющимъ счастьемъ лицомъ, находилъ для всѣхъ присутствующихъ ласковую улыбку или любезное слово.

Наступилъ наконецъ часъ провозглашенія тостовъ; часть весьма важный у англичанъ.

«Дѣти мои—началь Грегори Сюлливанъ, обращаясь къ своей семьѣ—и вы также, другія дѣти мои, продолжалъ онъ, обращаясь къ служащимъ,—мнѣ кажется подходящимъ сообщить вамъ сегодня то, что до сихъ поръ неизвѣстно большинству изъ васъ, а именно—разсказать вамъ какъ началось и составилось мое богатство. Я счелъ бы себя недостойнымъ моего благосостоянія, если

бы въ такой день, какъ сегодня, забылъ познакомиться васъ съ тѣмъ, откуда и какимъ образомъ оно произошло.

Двойной тостъ, который я провозглашу, относится къ памяти о двухъ личностяхъ одинаково для меня дорогихъ и которыя сегодня должны сдѣлаться и для васъ священными.

Мы выпьемъ въ честь моего отца Даніэля Сюлливана, дѣти мои, а также въ честь Джемса Гарриссона....

«Ура Даніэлю Сюлливану!

«Ура Джемсу Гарриссону!

Когда восторженное настроеніе присутствующихъ нѣсколько успокоилось, Грегори Сюлливанъ продолжалъ:

— Мой отецъ, мой дорогой отецъ—при этомъ голосъ оратора немного дрогнулъ при словѣ «отецъ»—мой отецъ, Даніэль Сюлливанъ, былъ честнымъ, прилежнымъ, но очень бѣднымъ ирландскимъ работникомъ.

Когда я родился, онъ былъ вынужденъ покинуть Дублинъ, гдѣ у него не хватало работы и пріѣхалъ въ Лондонъ искать въ немъ, что нужно для прокормленія жены и ребенка. Мнѣ часто рассказывала мать, что они оба съ стѣсненнымъ сердцемъ и глубокимъ сожалѣніемъ покидали милый имъ зеленый островъ. Но нужда заглушаетъ всякіе вздохи. По счастью отецъ мой, благодаря своей честности, открытой физіономіи и геркулесовскому сложенію, тотчасъ по пріѣздѣ нашель работу въ докахъ Темзы, гдѣ всегда находится дѣло для здоровенныхъ рукъ. Въ теченіи восьми лѣтъ все шло исправно. Весело и усердно отецъ мой занимался этимъ тяжелымъ ремесломъ, заключающимся въ перетаскиваніи тяжестей и въ выгрузкѣ и нагрузкѣ судовъ въ теченіе цѣлаго дня. Моя дорогая и нѣжная матушка, вся преданная мужу и своему хозяйству, способствовала семейному благосостоянію, работая иглою. Оба чувствовали себя счастливыми тѣмъ невиннымъ счастьемъ смиренныхъ людей, предоставляющихъ Богу заботу о завтрашнемъ днѣ. Вы одинъ за другимъ появились на свѣтъ въ теченіи четырехъ лѣтъ послѣ нашего переселенія въ Лондонъ; сначала Джонъ, затѣмъ Джонатанъ и, наконецъ, Берта; вы выросли и толстѣли на радость нашимъ

родителямъ и когда наступало воскресеніе, надо было видѣть съ какой гордостью и удовольствіемъ они выво-дили насъ гулять, чисто вымытыхъ и тщательно наряженныхъ.

Такое скромное счастье не заслушивало бы ударовъ судьбы. Но суждено было иначе.

Однажды наступилъ весьма печальный день. Въ этотъ день отецъ нашъ возвратился домой рано, первый разъ въ жизни не докончивъ своей ежедневной работы. Онъ былъ блѣденъ и держалъ около рта платокъ, задерживая показывавшуюся изъ горла кровь.

Поднявъ черезчуръ тяжелую ношу, отъ которой отказались всѣ его товарищи, онъ почувствовалъ, что въ груди его порвалось нѣсколько кровеносныхъ сосудовъ.

Даніэль Сюзливанъ легъ въ кровать, промолвивъ:—ничего, все это скоро пройдетъ.—Но на другой день онъ не въ силахъ былъ подняться съ постели; но все же, цѣлуя насъ, сказалъ:—Ничего, пройдетъ, отдохну день, другой, и все будетъ ладно.—Однако, по знаку, данному мнѣ матерью, я пошелъ пригласить медика, лѣчившаго бѣдныхъ. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ отца, оцупалъ пульсъ, изслѣдовалъ грудь и, выслушивая, предложилъ ему кашлянуть. Покончивъ изслѣдованіе, докторъ ушелъ.

Мать, провожавшая его до конца лѣстницы, ведущей въ темноватый погребъ, въ которомъ мы жили, долго не возвращалась обратно. Отецъ сказалъ мнѣ: «пойди, позови ее».

Я увидѣлъ ее сидящей за дверью на ступенькѣ лѣстницы и всю въ слезахъ.—Грегори, Грегори—сказала она, прижимая меня къ груди,—не говори отцу, что я плакала, да и самъ не плачь, не только при немъ, но при братьяхъ и сестрахъ—добавила она, отирая слезы, выступившія на глазахъ моихъ.

Докторъ навѣдывался разъ или два въ недѣлю. Мать съ нетерпѣніемъ ожидала его появленія. Каждый разъ провожая его, она говорила съ нимъ за дверью, возвращаясь всегда съ улыбкой. Но я не вѣрилъ и не удовлетворялся этой улыбкой: мнѣ очень хотѣлось знать, что именно говорилъ докторъ. Но мать молчала. Она прямо

направлялась къ отцу, цѣловала его, оправляла постель и подушки и старалась смотрѣть совершенно спокойно, такъ что я никакъ не могъ узнать навѣрное, дѣйствительно ли докторъ ее утѣшилъ и успокоилъ, или только она хотѣла чтобы этому вѣрили.

Дженни и я помогали ей по хозяйству. Дженни одѣвала маленькихъ и готовила обѣдъ, а я ходилъ за провизіей. Мальчики играли въ уголку. Видя насъ всѣхъ вокругъ себя, отецъ былъ доволенъ и какъ то, взявъ мать за руки, сказалъ:

— Хорошо немножко поболѣть: отдыхаешь въ семьѣ.

Иногда онъ подзываетъ мать къ себѣ и говоритъ:

— Ты добрая женщина и, пожалуй, меня избалуешь; если бы я былъ богатъ, такъ не хотѣлъ бы и выдоровѣть.

Мать смѣялась, называя его большимъ лѣнтяемъ, а мы подбѣгали и цѣловали отца. Мы всѣ немного завидовали другъ другу. Какъ только отецъ кого либо изъ насъ поцѣлуетъ, тотчасъ всѣ другія дѣти требуютъ поцѣлуя. Однажды вечеромъ я замѣтилъ, что у матери глаза красны. Это помѣшало мнѣ уснуть и я увидѣлъ то, чего не замѣчалъ прежде: мать работала всю ночь, отчасти для того чтобы ухаживать за отцомъ, а еще болѣе для того, чтобы скорѣе окончить работу.

На другой день я хотѣлъ поговорить съ ней о томъ, что увидѣлъ, но она отвела меня въ сторону, вышла со мною за дверь на лѣстницу и тамъ сказала мнѣ:

— Грегори, ты уже маленькій мужчина, тебѣ уже десять лѣтъ; ты не глупъ и прилеженъ, пойди разыщи Джона Максвелля и скажи ему, что мнѣ нужно съ нимъ видѣться и поговорить. Я тебѣ послѣ кое-что скажу.

Джонъ Максвелль былъ полпсмэнъ въ томъ кварталѣ, гдѣ мы жили и находился въ родствѣ съ нами. Онъ долго бесѣдовалъ съ матерью, вышедшей на верхъ лѣстницы подъ предлогомъ подышать воздухомъ. Когда она возвратилась, показала мнѣ знакомъ, что желаетъ со мною поговорить. Но это трудно было сдѣлать, такъ какъ отецъ слѣдилъ за ней глазами. По счастью къ вечеру онъ уснулъ. Тогда мать мнѣ сказала:

— Мой милый Грегори, отецъ твой не въ силахъ зарабатывать деньги, придется тебѣ, дитя мое, работать; надо работать даже твоимъ братьямъ и сестрамъ. Дня черезъ два у насъ не останется ни одного пенни. Какъ я ни стараюсь, а одной моей работой не проживемъ

— О, мама, я вѣдь сильный!—отвѣчалъ я, обнимая ее.—Что же надо дѣлать?

— Завтра,—сказала мать,—ты пойдешь къ Джону; онъ поведетъ тебя въ контору подметальщиковъ, которой завѣдуетъ его зять. Оттуда онъ пойдетъ съ тобой и тремя нашими маленькими въ кварталъ, который вамъ назначать тамъ. Бѣдный мой Грегори, вамъ всемъ дадутъ по метлѣ и вы будете прометать чистенькія дорожки тѣмъ изъ прохожихъ, которые не желаютъ выпачкаться грязью. Ты присматривай и заботься о братѣ и сестрахъ; ты самый старшій и оберегай ихъ. Дженни очень разсѣянна, смотри за ней; мнѣ страшно экипажей, не за тебя, потому что ты остороженъ, но за другихъ. Ахъ, мой милый бѣдняжка! Какъ жаль, что я не могу подметать вмѣсто тебя!

— Я буду подметать, мама; отлично буду подметать! Это вовсе не трудно и съ маленькими ничего не случится; я буду за ними хорошо смотрѣть. Мама, не плачь, вытри твои глаза!

— Ахъ, мое милое дитя; какъ мы были счастливы прежде!

Поцѣловавъ меня крѣпко нѣсколько разъ, она сказала:

— Цѣлуя тебя ко мнѣ возвращается бодрость и мужество. Ну, больше мнѣ не о чемъ тебя предупреждать. Впрочемъ, еще одно: будь очень вѣжливъ съ дамами и мужчинами, не безпокой ихъ; не слишкомъ часто протягивай руку, дитя мое. Благодаримъ хорошенько тѣхъ, кто тебѣ дастъ что либо; но не огорчайся и не сердись на тѣхъ, кто ничего не дастъ, потому что не у всѣхъ же есть деньги. Въ два часа вы будете ходить вѣсть туда, гдѣ вамъ укажетъ Джонъ; это у добрыхъ людей содержащихъ маленькій трактиръ. Тамъ не прислушивайтесь къ разговорамъ взрослыхъ, которые иногда говорятъ такое,

что маленькимъ не слѣдуетъ слушать. Постоянно будьте вмѣстѣ, не разлучайтесь. Вечеромъ возвращайтесь домой. Ахъ, Грегори, да поможетъ тебѣ Богъ!

Оказалось, что мама уже двѣ недѣли назадъ все это придумала и подготовила. Она дала намъ толстое и теплое платье, которыя она изготовляла по ночамъ изъ стараго платья отца. Было много заплатъ и все это шито было изъ кусковъ, но все же было удобно и тепло. Мы отправились на работу всѣ пятеро, довольные чрезвычайно, что можемъ быть полезны; въ особенности я гордился тѣмъ, что мать признала меня способнымъ и достойнымъ помощникомъ ея. Мать стала на послѣдней ступенькѣ лѣстницы и долго слѣдила за нами глазами. Когда мы завернули за уголъ, сердце у меня сильно защемило; но я тотчасъ вспомнилъ, что я старшій и завѣдую другими, слѣдовательно долженъ подать имъ примѣръ бодрости и хорошаго расположенія духа. Дорогой я объяснилъ братьямъ и сестрамъ все, что имъ придется дѣлать и повторилъ имъ слова матери. Они обѣщали быть послушными и все произошло такъ, какъ было условлено.

Вечеромъ мы возвратились домой, принеся съ собою два шиллинга, очень уставшіе, но довольные и въ полномъ здоровьи. Мать поджидала насъ у дверей; она обласкала насъ и расхвалила.

Отецъ, въ теченіи дня узнавшій отъ матери, что мы отправились на работу, сажая насъ къ себѣ на кровать одного за другимъ, обласкалъ всѣхъ. Послѣднимъ онъ посадилъ меня и говорилъ мнѣ почти шепотомъ:

— Грегори, этотъ день долженъ быть великимъ днемъ для тебя; съ сегодняшняго дня ты узналъ, что человѣкъ долженъ и можетъ жить личнымъ трудомъ. Очень рано ты познакомился съ этимъ, но, быть можетъ, это къ лучшему. Никогда не рано взглянуть прямо въ глаза жизни. Сегодня ты замѣнилъ меня относительно твоей матери, братьевъ и сестеръ; обѣщай мнѣ, что до тѣхъ поръ, пока въ этомъ будетъ надобность и если такое положеніе продолжится навсегда, ты будешь для нихъ всѣхъ тѣмъ, чѣмъ былъ сегодня! Обѣщай мнѣ, что

сдѣлавшись взрослымъ, ты ихъ не покинешь никогда, также точно, какъ не покинулъ бы я ихъ самъ, если бы отъ меня это зависѣло

— О, папа, ты скоро выздоровѣешь!

— Да будетъ воля Божья, Григори!

— Что касается меня, папа, можешь быть спокоенъ: я всегда буду заботиться о мамѣ, братьяхъ и сестрахъ!— отвѣчалъ я.

На это отецъ возразилъ, отирая потъ, выступившій у него на лбу.

— Да, я спокоенъ, дитя мое; я вижу, что ты дѣльный, надежный мальчикъ и это большое для меня утѣшеніе.

Прошло послѣ того двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ мы исправно работали. Маленькіе были здоровы, я также, хотя иногда тяжело приходилось подметать грязь по цѣлымъ днямъ въ дождливую и холодную погоду. А между тѣмъ она то насъ и кормила. Но зато, когда заработавъ что либо нашимъ трудомъ, мы шли въ теплый трактиръ и сѣдали тамъ добрый ломоть хлѣба, запивая его квартой эля на насъ пятерыхъ, надо было видѣть какъ это насъ живо ободряло!

Глядя на наши довольныя лица, добрый трактирщикъ говорилъ:

— Bravo! Ышите хорошенько, пейте хорошенько, хорошо поработавши! А ты, моя миленькая, подойди къ огню, да обсушись хорошенько, а то у тебя замкнуло все платье,—добавлялъ трактирщикъ, обращаясь къ Дженни.

Дженни изъ насъ всѣхъ была самая слабая, но не уступала намъ въ энергій; притомъ ея маленькое милое личико увеличивало намъ подачки; ей чаще всего давали, въ особенности, дамы.

— Помнишь-ли ты это, Дженни?—обратился ораторъ къ сестрѣ, отвѣчавшей ему:

— Да, братецъ, конечно, помню. Я ничего ровно не забыла и счастлива тѣмъ, что наше теперешнее благосостояніе не изгладило изъ вашего сердца воспоминаніе о прошломъ.

— О, славные люди! О, добрыя души!—тихо шептали служащіе.

Мы могли заходить въ трактиръ, гдѣ ѣли и пили въ теплѣ.

Грегори Сюлливанъ продолжалъ далѣе:

Однажды мы принесли домой шесть шиллинговъ. День вышелъ удачный, такъ какъ дождь шелъ безпрестанно и прочищать дорожки приходилось постоянно. Возвратились мы до самой макушки забрызганные грязью и измокшие, но зато, въ такомъ восторгѣ, что мать не могла удержаться отъ смѣха, увидѣвъ какъ мы всѣ разомъ затараторили, показывая наше богатство. Она плакала и смѣялась въ одно и то же время.

Наканунѣ этого дня мать сказала намъ:

— Если бы у меня было четыре шиллинга, я бы сварила хорошей мясной бульонъ вашему отцу.

Услышавъ это, я усердно молилъ Бога послать на другой день побольше дождя и грязи. Молитвы мои были услышаны.

Отцу бульонъ очень понравился; каждый изъ насъ получилъ по чашечкѣ бульона и осталось еще на другой день. Я спалъ не просыпаясь всю ночь послѣ этого удачнаго дня.

Къ несчастью на другой день, когда мы возвратились вечеромъ домой, узнали, что отцу сильно нездоровилось. Мать не легла спать и предупредила меня, что вѣроятно рано утромъ она пошлетъ меня за докторомъ. Я никакъ не могъ понять какимъ образомъ она могла выдерживать, проводя ночи безъ сна, а за работою. Тогда то я въ первый разъ въ жизни понялъ, что твердая воля, рѣшимость могутъ все замѣнить, даже силу.

Я спалъ очень безпокойно и проснулся первымъ. Мать спала на краю кровати, прижавъ лицо къ ладони отца. Полагаю, что она уснула, цѣлуя руку. Мнѣ пока залось, что отецъ тоже спалъ. Поднимался я осторожно и тихо, но при первомъ же движеніи убѣдился, что ошибся; глаза отца были полуоткрыты. Его взоръ покоился на блѣдныхъ щекахъ матери съ выраженіемъ такимъ нѣжнымъ и печальнымъ, что я упалъ на колѣни около моей маленькой кровати и молился со слезами на глазахъ. Заслышавъ мой плачь, отецъ сказалъ шопотомъ, приложивъ палецъ къ губамъ и показывая глазами на мать.

— Дорогой мой Грегори!

Понявъ, что онъ просилъ меня, чтобы не было ни малѣйшаго шума я тихонько разбудилъ дѣтей; мы одѣлись и вышли изъ дома осторожно, на пальцахъ ногъ, безъ малѣйшаго шума, сопровождаемые улыбкою отца, довольнаго, что мать не была разбужена.

По счастью въ этотъ день была скверная погода, а для насъ это было доброй жатвой. Днемъ мы уже хорошо заработали, а вечеромъ, когда я собирался хорошенько подмести макадамъ, размягченный водою, на углу улицъ Паль-Мелль и Реджентъ-Стрита, я вдругъ увидѣлъ около меня, что-то такое не похожее на землю и на упавшее съ неба. Нагибаюсь поднимаю—оказывается, что это былъ бумажникъ, не большой и не маленький, изъ черной кожи. Такъ какъ онъ былъ очень чистъ съ той стороны, которая не лежала на землѣ, я понялъ, что онъ очень недавно очутился здѣсь; я озираюсь кругомъ, ища глазами того, кто могъ обронить этотъ бумажникъ. Джо мнѣ сказалъ, что навѣрное вещь эта выпала изъ кармана высокаго роста господина, давашаго ему маленькую серебряную монету въ полшиллинга и при этомъ выбранивашаго его съ сердитымъ видомъ.

Джо былъ въ восхищеніи; но гдѣ же этотъ высокій господинъ?

Положивъ бумажникъ во внутренній карманъ платья, я порѣшилъ возвратиться домой ранѣе обыкновеннаго. Какъ только мы пришли, я немедленно показалъ отцу свою находку. Онъ открылъ бумажникъ. Тамъ оказались бумаги. Просматривая ихъ, отецъ и мать вздрогнули; когда окончили чтеніе бумагъ, мать сложила все бережно обратно въ бумажникъ, заперла его, завернула тщательно въ бумагу, завязала и сверху написала подъ диктовку отца адресъ. Тогда отецъ мнѣ сказалъ:

— Грегори, береги хорошенько этотъ свертокъ; это очень цѣнная вещь. Ты пойдешь въ Норфолькъ-Стритъ въ отель Гарриссона № 11. Придя туда, скажешь, что тебѣ нужно видѣть самого г. Джемса Гарриссона, которому тебѣ поручено передать нѣчто очень важное. Когда

ты его увидишь, спроси его не потерялъ ли онъ что либо сегодня. Если онъ тебѣ отвѣтитъ «да» и скажетъ, что уронилъ бумажникъ, притомъ съ тобою же будетъ Джо и увидитъ дѣйствительно ли это тотъ высокій господинъ, который далъ ему шесть пенсовъ. Словомъ, когда ты будешь вполне увѣренъ, что стоишь предъ господиномъ, потерявшимъ то, что ты нашелъ, тогда ты отдашь ему свертокъ, рассказавъ гдѣ и какимъ образомъ ты его поднялъ.

— Теперь немного поздно—сказала мать.

— Да это по счастью не далеко—возразилъ отецъ.— Итакъ, иди сейчасъ же, милый мой мальчикъ. Вотъ видишь-ли, жена—добавилъ онъ, обращаясь къ матери—не слѣдуетъ, чтобы это оставалось здѣсь долго.

— Ты правъ, Даніэль—отвѣчала мать.

Она насъ умыла, почистила платье щеткой и вообще старалась привести въ возможно лучший видъ и затѣмъ мы ушли.

Часомъ позже мы были уже въ прекрасной гостиной и стояли предъ высокимъ господиномъ, имѣвшимъ, какъ и говорилъ Джо, очень суровый видъ. Какъ только Джо его увидѣлъ, тотчасъ тихонько шепнулъ мнѣ, что это тотъ самый, который далъ шесть пенсовъ.

— Въ чемъ дѣло?—отрывисто спросилъ насъ этотъ господинъ.

Я отвѣтилъ ему:

— Мы, сударь, маленькіе подметальщики на углу Паль-Маль и Реджентъ-Стритъ. Вы изволили сегодня около четырехъ часовъ дать Джо полшиллинга.

— Ну что же? Развѣ это недостаточно, что-ли?

— О, конечно, достаточно!—возразилъ я, смутившись; но дѣло въ томъ, что послѣ того мы нашли на землѣ нѣчто, вѣроятно, вамъ принадлежащее.

Господинъ Гарриссонъ поднялся, взялъ меня за руку, подвелъ къ лампѣ и, глядя мнѣ прямо въ глаза, сказалъ.

— У тебя славное личико и если ты намѣренъ хорошо поступить, это мнѣ доставитъ удовольствіе. Возвращаясь изъ Сити, я потерялъ бумажникъ изъ чернаго сафьяна. Не это-ли ты нашелъ, милый мальчикъ?

— Совершенно вѣрно—возразилъ я;—когда я показалъ папѣ этотъ бумажникъ, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я какъ можно скорѣе отнесъ его вамъ. Въ бумажникѣ онъ нашелъ вашу адресъ.

— А!—сказалъ этотъ господинъ—значить твой папа открывалъ бумажникъ?

— Чтобы узнать адресъ—отвѣчалъ я со слезами на глазахъ.

Гарриссонъ снова посмотрѣлъ на меня очень пристально.

Но на этотъ разъ я уже не боялся и, несмотря на слезы, твердо выдержалъ его взглядъ.

— Ну, покажи ка?—сказалъ онъ.

Я вынулъ изъ кармана свертокъ и подалъ; онъ, не спѣша, спокойно развязалъ его, открылъ бумажникъ, вынулъ изъ него всѣ бумаги, осмотрѣлъ ихъ, покойно и неспѣшно пересчиталъ ихъ одну за другой и, помѣстивъ все обратно въ бумажникъ, положилъ его въ карманъ. Послѣ того онъ спросилъ мое имя, имя брата, папы, мамы, освѣдомился чѣмъ они занимаются и, слушая меня, нюхалъ щепотку табаку. Я насколько возможно обстоятельно отвѣчалъ на всѣ его вопросы. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ карандашемъ нѣсколько словъ на одной изъ лежавшихъ на его письменномъ столѣ бумагъ и, потрепавъ меня по щекѣ, сказалъ:

— Хорошо, милый мальчикъ, теперь можешь себѣ уйти.

Понятно повторить эти слова ему не пришлось. Холодный взглядъ и суровый тонъ, съ которыми онъ намъ все это говорилъ, до такой степени напугали бѣднякаго Джо, что онъ давно уже подергивалъ меня за платье и тихонько шепталъ:

— Грегори, уйдемъ отсюда поскорѣе! Когда ворота отеля затворились за нами, почувствовавъ себя на свободѣ, мы пустились бѣжать по тротуару; а когда возвратились домой наступила уже ночь.

Мать ждала насъ сильно встревоженная, а отецъ встрѣтилъ словами:

— Что же случилось, милый Грегори, ты совсѣмъ запыхался? А ты, мой Джо, почему ты такой красный?

— Подожди, они сами тотчасъ расскажутъ.

Я рассказалъ все по порядку. Когда я дошелъ до того, какъ суровый господинъ потрепалъ меня по щекѣ, отецъ тихонько спросилъ меня:

— Что же послѣ того?

— А послѣ того онъ мнѣ сказалъ: «Теперь можешь себѣ идти, мальчуганъ.»

— И это все, больше ничего?—спросила меня мать.

— Все—отвѣчалъ я.

Отецъ взглянулъ на мать такимъ взглядомъ, значеніе котораго я тогда не понималъ, но только впоследствии, вспоминая и соображая, я выяснилъ себѣ сколько было въ немъ великодушія. Отецъ добавилъ:

— Хорошо, дитя мое, ты выполнилъ свою обязанность.

Вслѣдъ затѣмъ онъ закрылъ глаза и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, мать сказала:

— Вамъ хочется ѣсть?

— Да—возразилъ Джо.

— Мнѣ также—добавилъ я.

— У тебя же есть деньги—ласково сказала мнѣ мать—такъ какъ торопясь отоелать бумажникъ, мы забыли спросить тебя сколько вы сегодня заработали. Побѣги въ булочную, возьми хлѣба, а также тамъ по близости захвати немного пива; послѣ такой ходьбы это вамъ будетъ полезно.

— Да, у меня должно быть около четырехъ шиллинговъ—отвѣчалъ я, шаря въ карманѣ и смущаясь все больше и больше, такъ какъ ничего не нашелъ въ томъ карманѣ, куда обыкновенно клалъ маленькій кожаный мѣшочекъ, въ которомъ хранилъ заработанныя деньги. Я поискалъ во всѣхъ другихъ карманахъ и нигдѣ ничего не нашлось. Не было сомнѣнія въ томъ, что кошелекъ мой былъ утерянъ, и я расплакался, приговаривая:

— Мама, мама, я не понимаю какъ это могло случиться! Мама, вѣдь я же не нарочно такъ сдѣлалъ . . .

— Перестань, дитя мое, я вѣдь это хорошо знаю,—ласково успокаивала меня мать.

Я напрягалъ всѣ усилія, стараясь вспомнить, гдѣ и когда я могъ потерять деньги; наконецъ я сообразилъ:

— Знаешь, мама, я, навѣрное, выронилъ кошелекъ, когда вынималъ изъ кармана свертокъ для того господина. Завтра я пойду къ нему, даже сейчасъ, если хочешь. Это навѣрное выпало, но я не услышалъ, такъ какъ мы стояли на коврѣ.

— Нѣтъ, милый Грегори, нѣтъ, сынъ мой! ты туда никогда не пойдешь больше!—оживленно сказала моя мать.

Вдругъ она ударила себя по лбу, сказавъ:

— Бѣдныя мои дѣтки! Я сейчасъ вспомнила, что у насъ нѣтъ ни кусочка хлѣба, а булочникъ намъ въ долгъ ничего не даетъ.

— Я не голоденъ, да и Джо также ѣсть не хочетъ. Намъ только спать хочется,—отвѣтилъ я, бросаясь въ ея объятія.

— Да, это правда, мы сейчасъ спать ляжемъ—поддержалъ меня Джо, краснѣя.

Мать ничего не возразила, только крупныя слезы лились изъ ея глазъ.

Я шепнулъ, обращаясь къ Джо:

— Ляжемъ поскорѣе спать и сдѣлаемъ видъ будто спимъ. Если мама увидитъ, что мы спимъ, она перестанетъ плакать, а завтра я ранехонько пойду къ Джону Максвелю и попрошу у него шиллингъ, который мы отдадимъ ему вечеромъ изъ заработанныхъ нами денегъ. Такимъ образомъ для папы и мамы будутъ на завтра деньги.

Мой добрый Джо тотчасъ понялъ меня и, когда мы улеглись въ нашу общую кровать, онъ вскорѣ уснулъ, положивъ голову на мое плечо.

Нѣсколько позднѣе, услышавъ, что въ комнатѣ была полная тишина, я открылъ глаза. Мать сидѣла у изголовья отца; глаза ея были полузакрты, а работа выскользнула изъ рукъ. Отецъ дремалъ.

Утромъ, проснувшись и открывъ глаза, я увидѣлъ, что мать сидѣла въ томъ же положеніи. Вставъ тихо и осторожно, я одѣлся и пошелъ къ нашему родственнику Джону, гдѣ взялъ у него шиллингъ. Когда я возвратился домой, мать проснулась, и я рассказалъ ей какъ я раз-

добылъ шиллингъ. Она меня поцѣловала, и я замѣтилъ, что ея губы очень горячи.

— Пожалуйста не заболѣй!—проговорилъ я шопотомъ.

— Не безпокойся,—возразила она—я не заболѣю.

На третій день послѣ того отцу стало хуже. Ему хотѣлось держать всѣхъ насъ какъ можно долѣе въ своихъ объятіяхъ предъ тѣмъ, какъ мы уйдемъ на работу.

— Если ты желаешь, они останутся дома?—сказала мать.

— Да, да . . . сказалъ отецъ. Но чрезъ нѣсколько секундъ послѣ того, онъ, обратившись къ матери и улыбаясь, сказалъ, обнимая меня одного:

— Нѣтъ не надо, милая, пусть идутъ.

Цѣлуя меня онъ шопоткомъ проговорилъ:

— Милый мой Грегори, помни о томъ, чѣмъ ты мнѣ обѣщаль быть для твоихъ братьевъ, сестеръ и матери.

— Отецъ, я это хорошо помню и никогда не забуду, отвѣчалъ я необычайно взволнованно, пораженный особенной интонаціей въ его голосѣ.

Рука отца безсильно упала на одѣяло чрезвычайно бѣлая, блѣдная, а когда-то, въ дни его силы и здоровья, она была совершенно красная. Я прижался къ ней, и поцѣловавъ нѣсколько разъ, воскликнулъ:—Ахъ, папа, папа!

— Милый мой,—продолжалъ отецъ—я люблю тебя отъ всего сердца. Вы всѣ добрыя, хорошія дѣти; я и ваша мать не могли бы и желать лучшихъ.

Мать, въ свою очередь, поцѣловала насъ и мы ушли на работу. Возратись вечеромъ, мы застали ее сидящей на ступенькѣ лѣстницы. Хотя она очевидно пришла сюда, поджидая насъ, но меня поразило, что она сидѣла не шевелясь, неподвижная, какъ статуя. Сдѣлавъ знакъ маленькимъ, чтобы они остановились и не двигались, я осторожно зашелъ впередъ, чтобы разглядѣть ее лицо. Глаза ея такъ страшно были открыты и расширились, что я пришелъ въ ужасъ и, бросившись на колѣни предъ ней, почти прокричалъ:

— О мама, мама; да говори же что-нибудь!

— Грегори, милый мой, и вы дѣтки, пожалуйста вой-

дите потише, мнѣ кажется. что вашъ отецъ все еще спитъ. сказала мать.

Да, мои друзья, дѣйствительно, отецъ мой оказался спящимъ, но уже вѣчнымъ сномъ.

Г. Сюлливанъ, по англійскому обычаю говорившій все время стоя, послѣ послѣднихъ словъ вынужденъ былъ опуститься въ кресло и вѣскольکو минутъ сидѣлъ опершись локтями на столъ и закрывъ лицо руками.

Всѣ присутствующіе за столомъ, со слезами на глазахъ и въ глубочайшемъ молчаніи, ждали пока онъ успокоится.

Черезъ нѣскольکو минутъ, силою воли подавивъ овладѣвшее имъ волненіе, г. Сюлливанъ всталъ и продолжалъ свою рѣчь.

— Когда вспомнишь о любимомъ отцѣ, всегда дѣлаешься ребенкомъ; это трауръ никогда не забываемый. Годы проходятъ, но воспоминаніе не слабѣетъ; только что мнѣ пришло въ голову, что, возстановляя предъ своими глазами все это прошлое, я предпринялъ большее, чѣмъ могутъ позволить мои силы. Но до сихъ поръ я говорилъ вамъ только о своемъ семействѣ и о нашемъ отцѣ, слѣдовательно я еще не кончилъ.

Черезъ три дня послѣ того, какъ мы проводили Даниэля Сюлливана въ его, послѣднее жилище, мы всѣ сидѣли около матери за скромнымъ ужиномъ и вдругъ услышали, что къ дверямъ нашей жалкой квартиры подѣхалъ кабъ. По лѣстницѣ послышались быстрые шаги и въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста.

Джо проняла дрожь, такъ какъ онъ узналъ въ вошедшемъ человѣка, владѣвшаго бумажникомъ.

— Что ему нужно отъ насъ, братецъ?—шепнулъ онъ мнѣ тихонько.

Въ нашемъ подвалѣ было темновато. Вошедшій господинъ приложилъ руку ко лбу надъ глазами, чтобы лучше взглядѣться и когда, наконецъ, узналъ меня, онъ привѣтствовалъ меня, слегка потрепавъ по щекѣ, какъ въ тотъ вечеръ, когда такъ живо выпроводилъ меня изъ своего дома. Затѣмъ, обращаясь къ матери, онъ сказалъ:

— Вотъ, сударыня, маленькій человѣкъ лучше меня, заслуживающій большаго уваженія нежели я, потому что въ тотъ же самый вечеръ, какъ нашель, прибѣжалъ возвратить мнѣ бумажникъ, въ которомъ находилось цѣлое состояніе, а я пропустилъ цѣлую недѣлю прежде чѣмъ явиться возвратить ему его кошелекъ, оставленный имъ по разсѣянности у меня.

Вынувъ изъ кармана мой маленькій кожаный кошелекъ, онъ добавилъ:

— А что, узнаешь это, господинъ растеряха? Тебѣ ли приваждаетъ этотъ драгоценный предметъ? Признаюсь я радъ, что могъ убѣдиться что во всякомъ возрастѣ бываютъ разсѣянны. Четыре шиллинга! Ахъ чортъ возьми! Да ты, мальчуганъ, должно быть лопатой гребешь золото, если рассыпаешь такіа сокровища у незнакомыхъ тебѣ людей

Мы всѣ молчали изумленные и даже оскорбленные, слыша такую веселую и насмѣшливую рѣчь въ комнатѣ, вмѣщавшей въ себѣ такъ много безвыходнаго, глубокаго горя.

Владѣлецъ бумажника, очевидно не ожидавшій, что шутки его будутъ встрѣчены гробовымъ молчаніемъ, осматривался вокругъ себя, чтобы угадать причину безмолвія.

— Что случилось?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ.— Можетъ быть я говорю слишкомъ громко, а здѣсь спитъ кто либо, кого я могу этимъ разбудить?

Я остановилъ его печальнымъ движеніемъ, въ которомъ чувствовалось отчаяніе.

Джемсъ Гаррисонъ, такъ какъ это былъ онъ, тотчасъ все понялъ. Въ одну секунду онъ сталъ совершенно инымъ человѣкомъ. Обращаясь къ матери и съ чувствомъ пожимая ея исхудалыя руки, онъ сказалъ:

— Ахъ, сударыня, простите меня!

Я надѣялся доставить вашему мужу счастье и, быть можетъ, здоровье, и вижу, что очень опоздалъ. Ахъ, Боже мой, какъ я виноватъ! Зачѣмъ это дурное всегда опережаетъ все хорошее! Медлить выполненіемъ добраго намѣренія—прямо преступленіе! Вашъ мужъ

— У меня нѣтъ болѣе мужа, а у этихъ малютокъ нѣтъ отца!

— Бѣдная, несчастная женщина! Бѣдныя, несчастныя дѣтки! — воскликнулъ г. Гарриссонъ, глубоко взволнованный.

Я много говорилъ вамъ объ отцѣ моемъ—продолжалъ свою рѣчь г. Сюлливанъ,—но что сказать вамъ о Джемсѣ Гарриссонѣ такое, чего вы сами не знаете. Я могу обрисовать его двумя словами: Джемсъ Гарриссонъ былъ добрый богачъ, какъ Даніэль Сюлливанъ былъ добрый бѣднякъ.

Все, что можно было сдѣлать, чтобы заставить насъ забыть наше горе и насъ осчастливить, все было сдѣлано Гарриссономъ притомъ съ такой сердечной искренностью, съ такимъ практическимъ расчетомъ и благоразуміемъ, которые были отличительной чертою его характера. Мать моя иногда говорила при немъ:

— Ахъ, мнѣ даже стыдно быть до такой степени счастливой. Если бы Даніэль былъ съ нами

— Онъ съ нами, онъ здѣсь, отвѣчалъ Джемсъ Гарриссонъ.—Умершіе всегда невидимо присутствуютъ тамъ, гдѣ ихъ любили и любятъ. Будьте счастливы насколько возможно и не смущайтесь, сударыня; вашъ мужъ, оттуда, сверху, принимаетъ участіе въ вашемъ счастьи.

— Да, г. Гарриссонъ совершенно правъ!—говорила мнѣ въ такихъ случаяхъ мать со слезами на глазахъ—отецъ твой тамъ наверху; я чувствую, что онъ не покидалъ насъ ни на одну минуту.

— Вотъ и прекрасно, теперь вы разсуждаете правильно!—возражалъ бывало г. Гарриссонъ.

— Ахъ, какой дивный человекъ—думалось мнѣ.

— Вы праведники!—говорила ему моя мать.

На это Гарриссонъ возражалъ, смѣясь:

— Если не праведники, то справедливые люди не такъ рѣдко встрѣчаются какъ предполагаютъ. Вашъ мужъ былъ однимъ изъ такихъ и во сто разъ онъ больше меня заслужилъ такое названіе. Вы тоже праведница, госпожа Сюлливанъ, и ваши дѣтки также были пра-

ведниками, когда подметали улицы въ Регентъ-Стритъ и поднимали тамъ бумажники. Читая Библию, я всегда изумлялся, что Богъ истребилъ огнемъ Соломъ вслѣдствіи того, что тамъ не нашлось даже десяти праведниковъ. Если бы я смѣлъ, я рѣшился бы даже утверждать, что въ этотъ день Божьи ангелы плохо въ этомъ удостовѣрились, словомъ, не умѣли разыскать праведниковъ.

— Фи!—возразила моя мать, улыбаясь—теперь я начинаю опасаться, что вы не заслуживаете названіе праведника! Предопредѣленія Бога, г. Гарриссонъ, не проникаемы для насъ, настолько же какъ его цѣли, надѣюсь, что вы не хотѣли бы, чтобы въ этомъ сколько-нибудь могли сомнѣваться эти дѣти.

— О. конечно! Я хотѣлъ только этой предосудительной шуткой заставить васъ не плакать—возразилъ Гарриссонъ.

Такъ какъ у Джемса Гарриссона не было семьи, мы сдѣлались его семьей и онъ намъ замѣнялъ отца. Мать моя до такой степени была полезна въ управленіи всѣмъ хозяйствомъ дома, что г. Гарриссонъ не разъ говорилъ, что въ нижней палатѣ предложить сдѣлать ее правителемъ Индіи.

— Я увѣренъ—восклицалъ онъ—что она одна приведетъ тамъ все въ порядокъ и никто не будетъ обиженъ!

По окончаніи моего обученія, я сдѣлался его служащимъ и вскорѣ послѣ того компаніономъ. Онъ устроилъ Джо; выдалъ замужъ моихъ милыхъ сестеръ за добрыхъ мужей, здѣсь присутствующихъ и любезно слушающихъ мою рѣчь. Чтобы высказаться о немъ окончательно, я долженъ сказать, что онъ причинилъ одно только горе злополучной семьѣ, которую извлекъ изъ нищеты и избавилъ отъ отчаянія это тѣмъ, что въ свою очередь покинулъ ее, чтобы отправиться получить тамъ наверху награду тѣмъ, кто былъ добрымъ праведникомъ на землѣ. Смерть его была такъ спокойна, такъ прекрасна, что это облегчило намъ печаль разлуки съ нимъ. Онъ доказалъ намъ, что даже смерти можно позавидовать. Умирая, онъ говорилъ, обращаясь къ матери и къ намъ:

— Черезъ нѣсколько минутъ, отдавъ отчетъ Верховному Судьѣ, я дамъ отчетъ вашему мужу, а вашему отцу, о семьѣ оставленной имъ мнѣ послѣ смерти. Этотъ отчетъ будетъ приятенъ ему, друзья мои; я обязанъ вамъ лучшими днями моей жизни. Ахъ! Повѣрьте, часто мы будемъ говорить о васъ тамъ, наверху.... не забывайте этого.....

Это было послѣднимъ его словомъ.

Грегори Сюлливанъ окончилъ свою рѣчь. Присутствующіе почтительно молчали, очевидно размышляя о сказанномъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ полной тишины, поднялась съ мѣста старая дама, съ добродушнымъ выраженіемъ и замѣчательно сохранившейся миловидностью лица, одѣтая просто, но чрезвычайно изысканно и, обратясь къ Сюлливану, сидѣвшему противъ нея, сказала:

— Милый сынъ мой, Грегори Сюлливанъ, ты съ полнымъ достоинствомъ и чувствомъ отнесся къ нашимъ покойнымъ друзьямъ и я глубоко благодарна тебѣ за это. Эти маленькія дѣти—при этомъ она указала на край стола, у котораго сидѣли самые младшіе члены семьи,—наша гордость и радость, не забудутъ ничего изъ сказаннаго тобою. Полезно, если они въ раннемъ возрастѣ слышать о вещахъ серьезныхъ; хорошо, несомнѣнно хорошо, если они еще малолѣтними, услышавъ изъ твоихъ устъ правдивыя и честныя слова, повѣрятъ, что не слѣдуетъ избѣгать частыхъ воспоминаній о тѣхъ, кто о васъ заботился и кому вы были дороги. Хорошо если они въ раннемъ возрастѣ привыкнутъ понимать, что слѣдуетъ свято хранить въ сердцѣ своемъ любовь и уваженіе къ родителямъ, дѣдамъ и прадѣдамъ. Разсказъ о честно прожитой жизни и честной, свѣтлой и спокойной смерти, несомнѣнно является самымъ полезнымъ нравоученіемъ. Благодаря тебѣ, возлюбленный мой Грегори, они узнаютъ изъ примѣра, поданнаго мужемъ моимъ, Даніелемъ Сюлливаномъ, а также Джемсомъ Гарриссономъ, нашего общаго благодѣтеля, что только съ чистой совѣстью спится крѣпко и приятно, а также умираютъ спокойно. Узнаютъ они также то, что только злымъ можетъ быть страшень предсмертный часъ.

домѣ и потому имъ слѣдуетъ быть совершенно спокойными.

Вѣроятно это обуславливается отчасти крайней впечатлительностью нервной системы ребенка, сознаниемъ слабости и трогательнымъ стремленіемъ чувствовать около себя непрерывную поддержку и покровительство; однако, главнымъ образомъ, это вызывается тѣмъ и зависитъ оттого, что предъ дѣтьми высказывается опасеніе за нихъ, признаніе ихъ слабости, хрупкости, что лишаетъ ихъ всякаго довѣрія къ собственнымъ силамъ. Кромѣ того, это обуславливается тѣмъ, что ихъ не умѣли вполне убѣдить взрослые въ томъ, что, рѣшаясь оставлять ихъ въ одиночествѣ, они безусловно увѣрены, что никогда и ничего опаснаго и непріятнаго съ ними не можетъ приключиться.

Я зналъ одну маленькую дѣвочку, очень миленькую, воображавшую всегда, какъ только она оставалась одна, что она уже безвозвратно погибла. Ея возбужденныя нервы наполняли чудовищами даже любимое ея помѣщеніе, ея маленькую комнатку. Необходимо было всегда оставлять дверь открытой.

Зналъ я еще другую дѣвочку, соглашавшуюся уснуть только въ томъ случаѣ, если въ ея комнатѣ горѣла лампа или свѣча. Хотѣла ли барышня во время сна все разсматривать и видѣть ясно, или воображала, что въ случаѣ какой либо опасности эта лампа или эта свѣча могутъ оказать ей защиту—осталось невыясненнымъ. Она была уже весьма разсудительна и ничего подобнаго допустить не могла, а все-таки безъ свѣта ни за что въ мірѣ уснуть не могла и не хотѣла!

Наконецъ я зналъ еще такую дѣвочку, которая ни за что не хотѣла оставаться одной, при свѣтѣ или безъ свѣта—безразлично. Вечеромъ, въ девять часовъ ее укладывали спать и когда мама, хорошенько уложивъ, укрывъ ее въ постелькѣ и нѣсколько разъ нѣжно поцѣловавъ, уходила въ гостиную посидѣть тамъ пока сама ляжетъ спать, дѣвочка приходила въ ужасное отчаяніе.

Однажды ея родители вынуждены были по дѣлу уѣхать на одну недѣлю. Заботы матери о мадемуазель Генри-

этѣ приняла на себя тетка, рѣшившаяся воспользоваться этимъ случаемъ и излѣчить дѣвочку отъ ея ребяческаго страха и положить конецъ требованіямъ, являвшимся послѣдствіемъ всякихъ нелѣпыхъ страховъ.

Въ первый же вечеръ, какъ только m-lle Генріэтта улеглась въ свою кровать, тетка пожелала ей покойной ночи, вложила въ ея розовый ротикъ конфетку и тотчасъ направилась въ гостиную.

Увидѣвъ это, дѣвочка закричала:

— Не хочу, не хочу, чтобы ты уходила! Оставайся со мной, тетя Мари; Генріэтта не желаетъ оставаться одной, когда спать.

— Маленькія дѣти никогда не остаются одни во время сна,—возразила тетка.—Какъ только они засыпаютъ, милосердный Богъ охраняетъ ихъ сонъ.

— Да гдѣ же онъ, этотъ милосердный Богъ?—спросила Генріэтта.

Да вотъ посмотри, вотъ онъ!—въ первый моментъ нѣсколько смутившись вопросомъ, тотчасъ находчиво отвѣчала тетка, указывая на маленькое распятіе изъ слоновой кости, висѣвшее на стѣнѣ около кровати.

Но Генріэттѣ это не показалось убѣдительнымъ. Взглянувъ на распятіе глазами полными слезъ, она воскликнула:

— О, тетя, онъ слишкомъ маленький, этотъ милосердный Богъ! Генріэтта предпочитаетъ, чтобы около нея находилась большая особа.

— Ты ошибаешься, милочка!— отвѣчала ей тетка совершенно хладнокровно и внушительно. Этотъ маленький милосердный Богъ очень великъ и настолько всемогущъ, что печется и охраняетъ твоихъ папу и маму, меня и весь домъ и даже весь міръ.

Не входя въ дальнѣйшія объясненія со своей племянницей, такъ какъ ей едва окончилось четыре года и они были бы ей непонятны, тетка преспокойно и неслѣшно ушла въ гостиную.

Когда Генріэтта увидѣла, что волею-неволею заботиться объ ея охранѣ остался одинъ милосердный Богъ, и такъ какъ она прекрасно знала, что ея тетка всегда

Она показала ей маленькое распятіе изъ слоновой кости.

говорила чистѣйшую правду, даже въ шутку никогда и никого не обманывала, она спокойно покорилась своей участи. Генріэтта прочла маленькому милосердному Богу краткую молитву, которая несомнѣнно была имъ услышана, такъ какъ она уснула прежде чѣмъ окончила молитву. Съ этого дня она ужъ больше не боялась оставаться одной, твердо увѣрившись, что дѣтей, остающихся безъ взрослыхъ, никогда не покидаетъ пекущійся и охраняющій ихъ милосердный Богъ.

Я привелъ выше возраженіе Генріэтты о томъ, что Богъ, на котораго показала ей тетка, слишкомъ маленький, потому что увѣренъ, что Бога не могъ разгнѣвить возгласъ ребенка и слова дѣвочки могли только вызвать улыбку въ людяхъ дѣйствительно набожныхъ. Но я указываю на то еще и потому, что, по глубочайшему моему убѣжденію, вліять на дѣтей можно только примѣняясь къ ихъ пониманію, и разсѣять въ нихъ нелѣпый страхъ можно только внушивъ имъ полное довѣріе къ словамъ близкихъ имъ людей. Отъ самой колыбели надо приучать малютокъ не сомнѣваться и не беспокоиться, если только любящія ихъ особы имъ сказали: «Ничего не бойся, будь спокоенъ». Только довѣріемъ къ тому, что имъ извѣстно и знакомо, они освободятся отъ страха къ незнакомому и неизвѣстному.

Чтобы заслужить такое довѣріе, прежде всего надо безусловно остерегаться малѣйшаго обманыванія дѣтей, даже въ шутку.

Эти бессознательные, нелѣпые страхи весьма часто преслѣдуютъ дѣтей долѣе чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Они вызываютъ расстройство, оказываютъ вреднѣйшее вліяніе на нервную систему и это длится иногда многіе годы. Есть много молодыхъ дѣвушекъ, скажу больше, даже юношей почти совершеннолѣтнихъ, не умѣвшихъ отдѣлаться отъ бессознательныхъ страховъ и не могущихъ пройти густымъ лѣсомъ, или неосвѣщеннымъ мѣстомъ, не чувствуя невольной дрожи.

Вотъ потому-то важно съ самаго ранняго дѣтскаго возраста убѣдить дѣтей не бояться и разсѣять ихъ воображаемые страхи. Въ жизни имъ предстоитъ

встрѣтиться со многими дѣйствительными опасностями и потому нѣтъ надобности изводить себя воображаемыми страхами.

Этого можно достигнуть съ первыхъ же шаговъ въ жизни ребенка, представляя имъ все существующее простѣйшимъ, близкимъ ихъ понятію способомъ. Если прибѣгнуть по отношенію къ дѣтямъ къ способу, примѣняемому къ молодымъ пугливымъ лошадямъ, которыхъ подводятъ прямо къ предмету, къ тѣнямъ ихъ испугавшимъ, если дать дѣтямъ, такъ сказать, нащупать пальцемъ отсутствіе предмета ихъ страха, — тогда они перестанутъ бояться.

Этого безусловно возможно достигнуть, будучи въ сношеніяхъ съ дѣтьми сдержаннымъ, хладнокровнымъ, правдивымъ и внушая имъ безусловное довѣріе къ Богу, пекущемуся и охраняющему маленькихъ съ высоты своего престола; кромѣ того, необходимо внушить безграничное довѣріе къ родителямъ, безпрестанно заботящихся о томъ, чтобы съ дѣтьми ихъ не приключилось что либо худое.

Ручейки и маленькія дѣти.

въ ручейковъ образуются большія рѣки. Изъ этого слѣдуетъ, что усилія отдѣльныхъ лицъ приводятъ къ великимъ общимъ результатамъ и что не слѣдуетъ пренебрежительно относиться какъ къ себѣ, такъ и къ кому бы то ни было и что слѣдуетъ капля за каплей накоплять нравственныя качества, науку и познаніе, потому что стремленіе сдѣлаться дѣльнымъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ значитъ выполнять долгъ честнаго человѣка. Будущее принадлежитъ учащимся

въ школахъ. Если всѣ учащіеся будутъ хорошо учиться, это выгодно отразится на будущемъ всей страны. Новыя поколѣнія совершатъ свой вкладъ въ славу и благосостояніе отечества. Погибла бы та страна, которой учащіеся въ теченіи двадцати лѣтъ отличались лѣнностью. Нѣтъ такой страны въ мірѣ, которая не пришла бы къ паденію, если всѣ маленькія въ ней дѣти стоворились бы оставаться невѣждами.

Слѣдовательно, тотъ, кто не хочетъ выучивать уроки, не исполняетъ своихъ обязанностей и не только въ учебномъ заведеніи, но даже въ начальной школѣ, не усвоить любовь къ доброму и честному и преданность долгу—тотъ плохой гражданинъ, не любитъ своей страны и не любитъ все челоѣчество, такъ какъ участь его родной страны тѣсно связана съ судьбою всего челоѣчества!

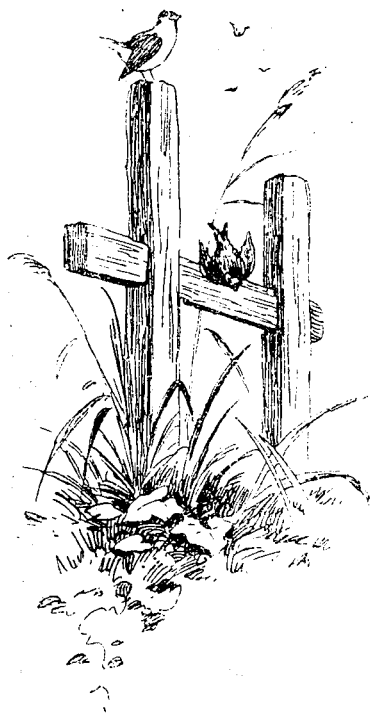
Если всѣ капли воды широкой рѣки нашей страны были бы отравлены, никто не могъ бы пить изъ нея воду, не могъ жить на берегахъ ея и нашъ городъ пересталъ бы существовать. Слѣдовательно, качество капли воды крайне важное имѣетъ значеніе для качества воды всей рѣки. Самый маленькій мальчикъ есть нѣкто, изъ котораго современемъ выйдетъ нѣчто важное: выйдетъ челоѣкъ! Самая маленькая дѣвочка будетъ доброй и полезной женщиной, матерью и хозяйкой дома.

Когда плодъ, испортившись еще на деревѣ, попадетъ въ корзинку—онъ вреденъ всѣмъ другимъ, такъ какъ ихъ испортитъ.

Такъ и испорченный ребенокъ вреденъ не только себѣ, но вредитъ всѣмъ другимъ дѣтямъ. Если по недостатку благоразумія и неосторожности забываютъ о своемъ личномъ благѣ и совершаютъ проступокъ, то, забывая въ то же время о благѣ многихъ, уже совершаютъ не проступокъ, а преступленіе, въ особенности, если предупреждали, указывали какъ непростительно, какъ эгоистично поступаютъ, ведя себя дурно и, несмотря на это, упорно продолжаютъ вести себя скверно.

Прогулка по Цецилиенбергу.

Аббатство, мельница
и гора.

а разстояніи четверти мили отъ Бадена, въ концѣ красивой Лихтентальской аллеи противъ прелестныхъ садовъ отеля Медвѣдя, возвышается небольшая гора, нисколько не заслуживающая невниманія къ ней посѣтителей изъ Бадена, хотя на ней не имѣется развалинъ и даже красиваго ресторана. Я говорю о тѣхъ туристахъ, которые подобно тому какъ истые Парижане признаютъ только прелестными мѣстностями тѣ, о которыхъ имъ давно и много наговорили хорошаго. Слава

Богу, даже въ Баденѣ есть много скромно притаившихся горъ, фіолетовыхъ, красивыхъ, настолько тщательно скрывающихъ свое существованіе, нисколько другія горы выставляютъ себя напоказъ.

Такъ и Цецилиенбергъ далеко не такъ прославленъ какъ гора Стараго Замка. Тамъ нельзя ни поѣсть, ни выпить, но зато тамъ много очень тѣнистыхъ мѣстъ, много видовъ то веселыхъ, то меланхолическихъ, представляющихъ путнику по мало протоптаннымъ тропинкамъ.

Эта горка не представляется свѣтскимъ мѣстомъ: это пѣчто въ родѣ священной горки. Если набожное пѣнне, если небесныя пѣснопѣнія возносятся иногда отъ основанія горы къ ея вершинѣ, смѣшиваясь съ шопотомъ листвы деревь, прежде чѣмъ вознестись къ Богу, такъ это потому, что старинная Лихтентальская церковь помѣщается у подножья горы, возвышающейя надъ самымъ художественнымъ въ мѣрѣ монастыремъ, который еще въ незапамятное время служилъ музыкальной консерваторіей для многочисленныхъ нѣмецкихъ принцессъ, удаляющихся отъ свѣта, его опасностей и соблазновъ. Если вздумается сразу увидѣть Цецилиенбергъ во всей его красѣ, надо пройти всегда открытый главный дворъ стариннаго аббатства, взять вправо отъ древняго и очень красиваго фонтана, направляясь въ сторону мельницы, назначеніе которой безшумно молоть муку для хлѣба и пироговъ благородныхъ манахинъ, затѣмъ войти въ домъ мельника и, пройдя нѣсколько мрачный проходъ, вы неожиданно очутитесь въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ и самыхъ таинственныхъ убѣжищъ въ мѣрѣ. Монастырь окажется позади васъ съ его гробовой тишиной и невозмутимымъ спокойствіемъ. Его древнія, сѣрыя стѣны внезапно отдѣляются отъ всего населеннаго міра; свѣжія прозрачныя воды Особаха струятся у ногъ вашихъ, вы шагаете по плотинѣ и соединены съ населеннымъ міромъ только одной доской и предъ вами только гора съ своими живописными уступами. Восхождение на гору нетрудное и въ то же время восхитительное. Громадная зеленая завѣса, образуемая большими деревьями, при каждомъ поворотѣ разверзается, чаруя ваши взоры, и скалы любезно разступаются, предоставляя вамъ свободный проходъ. Мизнутъ чрезъ пять ходьбы, вы очутитесь въ глубокомъ уединеніи, среди прелестнѣйшихъ таинственныхъ уголковъ, сохраняемыхъ Баденомъ для добрыхъ душъ, бѣгущихъ отъ сутолоки и шума городскихъ общественныхъ садовъ. Вся окрестная страна, мало-по-малу, все болѣе и болѣе разстилается у вашихъ ногъ, по мѣрѣ того какъ вы поднимаетесь все выше и выше. Каждый взглядъ назадъ приподнимаетъ завѣсу и открываетъ новый гори-

зонть. Продолжая восхождение далѣе, вы ровно никого не встрѣтите и оказываетесь, хотя на полчаса ѣзды отъ Бадена, но за сто миль отъ его шума.

Такимъ образомъ, изъ этого происходитъ то, что Цециленбергъ представляется мѣстомъ прогулки, предназначеннымъ для семей, ищущихъ иное чѣмъ блескъ и шумъ города въ еляхъ Шварцвальда. Не мѣшаетъ знать, что даже въ Баденѣ есть извѣстное число понимающихъ людей, любящихъ Баденъ за то, что въ немъ есть хорошаго, предпочитающихъ игнорировать все, что въ немъ есть дурного и проѣзжающихъ Баденъ, какъ будто бы онъ не существуетъ, а направляющихся прямехонько въ Лихтенталь и приобретающихъ тамъ дачи.

Отъ души приглашаю моихъ читателей, если имъ захочется провести пріятно время и почувствовать себя счастливыми послѣдовать моему совѣту. Привозите своихъ маленькихъ дѣтей въ этотъ рай, дайте также отдохнуть въ немъ на каникулы своимъ учащимся дѣтямъ; я убѣжденъ, что самыя требовательныя и избалованныя изъ нихъ воскликнутъ:

— Ахъ, Баденъ, какой онъ прелестный! Энтузіазмъ нѣкоторыхъ хроникеровъ заставилъ насъ съ опасеніемъ къ нему относиться, такъ много было въ немъ шума и сквернаго шума! По правдѣ сказать преувеличенныя, хвастливыя хроники ему сильно повредили.

Да, дѣйствительно, они ему значительно повредили. Но подождите: демонъ, преобразившій Баденъ въ скверное мѣсто, скоро будетъ изъ него изгнанъ! Какъ только прекращена будетъ аvarтная игра въ карты, трудно представить себѣ мѣстность лучше этой очаровательной страны. Откуда бы вы не пріѣхали, изъ Саксонской Швейцаріи, изъ Тюрингенскихъ долинъ, изъ горъ Гарцавы всегда найдете Баденъ прелестнымъ. Пріѣдете вы изъ Италіи или изъ Швейцаріи и все же Баденъ окажется дивнымъ уголкомъ. Словомъ, откуда бы вы не пріѣхали, Баденъ вызоветъ въ васъ восхищеніе.

Трость, сломанная на ребрахъ
муравья.

Я самъ сдѣлалъ то, что совѣтую сдѣлать всѣмъ и поселился на весь лѣтній сезонъ въ Лихтен-талѣ и въ теченіе цѣлаго мѣсяца водилъ своихъ маленькихъ питомцевъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ этой дивной мѣстности. Въ этотъ день погода была нѣсколько ненадежная; нельзя было надѣяться на возможность продолжительной экскурсіи.

— Взберемся на Цецилиенбергъ—сказали мнѣ дѣти и мы отправились. Жоржъ и Рауль, благодаря своимъ молодымъ ногамъ, меня опередили, предваривъ передъ тѣмъ:

— Папа, мы пойдемъ напрямикъ, сказалъ мнѣ Жоржъ,—взберемся прямо на вершину по крутизнѣ, чтобы поскорѣе увидѣть тамъ красивый видъ, а также для того, чтобы выиграть время и хорошенько отдохнуть какъ только взберемся.

— Пусть такъ—отвѣчалъ я—утомитесь поскорѣе, дольше будете отдыхать; такой расчетъ сообразенъ съ вашимъ возрастомъ; да и во всякомъ случаѣ больше славы взбираться на гору прямо по крутизнѣ, чѣмъ обходнымъ путемъ.

Дѣти пошли впередъ, опираясь, хотя и безъ всякой надобности, на свои маленькія палки съ желѣзными наконечниками. Когда я вслѣдъ за ними взобрался на вершину, я ихъ сначала не примѣтилъ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ обходъ скалы, мнѣ послышался очень оживленный разговоръ, не похожій на тотъ, который могли бы вести два истомленные и отдыхающіе мальчугана. Но, судя по голосамъ, это, несомнѣнно, были мои ребяташки.

Они сердито спорили другъ съ другомъ. Что же могло поссорить этихъ двухъ братьевъ, всегда чрезвычайно дружныхъ между собою?

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, я подошелъ совершенно незамѣченный ими.

Рауль, старший и болѣе хладнокровный, съ палкой въ рукахъ, колотилъ ею со всѣхъ силъ по маленькому холмику изъ земли, точно просѣянной, покрытой тонкимъ слоемъ мелкихъ еловыхъ листьевъ.

Рауль пришелъ въ бѣшенство, а маленькаго Жоржа ужасно разсердило бѣшенство Рауля.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я дѣтей.

Рауль былъ до такой степени взбѣшенъ, что не въ силахъ былъ отвѣчать.

— Согласенъ-ли ты, чтобы Жоржъ объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло?

— Да!—отвѣчалъ Рауль,—но съ тѣмъ что, если онъ не такъ передастъ, тогда я объясню.

— Идетъ—отвѣчалъ я.

— Папа—началъ Жоржъ—у господина Рауля ноги покрѣпче моихъ и онъ скорѣе дошелъ нежели я; но зато до такой степени запыхался, что, будучи не въ силахъ держаться на ногахъ, упалъ, не глядя куда, на первое попавшееся мѣсто. Когда я подошелъ къ нему, засталъ его внѣ себя отъ гнѣва. Онъ легъ на громадный муравейникъ и тотчасъ былъ покрытъ множествомъ муравьевъ, кусавшихъ его, чтобы заставить уйти подальше и не портить ихъ жилища безъ того уже изрядно помятаго имъ.

Чтобы отомстить кусавшимъ, Рауль схватилъ свою палку и въ нѣсколько секундъ раззорилъ этотъ прекрасный большой муравейникъ, устройство котораго стоило такихъ громадныхъ трудовъ этимъ бѣднымъ маленькимъ насѣкомымъ. Я хотѣлъ удержать его, уговорить не истреблять муравейника; говорилъ ему, что онъ самъ кругомъ виноватъ, что ему слѣдовало лечь гдѣ-нибудь подальше и что муравьи совершенно правы, а Рауль со мною не соглашался.

Въ эту минуту одинъ изъ муравьевъ, оказавшійся мстительнѣе другихъ и забравшійся на шею около воротника рубашки моего старшаго мальчугана, сильно укусилъ его тоненькую кожу. Хотя мое прибытіе прекратило гнѣвъ и мщеніе Рауля, но, укушенный при мнѣ, онъ снова пришелъ въ бѣшенство: онъ опять принялся

бить муравейникъ палкой и такъ неистово хватилъ по немъ, что палка переломилась надвое. Оказалось, что палка попала на камушекъ, который провидѣніе муравьевъ помѣстило какъ разъ кстати.

Такимъ образомъ, муравьи оказались сильнѣе; побѣда осталась за ними. Какъ Гулливеръ, побѣжденный Лиллипутами, обезоруженный, Рауль вынужденъ былъ сознаться, что онъ оказался побѣжденнымъ. Красный отъ досады, онъ сказалъ, обращаясь къ Жоржу:

— Ты, кажется, полагаешь, что очень приятно уснуть на муравейникѣ?

— Мой маленький Рауль—сказалъ я ему—если бы вмѣсто того, чтобы жить въ странѣ, въ которой не только человѣку, но даже ребенку животные не угрожаютъ опасностью, тебѣ пришлось жить въ странѣ, гдѣ водятся слоны и на тебя, когда ты спалъ въ высокой травѣ, улегся бы, не замѣтивъ тебя, слонъ, а ты бы, выбываясь изъ-подъ его грузнаго тѣла, обезпокоилъ его сонъ, и если бы слонъ сказалъ тебѣ:—Неужели ты воображаешь, что пріятно спать на ерзающемъ мальчикѣ? Что бы ты отвѣтилъ на такія слова слона?

— Я бы сказалъ, что слонъ очень злая особа.

— Такъ вотъ видишь—отвѣчалъ я ему—относительно бѣдныхъ маленькихъ муравьевъ ты именно являешься такимъ же эгоистичнымъ и жестокимъ слономъ.

Рауль повѣсилъ носъ.

Въ этомъ отношеніи дѣти отличаются пехорошей особенностью: они отлично сознаютъ боль, причиняемую имъ другими и не понимаютъ какую боль они сами причиняютъ другимъ.

На этотъ разъ маленький Жоржъ былъ совершенно правъ. Рауль, будучи добросовѣстнымъ мальчикомъ, противъ этого не возражалъ.

Прямая линія.

В скорѣ случай доставилъ Раулю возможность въ свою очередь оказаться правымъ.

Мы взобрались на самую вершину Цециленберга. Наступалъ обѣденный часъ. Мать, пожалуй, будетъ тревожиться, если бы прогулка продолжалась черезчуръ долго. Надо было не мѣшкая спуститься внизъ.

— Какой дорогой мы будемъ спускаться?—спросили дѣти.

— Вотъ тамъ, по самой крутой—сказалъ Жоржъ.

— Нѣтъ!—возразилъ Рауль—тамъ скалы преграждаютъ намъ путь да и скать слишкомъ крутой.

— Ничего!—сказалъ Жоржъ—прямая линія всегда лучшая. Я хочу придти раньше папы и извѣстить маму.

Намѣреніе было хорошее. Я предоставилъ каждому идти какой угодно дорогой, однако счелъ нужнымъ посоветовать Жоржу быть осторожнымъ.

Рауль и я пошли длиннѣйшей, обходной дорогой. Встрѣча была назначена въ кіоскъ, въ углу соединенія обѣихъ долинъ. Жоржа тамъ еще не было и оказалось, что мы пришли первыми.

Жоржъ явился только минутъ чрезъ десять и прихрамывая! Кратчайшій путь оказался для него длиннѣйшимъ. Прямая линія на этотъ разъ оказала ему плохую услугу. Бѣдный мальчикъ! Скать оказался въ одномъ мѣстѣ черезчуръ отвѣснымъ: онъ поскользнулся, упалъ и, видимо, пострадалъ при этомъ.

— Присядь, отдохни, дитя мое—сказалъ я ему.

— О нѣтъ!—отвѣтилъ онъ мнѣ оживленно и съ какимъ то страннымъ выраженіемъ лица,—все, что хочешь, только сѣсть не могу.

Тогда только я обратилъ вниманіе на то, что панталоны господина Жоржа сильно пострадали какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которымъ садятся.

— Прямая линія, голубчикъ мой—сказалъ я ему—дѣйствительно всегда лучшая, но только въ нравственномъ

отношеній и во что бы то ни стало отъ нея не слѣдуетъ уклоняться; но въ матеріальномъ смыслѣ весьма часто она совершенно невозможна и, пожалуйста, не забывай этого. Когда приводятъ какую либо аксіому надо понимать ея значеніе. Если маленькій мальчикъ вздумаетъ перепрыгнуть чрезъ гору, это, конечно, доказываетъ его великую самоувѣренность и честолюбіе. Но если бы, не замышляя невозможное для своихъ маленькихъ ножекъ, онъ довольствовался осторожнымъ обходомъ горы, онъ былъ бы правъ и ближе къ истинѣ. Такъ точно и по отношенію къ пропастямъ и обрывамъ; когда нѣтъ моста—надо замѣнить его разсудительностью и осторожностью, благоразумно обходящими всѣ препятствія.

— Если бы только на мнѣ были мои старыя панталоны, такъ все это было бы пустое!—возразилъ Жоржъ съ храбрымъ видомъ. Но что же скажетъ теперь мама, запретившая мнѣ сегодня утромъ надѣвать новыя панталоны?

Нравственные выводы голыхъ фактовъ, мораль порванныхъ панталонъ, практическая мораль заботливыхъ матерей, говорили существеннѣе моихъ нравоученій. Я оказался безусловно неправымъ, забывъ объ этомъ.

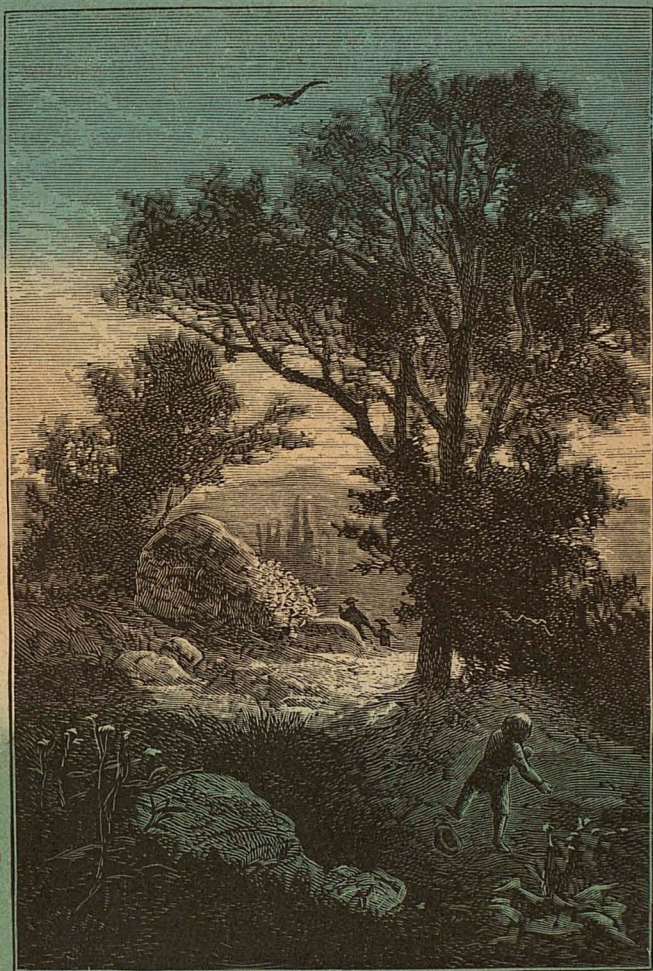

Коршунъ.

Очевидно было, что Жоржъ въ душѣ былъ очень благодаренъ Раулю, что онъ оставилъ его въ покоѣ, не подсмѣиваясь надъ нимъ въ то время когда я читалъ ему нравоученія. Выслушавъ меня, Жоржъ отошелъ нѣсколько въ сторону, намѣреваясь привести въ порядокъ не только свои мысли, но и панталоны, для чего потребовались булавки.

Въ виду того мѣста, гдѣ приключился изъянъ, приведеніе этой части туалета въ порядокъ было несомнѣнно

Мы увидѣли Жоржа съ камнемъ въ каждой рукѣ.
Къ стр. 51.

затруднительно безъ посторонней помощи. Вслѣдствіе такого соображенія я хотѣлъ было послать на помощь ему Рауля, какъ вдругъ мы услышали Жоржа, кричавшаго очень взволнованнымъ голосомъ:

— Папа, Рауль, прошу васъ идите скорѣе сюда!

— Да что, развѣ Жоржъ укололся что-ли? Да нѣтъ быть не можетъ, онъ не нѣженка и не станетъ такъ кричать изъ-за укола булавкой.

Когда мы прибѣжали къ тому мѣсту, откуда слышался крикъ, мы увидѣли Жоржа съ камнемъ въ каждой рукѣ и очень старательно метавшаго камни въ самую верхушку большого и толстаго дерева.

— Скорѣе, папа! Скорѣе, Рауль. Посмотрите на этого гадкаго коршуна, кружащагося вокругъ. Тамъ есть гнѣздо; слышите какъ кричатъ бѣдныя птички, только крикомъ онъ въ состояніи защищать бѣдныхъ своихъ птенчиковъ!

Мы всѣ вооружились камнями и, кромѣ того, усердно кричали, чтобы прогнать птицу, которую дѣти прозвали разбойникомъ въ воздухѣ. Наконецъ усилія наши увѣнчались успѣхомъ и дѣти были въ восхищеніи, но зато коршунъ навѣрное остался очень недовольнымъ. Онъ очевидно отказался серьезно отъ исполненія своего намеренія, такъ какъ улетѣлъ очень далеко.

Торжествуя побѣду, Жоржъ, забывъ о своихъ пораненіяхъ, попробовалъ перекувырнуться, но тотчасъ же, какъ резиновый мячикъ, моментально вскочилъ на ноги съ крикомъ:

— Ай! Ай! Эти проклятыя булавки!

Когда я началъ высказывать ему соболѣзнованіе, онъ воскликнулъ съ видомъ храбреца:

— А, пустое! Это не важно, а важно то, что мы обратили въ бѣгство гадкаго неприятеля!

Матерія и Духъ.

Въ первыя минуты мнѣ не хотѣлось портить расположение духа моихъ дѣтей, обрадованныхъ побѣдой надъ коршуномъ. Я, положимъ, поступилъ такъ же, какъ они, но, если бы пришлось снова вступить въ бой съ коршуномъ, я бы снова принялъ въ немъ участіе, а между тѣмъ. . .

Чего добивался коршунъ?—Спрашивалъ я себя, спускаясь къ дачѣ, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ. Онъ добивался обѣда . . . для себя, а, можетъ быть, для своихъ дѣтей! Да что я самъ дѣлаю теперь, если не то самое, что дѣлала эта птица, съ которой мы только что такъ круто поступили? Что будетъ у насъ на столѣ черезъ нѣсколько минутъ? Мясо быка, овцы, рыбы! . . . Развѣ нѣсколько часовъ, или дней тому назадъ все это не наслаждалось жизнью какъ тѣ птицы, захватить которыхъ стремился коршунъ для своего сегодняшняго обѣда? Конечно, между нами и тѣми животными, которыхъ лишаютъ жизни, чтобы поддержать нашу жизнь, существуютъ мясники и рыболовы, но развѣ это даетъ намъ право сказать орламъ и коршунамъ: вы разбойники?

Тайный, внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ: На всѣхъ ступеняхъ существованія, среди всѣхъ живыхъ существъ, разбойниками можно назвать только тѣхъ, кто вредитъ и дѣлаетъ зло ради зла, сознательно. Если начинающая человѣкомъ и кончая животнымъ, если отъ животного до растенія и до послѣдней полевой былинки Богъ предназначилъ смертью одного поддержать жизнь другого, если онъ предоставилъ смерти распространять и увѣковѣчить созданную имъ жизнь, производя это превращеніемъ и видоизмѣненіемъ, непрерывнымъ возобновленіемъ всего того, что ее составляетъ. Если Богъ такъ устроилъ, что живая матерія, какъ фениксъ, возрождается только изъ пепла и можетъ возродиться только на счетъ матеріи, одаренной жизнью, слѣдовательно, послѣ рожденія, смерть въ сферѣ матеріальной жизни самый

нормальный, самый необходимый фактъ изъ естественныхъ актовъ жизни. Но, хвала Богу, въ жизни нравственной и духовной нѣтъ смерти, душа ничего не заимствуетъ изъ переставшаго существовать; ей не нужно, чтобы что либо умерло или погибло для того, чтобы увѣковѣчить свое существованіе; она бессмертна сама по себѣ, по существу своему, потому что она ничего общаго съ матеріей не имѣетъ. Ничто такъ убѣдительно не доказываетъ преимущество духа надъ матеріей, какъ это естественное бессмертіе души, не требующее пожертвованія жизнью чего либо или кого либо.

И г р а.

Мы подходили къ нашей дачѣ. Около нея встрѣтился намъ милый докторъ К. . . . возвращавшійся домой съ опущенной на грудь головою и съ опечаленнымъ лицомъ.

— Что съ вами, милый докторъ?—спросилъ я его.

— Пожалуйста не спрашивайте меня—отвѣтилъ онъ вполголоса. Я только что возвратился отъ человѣка, совершившаго самоубійство, проигравъ въ эту отвратительную рулетку все свое состояніе. Онъ умеръ съ полнымъ раскаяніемъ, но все же бѣжалъ отъ жизни, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ зла и избѣгать дурныхъ поступковъ. Ахъ! Это по истинѣ ужасно! Игра доставляетъ деньги вашей странѣ; это вѣрно, но за незначительное улучшение нашего благосостоянія сколько дурныхъ страстей она развиваетъ въ нашихъ бѣдныхъ деревняхъ! Сколько зловѣщихъ, ужасныхъ примѣровъ; какой дефицитъ, какую нравственную порчу вызываютъ всѣ эти заработки, всѣ эти выигрыши безъ затраты труда, и эти раззоренія безъ всякой борьбы и въ нѣсколько часовъ. Но потерпимъ, потерпимъ еще немного; надѣюсь, что вмѣстѣ съ своей причиною, зло исчезнетъ мало-по-малу. По-

смотримъ, неужели эта прелестная природа, чтобы привлечь къ себѣ, не можетъ обойтись безъ приманокъ, изобрѣтенныхъ гнуснѣйшимъ порокомъ; тогда посмотримъ, потому ли стекаются въ Баденъ, что онъ одинъ изъ самыхъ прелестныхъ уголковъ въ мірѣ, или потому что изъ него сдѣлали одинъ изъ самыхъ блестящихъ притоновъ азартной игры.

— Вполнѣ ли вы увѣрены, докторъ, въ томъ, что игра, удаленная подальше отъ большихъ столицъ или, по крайней мѣрѣ, состоящая подъ надзоромъ и подвергаемая контролю настолько, чтобы сдѣлать ее возможно болѣе добросовѣстною, можетъ быть проклинаема до такой степени, какъ вы находите это заслуживающимъ? Кто здѣсь проигрываетъ деньги? Богачи, люди совершенно праздные, взбалмошные, безтолковые и иногда проходимцы. Да всѣ эти люди не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ проиграютъ тѣ же деньги!

— Увѣренъ-ли я въ томъ!—порывисто воскликнулъ докторъ.—Если бы только люди праздные, взбалмошные и безтолковые, не говорю о бездѣльникахъ и проходимцахъ, о которыхъ не стоитъ беспокоиться, являлись въ столицы и теряли здѣсь только свои деньги, я бы не возставалъ противъ этого. Но дѣло въ томъ, что они здѣсь теряютъ не только деньги, но гораздо болѣе этого, такъ какъ теряютъ послѣдній разумъ и сердце. Выслушайте меня. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ друзей, сильно заболѣвъ, просилъ меня сопровождать его въ одинъ изъ курортовъ, гдѣ наряду съ азартной игрой имѣются превосходныя минеральныя воды, замѣчательно цѣлебныя въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Пять мѣсяцевъ провелъ я въ этомъ городѣ. Случайно мнѣ пришлось присутствовать при послѣднихъ дняхъ рулетки и при мнѣ она тамъ прекращена была совершенно!

Было удостовѣрено вполнѣ точно, что чистый доходъ банка равнялся одному милліону восьмистамъ тысячъ франковъ.

Слѣдовательно, тамъ проигрывались милліоны, а выигрывались сотни тысячъ.

Кружка для сбора, очень большая, съ надписью: «Для

бѣдныхъ» была поставлена на видномъ мѣстѣ внизу лѣстницы, по которой шли игроки къ трантъ и карантъ и въ рулетку. Эта кружка, открываемая только разъ въ годъ, слѣдовательно, имѣвшая достаточно времени для наполненія, была открыта въ моемъ присутствіи.

Передъ тѣмъ какъ ее открыли, я мысленно говорилъ себѣ: быть не можетъ, чтобы этотъ деревянный ящичекъ за весь сезонъ не наполнился до краевъ лептой счастливицевъ и несчастливцевъ, всходившихъ и спускавшихся безпрестанно по этой лѣстницѣ. Посмотримъ, какъ велика милостыня, поданная счастьемъ и несчастьемъ.

Когда вскрыли ящикъ въ немъ оказалось только четырнадцать франковъ! Да, всего четырнадцать франковъ!....

Все это я вамъ говорю совершенно серьезно. Цифра эта исторически вѣрна.

Сборъ въ самомъ заурядномъ трактирчикѣ несомнѣнно далъ бы гораздо болѣе!

Игрокъ, мой любезный другъ, не только счастливый, но и несчастливый, повѣрьте мнѣ, перестаетъ быть человѣкомъ, а становится какимъ то свирѣпымъ животнымъ; это уже не живое тѣло, а какая то скала. Нѣтъ, нѣтъ! Это несомнѣнно вѣрно! Необходимо поставить игрока въ такія условія, чтобы онъ игралъ въ тѣни, тайкомъ, а не въ видныхъ и блестящихъ общественныхъ мѣстахъ; его, по крайней мѣрѣ, будетъ сдерживать страхъ унизить свое достоинство, страхъ быть обокраденнымъ; вотъ въ этомъ вся нравственная сторона дѣла. Когда принудятъ порокъ прятаться, не выставявъ себя на показъ, тогда, по крайней мѣрѣ, не придется краснѣть добродѣтели, чувствуя себя на блестящихъ гуляніяхъ окруженной порокомъ.

Если родители имѣютъ недостатки.

Завтракъ въ лѣсахъ

Бельвию.

акъ, неужели? Даже родители имѣютъ недостатки! Возможно-ли? Благоразумно-ли я поступаю, поднимая подобный вопросъ? Уже не лучше-ли обойти его молчаніемъ?

Если я ставлю этотъ вопросъ, намѣреваясь разрѣшить его отрицательно, чтобы доставить себѣ удовольствіе, провозглашая, что папаша никогда не можетъ быть неправъ и имѣть недостатки, а мамаша всегда представляетъ собою совершенство, едва ли я угожу папамъ и ма-

мамъ, превосходно сознающимъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего совершеннаго! Да развѣ они повѣрили бы мнѣ? Да даже дѣти и тѣ мнѣ не повѣрятъ!

Если же я, напротивъ, признаю, что у нихъ могутъ быть недостатки, не повредитъ-ли имъ подобное признаніе въ глазахъ дѣтей и не уменьшитъ ли то уваженіе, которое они должны оказывать родителямъ? Мое положеніе, смѣло скажу, вовсе не представляется мнѣ скольконибудь затруднительнымъ, какъ это кажется на первый взглядъ, и я выйду изъ него безъ затрудненія, говоря только сущую правду.

Прежде всего, я вынужденъ сознаться, что дѣйствительно существуютъ родители, не имѣющіе положительно никакихъ недостатковъ, ни большихъ, ни маленькихъ и въ этомъ отношеніи смѣло могли бы убѣдить въ этомъ даже болѣе упорнаго и яраго искателя недостатковъ нежели я самъ. Я встрѣчалъ матерей безусловно совершенныхъ; знакомъ я также съ отцами, вполне безукоризненными, которыхъ маленькимъ дѣтямъ слѣдовало бы обожать съ колѣнопреклоненіемъ, какъ истыхъ представителей на землѣ благодати и совершенства Бога. Такихъ я знаю даже ни одного, а многихъ; да, наконецъ, увѣренъ, что и мои маленькіе читатели и маленькія читательницы знаютъ такихъ же отцовъ и матерей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать, что мнѣ хорошо извѣстны и такіе отцы и матери, о которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя сказать ничего похвального.

Да, это вѣрно! Дѣйствительно, существуютъ такіе папеньки и, быть можетъ, въ особенности, мамыши, хотя добрыя и миленькія, но далеко не безъ недостатковъ.

Положимъ, я знаю, что недостатковъ этихъ весьма немного; даже, я полагаю, присматриваясь къ нимъ пристальнѣе, можно сказать, что почти всегда встрѣчается только одинъ, но онъ такъ великъ, такъ опасенъ и зловреденъ, такъ ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ, что стоитъ многихъ и притомъ онъ съ виду такъ милъ и привлекателенъ, точно какое-нибудь хорошее качество.

Если бы читающія и слушающія меня дѣти, а также ихъ родители настолько же, какъ я, сознали громадный вредъ, приносимый этимъ недостаткомъ, то, конечно, первое, къ чему бы они неотложно и неуклонно стремились, это немедленное уничтоженіе и безусловное изгнаніе этого недостатка вонъ изъ дому, чтобы и духа его не оставалось около нихъ и въ нихъ самихъ этого главнаго, основнаго недостатка, самаго опаснаго врага счастья и спокойствія.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что всѣ безъ исключенія семейства, въ которыя вкрался этотъ недостатокъ, рано или поздно, но болѣе или менѣе сильно пострадаютъ отъ этого.

Этотъ недостатокъ,—мнѣ кажется, что вы всѣ уже угадали о чемъ я говорю,—это несчастная слабость,

которой отличаются такъ много папенокъ и маменекъ, заключающаяся въ ужасномъ балованіи господъ своихъ маленькихъ мальчиковъ и госпожъ маленькихъ дѣвочекъ. Ахъ, это баловство!.... Баловать равносильно слову портить! Довольно этого противнаго слова портить, которое я произношу съ отвращеніемъ, чтобы понять какъ странно гибеленъ этотъ недостатокъ!

Въ то время какъ я писалъ эти строки, совершенно внезапно за дверьми моей комнаты, на лѣстницѣ, поднялся такой гамъ, такой топотъ и шумъ, что я вообразилъ будто по ней скачетъ полнымъ галопомъ цѣлый кавалерійскій полкъ.

Въ ту же минуту мнѣ послышалось будто у дверей бьетъ барабанъ; слышались крики подражанья пушечнымъ выстрѣламъ, словомъ, гамъ и шумъ происходилъ невообразимый.

Вслѣдъ затѣмъ раздались пронзительные и тонкіе голоса, кричавшіе мнѣ на всѣ лады и всѣ одновременно:

— Сегодня воскресенье! Воскресеніе сегодня! По воскресеньямъ не работаютъ, папа! Въ воскресеніе гуляютъ, забавляются! Папа! Дядя! Крестный! Отвори намъ скорѣе! Это Сюзанна, Пьеръ, Филиппъ и Леонъ, Андрэ, Рауль и маленький Тото, желающіе провести день, цѣлехонкій день въ Бельвю. Доволенъ ты? Ты отправишься съ нами въ лѣсъ? Это уже рѣшено. Мы позавтракаемъ на травѣ въ той сторонѣ, гдѣ кедръ. Мама дала согласіе. Послали за осломъ: на немъ повезутъ провизію, тебѣ ничего не придется нести. Да отвори же скорѣе дверь, папочка! Сюзанна хочетъ тебя поцѣловать сейчасъ, сію минуту!....

— Да, да сейчасъ хочу!—послышался голосъ Сюзанны.—Да отвори же дверь, крестный; вовсе не любезно заставлять себя такъ долго просить. Сегодня погода великолѣпная. Садовникъ сказалъ, что дождя ждать невозможно. Отвори же скорѣе; всѣ тебя хотятъ видѣть; ты намъ нарѣжешь тросточекъ, крестный; пожалуйста не забудь захватить съ собою ножикъ.

— Да идите вы отъ меня... Идите, гуляйте сами, а меня оставьте въ покоѣ; я работаю и бросить работу не хочу.

— О, папочка! О, дядечка!—послышалось на всѣ лады.

Полдюжины маленькихъ голосковъ выкрикивали все это въ одинъ голосъ, и я уже чувствовалъ, что голоса добрались до моего сердца, что я не въ силахъ буду выдержать и придется сдаться.

Вскорѣ другіе голоса смолкли и послышался болѣе строгій и твердый голосъ m-Ne Сюзанны:

— О! Какъ это нехорошо, крестный, допускать насъ стоять на твоей скверной лѣстницѣ. Леонъ ужасный шалунъ; онъ себѣ здѣсь шею сломаетъ, вскакивая на перилла, а Тото уже два раза упалъ.

Я вздохнулъ, взглянувъ на неоконченную работу и... отворилъ двери.

Веселая компанія ввалилась какъ снѣжная лавина. Всѣ бросились меня цѣловать. Въ одно мгновеніе я очутился въ отчаянномъ положеніи Гулливера, окруженнаго лиллипутами. У меня были враги на спинѣ, на рукахъ, на колѣняхъ и между ногъ, такъ какъ г. Тото усѣлся верхомъ на моей ногѣ, обхвативъ крѣпко двумя рученками икру ноги моей. Обѣ щеки также подверглись нападенію. Конечно, все это съ одной стороны очень пріятно, хороши всѣ эти маленькіе поцѣлуи, но это нисколько не могло способствовать къ окончанію моей статьи.

— Ты съ нами отправишься—сказала m-Ne Сюзанна, хорошенькая високаго роста дѣвочка десяти лѣтъ, начинавшая уже чувствовать свое значеніе и свое вліяніе.

— Ты отправишься съ нами, говорили мнѣ взглядомъ больше нежели словами мои Жюль и Марія, изъ скромности выдвигавшіе другихъ впередъ и сохранявшіе свои силы на будущее время.

— Ты съ нами пойдешь, пойдешь, пойдешь!—кричали всѣ члены этой шайки.

— Нѣтъ, нѣтъ!—Отвѣчалъ я—я не пойду, мнѣ необходимо работать.

— Да ты должно быть какую-нибудь исторійку пишешь,—сказалъ Рауль, ученикъ 2 класса, подававшій семьѣ большія надежды. Это, должно быть, для «Сборника воспитанія.»

— Нѣтъ, это поученія,—отвѣчалъ я ему.

О! Пфа!—вскричалъ Жоржъ, другой второклассникъ—сидѣть дома для того, чтобы писать поученіе!

— Ты теперь, папа, постоянно нишеть поученія— сказала Жюль, мой собственный сынъ. А между тѣмъ, папа, исторійки гораздо занимательнѣе.

— Да, это вѣрно—замѣтила m-Ne Сюзанна, подошедшая тѣмъ временемъ къ моему письменному столу и уже перебиравшая на немъ мои бумаги.—Да, мой крестный, правда то, что говорить тебѣ Жюль. Мы, дѣти, дѣйствительно предпочитаемъ исторійки; совершенно вѣрно, что только родители предпочитаютъ поученія

— Однако вѣрно и то, что не они въ нихъ нуждаются; а вотъ я знаю одну маленькую дѣвочку.....

Въ эту минуту громкій возгласъ изумленія Сюзанны прервалъ мою рѣчь.

m-Ne Сюзанна держала въ рукахъ первый листокъ моей рукописи и только что прочла данное мною заглавіе.

— О, крестный! О! Вотъ такъ удивленіе.

«Если родители имѣютъ недостатки».

— Что ты можешь сказать объ этомъ? Ты ихъ навѣрное этимъ разсердишь и всѣ подписчики уйдутъ. Вѣдь не маленькія дѣвочки платятъ за журналъ, а родители хотятъ, чтобы то, что тамъ пишутъ, имъ нравилось. Скажите пожалуйста, вздумалъ читать поученія даже родителямъ; вотъ ужъ можно сказать, что для этого надо быть проповѣдникомъ до мозга костей.

Въ эту минуту вошелъ лакей. Это оказалось очень кстати, такъ какъ мнѣ не пришлось отвѣчать на затруднительный вопросъ.

— Сударь, Анну приведутъ сюда не раньше какъ черезъ часъ, такъ какъ она пасется на лугу. За ней пошелъ Жанъ.

— Ахъ, какая бѣда!—вскричала вся шумная компанія.—Да и то сказать, зачѣмъ эта Анна ходитъ завтракать въ такую даль? Цѣлый часъ! Это очень долго!

— А почему же Аннѣ не ходить завтракать такъ далеко? Развѣ ослы не имѣютъ права завтракать тамъ, гдѣ трава вкуснѣе и сочнѣе?

— Однако какое странное имя для животнаго!—замѣтила Сюзанна.—Кому это вздумалось дать женское имя животному?

— Это я далъ ей такое имя; Анна, моя крестница, совершенно также какъ и

Ручка моей миленькой Маріи зажала мнѣ ротъ и не дала возможности окончить фразу, показавшуюся ей чѣмъ то ужаснымъ.

— Это очень пріятно,—сказала обиженнымъ тономъ Сюзанна,—быть крестницею крестнаго отца ослицы . .

— Ну что же,—прервала я ее—быть можетъ ты желаешь переимѣнить крестнаго? Анна довольна своимъ крестнымъ; это крестница, всегда всѣмъ довольная, всегда кроткая, постоянно готовая оказать всякаго рода услуги и, въ случаѣ надобности, всегда понесетъ на своей спинѣ крестнаго отца, вмѣсто того, чтобы заставлять его нести себя, какъ это такъ часто случается съ другими крестницами; мнѣ кажется не слѣдуетъ пренебрегать такими крестными отцами.

— Ахъ, злой!—прервала меня Сюзанна.—Да развѣ твоя Анна умѣетъ тебя цѣловать такъ, какъ другая твоя крестница? Да развѣ она умѣетъ читать твои исторійки и твои поученія та другая крестница?

Внезапно она перешла въ другой тонъ, сказавъ:

— Знаешь что, крестный, хорошо было бы, если ты намъ расскажешь какую-нибудь исторію, въ ожиданіи пока приведутъ Анну.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ вовсе не до исторій теперь. Идите гулять, поиграйте въ саду, пока явится m-lle Анна. А я тѣмъ временемъ пожалуй окончу мою статью и пойду вмѣстѣ съ вами къ кедру.

На это возразилъ Рауль:

— Вотъ видишь-ли: дядя, маленькіе набѣгаются и наиграются въ саду и послѣ того устанутъ: имъ будетъ трудно идти. Если ты не хочешь рассказать намъ какую-нибудь исторію, такъ расскажи намъ: «Недостатки родителей». Да неужели же у нихъ много недостатковъ?

— Да и въ самомъ дѣлѣ, это поученіе насъ навѣрное займетъ болѣе нежели всякое другое. Хочешь я его прочту? А ты въ это время побрѣшься: твой подборо-

докъ, крестный, ужасно колетъ!—добавила Сюзанна, потирая свою щеку.

— Не ожидая моего отвѣта м-лле, Сюзанна, состоявшая верховнымъ вождемъ этого маленькаго отряда, усадила своихъ послушныхъ слушателей на диванчикѣ и принялась читать.

Совѣтъ побриться, данный мнѣ Сюзанной, оказался дѣйствительно осповательнымъ. Я пошелъ въ свою уборную и привялся за бритве.

Вначалѣ все шло совершенно исправно, какъ бритве такъ и чтеніе. Но, признаюсь, меня нѣсколько смущало, нелестное моему авторскому самолюбію, безмолвіе аудиторіи, находившейся въ моемъ кабинетѣ. Ни малѣйшаго признака одобренія или неодобренія не донеслось еще до моего слуха, хотя дверь была только слегка притворена и я не приглашалъ ихъ сидѣть тихо: впрочемъ я зналъ, что французская публика не шумлива, если ее не приглашаютъ держать себя спокойнѣе.

Отчетливый и звонкій голосокъ Сюзанны отчеканивалъ мое вступленіе съ важностью и внушительностью, подобающими предмету чтенія; она уже дошла до послѣднихъ строкъ, изъ которыхъ оказывалось, что всѣ мои батареи направлены противъ балованія. Я уже полагалъ, что все обойдется совершенно благополучно, какъ вдругъ услышалъ, что голосъ Сюзанны принялъ такую интонацію, въ которой вовсе не слышалось восхищеніе, но моя чуткость усматривала въ этой интонаціи предвѣстіе бури.

Едва окончилось чтеніе, какъ разразилась буря. Вся аудиторія кричала въ одинъ голосъ. Въ одну секунду она взбунтовалась поголовно. Шумъ сердито отодвигаемыхъ стульевъ привелъ меня къ убѣжденію, что не слѣдуетъ терять время и каждая секунда дорога для спасенія моей мебели.

Я храбро двинулся въ кабинетъ и съ бритвой въ рукахъ очутился въ самомъ центрѣ возстанія.

За исключеніемъ г. Тото, благоразумно уснувашаго въ креслѣ, всѣ инсургенты стояли толпой съ сверкающими глазами. Посреди ихъ М-лле Сюзанна ораторство-

вала, держа въ рукахъ листки моей статейки. Завидѣвъ меня, она обратилась ко мнѣ:

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь мой крестный, что на этотъ разъ навѣрное никто изъ дѣтей не признаетъ васъ правымъ. Я надѣюсь даже, что и родители съ вами не согласятся, потому что баловство дѣйствительно дѣло хорошее. То, что дѣлаетъ счастливыми дѣтей и дѣлаетъ родителей такими добрыми, не можетъ быть недостаткомъ, а совершенно наоборотъ, это качество, даже большое качество и, притомъ, по отношенію ко всѣмъ.

— Да, да!—вскричала вся армія. Мы желаемъ, чтобы насъ баловали!

Мнѣ предстояло вступить въ диспутъ по всѣмъ правиламъ искусства, причемъ нельзя было не убѣдиться, что я имѣлъ дѣло съ сильнымъ противникомъ; но отступить было бы постыднымъ, я смѣло вступилъ въ бой.

— Вы желаете, чтобы васъ баловали,—возразилъ я—но сознайтесь, однако, что едва ли вы хотѣли бы быть избалованными, т. е. испорченными. Подумайте только о полномъ и разнообразномъ значеніи этого нехорошаго слова!

— Порча! Портить! То есть гнить, развращать, дѣлаться негоднымъ къ употребленію! И вы рѣшаетесь защищать это ужасное слово и нехорошее дѣло? Я спрашиваю васъ, что если кто либо изъ васъ узналъ, что вашу кошку приучаютъ царапаться, а вашу собачку кусаться, неужели онъ остался бы этимъ доволенъ? Не нашли бы вы лучшимъ приучать ихъ не кусаться и не царапаться? А если бы кто позволилъ себѣ портить и начкать ваши куклы, вашихъ паяцовъ, ваши лучшія платья, ваши книжки съ картинками, неужели бы вы оставались довольны? О, конечно, вы живо бы распорядились; попрятали все вамъ дорогое и выпроводили бы подальше тѣхъ, кто портитъ ваши вещи. А между тѣмъ вы изумляетесь и недовольны моими стараніями убѣдить вашихъ родителей не портить васъ! По совѣсти скажу вамъ, милостивые государи и государыни, я васъ совершенно не понимаю!

Какого мнѣнія были бы вы о садовникѣ, допускающемъ червей и улитокъ ползать всюду и покрывать цвѣты и плоды въ садахъ и огородахъ? Что бы вы о немъ сказали, видя, что онъ ровно нечего не предпринимаетъ для огражденія вишенъ, винограда, сливъ и персиковъ отъ мухъ, осъ и птичьяго клюва? Вы бы сказали: «это садовникъ, очевидно не желающій, чтобы мы имѣли хорошіе плоды въ садахъ».

Такъ вотъ же скажу вамъ, что ваши недостатки это тѣ же червяки, улитки, мухи, осы, скворцы и воробы вашего характера. Если ихъ не устранять, не уничтожать, всѣ они оставляютъ свои знаки, свои слѣды, свой скверный отпечатокъ, уколы и раны навсегда замѣтные и ничѣмъ неизлѣчимые.

Тѣ папы и мамы, которые строго не преслѣдуютъ всѣ эти недостатки, сами того не сознавая, являются плохими садовниками сердца и разума своихъ маленькихъ дѣтей и хотя противъ своего желанія, но заботятся гораздо болѣе о благѣ мухъ, улитокъ и всякихъ паразитовъ. Они работаютъ на пользу своихъ враговъ—недостатковъ, а, между тѣмъ, обожаютъ своихъ дѣтей.

Если вы не согласны съ моимъ мнѣніемъ, слѣдовательно вы далеко не такія разсудительныя особы, какими вы мнѣ прежде казались иногда. Да, наконецъ, хотя васъ всѣхъ болѣе или менѣе балуютъ, но все же никто изъ васъ не настолько избалованъ, чтобы не согласиться со мною, что нѣтъ ничего въ мірѣ невыносимѣе избалованнаго ребенка.

Ну вотъ скажите мнѣ по совѣсти, если бы дѣти нашего друга Ж не были такъ дурно воспитаны, потому что избалованы, развѣ они не нравились бы вамъ гораздо болѣе нежели теперь? Скажите, развѣ мнѣ не приходилось отъ васъ слышать десятки разъ: «Они бы ничего, миленькія, но куда ихъ съ собою взять нельзя; въ Тюльери никто уже не желаетъ съ ними играть, а вчера Люси была такъ капризна, что мама ея цѣлый день проплакала, а папа ея не въ состоянїи былъ окончить обѣда». Неужели вы изъ этого не можете убъ-

дится, что баловать дѣтей представляется зломъ и большимъ зломъ?

— Однако, это дѣйствительно вѣрно, все, что ты говоришь, крестный!—сказала м-лле Сюзанна, хотя и глубоко вздохнула при этомъ.—Но въ такомъ случаѣ, если не слѣдуетъ портить дѣтей баловствомъ, такъ ты не пойдешь съ нами къ кедру и не бросишь своей работы только для того, чтобы доставить намъ возможность позабавиться?

Но вдругъ послышалось со всѣхъ сторонъ:

— О, папочка! О, дядечка! О, крестный! Пожалуйста побалуи насъ въ послѣдній разъ и дюжина ручекъ, ласкаясь, слегка тормошила меня.

Я видѣлъ себя побѣжденнымъ и думалъ только о томъ, чтобы добиться выгодной капитуляціи.

— Ну, быть по-вашему! Пойдемъ!—отвѣтилъ я. Я исполню ваше желаніе, но, такъ какъ Анна еще не явилась, вы всѣ сообща поможете мнѣ окончить мою статью, которой, хотя вамъ это и въ голову не можетъ придти, вы до сихъ поръ далеко не были вредны.

— Составлять статью!—воскликнули оба мои школьники и лица ихъ при этомъ замѣтно вытянулись.— Нѣтъ это дѣло трудное! Потруднѣе чѣмъ выучить урокъ. Нѣтъ мы не умѣемъ составлять статьи. У насъ въ школѣ этимъ еще не занимались!

— Не сомнѣваюсь, что въ школѣ вамъ это еще не объясняли; но, все равно, вы увидите, что это гораздо легче чѣмъ вы себѣ это представляете.

— О!—сказала Сюзанна—да она будетъ очень плохо составлена твоя статья, если мы за нее примемся. Да и притомъ навѣрное правительство не допуститъ печатаніе статьи, составленной маленькими дѣтьми. Я какъ то прочла въ газетѣ, что безъ разрѣшенія правительства нельзя печатать статьи.

— Будь покойна,—отвѣчала я Сюзаннѣ,—на этотъ разъ правительство въ наше дѣло не вмѣшается и только отъ насъ зависитъ, чтобы статья наша вышла великолѣпной. Прежде всего вамъ не придется заботиться о

важнѣйшемъ вопросѣ, именно о правописаніи; вамъ придется только говорить, диктовать мнѣ, а перомъ работать предоставьте мнѣ.

Напримѣръ ты, Сюзанночка; если бы я спросилъ тебя по какимъ признакамъ узнается избалованный ребенокъ, могла бы ты мнѣ отвѣчать на это безъ особаго затрудненія? Вотъ напримѣръ, возьмемъ Тото, твоего двоюроднаго братца, безпрестанно посматривающаго въ окно, полагая, что отъ этого скорѣе появится его другъ Анна; скажи, былъ-ли онъ избалованъ?

— О, мой крестный! Если только дѣло касается г. Тото, мы сейчасъ найдемъ, что поразказать и даже очень многое.

Начну съ того, что впервые я познакомилась съ Тото, когда тетя моя въ первый разъ пріѣхала въ Парижъ. Тогда Тото постоянно сосалъ свой большой палецъ, хотя ему былъ уже одинъ годъ. Когда вынимали ему палецъ изо рта, Тото кричалъ какъ будто его рѣзали. Теточка сказала: «оставьте его въ покоѣ, пусть себѣ сосетъ палецъ, а то онъ заболѣетъ отъ крика». Изъ этого видно, что тогда уже г. Тото былъ порядочно избалованъ.

Тото, услышавъ частое повтореніе своего имени, началъ прислушиваться и, повидимому, озадаченъ былъ возникшимъ противъ него обвиненіемъ. Но вскорѣ онъ сообразилъ въ чемъ дѣло и, устремивъ свои большіе кроткіе глаза на Сюзанну, сказалъ ей съ скромностью, отличающей созданіе съ чистѣйшей совѣстью: «Теперь Тото никогда не сосетъ свой палецъ».

— Еще бы въ четыре года!—возразила смѣясь Сюзанна. Впрочемъ это еще не все,—продолжала она. Когда я чрезъ четыре мѣсяца послѣ того поѣхала къ своей тетѣ въ Еврѣ, вообразите себѣ чѣмъ занимался г. Тото? Онъ сидѣлъ на коврѣ и, поднявъ ногу чуть не выше головы, усердно жевалъ свой башмакъ изъ синяго сафьяна. Такъ какъ, конечно, вовсе не могло быть полезнымъ здоровью ѣсть синіе башмаки, няня его хотѣла взять у него изо рта башмакъ. Тогда г. Тото началъ неистово качаться по коврѣ и кричалъ такъ ужасно и

пронзительно, что моя бѣдная теточка, испуганная его крикомъ и видя, что отъ злости, онъ сталъ синѣе своего башмака, поспѣшила сказать нянѣ: «Оставьте, пусть дѣлаеть что хочетъ; если онъ будетъ такъ злиться, онъ заболѣеть. Милый малютокъ такой нервный!»

Видно было, что Тото очень избалованъ.

Когда г. Тото выучился ходить, онъ пересталъ уже жевать свои башмаки, это вѣрно; но, какъ бы вы полагали, что онъ придумалъ? Онъ ихъ потихоньку и незаметно снималъ и затѣмъ преспокойно швырялъ за окно. Однажды одинъ башмакъ попалъ въ большой вишневый тортъ, который несъ на головѣ мальчикъ изъ кондитерской. Пришлось заплатить за тортъ и даже съѣсть его—добавила Сюзанна съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица.—Въ этотъ день—продолжала она—были гости за обѣдомъ и мой дядя, вмѣсто того чтобы разсердиться, много смѣялся, такъ какъ его забавляло что гости ѣдятъ тортъ не только съ вишнями, но и съ башмакомъ. Это убѣдило г. Тото, что выбрасывать, различныя вещи за окно очень милая шутка и въ одинъ прекрасный день онъ швырнулъ за окно маленькаго Трима. Когда подняли бѣдную собачку, у нея оказались переломанными двѣ лапки и вотъ почему она и до сихъ поръ хромаеть. Надо добавить, что Тото очень былъ привязанъ къ Триму и сильно горевалъ, что у собачки сломаны лапки, но это расканіе лапкамъ Трима нисколько не помогло.

Какъ то въ другой разъ, когда г. Тото умѣлъ уже отлично говорить, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ когда надо было просить, то что ему вздумалось, онъ потребовалъ, чтобы отецъ его далъ ему маленькую птичку, летавшую высоко въ воздухѣ, именно жаворонка, котораго папа его даже не могъ разглядѣть, а не только дать ему. Онъ такъ разсердился, что сказалъ своему папѣ: «ты песь». Назвать своего отпа песь? Да вѣдь это ужасно; а между тѣмъ папа его только рассмѣялся и кончилось тѣмъ что Тото много говорилъ нехорошихъ словъ, которымъ выучивали его военные.

Теперь Тото уже большой мальчикъ: ему вчерашняго

дня кончилось четыре года, но и теперь никакъ нельзя умыть его какъ слѣдуетъ. Его маленькій носикъ всегда выпачканъ. Когда захочешь его поцѣловать, такъ не его цѣлуешь, а варенье, или что либо другое; словомъ, Тото до сихъ поръ избалованъ.

Но это еще не все, а вотъ я сейчасъ укажу на самое худшее. Повѣрите-ли вы, что прошлой субботой узнали, что г. Тото, ни въ чемъ не нуждающійся, такъ какъ отецъ его даетъ ему гораздо болѣе чѣмъ нужно, — приобрѣлъ пропасть долговъ! Вся улица переполнена была его кредиторами и въ одинъ прекрасный день имъ надобло отпустить ему въ кредитъ, они явились къ его семьѣ съ требованіями уплаты. Оказалось, что г. Тото умудрился задолжать девять су! Въ мелочную лавку три су за три палочки ячменнаго сахара; два су продавцу мячиковъ за два мячика; одинъ су за дудочку въ другой лавкѣ; два су женщинѣ, торгующей яблоками и одинъ су за каштаны у разнощика на углу улицы. Все это куплено въ кредитъ неизвѣстно когда; вѣроятно тогда когда къ нему повернешься спиною! Слѣдовательно г. Тото не только избалованъ, онъ даже мотъ, расточитель!

Тото, подавленный этой массой различнаго рода обвиненій, а въ особенности послѣднимъ, опустилъ голову какъ преступникъ и, наконецъ, не найдя лучшаго исхода изъ овладѣвшаго имъ смущенія, принялся рыдать. Сюзанна, нимало не ожидавшая такого взрыва чувствительности, совершенно противному обычному поведенію г. Тото, не знала чѣмъ бы его утѣшить. По счастью моя Мари вспомнила, что у меня были въ коробкѣ буль-де-гоммъ, которыя по вкусу приходились г. Тото. Она дала ему одну конфетку, сразу прекратившую слезы. Вообще Тото охотно смѣялся, когда у него было что либо сладкое во рту. Возвращаясь къ тому, что у него уже часъ тому назадъ гвоздемъ засѣло въ головѣ, Тото воскликнулъ, посасывая свою конфетку:

— Да когда же Анна придетъ?

— Да, да, миленькій Тото, она скоро придетъ; придетъ непременно—отвѣчала ему Мари, по природѣ своей утѣ-

нительница всѣхъ огорченныхъ и повела его въ садъ. Бѣ, этому милому ребенку, не было надобности слушать обвиненіе по дѣлу избалованія дѣтей. Она отъ рожденія была неизбалованная т. е. неспособная испортиться баловствомъ. Кстатѣ сказать при этомъ удобномъ случаѣ, что безбоязненно, безъ опасенія ихъ испортить, можно баловать тѣхъ дѣтей, которыя по природѣ своей никогда не могутъ быть испорчены баловствомъ. Хотя рѣдко, но они встрѣчаются.

Когда г. Тото ушелъ въ сопровожденіи Мари, заговорилъ Роже:

— Нѣтъ сомнѣнія, что Тото былъ сильно избалованъ, но портятъ баловствомъ настолько же дѣвочекъ, и сестра его еще больше была избалована нежели онъ. Представьте себѣ, что сегодня утромъ m-ле Роза не захотѣла отправится съ нами въ Бельвю; она доказывала, что m-ле Миреттъ, ея кукла, не любитъ деревни и всегда простуживается и чихаетъ вѣлѣсу. Кукла чихаетъ! Да развѣ это мыслимо? Я помню, что годъ тому назадъ, когда она была въ такомъ же возрастѣ какъ теперь Тото, она до такой степени любила продѣлывать все, что не слѣдуетъ, что однажды она взяла перья отца и чернилами нарисовала разныхъ человѣчковъ на прекрасныхъ шелковыхъ обояхъ въ гостиной родителей и среди этихъ человѣчковъ помѣстила портретъ отца съ его большой саблей, которымъ онъ вовсе не былъ польщенъ. Когда ея папа, только что проснувшись, узналъ объ этомъ и найдя это уже черезчуръ дерзкимъ, нашелъ нужнымъ наказать ее и запереть въ своей уборной, m-ле Роза, вмѣсто того чтобы просить прощеніе, изъ-за запертыхъ дверей, сказала ему. Если ты, папочка, не выпустиши тотчасъ же твою маленькую Розу изъ этого отвратительнаго кабинета, твоя маленькая Роза испортитъ всѣ твои сапоги и тебѣ невозможно будетъ одѣться».

Такъ какъ ея отцу часто приходилось выходить очень рано изъ дому, дѣлая смотръ солдатамъ, а потому надо было одѣваться очень быстро—онъ побоялся этой угрозы и тотчасъ выпустилъ m-ле Розу изъ ея заключенія. Это

было большой ошибкой съ его стороны и будь я отецъ такой барышни какъ м-лле Роза, никогда не былъ бы такимъ снисходительнымъ и ничего подобнаго не сдѣлалъ бы.

Благодаря такому безграничному снисхожденію и пагубной слабости вотъ что случилось.

Вечеромъ того же дня, за обѣдомъ, м-лле Роза нѣсколько разъ выходила изъ своего высокаго стула и подходила поцѣловать своего папу.

— Вѣрно ты очень любишь своего папу, что такъ часто всѣхъ безпокоишь для того, чтобы его поцѣловать—сказалъ генераль С

— О да!—отвѣтила дѣвочка.

— Я прекрасно знаю причину такой любви; это потому что онъ тебя сильно балуетъ—сказалъ генераль.

— Нѣтъ, не потому,—возразила Роза.

— Такъ почему же?—спросилъ генераль.

— А потому что онъ очень послушенъ.

— А! . . . возразилъ генераль—хорошо что твой отецъ полковникъ драгунскаго полка, потому что изъ него вышелъ бы никуда негодный капраль въ полку, состоящемъ изъ дѣвочекъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дядѣ моему очень неприятно было выслушать такое мнѣніе отъ своего генерала.

Я вспомнилъ еще одно обстоятельство. Когда Роза была еще маленькая, она имѣла привычку, когда супъ ей не нравился, разливать его полными ложками, бросая во всѣ стороны черезъ голову. Она продѣлывала это не только дома, но и въ гостяхъ. Такъ какъ такая привычка сильно портила платья дамъ, одна дама ни за что не соглашалась сѣсть около Розы. Въ этотъ день тетя сидѣла за обѣдомъ сильно сконфуженная и раскраснѣвшаяся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Роза была очень обжорлива. Она засовывала свои пальцы всюду, гдѣ ей понравится какой либо кусочекъ и не только въ стоявшія на столѣ блюда, а даже въ тарелки сидѣвшихъ около нея.

Что касается тартинокъ, впрочемъ множество есть маленькихъ дѣвочекъ, дѣлающихъ то же самое, она всегда

сѣдала тотчасъ только все то, что находилось сверху хлѣба, а хлѣбъ отбрасывала въ сторону. Наконецъ совершенно вѣрно то, что это она приучила бѣдняжку Тото становиться на полъ на четвереньки и ѣсть языкомъ какъ Тримъ; дошло до того, что трудно было отучить Тото ѣсть иначе, до такой степени онъ вѣрилъ и подчинялся своей сестрѣ. Онъ сдѣлался совсѣмъ какъ маленькая собачка, такъ что однажды Тримъ принялся ѣсть съ нимъ изъ одной тарелки, полагая, что подаютъ для нихъ обоихъ.

— Все же это не такъ скверно, какъ высовывать языкъ мужчинамъ и дамамъ, какъ маленькая С . . . и ни за что не соглашаться поцѣловать лицъ, указанныхъ ей матерью—замѣтилъ Филиппъ.

— Ну вотъ еще! Послѣ всего этого можно сдѣлаться очень порядочнымъ, сказалъ Рауль.

— Ты, г. Рауль, ты былъ порядкомъ избалованъ и не имѣешь права порицать избалованныхъ.

— Ну возможно ли говорить что либо подобное?—возразилъ горячо Рауль,

— Очень возможно—отвѣтила непреклонная Сюзанна позвольте узнать кто трубилъ въ трубу надъ ухомъ—спящей сестренки, чтобы принудить ее внезапно пробудиться? Кто проламывалъ внутренность всѣхъ куколъ, чтобы посмотрѣть что тамъ въ серединѣ? Кто однажды растопилъ въ большой суповой ложкѣ всю свою прусскую армію, чтобы посмотрѣть что выйдетъ изъ растопленныхъ прусскихъ солдатиковъ и при этомъ когда армія начала вытекать изъ ложки, до такой степени обжегъ себѣ руки, что и теперь остаются слѣды? Кто продѣлывалъ большія дыры въ своихъ барабанахъ для того, чтобы влить туда воду и пустить въ нее красныхъ рыбокъ изъ вазы своей мамы, а рыбки тамъ издыхали? Кто вскакивалъ ногами даже съ грязными ботинками на колѣни мужчинъ, которымъ это вовсе не нравилось? Кто нарочно всовывалъ ноги въ ручей, когда не желали его перенести? Кто всѣмъ говорилъ: «Мнѣ это все равно»,—если кого либо рассердилъ? Кто однажды наносилъ удары ногами старому водоносу, потому что онъ не захотѣлъ

вылить воду изъ своихъ ведеръ для образованія на лѣстницѣ каскадовъ Сенъ Клу? А кто по этому случаю получилъ два хорошихъ шлепка отъ домовладѣлицы, которая все это услышала со второго этажа? Кто топалъ ногами, когда хотѣли чтобы онъ сказалъ басню: Ворона и Лисица? Наконецъ кого можно было исправить только тогда, когда его, по достиженіи семи лѣтъ, помѣстили въ школу Св. Варвары, гдѣ не все дѣтямъ дозволяется, а держать ихъ строго.

Хорошо! Прекрасно!—прервалъ наконецъ Сюзанну Рауль, задѣтый за живое. Вотъ подожди-же, я не буду тебѣ помогать садиться на Анну, мадемуазель Сюзанна. Я уже больше не намѣренъ галопировать рядомъ около твоего сѣдла, чтобы не допустить тебя упасть. Хорошо, хорошо, m-lle Сюзанна! У васъ злой, очень злой языкъ m-lle Сюзана и это одно уже доказываетъ, что и васъ такъ же точно избаловали какъ и насъ. Никогда ваша мамаша не была въ силахъ вамъ въ чемъ бы то ни было отказать и когда вы были маленькая, именно шести лѣтъ, въ теченіи мѣсяца послѣ перваго дня новаго года у васъ было такъ часто расстройство желудка послѣ засахаренныхъ каштановъ, что развѣ только одинъ Жюль могъ бы съ вами поспорить въ этомъ отношеніи, да и то развѣ очень незначительно: онъ васъ перещеголялъ на одинъ лишній разъ, заболѣвъ расстройствомъ желудка. Кто въ силахъ былъ испортить такую громадную массу игрушекъ, какъ вы, сударыня? Кто больше васъ сумѣлъ истратить на туалетъ куколъ? Кто вслѣдствіе того, что по горло пичкали ее лакомствами, забрасывали подарками и всѣмъ, что только можетъ составить счастье маленькой дѣвочки, кончила тѣмъ, что получила отвращеніе ко всему этому и находила удовольствіе только въ игрѣ съ мальчиками, но при неизбѣжномъ участіи ружей и сабель?

Кто, слишкомъ уже много имѣвъ нарядныхъ платьевъ и шляпъ съ цвѣтами, сдѣлался до такой степени кокеткой, что, будучи десяти лѣтъ, думаетъ больше всего о томъ, чтобы быть красивой и привлекательной, такъ что теперь боишься къ ней подступить, боишься съ ней

заговорить, опасаясь пзнять ея платье, хотя бы только взглядомъ?

Кто, наконецъ, не умѣя еще бѣгло читать въ семь лѣтъ, однако такъ бѣгло выучился говорить, что если уже она заговорила, то ни что въ мѣрѣ ея не остановить, даже опасеніе огорчить другихъ?

Такимъ образомъ, захваченная врасплохъ и сильно огорченная m-lle Сюзанна, несмотря на всю твердость своего характера, такъ смутилась, что не выдержала и расплакалась, проговоривъ сквозь слезы:

— О, Рауль! Все, что я говорила, было съ цѣлью посмѣяться надъ тобою, когда ты былъ маленькимъ; но то, что ты говоришь обо мнѣ касается не только моего пропалаго, но и настоящаго, а это доказываетъ, что ты меня вовсе не любишь.

— Папа, тихо сказалъ мнѣ Жюль, ничего нѣтъ хорошаго въ указываніи на чужіе недостатки. Самые лучшіе друзья, какъ видишь, поссорились.

— Я надѣялся, что каждый ограничится указаніемъ только своихъ собственныхъ, а не чужихъ недостатковъ.

— Но тогда твоя статья была бы гораздо короче— сказалъ мнѣ смѣясь мой насмѣшливый Жюль.

Между тѣмъ Рауль, взволнованный и огорченный крайней смѣлостью своихъ возраженій импозантною, хотя маленькой кузинѣ, старался устроить примиреніе, оказавшееся, повидимому, весьма труднымъ; но вдругъ раздался голосъ, авторитету котораго никто изъ присутствовавшихъ не чувствовалъ себя въ силѣ противостоять. Голосъ этотъ по счастью положилъ конецъ всякимъ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Это былъ могущественный голосъ m-lle Анны, благосклонно возвѣщавшей свое прибытіе раскатистымъ и продолжительнымъ ржаніемъ. Если m-lle Анна казалась такой веселой, надо было предполагать, что она хорошо позавтракала.

Всякіе споры и разговоры рушились мгновенно и пали въ прахъ предъ ея громкимъ крикомъ, подобно тому какъ въ онія времена отъ гласа трубнаго пали стѣны Іерихона.

— Въ путь-дорогу! —весело крикнули всѣ присут-

Въ путь-дорогу!—закричали все присутствующіе.

ствующіе, чрезвычайно довольные прекращеніемъ разговоровъ щекотливаго свойства.

— Идемъ! Но прежде чѣмъ отправиться въ путь надо совершить общее примиреніе и всѣ должны поцѣловаться—заявилъ я всей компаніи.

Въ дѣтствѣ живо забываютъ всякія пререканія и, понятно, мои маленькіе друзья не заставили повторить мое приглашеніе.

Все смѣшалось въ общихъ поцѣлуяхъ и розовыя губки издавали звуки точно птички, собирающіяся вылетѣть изъ птичника.

Наконецъ появленіе слуга Жана, объявившаго, что госпожа приказала сказать, что чрезъ десять минутъ все будетъ готово къ отправленію въ путь, положило конецъ этому достопамятному конгрессу.

Я отвѣтилъ, что приду въ садъ по первому призыву и воспользовался оставшимися мнѣ десятью минутами, чтобы дополнить нѣсколькими словами все то, что было сказано выше. Этимъ можно было бы ограничиться, такъ какъ высказать все, что можно сказать о баловствѣ, или лучше сказать, противъ балованія, было бы крайне трудно. Можно было бы написать противъ этого сотню томовъ и когда нибудь, если хватитъ время, я попытаюсь это сдѣлать.

—○○○○—

Заключеніе.

тотъ недостатокъ въ родителяхъ, слишкомъ балующихъ своихъ дѣтей,—надо чтобы господа маленькіе мальчики и сударыни маленькія дѣвочки знали это твердо,—лежитъ главнымъ образомъ на совѣсти дѣтей! Они въ немъ виновны и они должны быть отвѣтственны.

Да; если ребенокъ черезчуръ избалованъ, самъ ребенокъ въ этомъ виновенъ, несравненно болѣе нежели его

папа и мама, такъ какъ вмѣсто того, чтобы злоупотреблять слабостью своихъ родителей, они могли бы воздержаться собственными усиліями и не подвергать своихъ несчастныхъ отца и мать вѣчному угрызенію совѣсти въ томъ, что они поддались своей слабости и вслѣдствіе этого создали изъ маленькихъ обожаемыхъ ими существъ, особъ невыносимыхъ всему человѣческому роду.

Всѣ дѣти знаютъ это еще лучше меня; они могли бы быть много разсудительнѣе и могли бы не доводить слишкомъ добрыхъ родителей до того, что они впадаютъ въ слабость, избаловывающую дѣтей.

Вмѣсто того чтобы быть упрямыми, настойчивыми, упорно домогаться исполненія какого либо желанія, какого либо неблагоприятнаго требованія—они могли бы, замѣтивъ нежеланіе родителей, не настаивать и не домогаться исполненія своихъ требованій.

Но нѣтъ, совершенно наоборотъ, если мать сказала: «нѣтъ!» и даже послѣ того нѣсколько разъ повторила: «это невозможно!»—упрямый ребенокъ продолжаетъ настаивать и упорно борется. Глаза бѣдняжки мамы полны слезъ; ей больно видѣть такое упорство дорогого ей ребенка; но вмѣсто того чтобы поцѣловать мать, выразивъ этимъ подчиненіе ея отказу исполнить его требованіе, онъ самъ начинаетъ плакать во всю мочь и, надрывая этимъ сердце бѣдной нѣжной матери, вынуждаетъ ее уступить и удовлетворить всякимъ его капризамъ.

Да развѣ это не ужасно?

Между тѣмъ, что изъ этого происходитъ. Неблагодарный ребенокъ снова принимается за то же самое; онъ становится невыносимъ даже тѣмъ, кто болѣе всѣхъ былъ расположенъ къ нему и вскорѣ сердце матери, отъ постоянного огорченія заливаясь кровью, обращается какъ бы въ сплошную рану. Ребенокъ, который долженъ бы быть ея радостью и ея счастьемъ, становится ея мучителемъ, ея пыткой, такъ какъ при всей любви къ нему, она ясно видитъ и вполне понимаетъ всѣ его недостатки и сознаетъ, что вслѣдствіе этихъ недостатковъ, кромѣ ея самой, никто не въ состояніи не только полюбить его, но даже снисходительно относиться къ нему.

Дорого бы я далъ, охотно пожертвовалъ бы всѣмъ чѣмъ могу, чтобы добиться возможности убѣдить дѣтей, что когда ихъ добрые родители сказали: «нѣтъ, нельзя!»—никогда не слѣдуетъ дѣтямъ заставлять родителей снова повторять эти нѣтъ и нельзя, произносить которыя имъ очень и очень тяжело!

— Если, выслушавъ отказъ, но продолжая настойчиво добиваться своего, ребенокъ услышитъ наконецъ да или хорошо,—да будетъ ему извѣстно, что онъ добился своей гибели! Это самая печальная, по своимъ послѣдствіямъ, побѣда надъ родителями, одержанная сыномъ или дочерью!

Такая побѣда должна бы вызвать въ такихъ дѣтяхъ слезы, потому что за такую побѣду они жестоко страдаютъ въ будущемъ.

Окончу свои доводы, рассказавъ происшествіе, доказывающее, что наилучшими дѣтьми оказываются дѣти наименѣе избалованныя.

Сиротка.

Н а дняхъ я отправился поглядѣть на бѣдняжку сироту, пяти лѣтъ взятаго на попеченіе знакомыми мнѣ добрыми людьми.

— А гдѣ маленькій Шарль?—спросилъ я добрую барыню, взявшую на себя нелегкій трудъ замѣнить ребенку родную мать.—Ну что, вы имъ довольны?

— Это такой милочка; это просто ангелъ на землѣ!—отвѣчала она мнѣ шопотомъ.—Вотъ уже годъ, какъ умерла его мать и, несмотря на свой ранній возрастъ, онъ до такой степени о ней помнитъ, что ведетъ себя такъ, какъ будто она все еще около него. Вотъ посмотрите, онъ теперь стоитъ тамъ за занавѣсью, такъ какъ самъ себя наказалъ.

— Чѣмъ же провинился этотъ милый ребенокъ?

— Ничѣмъ; по крайней мѣрѣ насколько мнѣ это

известно, — отвѣчала добродушная женщина. — Но дѣло въ томъ, что каждый разъ, какъ по разсѣянности, ему придется сдѣлать какой-нибудь самый ничтожный пустякъ, но все же что либо такое, что запрещала ему покойная мать, онъ тотчасъ, не говоря ни слова, становится за занавѣсю. Въ этомъ заключалось единственное наказаніе, которому при жизни своей подвергала его мать.

Никакъ не догадываясь въ чемъ онъ могъ себя признавать виновнымъ, я иногда пыталась не допускать его наказывать себя самого, но каждый разъ я замѣчала, что слезы готовы были брызнуть изъ глазъ его и онъ мнѣ говорилъ: «такъ хочеть мама». Съ тѣхъ поръ я рѣшилась, предоставить въ такихъ случаяхъ поступать, какъ ему заблагоразсудится.

Я пошелъ разыскивать маленькаго Шарля въ его убѣжищѣ. Открывъ немного занавѣсь, я сказалъ:

— Желаеть-ли ты, милое дитя мое, пойдти погулять немного съ твоимъ другомъ?

— О да, да! Теперь Шарль хорошо себя ведетъ.

Тѣмъ хуже для того, кто не пойметъ этого добровольно налагаемаго на себя ребенкомъ наказанія. Я знаю чуть ли не взрослыхъ сиротъ, которыя, если бы могли сохранить чистоту души и наивное простосердечіе Шарля, очень охотно стали бы на покаяніе за занавѣсю, чтобы примирить свое сердце съ дорогими покойниками, когда имъ случается сдѣлать что либо такое, что во время жизни своей не одобрили бы ихъ отцы и матери.

Итакъ, не избаловывайте, не портите своихъ дѣтей, если вы не желаете, чтобы они, сдѣлавшись сначала относительно васъ самихъ эгоистами и жестокими, какими бываютъ всѣ тѣ, которыхъ приучили воображать что все на свѣтѣ для нихъ и имъ дозволено, — кончили тѣмъ, что вступивъ, въ жизнь общественную, никого не балующую, стали нестерпимыми какъ всѣмъ другимъ людямъ, такъ и себѣ самимъ.

Я до такой степени проникся и увлекся важностью затронутаго мною вопроса, что и до сихъ поръ бы писалъ, если бы не пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ сынъ мой, заявляя, что все готово и ждутъ только меня.

Когда мы спускались по лѣстницѣ, сынъ сказалъ мнѣ: — Тото теперь въ полномъ восторгѣ. Какъ тебѣ извѣстно, до сихъ поръ, опасаясь что онъ можетъ упасть, его не рѣшались сажать одного на осла; всегда сажали его на сѣдлѣ рядомъ съ Мари или Сюзанной и онъ называлъ это: «второе мѣсто». Сегодня же мама порѣшила, что онъ сталъ уже хорошимъ наѣздникомъ и съ сегодняшняго дня можетъ одинъ сидѣть на ослѣ. Вотъ ты увидишь въ какомъ онъ восхищеніи.

Подойдя къ малюткѣ, я воскликнулъ:

— Значить, вы, господинъ Тото, стали теперь уже настоящимъ мужчиной?

— Да, дядечка, да! Теперь я занялъ и первое и второе мѣсто!—отвѣчалъ мальчикъ, съ лицомъ сіяющимъ гордостью и восторгомъ.

Минуть чрезъ пять весь караванъ двинулся въ путь. Всѣ набѣжавшія между дѣтьми мрачныя тучки вполне разсѣялись. Рауль рвалъ цвѣты, составляя букеты для Сюзанны, а Сюзанна удостоивала эти букеты благоклоннымъ приѣмомъ; весь оживленный рой дѣтишекъ прыгалъ и смѣялся и больше уже не судили ближняго, увлекаясь прогулкой и надеждой на вкусный завтракъ.

Въ такомъ веселомъ настроеніи караванъ добрался до кедр.

Постскриптумъ.

Выполняя добросовѣстно обязанность историка, долгомъ признаю добавить, что завтракъ былъ очень хорошъ, причемъ оказали ему полную честь; въ доказательство привожу то обстоятельство, что Анна, облегченная вполне отъ содержания корзинокъ, шла настолько быстрымъ и задорнымъ шагомъ, что Тото, немного переполошившись такимъ аллюромъ, по собственной инициативѣ пригласилъ Мари занять одно изъ занимаемыхъ имъ мѣстъ.

Послѣдствія необдуманности и неосторожности.

Дѣдушка,—говорилъ Фрицъ—ты всегда насъ удерживаешь, когда мы хотимъ забавляться. Не мѣшай намъ; дай волю наигратся: вѣдь ты самъ очень доволенъ когда мы смѣемъ.

— О, не всегда, далеко не всегда!—возразилъ дѣдъ. Дѣти очень неосторожны и разсѣянны. Часто ихъ забавляетъ то, что немного позже сдѣлается причиной слезъ. Они ничего не предусматриваютъ. Они не знаютъ, что прежде чѣмъ про дѣлать то, что они называютъ шалостью, они должны бы сначала спросить себя, дѣйствительно-ли это только шалость, а не что либо, кончающееся зло и печально. Видите ли, дѣтки мои, дѣло будетъ хорошее, если, прежде чѣмъ что либо затѣвать, немножко поразмыслить о послѣдствіяхъ. Существуетъ хорошая пословица: «Кто позже смѣется, тотъ лучше смѣется». Вообще когда вы черезчуръ много смѣетесь, я всегда боюсь, что вы сказали или сдѣлали какую либо глупость.

— О, дѣдушка! Какой ты недобрый, если говоришь намъ такія вещи!—возразилъ Фрицъ.—Да и пословица твоя едва ли удачна? Увѣренъ ли ты въ томъ, что она права? Я, напротивъ, нахожу, что тотъ, кто первымъ смѣется счастливей другихъ, именно потому что онъ первый почувствовалъ себя довольнымъ.

— Нѣтъ, мой милый Фрицъ, не порицай моей пословицы! отвѣтилъ дѣдъ.—Наступитъ день и почему то я опасаюсь, что онъ слишкомъ скоро наступитъ, раньше

чѣмъ я бы это желалъ, когда ты сознаешь всю мудрость этой пословицы.

Фриць, покачивая головой съ видомъ челоуѣка не признающаго себя побѣжденнымъ, возразилъ:

— Дѣдушка, пословицы пригодны для взрослыхъ; дѣти ихъ не понимаютъ и въ этомъ не ихъ вина.

На это дѣдъ отвѣтилъ:

— Когда я былъ такой же шалунъ какъ ты, моя матушка говорила мнѣ постоянно: «Если ты, Петрусь, собираешься устроить какую-нибудь шалость, хорошенько обдумай сначала. Всѣ шалости, штуки, а также шутки и насмѣшки, продѣлываемыя съ товарищами, нужно всегда обдумать предварительно, не кончатся ли онѣ плохо». Если затѣваютъ что либо благоразумное, можно даже торопиться. Вовсе не нужно о томъ раздумывать задолго впередъ, потому что всегда слѣдуетъ спѣшить, дѣлая доброе дѣло. Такъ какъ хорошіе поступки вѣшаются сердцемъ и разумомъ, можно всегда пари держать сто противъ одного, что ничего другого не случится кромѣ хорошаго, но когда дѣло идетъ о какой-нибудь шалости, или шутокѣ, такъ какъ васъ на это подстрекаетъ взбалмошность и безразсудство, чѣмъ больше пообдумать да обсудить чѣмъ это можетъ кончиться, тѣмъ лучше. Кто можетъ предвидѣть послѣдствія какой-нибудь продѣлки, называемой такъ снисходительно шалостью или шуткой? Если зародышъ плохъ то и плодъ отъ него никогда не можетъ выйдти хорошимъ.

— О, дѣдушка! Да и длинна же твоя проповѣдь! Если ты еще дольше будешь проповѣдывать, такъ и погода испортится.

Дѣдъ улыбнулся, а Фриць, сочтя минуту благопріятной, выскочилъ изъ комнаты и убѣжалъ играть съ своими товарищами на бывшихъ въ той мѣстности развалинахъ.

Играть, забавляться, конечно, дѣло весьма невинное, но вопросъ еще въ томъ какого рода эти игры и забавы. Но объ этомъ то всего менѣе заботился Фриць, влѣзая на развалины, служившія обычнымъ мѣстомъ

свиданія съ товарищами. Онъ говорилъ про себя: «разъ весело и забавно, значить игра хороша».

Добравшись до развалинь, онъ засталъ тамъ Жозефа съ братомъ Яковомъ, а также Лину, дочь Фрицинаго дяди и игры пошли своимъ чередомъ. Играли въ прятки, что было очень легко и удобно, такъ какъ это были развалины древняго замка и было множество башенокъ, лѣстницъ, палисадниковъ, уступовъ и всякихъ укромныхъ и таинственныхъ уголковъ. Кромѣ того, около старыхъ стѣнъ раскинуто было много толстыхъ большихъ деревьевъ, вѣтвистыхъ и богатыхъ листвою, такъ что было гдѣ побѣгать. Дѣло пріятное размять себѣ члены, научиться ловко влѣзать на стѣны, уступы башенъ, на деревья и сдѣлаться легкимъ, ловкимъ и отличнаго расположенія духа.

Надо было случиться такому несчастью, что въ этотъ день дѣти разыскали старую, заржавленную, никуда негодную жестяную лейку, уже много лѣтъ валявшуюся въ развалинахъ.

Игра съ лейкой началась тѣмъ, что Фрицъ сильно подбросилъ ее ногой и она звенѣла и грохотала, подскакивая и катясь по каменнымъ уступамъ.

Всѣ послѣ Фрица добросовѣстно подбрасывали ногою лейку и одинъ за другимъ изоцрялись въ ловкости, стараясь подбросить ее повыше и подальше и потѣшаясь съ громкимъ смѣхомъ ея неистовыми скачками и звономъ.

Хотя эта игра вскорѣ надоѣла веселой компаніи, но появленіе новаго товарища и участника игры, снова возбудило общій интересъ.

Этотъ новый участникъ игры былъ общій другъ и любимецъ всѣхъ дѣтей, самый веселый и ловкій участникъ товарищества, добрый Турокъ, любимая собака дѣдушки. На глазахъ этого Турка родились и выросли дѣти и онъ во всемъ принималъ участіе какъ въ играхъ такъ и въ трудахъ по дому.

Турокъ спалъ, когда вышелъ Фрицъ изъ хижины дѣдушки, но, какъ хорошая собака, спалъ только на одно ухо, а другимъ ко всему чутко прислушивался къ ка-

ждому шороху. Крики дѣтей, взрывы ихъ хохота, звонъ и грохотъ лейки, подбрасываемой съ высоты развалинъ, доносились до его слуха. Турокъ былъ очень умной собакой и тотчасъ сообразилъ: «да, тамъ играютъ дѣти; да какъ же это такъ, что безъ меня!» Звонъ и грохотъ лейки въ особенности его заинтриговали; онъ никакъ не могъ угадать, что бы это такое было, и тотчасъ скавалъ про себя:

— Пойду посмотрѣть, что тамъ такое!— Затѣмъ, безъ дальнихъ размышлений, вскочилъ и помчался стрѣлою. Черезъ нѣсколько минутъ добрый товарищъ, веселый, радостный, съ хвостомъ горделиво поднятымъ вверхъ предсталъ предъ играющей компаніей, которой уже надоѣла игра съ лейкой. Какъ и всегда Турокъ былъ принять радостно и восторженно.

— Ахъ, бѣдный Турокъ, если бы онъ только могъ предчувствовать, что его ожидало! Но что же тутъ удивительнаго, если животныя такъ мало разсудительны, когда даже люди благоразуміемъ не могутъ похвалиться. Съ появленіемъ Турка, игра съ лейкой возобновилась еще оживленнѣе прежняго.

Надо было видѣть какъ забавень былъ Турокъ, гонясь за подскакивавшей лейкой и какъ гордо онъ смотрѣлъ, захвативъ ее въ зубы и принося обратно Фрицу. Прыжки и громкій лай Турка и подчасъ его кувырканіе вмѣстѣ съ лейкой съ какого-нибудь уступа, при неосторожномъ скачкѣ, смѣшили дѣтей до слезъ.

Во всемъ этомъ, конечно, не было ничего опаснаго и дурнаго и дѣло обошлось бы благополучно, если бы игра окончилась только на этомъ и даже довольна была бы лейка, которой надоѣло уже много лѣтъ ржавѣть въ одномъ и томъ же углу. Но, къ сожалѣнію, Фрицу, никогда не умѣвшему шалить и веселиться умѣренно, но всегда увлекавшемуся и впадавшему въ крайность, пришла несчастная мысль въ голову позабавиться еще другимъ способомъ.

Онъ вспомнилъ о запасѣ тонкой бичевки у себя въ карманѣ; эта бичевочка была его страстью; онъ съ ней

не разлучался и ему внезапно пришла мысль въ голову привязать лейку къ хвосту своего друга Турка.

Турокъ, добрый, смиренный и сговорчивый какъ всегда, безпрекословно подчинялся и смиренно стоялъ пока ему привязывали лейку къ хвосту. Да и съ какой стати добрая собака, никогда никому не сдѣлавшая зла, вздумаетъ недовѣрчиво относиться къ своимъ лучшимъ друзьямъ?

Какъ только лейка была привязана къ хвосту несчастнаго животнаго, Фрицъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми поднялъ неистовый крикъ, желая заставить побѣждать Турка и поглядѣть какъ будетъ за нимъ слѣдомъ подпрыгивать лейка, подгоняя его ударами по заднимъ ногамъ.

Можно было обойтись даже и безъ криковъ: Турокъ сразу обезумѣлъ отъ боли и страха, такъ какъ лейка колотила его по заднимъ ногамъ и на каждомъ препятствіи сильно и больно оттягивала ему хвостъ, царапая ноги. Какъ только онъ это почувствовалъ, имъ овладѣли сначала изумленіе, затѣмъ страхъ, наконецъ дикій гнѣвъ; сначала онъ метался на мѣстѣ, не понимая въ силу чего все это произошло.

Вслѣдъ затѣмъ началась бѣшеная скачка, вначалѣ очень разсмѣшившая Фрица и его товарищей. Однако, тотчасъ послѣ того бѣшеные прыжки Турка доказывали такое отчаяніе, такія страданія, что дѣти поняли, что такая игра обратилась въ пытку для злополучнаго Турка.

— Ахъ, Фрицъ!—лейка истерзаетъ ноги бѣднаго Турка, пожалуйте съними ее какъ можно скорѣе!—вскричала Лина со слезами на глазахъ.

Жозефъ и Яковъ стояли ошеломленные и растерянные.

Фрицъ, въ отчаяніи и раскаиваясь, побѣждалъ насколько хватило силъ вслѣдъ за Туркомъ. Онъ звалъ его по имени, свисталъ во всю мочь и неистово кричалъ: стой, стой! Имъ всецѣло овладѣла одна только мысль: скорѣе и во что бы то ни стало освободить своего друга Турка отъ истязаній, которымъ онъ вслѣдствіе своей неосторожности и вѣтрянности подвергъ его.

Но Турокъ уже ничего не слышалъ и ничего не понималъ. Обезумѣвъ отъ ужаса, онъ бѣжалъ, яростно прыгая. Ограды, рвы, стѣны, всюду онъ перескакивалъ

Турокъ пустился бѣжать какъ бѣшеный.

съ бѣшеной скоростью. Вслѣдъ за нимъ летѣла лейка, помятая, разбитая, издавая адскій грохотъ и звонъ.

Фрицъ, выбившись изъ силъ и задыхаясь, вынужденъ былъ наконецъ остановиться. Турокъ мчался много впереди; догнать его было невысказуемо.

У поворота къ кладбищу, Турокъ исчезъ изъ виду по направленію къ большому лѣсу. Дѣти были въ отчаяніи, чувствуя себя виноватыми. Въ особенности огорченъ былъ Фрицъ; его мучила совѣсть, такъ какъ онъ сознавалъ себя главнымъ виновникомъ несчастья.

Ахъ, Боже мой!—думалось ему—съ какой стати, зачѣмъ это пришла мнѣ проклятая мысль въ голову привязать лейку къ хвосту собаки дѣдушки? Хуже всего то, что онъ привязалъ такъ тщательно и крѣпко, что не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобы бѣдное животное могло отъ нея освободиться.

— Что же теперь станетъ съ бѣднымъ Туркомъ?

Теперь Фрицу вспомнилось, что съ своей проклятой веревочкой онъ много уже натворилъ глупостей, что она всегда служила только для скверныхъ, злыхъ шутокъ надъ товарищами, такъ какъ онъ иногда вечеромъ, незамѣтно протягивая ее, заставлялъ ихъ падать, а подчасъ дѣлалъ изъ нея кнутъ и стегалъ товарищей.

Въ порывѣ негодованія онъ выхватилъ клубокъ бичевки изъ кармана и раздраженно швырнулъ его какъ можно дальше.

Однако, чѣмъ же была виновата бичевочка? При чемъ она въ его грѣхѣ. Не она плоха, а плохо то употребленіе, которое онъ изъ нея дѣлалъ, а сердиться на бичевку—горю не поможешь.

Какъ возвратиться домой безъ Турка? Что скажетъ дѣдушка, когда добрый дружокъ Турокъ не явится къ обѣденному часу? Вѣдь никогда этого не случалось, чтобы онъ запаздывалъ. А, въ особенности, что скажетъ дѣдушка, когда появится Турокъ больной, съ страшно израненными лапами, волоча за собою лейку? Дѣдушка тотчасъ сообразитъ, что лейка сама собою не могла привязаться къ хвосту бѣднаго Турка.

Волнуясь и смущаясь, Фрицъ обдумывалъ какъ выйти

изъ такого непріятнаго положенія. Наконецъ ему пришла мысль, что, быть можетъ, онъ добьется прощенія дѣдушки, если постарается доказать ему, что онъ все же думалъ и заботился о дѣдушкѣ и если плохо началъ день, то хорошо его закончилъ. Онъ попросилъ Жозефа, Якова, а въ особенности Лину, добрую и смышленную дѣвочку очень любимую дѣдушкою, чтобы они отправились къ нему и, рассказавъ обо всемъ случившемся, передали дѣдушкѣ, что онъ, Фрицъ, не вернется къ полдню домой, такъ какъ пошелъ въ большой лѣсъ разыскать Турка и привести его къ дѣдушкѣ; кромѣ того, Лина должна была добавить, что Фрицъ соберетъ и принесетъ большую вязанку дровъ.

Въ лѣсу Фрицъ нашелъ много сухихъ сучьевъ, наломанныхъ послѣдней бурей, но Турка нигдѣ не встрѣтилъ. Съ глубокой печалью въ сердцѣ собрались Фрицъ и связалъ вязанку дровъ и въ то же время, занимаясь этой работой, нѣсколько разъ громко кричалъ: Турокъ, Турокъ, Турокъ! Но на его крики отвѣчало ему только эхо въ утесахъ «Волчья Пастъ», такъ что онъ, видя бесплодность зова и ожиданія, взвалилъ наконецъ вязанку на спину и отправился домой.

Выходя изъ лѣсу, онъ еще разъ остановился, долго вглядывался, прокричалъ еще нѣсколько разъ, призывая собаку. Однако нигдѣ ничего не было видно и ничего не было слышно.

Фрицъ со своей ношей подходилъ уже къ деревнѣ, по мѣрѣ приближенія къ дому дѣдушки, становясь еще печальнѣе прежняго и не подозревая еще даже сотою части бѣдъ, которыя онъ натворилъ,—какъ вдругъ услышалъ издали странный шумъ, напоминавшій звонъ разбитаго колокольчика, скатывающагося по ступенькамъ лѣстницы...

Это звонъ лейки!—прошепталъ онъ—навѣрное звонъ лейки!

Но почему же теперь этотъ шумъ звучалъ въ ухахъ его какъ похоронный звонъ колокола? Странно, отчего же мнѣ такъ грустно? А вѣдь этотъ звонъ лейки, слѣдовательно возвращается Турокъ и мнѣ слѣдуетъ rado-

ваться, такъ какъ съ его возвращеніемъ все можетъ уладиться. . . Я тотчасъ отвязу отъ хвоста Турка эту проклятую лейку. Если онъ на меня сердится, я все сдѣлаю, чтобы добиться его прощенія. Прежде всего я отдамъ ему мой супъ и отдамъ хлѣбъ, а потомъ поведу его къ рѣчкѣ. Поѣвши хорошенько, ему, конечно, захочется пить...

Пить?

Увы! Бѣдный Турокъ уже никогда не напьется воды!..

То, что послышалось Фрицу, дѣйствительно было звономъ лейки. Да, дѣйствительно бѣжалъ Турокъ, какъ-то инстинктивно, послѣ бѣшеной скачки, возвращавшійся въ деревню, но это уже не былъ прежній, ласковый и добрый Турокъ, другъ дѣтей и веселый товарищъ въ ихъ играхъ, не забывавшій при этомъ своихъ обязанностей вѣрнаго стража дома.

Это былъ Турокъ ужасный и свирѣпый, съ налитыми кровью глазами, широко открытой пастью, покрытый бѣлой пѣною. Это былъ Турокъ неузнаваемый и неспособный узнать лучшихъ своихъ друзей. Словомъ, это былъ Турокъ, одержимый ужасной болѣзью, никого не щадящей и никого не прщающей, . . . выразимъ все двумя словами: онъ взбѣсился!

Въ томъ, что слишкомъ легко привыкли называть случайностями, встрѣчаются факты, которые человѣческая совѣсть вынуждена признать выраженіемъ правосудія Бога.

У лѣстницы, ведущей къ развалинамъ, одна изъ этихъ предполагаемыхъ случайностей устроила такъ, что на этомъ мѣстѣ внезапно встрѣтились лицомъ къ лицу палачъ и его жертва: Фрицъ и Турокъ.

Фрицъ, поблѣднѣвшій и растерявшійся; Турокъ свирѣпый, обезумѣвшій отъ бѣшенства.

Какъ извѣстно, общимъ и неизмѣннымъ проявленіемъ бѣшенства является то, что взбѣсившееся животное неизбежно бросается на всякое живое существо, попадающее ему на пути, и Фрицъ оказался первымъ, встрѣтившимся бѣшеному Турку, существомъ. Въ мгновеніе ока, какъ молнія, бросился онъ на пораженнаго ужасомъ Фрица.

Турокъ бросился на прашедшаго въ ужась Фрица.

Свирѣпый волкъ съ меньшимъ неистовствомъ набросился бы на несчастнаго ягненка, чѣмъ изступленный Турокъ на Фрица, не подозрѣвавшаго бѣшенства своего друга. Прежде чѣмъ Фрицъ могъ опомниться, Турокъ, опрокинувъ мальчика, зубами глубоко впился въ его плечо. Фрицъ отъ страшной боли едва не потерялъ сознаніе.

Слѣдуетъ ли умолчать объ окончаніи этой печальной исторіи? Это было бы напрасно, такъ какъ не принесло бы пользы.

Фрица, ели живого отъ боли и ужаса, отвели къ матери его маленькіе товарищи. Укрывшись сзади лѣстницы, Жозефъ, Яковъ, Лина, а также многія другія деревенскія дѣти были зрителями этой ужасной сцены.

Чтобы спасти Фрица отъ послѣдствій ужаснаго укушенія нельзя было терять ни минуты времени. По счастью, одинъ знаменитый медикъ изъ Страсбурга, докторъ Шустень, имѣлъ дачу въ этой мѣстности и жилъ въ ней лѣтомъ. Съ первыхъ словъ дѣтей, которыхъ за нимъ послали, онъ все понялъ. Такъ какъ кузнецъ имѣлъ кузницу рядомъ съ домомъ матери Фрица, докторъ, прежде чѣмъ увидѣть больного, зашелъ въ кузницу и, взявъ до-красна раскаленную полосу желѣза, тотчасъ поспѣшилъ къ больному и, сорвавъ копрессы, наложенные матерью Фрица, немилосердно выжегъ раскаленнымъ желѣзомъ до самой кости все то мѣсто на плечѣ Фрица, гдѣ образовалась рана отъ зубовъ собаки.

Въ то время это было единственное вѣрное средство противъ укушенія бѣшеной собакой, и, мнѣ кажется, что и въ настоящее время это средство самое радикальное и надежное.

Фрицъ вынесъ геройски операцію. Несмотря на страшную боль, онъ ни разу не вскрикнулъ, а только шепталъ про себя: «я это заслужилъ, вполне заслужилъ»!

Еще раскаленное желѣзо касалось его плеча, когда мальчикъ, обратившись къ доктору, сказалъ:—Господи! докторъ, не могли бы вы излѣчить собаку моего дѣдушки? Было бы справедливѣе вылѣчить не меня, а его!

Благодаря немедленно поданной помощи, Фрицъ выздоровѣлъ.

Турокъ, что стало съ нимъ? Невозможно было и помышлять объ его извлѣченіи. Только одна смерть можетъ положить конецъ бѣшенству собаки.

Въ одну минуту вся деревня узнала о появленіи бѣшеной собаки; всѣ въ ужасѣ страшились встрѣчи съ ней, такъ какъ самымъ храбрымъ нестыдно бояться послѣдствій ея укушенія.

Изъ всѣхъ жителей одинъ только человѣкъ рѣшился выступить противъ взбѣсившагося животного и этотъ единственный человѣкъ былъ дѣдушка Фрица, разсуждавшій совершенно основательно: «Такъ какъ всему виною мой Фрицъ, слѣдовательно на мнѣ лежитъ обязанность оградить женщинъ и дѣтей другихъ обывателей».

Вооружившись топоромъ, съ сердцемъ обливающимся кровью при мысли, что ему предстоитъ принести неизбежную, но ужасную жертву, старый солдатъ направился къ деревенскому выгону.

Но Богъ предотвратилъ отъ старика глубокое горе нанесенія смертельнаго удара своему вѣрному слугѣ и другу. Было бы черезчуръ печально видѣть Турка убитымъ рукою того, кто такъ сильно былъ къ нему привязанъ.

Смерть Турка оказалась достойной его жизни.

Казалось, что все бѣшенство его прекратилось послѣ нападенія на Фрица. Выполнивъ это невольное мщеніе, ноги его подкосились и онъ, истомленный и печальный, упалъ на землю; вслѣдъ затѣмъ, точно къ нему возвратилось сознаніе, онъ, съ трудомъ поднявшись, медленными шагами подошелъ къ своему хозяину, волоча за собою орудіе своей пытки. Нѣжно, глубоко печально взглянувъ на своего хозяина, онъ тяжело вздохнулъ; это былъ вздохъ, похожій на мольбу или жалобу. Турокъ легъ тихо у ногъ своего хозяина, снова жалобно вздохнулъ и испустилъ духъ.

Смерть Турка вызвала глубокое сожалѣніе всего населенія деревни и вмѣстѣ съ тѣмъ послужила серьезнымъ урокомъ. Отъ самаго взрослога до самаго маленькаго всѣ отлично сознали, что человѣкъ уважительно долженъ относиться къ служащимъ ему животнымъ и

Смерть Турка была такъ же достойна какъ и жизнь его.

злоупотреблять ими, злоупотреблять ихъ покорностью, дружескимъ расположеніемъ и добротою жестоко и преступно.

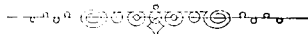
Турокъ былъ погребенъ своими друзьями вблизи деревни на хорошенькомъ лугу. Долго друзья его горевали и не могли утѣшиться. Бѣдный Турокъ!

Ахъ, бѣдный Фрицъ! Могли бы мы добавить съ своей стороны, потому что раскаивающійся виновникъ какого либо бѣдствія иной разъ несчастнѣе невинной жертвы его проступка.

Въ настоящее время Фрицъ давно уже не ребенокъ, а совершенно взрослый человекъ, но воспоминаніе о Туркѣ, воспоминаніе о своей винѣ никогда его не покидаетъ. Когда онъ видитъ ребенка, такого вѣтреннаго и шаловливаго какимъ онъ былъ самъ и видитъ, что ребенокъ тянетъ за хвостъ или за уши собаку или кошку и вообще мучаетъ животное во время работы или во время игръ, онъ рассказываетъ дѣтямъ свою исторію и, кончая рассказъ, блѣднѣетъ отъ волненія гораздо болѣе своихъ слушателей.

Фрицъ правъ и весьма основательно поступаетъ, не устанно рассказывая дѣтямъ объ ужасномъ происшествіи, въ которомъ онъ игралъ такую печальную роль, потому что дѣтямъ полезно рассказывать не однѣ только забавныя исторійки. Необходимо, чтобы дѣти твердо знали, что слѣдуетъ быть предусмотрительными и всѣми мѣрами избѣгать дѣйствій необдуманныхъ и неосторожныхъ. Они обязательно должны знать, что зло порождаетъ зло; за первымъ зломъ слѣдуетъ второе и что маленькая ошибка, шалость, повидимому, легкая и извинительная, иногда вызываетъ ужасныя послѣдствія.

Нужно-ли мнѣ теперь задавать вопросъ, кто былъ правъ въ разговорѣ, приведенномъ мною въ началѣ этого рассказа? Оказался правымъ дѣдушка, а не Фрицъ.

Скрытое Самолюбіе.

Правая рука или лѣвая рука.

В лоупотреблять возможно самымъ лучшимъ въ мірѣ и всякое качество обратить въ недостатокъ. Несомнѣнно, что скромность похвальна и представляетъ собою качество. Хорошо, когда не воображаютъ себя совершенствомъ, не преувеличиваютъ свои достоинства и иногда, высказывая свой умъ и свои знанія, не воображаютъ себя вполне образцовыми.

Будь то гениальный писатель, или ученикъ на школьной скамьѣ, весьма хорошо, если, выполнивъ вполне удовлетворительно какую либо работу, они все же относятся съ нѣкоторой неувѣренностью къ вопросу о томъ, насколько она окажется успѣшной, безразлично, предстоитъ ли ей быть одобренной публикой, которая во всякомъ случаѣ является судьей и до нѣкоторой степени властелиномъ даже гениальныхъ людей, или только профессорами, учителями и товарищами. Но вотъ въ томъ то и горе, что это опасеніе услышать недостаточно лестное сужденіе ведетъ къ тому, что стремятся избѣгнуть вообще всякаго рода сужденій и вслѣдствіе этого лишаются надлежащей и вѣрной мѣры того, что они есть, а также того, насколько они достигли цѣли, къ которой стремились.

Будемъ говорить только по отношенію къ ученикамъ. Я зналъ одного и полагаю, что онъ далеко не единственный въ своемъ родѣ. Это былъ славный парень, правдивый, честный, работающій, старательный, стремящійся выполнить работу возможно лучше, а, между тѣмъ, кончилось тѣмъ, что изъ опасенія сдѣлать неудовлетворительно, онъ вовсе пересталъ работать. Онъ только тогда

рѣшался показать заданныя ему работы учителямъ, когда полагалъ, что онѣ вполнѣ удачны, а такъ какъ онѣ были строгъ къ себѣ и вовсе не страдалъ самомиѣніемъ, послѣдствіемъ этого было то, что онѣ весьма рѣдко представлялъ свои работы на обсужденіе учителей. Въ тѣ дни, когда задавались сочиненія, если онѣ надѣялся, что его сочиненіе удачное и можно было ожидать одобренія, онѣ его представлялъ; если же оно ему казалось неудачнымъ, онѣ его разрывалъ. Такимъ образомъ онѣ умудрился предпочесть быть поставленнымъ въ разрядъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, вмѣсто того, чтобы состоять въ разрядѣ недостаточно успѣвающихъ. Что касается экзаменовъ, если онѣ не былъ увѣренъ въ удовлетворительныхъ отвѣтахъ по всѣмъ вопросамъ, то предпочиталъ ни на что не отвѣчать и стоять какъ статуя, обезпечивая себѣ такимъ способомъ полученіе нуля въ отмѣткахъ, хотя попытайся онѣ отвѣчать на нѣкоторые вопросы, могъ бы получить сносную отмѣтку. Нѣтъ сомнѣнія, что его расчетъ и способъ дѣйствій совершенно безразсудны!

Въ силу непониманія безусловно вѣрнаго принципа, что никто и никогда не можетъ быть непогрѣшимымъ судьей въ собственномъ дѣлѣ, будь то хорошее или дурное дѣло—безразлично, этотъ добрый малый, самъ того не сознавая, разрѣшилъ задачу сдѣлать изъ весьма милаго качества, именно скромности, невыносимый недостатокъ, даже такой, который на первый взглядъ кажется непримиримымъ врагомъ, крайней противоположностью скромности. Его скромность, неправильно выражаемая, просто на просто сдѣлалась неумѣстнымъ и дурно выраженнымъ самолюбіемъ.

Само собою разумѣется, что его учителя, видя бесполезность своихъ усилій, мало-по-малу перестали имъ заниматься и кончилось тѣмъ, что, не рѣшаясь смѣло переносить ихъ совѣты, уроки, полезныя критическія замѣчанія лицъ, которымъ ввѣрено было его обученіе, онѣ долгое время оставался въ томъ положеніи, котораго такъ страшился, а именно: крайне посредственнаго и ничѣмъ не выдающагося ученика.

Пожалуй мнѣ возразятъ будто мой ученикъ былъ просто-на-просто крайне застѣнчивымъ мальчикомъ.

Нѣтъ не то. Если смѣло показываютъ то, чѣмъ могутъ похвалиться, это уже не застѣнчивость, это не скромность, потому что стушевываются и отступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится сознаться въ своихъ недостаткахъ. Во всякомъ случаѣ, подобная скромность не заслуживаетъ уваженія; это вовсе не такого рода скромность, которая нравится въ молодыхъ людяхъ и извинительна во всякомъ возрастѣ.

Пожалуй скажутъ, что онъ страшился, въ случаѣ неудачи, насмѣшекъ своихъ товарищей и уклонялся отъ риска сдѣлаться посмѣшищемъ.

Жалкое извиненіе, дѣлающее его худшимъ чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности! Насмѣшники всегда безразсудны, если не назвать ихъ злыми и не сегодня такъ завтра наступить и ихъ очередь быть осмѣянными. Бояться ихъ не значитъ быть скромнымъ и застѣнчивымъ, а просто служить доказательствомъ отсутствія всякой смѣлости и простодушной ясности разума, въ силу которой, признавая легко и просто всѣ свои несовершенства и недостатки, мы вскорѣ примиряемъ съ ними всѣхъ другихъ и вызываемъ снисходительное къ нимъ отношеніе. Бояться сужденій служить доказательствомъ трусливаго самолюбія.

Не тогда приносить пользу урокъ учителя, когда заданная работа хорошо выполнена и вы заслужили похвалу. Такая минута только пріятна. Но когда вы плохо поняли трудности задачи и учитель вамъ разъяснить и укажетъ въ чемъ именно и почему вы погрѣшили—вотъ когда дѣйствительно важень и принесетъ пользу урокъ!

Итакъ, не стѣсняясь, сколько бы насъ ни было, какъ большіе такъ и маленькіе, будемъ скромно и просто представлять наши произведенія на обсужденіе и оцѣнку нашихъ естественныхъ судей. Просто и смиренно понесемъ и нашъ камень на общую постройку и поостережемся сдѣлаться жертвами ложной скромности, втайнѣ подстрекающей насъ высказывать только наши качества и тщательно скрывать недостатки предъ тѣми

кто своими указаніями могъ бы способствовать ихъ устраненію. Таакя скромность въ сущности представляется ни чѣмъ инымъ какъ тщеславіемъ, иногда скрываемымъ, а иногда мало сознаваемымъ.

Мнѣ пришло на память нѣчто, представляющее возможность подтвержденія вышеприведеннаго маленькаго поученія.

Однажды мнѣ пришлось присутствовать при посѣщеніи врачомъ хорошенькой дѣвочки четырехъ лѣтъ прищемившей палець дверью.

Милая малютка вѣроятно уже знала, что врачи рѣдко излѣчиваютъ, не причиняя при этомъ нѣкоторую боль. Увы! Въ этомъ отношеніи не одни только медики въ такомъ положеніи. Все на свѣтѣ чегонибудь да стоитъ и нѣтъ худа безъ добра. Вотъ въ силу такихъ соображеній, не успѣлъ докторъ сдѣлать два шага по направленію къ своей маленькой пациенткѣ, какъ она уже успѣла спрятать обѣ ручки подъ передничекъ

Замѣтивъ это быстрое движеніе, докторъ обратился къ ней тѣмъ слегка строгимъ, отеческимъ тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ медики съ своими маленькими пациентами:

— Нѣтъ, нѣтъ, m-lle Лили, такъ нельзя! Прошу ручку не прятать, а пожалуйста-ка ее сюда, да хорошенько раскройте ее и положите мнѣ на ладонь.

Лили очевидно колебалась, но вдругъ я замѣтилъ, что въ ея еще влажныхъ отъ слезъ глазахъ сверкнули проблески дѣтскаго лукавства, тонкаго и наивнаго въ одно и то же время. Повидимому, m-lle Лили что то придумала очень ловкое, съ цѣлью провести доктора и избѣгнуть лѣченія..... Быстрымъ, красивымъ движеніемъ она положила ручку на ладонь доктора.

Врачъ поворачивалъ эту маленькую ручку, осматривая ее со всѣхъ сторонъ; ручка была маленькая, пухленькая, прелестная и, повидимому, на ней никогда въ жизни не бывало какой-нибудь вавочки.

—А!—протянулъ многозначительно докторъ—скажите какая странная вещь! Можно подумать, что вавочка m-lle Лили моментально излѣчилась сама собою. Но все

равно, такъ какъ боль несомѣнно находится внутри ручки, мы наложимъ хорошую перевязку на эту маленькую руку и все, что придется Лили, это до завтрашняго дня играть и ѣсть лѣвой рукой.

Вслѣдъ затѣмъ, врачъ вынулъ изъ кармана заготовленный имъ бинтъ и, съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица, принялся тщательно забинтовывать руку Лили такъ, чтобы дѣйствовать ею было совершенно невозможно.

Пока можно было ворочать пальцами, Лили торжествовала, видя что ея хитрость удалась, но когда бинтъ стянулъ пальцы такъ, что всякое движеніе стало невозможнымъ, Лили пришла въ голову мысль, что дѣло это весьма для нея невыгодное, потому что, спасая отъ перевязки свою лѣвую руку, дѣйствительно больную и неспособную ей служить, она лишила себя употребленія своей славной и дѣятельной правой ручки, обладающей полной возможностью оказать ей весьма важныя услуги, пока заживетъ лѣвая ручка.

Вслѣдствіе такого соображенія, Лили, опустивъ глазки, медленно и смущенно вытянула изъ-подъ передника лѣвую руку и, протягивая ее доктору, сказала краснѣя:

— Лили ошиблась; вавочка на этой рукѣ.

— А и въ самомъ дѣлѣ это совершенно вѣрно! Вотъ сейчасъ мы это дѣло устроимъ—воскликнулъ докторъ, не высказывая ни малѣйшаго изумленія.—Хорошо что бѣдная Лили во время замѣтила свою ошибку, въ противномъ случаѣ обѣ руки сдѣлались бы ей бесполезными.

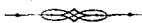
Бинтъ былъ снятъ съ правой и перешелъ на лѣвую руку и все это было продѣлано совершенно серьезно, такъ что эта маленькая ложь осталась на совѣсти Лили.

Но милая дѣвочка была добра и прямодушна и ей сдѣлалось совѣстно. Когда докторъ взялъ свою трость и шляпу, она, тихонько подойдя къ нему сзади и остановивъ за полу сюртука, сказала:

— Милый докторъ, Лили очень нехорошая дѣвочка: она вздумала солгать; Лили хорошо знала какая рука у нея болить.

Понятное дѣло, въ виду ея чистосердечнаго признанія, охотно простили эту невинную ложь милой малюткѣ.

Вся эта маленькая сценка соответствует ея возрасту. Но когда великовозрастный ученикъ лѣтъ пятинадцати или шестнадцати вздумаетъ показывать медику свою совершенно здоровую правую руку, вмѣсто больной лѣвой, я съ полнымъ основаніемъ вправѣ спросить его: «Гдѣ же вашъ разумъ? Чѣмъ и какъ можно васъ извинить?»

Могила Кузнеца.

Однажды я посѣтилъ кладбище маленькаго нѣмецкаго города. Познакомившись съ живымъ населеніемъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ мертвымъ населеніемъ того же городка. Всегда существуетъ связь города съ его кладбищемъ: одно дополняетъ другое. Я находилъ на кладбищѣ характерныя черты, обратившія мое вниманіе въ городѣ живыхъ: городъ мертвыхъ сохранилъ отпечатокъ города живыхъ

Удобно расположенный на берегу рѣки, среди красивыхъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками, въ глубинѣ хорошо защищенной отъ вѣтровъ долины, городокъ Х..... имѣлъ видъ спокойный, уютный, радушный и немного тяжеловатый нѣмецкихъ старинныхъ городовъ; кладбище, расположенное на серединѣ склона горы противъ города имѣло много общаго съ городомъ. Ясно были видны тщательность и заботливость съ какой выбирали себѣ мѣста послѣдняго отдохновенія жители городка Х..... Въ общемъ, надо сознаться, видъ кладбища былъ какъ то мягче, нѣжнѣе и даже веселѣе нежели видъ городка. Нѣмцы придерживаются до сихъ поръ культа мертвыхъ.

Для нихъ кладбище не представляется какимъ то ужаснымъ и опаснымъ мѣстомъ, уединяемымъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, возможно далѣе; оно смотритъ какъ бы послѣднимъ загороднымъ домомъ особъ, кото-

рыхъ любили; они смотрять на кладбище какъ на мѣсто, гдѣ они ихъ снова найдутъ во всякое время и которое они охотно посѣщаютъ въ свободные часы. Эти посѣщенія въ ихъ глазахъ не имѣютъ ничего злобѣщаго и тяжелаго. Идея о смерти имѣетъ значеніе въ воспитательной системѣ нѣмцевъ настолько же какъ идея жизни. Это такого рода предметъ или вопросъ, который не признаютъ нужнымъ устранять изъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтскаго возраста. Полагаю, что въ этомъ отношеніи нѣмцы правы и вѣрнѣе французовъ смотрять на вещи. Вопросъ о смерти, мысль о смерти, разсматриваемые свободно безъ умалчиваній и уклоненій въ книгахъ для дѣтей не только старшаго, но и младшаго возраста, знакомятъ дѣтей съ самаго ранняго возраста съ идеей смерти, что представляется совершенно благоразумнымъ и полезнымъ.

Послѣдствіемъ этого будетъ то, что когда смерть посѣтитъ какой либо домъ, хотя она и внесетъ печаль и огорченіе, но не разразится какъ громъ, грозный, и потрясающій. Это будетъ гость печальный и внушительно серьезный, къ посѣщенію котораго всѣ надлежащимъ образомъ подготовились. Эта подготовка сознанія, это прочное усвоеніе мысли о томъ, что жизнь земная есть только время выжиданія, есть только мѣсто испытанія, цѣль котораго направить человѣческое существо къ высшему существованію вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ живущихъ, отучаетъ ихъ страшиться смерти, пріучая чаще вспоминать о тѣхъ, кого уже нѣтъ между живущими. Общеніе съ ними не прекращается; они ушли первыми, они только отсутствуютъ въ настоящей жизни, но невидимый духъ ихъ остался около тѣхъ съ кѣмъ они жили.

Эта разлука несомнѣнно только кратковременная. Они на небѣ и оттуда продолжаютъ принимать невидимое участіе во всемъ, что дѣлается въ домѣ. Они сдѣлались гостями Бога и ходатайствуютъ за насъ въ мѣстопробываніи блаженныхъ. Они охраняютъ и уготовляютъ намъ мѣсто около себя въ царствіи небесномъ. Они такъ же добры какъ и прежде и любятъ насъ даже болѣе преж-

няго. Словомъ, тамъ, на высотѣ, они ждутъ терпѣливо пока смерть соединитъ насъ съ ними. Только благодаря смерти, сирота встрѣтитъ съ матерью, отецъ и мать встрѣтятъ ребенка, котораго они лишились. Слѣдовательно, въ смерти имѣется много хорошаго; это послѣдній другъ, другъ окончательный; благочестивому сердцу нѣтъ основаній страшиться смерти.

Маленькое кладбище навѣвало и внушало мнѣ всѣ эти мысли. Оно было чистенькое и содержимо въ большемъ порядкѣ; замѣтно было ясно, что мѣсто это весьма часто посѣщается.

За исключеніемъ нѣсколькихъ памятниковъ, на которыхъ напыщенные и горделивыя надписи доказывали нѣкоторое тщеславіе, все остальное дышало простотой и было мило и трогательно. Каждый обитатель этого тихаго убѣжища имѣлъ свой особый маленькій садикъ, тщательно устроенный, зеленѣющій, цвѣтущій и видомъ своимъ какъ бы говорилъ каждому посѣтителю, прохожему и даже чужеземцу: «Приблизься; здѣсь приходятъ посѣщать существо исчезнувшее, но всегда любимое, которымъ я когда то былъ. Для того чтобы почтить воспоминаніе обо мнѣ, нужно содержать меня въ полномъ порядкѣ, въ красивомъ, привлекательномъ видѣ, чтобы ясно было, что обо мнѣ заботятся. Я убѣжище и мѣсто успокоенія предковъ, открытое для всѣхъ, кому священна память объ умершихъ.

Среди многихъ эпитафій, прочитанныхъ мною на надгробныхъ камняхъ и памятникахъ, этомъ иногда наивномъ и часто трогательномъ доказательствѣ памяти живыхъ объ умершемъ, я увидѣлъ слѣдующую:

Тотъ, кто погребенъ здѣсь, Кузнецъ Петрусъ Блумъ работалъ пока стоялъ на ногахъ, оставивъ въ видѣ наслѣдства своимъ сыновьямъ заботу о престарѣлой матери и совѣтъ слѣдовать своему примѣру.

Мать спокойна, потому что ея сыновья послѣдуютъ примѣру отца.

Внизу этой надписи значились имена Фрица и Рудольфа такихъ же кузнецовъ какъ и ихъ отецъ. Же-

лѣзный крестъ, прочный и грубоватый, но красивый, возвышался надъ надгробнымъ камнемъ, на которомъ вырѣзана была вышеприведенная надпись. Весь памятникъ состоялъ изъ креста и надгробнаго камня, но вокругъ была рѣшетчатая ограда изъ кованнаго желѣза, выдѣланная тѣми же сыновьями; она окружала маленькій цвѣтникъ, окаймленный, какъ лентой, розовыми кустами, покрытыми такими роскошными розами, что невольно засмотришься на нихъ.

По необыкновенной свѣжести цвѣтовъ и зелени мнѣ показалось что Петрусь Блумъ умеръ недавно. Оказалось, что я ошибся. Разсматривая надпись, я убѣдился что смерть кузнеца послѣдовала четырнадцать лѣтъ тому назадъ и тогда подумалъ: «у Петруса Блума преданные сыновья; душа стараго отца, тѣло котораго покоится здѣсь, должна быть довольна дѣтьми своими».

Я уже почти прошелъ мимо, какъ вдругъ примѣтилъ въ одномъ изъ кустовъ, что то блестящее и красное, не похожее на цвѣтокъ: бенгальскія розы хотя и красны, но нѣсколько блѣднѣе замѣченнаго мною предмета.

Нагнувшись, чтобы лучше разсмотрѣть, я къ изумленію увидѣлъ, что это была маленькая кукла очень красиво одѣтая Бернской крестьянкой, сидѣвшая въ маленькомъ креслѣ! Я улыбнулся, но въ то же время почувствовалъ что слезы выступаютъ у меня на глазахъ. Повернувшись къ сопровождавшему меня садовнику кладбища, замѣтилъ:

— Вѣроятно это одна изъ маленькихъ дочерей Фрица или Рудольфа забыла свою куклу, посѣтивъ дѣдушку?

— Забыла? Вовсе нѣтъ; не то. Вотъ посмотрите—отвѣтилъ садовникъ—кукла привязана лентой и уйти не можетъ. Но во всякомъ случаѣ, странно видѣть куклу въ подобномъ мѣстѣ. Видите ли въ чемъ дѣло. Недѣлю тому назадъ былъ день именинъ стараго покойника; вся семья собралась здѣсь и вотъ самая младшая дочь Рудольфа, маленькая Лина, хотя не выше моего колѣна, но смысленная и бойкая дѣвочка, сказала своей мамѣ:

— Такъ какъ у меня нѣтъ букета, такъ я дамъ дѣдушкѣ мою куклу: это его позабавитъ.

Такъ какъ у меня нѣтъ букета дамъ дѣдушкѣ мою куклу: это
его позабавить. *Къ стр. 102.*

Мать не сочла нужнымъ помѣщать выполнению этого желанія.

— Бѣдный Петрусь! Вотъ кто отъ души могъ бы посмѣяться, если только возможно смѣяться тамъ, подъ гробовымъ камнемъ. Но во всякомъ случаѣ, онъ посмѣялся бы будь онъ въ живыхъ, потому что хотя горделивый и отважный, онъ былъ веселаго нрава этотъ Петрусь. Не всегда, конечно, правдиво то, что пишутъ на надгробныхъ плитахъ, но, что касается той, о которой я рассказываю, нѣтъ ничего преувеличеннаго. Онъ тогда только отдохнулъ старый Блумъ, когда умеръ.

Такъ какъ всякая исторія должна содержать въ себѣ какое либо нравственное поученіе или нравственный выводъ, то этотъ трудъ взялъ на себя садовникъ; послѣ нѣкоторой паузы, во время которой онъ занялся набивкой и закуриваніемъ трубки, садовникъ сказалъ.

— Такъ или иначе, но здѣсь я ежедневно убѣждаюсь въ одномъ; чаще всего посѣщаютъ добрыхъ, хорошихъ людей и долѣе всего о нихъ помнить. Петрусь Блумъ былъ хорошей человѣкъ; да, вотъ, потому то ему не на что жаловаться: его нисколько не забываютъ! Его внучки, никогда его не видѣвшія, только о немъ и твердятъ: дѣдушка и дѣдушка! Это вовсе не похоже на положеніе сосѣда Блума, г. барона, наслѣдники котораго поставили ему такой великолѣпный, мраморный памятникъ. Бѣдняга хотя имѣетъ превосходное помѣщеніе, но вотъ и все чѣмъ онъ пользуется. Но кто же приходитъ увидѣться съ нимъ въ этомъ великолѣпномъ помѣщеніи? Ровно никто! Представьте себѣ, что его наслѣдники съ той минуты когда они промелькнули здѣсь, слѣдуя за свинцовымъ гробомъ, никогда болѣе не появлялись! Да; какъ хотите, а, это вовсе невесело быть забытымъ до такой степени. Скажу вамъ по совѣсти, я не хотѣлъ бы быть, умирая, на мѣстѣ барона, а съ удовольствіемъ мечтаю быть въ положеніи кузнеца. Мнѣ какъ будто кажется что пока васъ не забыли, вы еще не совсѣмъ умерли. Нѣтъ, я рѣшительно полагаю, что не кирка и не лопата погребаютъ окончательно, а только забвеніе!

Я вполне согласился съ мнѣніемъ садовника X. . . .го

кладбища: забвеніе тяжелѣе гнететь нежели земля, наброшенная лопатами на могилу.

Да простятъ мнѣ мои читатели, если имъ наскучили мои воспоминанія объ этомъ путешествіи въ Германію. Но я снова повторяю, что Германія страна, гдѣ далеко не такъ легко какъ въ другихъ странахъ забываются мертвые. Въ городахъ самыхъ богатыхъ, по самымъ блестящимъ улицамъ и наиболѣе населеннымъ, рядомъ съ великолѣпными магазинами вы видите еще болѣе блестящія. Что же вы видите въ витринахъ? Что это за мебель, сверкающая золотомъ, серебромъ, живописью и тонкой артистической металлической отдѣлкой? Все это гробы и принадлежности погребенія.

Во Франціи гробъ какъ то прячется и точно стыдятся его присутствія; его готовятъ наскоро, вносятъ въ домъ тайкомъ, въ послѣднюю минуту, какъ что либо предосудительное. У нѣмцевъ, наоборотъ, все это дѣлается при свѣтѣ, торжественно, открыто и предъ гробомъ не отступаютъ и настолько же просто къ нему относятся какъ къ коробкѣ конфетъ при крещеніи, какъ къ колыбели новорожденнаго какъ къ подаркамъ новобрачныхъ. Гробъ готовится исподволь, заботливо, любовно, тщательно. Всегда и во всякое время предлагаемый на выборъ живымъ людямъ, имѣющимъ возможность указать избранный ими заблаговременно, выбрать его для себя или для своихъ близкихъ, гробъ перестаетъ казаться чѣмъ то ужаснымъ и становится даже предметомъ соблазнительнымъ. Является возможность сказать себѣ: «Ну, что же, покончивши все, выполнивъ предначертанную мнѣ жизненную задачу, когда подобно старому Блumu уже не въ силахъ окажешься стоять на ногахъ и ляжешь въ этотъ гробъ съ чистой совѣстью и готовый предстать предъ Богомъ, покой въ немъ долженъ казаться пріятнымъ.»

Жизнь имѣетъ свои тайны, свои таинственныя радости. Почему бы смерти не обладать чѣмъ либо подобнымъ. Изъ того, что мы не видимъ и не знаемъ, что послѣ нея бываетъ, еще не представляется основаній заключать, что она представляется окончаніемъ всего.

Однако, какъ я полагаю, понять въ чемъ заключается конецъ всего, представляется труднѣе нежели понять все остальное. Безпредѣльное небытіе, которое мы никогда не видѣли, о которомъ мы никакого понятія составить себѣ не въ состояніи, несравненно затруднительнѣе познается нашимъ разумомъ нежели жизнь, многообразныя проявленія которой постоянно происходятъ предъ нашими глазами. Настолько же трудно познается нами посмертное существованіе. Мы вспоминаемъ объ умершихъ. Трудно полагать, чтобы Богъ, допустивъ память объ умершихъ у живыхъ, лишилъ возможности умершихъ помнить о живыхъ? Итакъ, мертвые помнить о насъ. Они тѣмъ болѣе помнить о насъ, что въ силу законовъ прогресса, они, покидая землю, переходятъ въ міръ болѣе совершенный.

Память, воспоминаніе—это самая высшая способность въ мірѣ, связывающая моменты настоящаго съ моментами прошлаго; память, это способность, безъ которой существованіе человѣка было бы сходно съ инертной жизнью какого-нибудь минерала. Слѣдовательно, память, воспоминаніе, ставящее людей въ этой земной жизни выше матеріи, не покидаетъ мертвыхъ и за гробомъ. Не для того умираютъ, чтобы проиграть, но для того чтобы пріобрѣсти, выиграть. Смерть это восхожденіе, а не нисхожденіе. Слѣдовательно, мертвые сохраняютъ память и, съ высоты своего новаго пребыванія и существованія, болѣе совершеннаго нежели наше, они неизбѣжно помнятъ лучше чѣмъ мы.

Слѣдуетъ любить жизнь.

Путевыя впечатлѣнія ласточки отъ церкви
Нотръ дамъ де Пари до залива Жуана.

а, милый другъ мой, это сѣрое небо, эти дожди и, въ особенности, этотъ снѣгъ меня совсѣмъ доконали. Плоха моя звѣзда, такъ какъ мнѣ пришлось родиться подъ сводами сѣверныхъ входныхъ дверей Нотръ дамъ де Пари. Вѣнецъ того святого, въ которомъ несчастный мой отецъ и моя дорогая мама по несчастью вздумали свить себѣ гнѣздо, оказался холоднымъ какъ ледъ. Запоздалое прибытіе моихъ родителей въ Парижъ, послѣ неудачной попытки устройства въ другой странѣ, было причиной того, что я родилась въ октябрѣ, а не лѣтомъ какъ всѣ другія, такъ, что обо всемъ томъ, что называется солнечнымъ свѣтомъ, тепломъ, прекрасной погодой, я слышала отъ разныхъ лицъ и рассказы ихъ казались мнѣ грезами ихъ воображенія.

Говоря съ вами откровенно, я скажу вамъ, что я во все не вѣрю въ существованіе всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей. Да какъ мнѣ этому повѣрить, когда я ничего подобнаго никогда не видѣла? Если тѣ, кто объ этомъ рассказываетъ, говорятъ правду, слѣдовательно, все измѣнилось и земля охладѣла со дня моего рожденія. Не успѣла я родиться, какъ уже дрожала отъ холода. Меня

утѣшали говоря: «Погоди, вотъ выростутъ перья» Наконецъ я оперилась, а все же дрожу отъ холода. Сегодня утромъ шелъ градъ и я слышала какъ добрый каноникъ, бросающій намъ иногда крошки хлѣба и даже печеній, говорилъ: «Если такъ будетъ продолжаться далѣе, такъ Сена замерзнетъ. Онъ былъ сине-багровый отъ холода этотъ бѣдный каноникъ и поминутно потиралъ руки, произнося бр. . . . ув.»

Я была убѣждена, что меня ждетъ только холодъ и несчастья и если бы не вы, я чувствовала бы себя забытой и покинутой всѣми. Я видѣла какъ улетѣли всѣ птицы моей породы. Боже, какой поднялся шумъ предъ перелетомъ; сколько разговоровъ, сколько блестящихъ проэктовъ путешествія туда и обратно. Тѣ изъ хозяекъ, которыя желали оставить свои жилища въ полномъ порядкѣ, щебетали, порхая туда и сюда, заботливо собираясь въ путь дорогу. Даже прощаніе было веселое. Молодые расправляли свои крылья, прислушиваясь жадно къ тому, что говорили старшіе и бывалые, а глаза ихъ одушевленно блестяли, «Вотъ увидишь, вотъ узнаешь!— говорили старшіе, рассказывая о томъ, сколько неожиданнаго предстоитъ имъ во время путешествія.

Куда они отправлялись, въ какой рай, я этого не знаю все, что я знаю это то, что я была до такой степени слаба, что не въ силахъ была летѣть вмѣстѣ съ ними.

Мой отецъ вынужденъ былъ отправиться съ моими сестрами, бывшими гораздо крѣпче меня, и сказалъ, обращаясь къ моей матери:

— Вы къ намъ прилетайте недѣли чрезъ три, тогда малютка будетъ уже въ состояніи выдержать перелетъ.

Такъ какъ моя мать не желала меня покинуть, она отвѣчала отцу:

— Будь покоенъ, какъ только у нея выростутъ перья, мы тотчасъ улетимъ.

Но увы! Намъ не пришлось улетѣть; самоотверженіе моей матери ей стоило жизни, и я тогда убѣдилась, что отъ огорченія не умираютъ, такъ какъ я могла остаться

въ живыхъ, видя смерть нѣжно любившей меня матери. Помните-ли, дорогой другъ мой, помните-ли какъ за день до кончины своей, моя мать, предчувствуя свою смерть, внезапно покинула наше гнѣздо и перелетѣла въ другое пустое? Теперь я понимаю ея цѣль: она хотѣла дать мнѣ болѣе простора и оставить полной хозяйкой нашего гнѣзда. Гнѣздо, занятое ею, около Богоматери, сдѣлалось ея гробницею. Ахъ, какая тяжелая вещь, смерть нѣжно любимой матери! Въ ухахъ моихъ до сихъ поръ раздаются ея слова: «Я хочу, чтобы ты жила; я оставляю тебя подъ покровительствомъ нашего друга вороны; ты снова увидишь отца и сестеръ; ты скажешь имъ что. . . .»

Но мать не докончила того что хотѣла сказать и умерла.

Я все сдѣлала, что въ силахъ была и старалась слѣдовать ея совѣтамъ. Я не совсѣмъ еще оперилась, а уже полетѣла искать тепла тамъ, гдѣ вы мнѣ указывали. Виновата ли я, что этого тепла я нигдѣ не нашла?

Это хваленое солнце въ Тюльери шутка и болѣе ничего; если это называютъ солнцемъ, такъ оно вовсе не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыя ему расточаютъ. Это вѣрно: оно свѣтитъ, я противъ этого не спорю, но оно вовсе не грѣетъ. Да развѣ красные носы маленькихъ мальчиковъ, синія щеки маленькихъ дѣвочекъ и холодныя руки всѣхъ гуляющихъ, служатъ доказательствомъ, что имъ всѣмъ тепло? Нѣтъ, нѣтъ! Я положиительно потеряла вѣру въ существованіе солнца, перестала вѣрить въ счастье и вѣрю только въ длинныя, холодныя ночи, ужасный, провзительный вѣтеръ, въ зиму! Зима,—вотъ единственная несомнѣнная истина. У меня грудь болитъ, я приговорена къ смерти и вскорѣ послѣдую за моей бѣдной матушкой въ лучшій міръ, тамъ гдѣ теперь она; я на это не жалуясь, мнѣ все равно, такъ какъ мнѣ уже надоѣло бороться съ холодомъ ради немногихъ дней, оставшихся мнѣ прожить на свѣтѣ.

— Вы Богъ знаетъ что городите,—отвѣчала молодой ласточкѣ внимательно слушающая ее старая ворона; вы бѣдное дитя, потерявшее вѣру и силу воли. Если бы

ваша мать могла отвѣчать на ваши жалобы, она сказала бы вамъ, что обязанность всякаго живого существа заключается въ борьбѣ съ невзгодами жизни, но не плыть безпомощно по теченію.

Вамъ ровно ничего неизвѣстно, вы совершенно понятія не имѣете о жизни, а между тѣмъ говорите точно разочарованная жизнью. А, между тѣмъ, гдѣ вы были? Что вы видѣли? Что испытали? Вы нигдѣ не были, ничего не видѣли, милая моя! Конечно, было бы лучше, если бы вы родились лѣтомъ, какъ всѣ птицы вашей породы; тогда бы съ наступленіемъ осени вы были бы въ силахъ вмѣстѣ съ другими ласточками улетѣть въ теплый край; но то, что вы не могли сдѣлать въ одно время съ другими, вамъ ничто не мѣшаетъ сдѣлать теперь, будучи одной. Вы сильнѣе чѣмъ предполагаете; теперь вы совершенно оперились и если вы нѣсколько запоздали, это еще не значить, что судьба ваша навсегда испорчена.

Весь вопросъ въ томъ, чтобы сдѣлаться нѣсколько энергичнѣе и наверстать потерянное время. Такъ о чемъ же тутъ тужить? Постарайтесь вознаградить потерянное время и смѣло примитесь за дѣло. Только жалкіе трусы впадаютъ въ отчаяніе при первомъ препятствіи и безпомощно опускаютъ руки. Неужели вы думаете, что вы первая, которой не все улыбалось отъ колыбели? Такъ вотъ что, моя милочка; я нахожу, что мы довольно уже потолковали; я, какъ ваша опекунша, не признаю возможнымъ ограничиться только поученіемъ; какъ я ни стара, но я докажу вамъ, что возможно потрудиться и выказать много энергіи не только для себя, но и для другихъ. Я намѣрена направить васъ на добрый путь. Вы въ сущности не плохая и если мнѣ удастся заставить васъ раскаиваться въ тѣхъ богохульствахъ, которыя вы только что произносили, я буду увѣрена, что не даромъ потеряла время.

Я не знаю навѣрное куда улетаютъ ласточки на зиму, но полагаю что отправляются въ страну съ теплымъ климатомъ. Говорятъ, что страна эта за моремъ. Въ мои годы трудно совершить перелетъ разомъ съ

одного края свѣта въ другой, какъ вы, ласточки, но надѣюсь, что у меня хватитъ силъ, совершая путь небольшими перелетами, съ продолжительными отдыхами показать вамъ дорогу въ одну страну, о которой я сохранила самыя лучшія воспоминанія; она недалеко отсюда и въ ней достаточно тепло для того, чтобы васъ хорошенько отогрѣть. Черезъ недѣлю я васъ провожу въ заливъ Жуанъ, между Канномъ и Ниццей. Тамъ вы увидите это самое солнце, существованіе котораго вы позволили себѣ отрицать, но его благотворное вліяніе на вашу слабенькую грудь я вполне признаю.

— Возитесь, собирайтесь, путешествовать! Ахъ, какъ это все тяжело!—возразила злополучная ласточка.—Да и для чего все это? У меня едва хватаетъ силъ добраться обратно въ гнѣздо, вылетая изъ него за пищей. Нѣтъ, мой милый другъ, нѣтъ!. Что будетъ, то будетъ! Не препятствуйте мнѣ умереть здѣсь. Да и, притомъ, повѣрите ли, мой домишко, какъ здѣсь ни холодно, сталъ уже дорогъ моему сердцу. Это маленькое убѣжище, гдѣ я когда то видѣла отца, мать, моихъ братьевъ и сестеръ, гдѣ испытала нѣсколько счастливыхъ дней въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ,—я не хочу съ нимъ разстаться. Смерть въ немъ мнѣ будетъ легче и покойнѣе нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ. Этотъ добрый старый святой, пріотившій насъ въ своемъ вѣницѣ, я была не права, говоря о немъ дурно; вѣдь онъ не виновать, что вѣнецъ его каменный и такой холодный. Я чувствую, что не могу разстаться съ этимъ гнѣздомъ. Я боюсь невѣдомаго, неиспытаннаго. Мнѣ все это расхваливаютъ, чтобы поддержать во мнѣ надежду, но все что мнѣ извѣстно о жизни и свѣтѣ нисколько меня не соблазняетъ попытать счастье.

Старая ворона, выслушавъ все это, потеряла терпѣніе и, всплывъ, возразила:

— Давно я уже слышала пѣсенку эту; еще раньше васъ, моя милочка, мнѣ объ этомъ прожужжали уши тысячи птицъ всѣхъ породъ и, извините меня, всѣ эти элегіи кажутся мнѣ совершенно вздорными. Это, дѣйствительно, весьма поэтично всѣ эти вздохи, охи, стра-

данія, меланхолія, ни все это ровно ни къ чему путному не приводитъ. Богъ далъ вамъ жизнь не для того, чтобы проклинать ее, но чтобы смѣло выносить ее! Понимаете-ли вы это?

Ваша мать, умирая, поручила мнѣ васъ и передала мнѣ всѣ свои права по отношенію къ вамъ. Я васъ только что прісила, но вы не уступили моимъ просьбамъ, теперь же должны будете подчиниться моимъ приказаніямъ; эти приказанія даетъ вамъ моими устами ваша отсутствующая мать. Наши приготовленія будутъ непродолжительны; намъ не придется какъ барынямъ уложить тридцать шесть чемодановъ; слава Богу, весь нашъ туалетъ на нашей спинѣ. Итакъ, не черезъ недѣлю, какъ я вамъ раньше сказала, а завтра, да завтра чуть свѣтъ мы съ вами отправимся въ путь-дорогу.

Молоденькая ласточка поняла, что ея пріемная мать твердо рѣшилась исполнить задуманное и что всякія возраженія напрасны. Она прошептала покорно:

— Хорошо; я буду вамъ повиноваться, дѣлайте какъ знаете.

— Ну вотъ и прекрасно!—возразила уже ласковѣе ворона. Сегодня можете сидѣть покойно и ничего не дѣлать; отдохайте, успокойтесь, соберитесь съ силами, запаситесь смѣлостью и силою воли, вотъ все, что я отъ васъ требую, а я за васъ поохочусь и пойщу пищи. А какъ вы полагаете не отправиться ли мнѣ въ садъ каноника въ улицѣ Шануанессы № 14? А, что вы на это скажете? Этотъ славный человѣкъ всегда хорошіе кусочки бросаетъ птицамъ изъ своихъ оконъ, и я навѣрное принесу вамъ хорошій кусочекъ.

Маленькая ласточка, какъ и всѣ больные, любившая полакомиться, утвердительно кивнула головкой.

Старая ворона сказала:

— Словомъ, дѣло рѣшенное. Вы пообѣдаете со мною послѣ того ляжете спать пораньше, хорошенько выспитесь, а завтра на зарѣ мы расправимъ крылья и съ Богомъ въ путь. Не такъ-ли?

Маленькая больная подняла къ небу глаза, погляды-

вая съ безпокойствомъ и страдальчески, но все же отвѣтила: Да, полетимъ завтра.

Все устроилось какъ было условлено. На другой день утромъ, распрощавшись со своимъ гнѣздомъ, съ своимъ святымъ, со всей церковью и даже съ нѣсколькими сосѣдними воробьями, въ свободную минуту интересовавшимися ея участію и, наконецъ, посѣтивъ въ послѣдній разъ гнѣздо, гдѣ умерла ея мать, что ее снова сильно расстрожило,—маленькая ласточка, печальная и плачущая отправилась въ путь вмѣстѣ съ своей бабушкой вороной.

Сначала дѣло шло совсѣмъ ладно. Бѣдная птичка, пролетая надъ домами, чувствовала головокруженіе, въ особенности когда приходилось пролетать надъ дымовыми трубами, избѣгать которыя она еще не умѣла, а дымъ щекоталъ ей горло, вызывая кашель; весь міръ казался ей мрачнымъ и громаднымъ. Ея старый другъ нѣсколько разъ вынужденъ былъ поддерживать ее крыломъ и ободрялъ ее насколько хватало силъ. Между тѣмъ просторъ, чистый воздухъ, движеніе, новизна окружавшихъ ее предметовъ, все это благотѣльно подѣйствовало на нее; даже усталость принесла пользу, такъ какъ послѣ того отдыхъ становился пріятнѣе и сонъ крѣпче. Аппетитъ ея также сталъ гораздо лучше и покажись съ перваго же дня путешествія солнце—ласточка почувствовала бы себя счастливой, но, къ сожалѣнію, солнце упорно пряталось за густой пеленой снѣговыхъ тучъ; вѣтеръ былъ холодный, такъ что по временамъ до слуха вороны долетали жалобы ея молоденькаго друга:

—Нѣтъ, нѣтъ!—твердила она—миѣ уже не придется увидѣть солнца, должно быть теплота совсѣмъ исчезла со свѣта и нечего надѣяться, что будетъ лучше.

Но ворона прикидывалась будто не слышитъ всѣхъ этихъ жалобъ. Вмѣсто того чтобы отвѣчать ей на нихъ, она старалась развлечь свою молоденькую подругу, называя ей мѣстности, надъ которыми они пролетали, и передавая ей различныя размышленія, вызываемыя окружающими ее предметами. Ворона была хорошо обра-

зована и умѣла извлечь изъ этого пользу. Она говорила своей подружѣ:

— Дней черезъ пятнадцать вы будете меня благословлять; говорятъ, что путешествія развиваютъ и образуютъ молодежь, но для этого необходимо, чтобы она всматривалась и вслушивалась. Недостаточно путешествовать, надо разсматривать то, что васъ окружаетъ и изучать какъ все устроено въ свѣтѣ. Это весьма интересное изученіе; замѣчательно какъ много сдѣлали люди и другія животныя изъ міра, даннаго имъ Богомъ для жительства въ немъ. Во время нашего пути вы увидите, что сдѣлала нужда изъ самыхъ несовершенныхъ существъ; необходимость, нужда, могу васъ уверить, моя милая, что это самый лучший учитель въ свѣтѣ. Для насъ, птицъ, доступны земля и воздухъ и это насъ избавляетъ отъ многихъ заботъ; но я невольно изучаюсь до какой степени въ другихъ созданіяхъ самое несовершенство ихъ природы послужило къ развитію замѣчательныхъ способностей, какъ, напримѣръ, въ чловѣкѣ, лишенномъ возможности подняться выше поверхности земной. Парижъ прекрасный образецъ человѣческой изобрѣтательности, но даже всѣ эти города, всѣ эти деревни, мелькающіе тамъ внизу подъ нами, служатъ хорошимъ доказательствомъ, что всего, что только необходимо, можно добиться волею и терпѣніемъ, изученіемъ и трудомъ, побуждаемымъ закономъ необходимости. Я часто сожалею о томъ, что Богъ, даровавъ намъ отъ самой колыбели все, что необходимо, лишилъ насъ возможности развиваться дальнѣйшими усиліями. Между тѣмъ слабость отдѣльнаго чловѣка и его несовершенство дали возможность достигнуть силы и совершенства всему чловѣчеству вмѣстѣ ваятому и его соединеннымъ усиліямъ. Съ той минуты, когда въ чловѣкѣ проявилось сознаніе пользы ассоціаціи, съ того момента когда онъ понялъ, что, соединившись вмѣстѣ, образуя общества, группируя слабости, создается сила, чловѣкъ сдѣлался властелиномъ всѣхъ другихъ животныхъ. Видите-ли, моя дорогая, весь его секретъ объясняется тремя словами: «въ единеніи—сила». Ну что значитъ отдѣль-

ный человекъ по сравненію со львомъ, слономъ, носорогомъ, орломъ, кондоромъ, китомъ? Ничто, ровно ничего! Это тщедушное созданіе, не обладающее ни перьями, ни шерстью, ни крыльями, ни когтями, ни клювомъ, ни копытами, ни клыками, словомъ, не имѣющее никакихъ средствъ защиты даже противъ самаго слабого изъ животныхъ. Между тѣмъ это слабое существо протягиваетъ руку своему собрату, а этотъ протягиваетъ другому, слѣдующій третьему собрату и вотъ образуется цѣпь и слабый становится самымъ сильнымъ, дѣлаясь царемъ созданія и захватывая всемірную власть. Возникаютъ города, устраиваются дороги, разстоянія теряютъ значеніе, отдаленное становится близкимъ, вся земля дѣлается его достояніемъ, воды становятся его собственностью и, пожалуй, скоро наступитъ время когда и въ воздухѣ онъ будетъ распоряжаться властелиномъ. Слышали вы о воздушныхъ шарахъ?

— Да,—отвѣтила молоденькая ласточка,—однажды я увидѣла на бумажкѣ, занесенной вѣтромъ къ нашему гнѣзду, портретъ г. Надара и домика изъ ивы, въ которомъ, какъ увѣряютъ, онъ поднимался въ воздухъ; но кажется, что онъ очень скоро упалъ на землю и чуть не сломалъ себѣ шею.

— Это не бѣда!—возразила ворона.—Вѣдь это только первый опытъ, это начало. Первобытная лодка не могла внушить мысль, что наступитъ время, когда паровое судно одолѣетъ океанъ. Первобытная повозка не двигалась такъ скоро какъ вагоны по желѣзной дорогѣ. Не сомнѣвайтесь въ томъ, дитя мое, что наступитъ время когда мы уже не будемъ царить въ воздухѣ и насъ всегда перегонитъ въ полетѣ человекъ, если ему это вздумается. Въ одномъ только человекъ стоитъ ниже насъ и это надолго замедлитъ его усовершенствованіе; притомъ это наше преимущество надъ нимъ весьма важно. Всюду, куда бы ни появились ласточка, ворона, левъ, орелъ, если они найдутъ тамъ животныхъ одной породы съ ними, они отлично понимаютъ ихъ языкъ, вездѣ этотъ языкъ исполнѣ одинаковъ. Совсѣмъ не то между людьми. Каждое человеческое племя имѣетъ свой особый языкъ,

не понятный другимъ племенамъ. Можно подумать, что люди опасались хорошо понимать другъ друга, опасались любить другъ друга съ одного края свѣта до другого и только потому добровольно начали говорить различными нарѣчіями. Но дѣло въ томъ, что благодаря этому ужасному смѣшенію человѣческихъ языковъ, человѣкъ дѣлается въ извѣстные моменты самымъ слабымъ и самымъ безразсуднымъ изъ всѣхъ земныхъ тварей. Это уже не одиночныя ссоры, возникающія изъ неумѣнія объясниться и понимать другъ друга; это ожесточенныя войны одного народа съ другимъ; войны свирѣпыя безжалостныя, покрывающія въ нѣсколько дней трупамъ громадныя пространства земли а на многіе годы вызывающія нищету и печаль всего населенія большихъ странъ. Увы, дитя мое! Мнѣ кажется, на этомъ свѣтѣ совершенство невозможно, такъ какъ даже само человѣчество страдаетъ періодически сумасбродствомъ и варварствомъ, во время которыхъ, какъ бы искупая всѣ свои совершенства, человѣкъ становится самымъ презрѣннымъ и отвратительнымъ существомъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ тварей.

— Да почему же они дерутся? Въ годы голодовки съ голода? Не для того-ли чтобы поѣсть другъ друга?—спросила ласточка.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтила ворона. Будь голодь такъ это было бы извинительно и понятно, но этого нѣтъ, а потому то это чудовищное безобразіе, эта война, является вполне необъяснимымъ фізіологическимъ фактомъ. Древніе ученые изъ птичьяго рода находили, что эти неистовства одного человѣческаго племени противъ другого, одной національности противъ другой служатъ хорошимъ урокомъ всѣмъ остальнымъ животнымъ, научая ихъ не завидовать людямъ и не сожалѣть, что мы не похожи на людей, а, напротивъ, радоваться тому, что мы на нихъ не похожи. Полагаю, что въ этомъ отношеніи древніе вполне правы.

Изъ всего этого—продолжала ворона, — совершенно ясно видно то, что самое разумное, если каждое животное будетъ довольствоваться тѣмъ положеніемъ въ мірозданіи,

которое предназначено ему Богомъ. Завидовать участи другихъ не только преступное ослушаніе божественной воли, но и вмѣстѣ съ тѣмъ большое безразсудство.

Однако, надо сознаться, что у этихъ дѣвольскихъ людей есть много хорошаго. Повѣришь-ли ты, миленькая, что они нашу исторію знаютъ во сто разъ лучше нежели мы сами и если бы мы хотѣли что либо дѣльное узнать о себѣ, такъ узнаемъ все что угодно изъ книгъ, составляемыхъ людьми. Естественная исторія животныхъ, растеній, земли, составляла предметъ изученія нѣкоторыхъ изъ породы человѣческой и, между прочимъ, они проникли въ самыя сокровенныя тайны нашей птичьей породы. Въ этомъ заключается одно изъ преимуществъ человѣка, сознавашаго какъ важно знать все, что происходитъ на земномъ шарѣ, назначенномъ ему Богомъ для жительства. Наша исторія занимаетъ его настолько же, насколько собственная и совершенно основательно. Изучая наши особенности, наши нравы, онъ добился того, что усвоилъ себѣ нѣкоторыя наши качества. Лебедь надоумилъ его дать извѣстную форму своимъ судамъ; рыба выучила его плавать; очень можетъ быть современнымъ ласточка выучить его летать.

Въ подобныхъ разговорахъ проходило время; молоденькая ласточка внимательно слушала и изрѣдка задавала вопросы. Ворона многому училась и знала немало. Она рассказала своей подружкѣ, что по примѣру человѣка, изучавшаго птицъ, въ свою очередь изучала исторію человѣка. Такъ, напримѣръ, во время полета она показывала своей пріятельницѣ ласточкѣ Мелюнь и замокъ Во, гдѣ Фука устроилъ празднество, такъ дорого ему стоившее; затѣмъ показывала ей Фонтенебло, знаменитое во многихъ отношеніяхъ, а, въ особенности, прощаніемъ съ старыми своими солдатами, человѣка, быстрые переходы котораго и сила взгляда доставили ему названіе орла. Лѣсъ, прилегающій къ городу, привелъ ласточку въ восхищеніе и она воскликнула:

— Когда всѣ эти величественныя деревья покрыты листьями, это должно быть прелестно! А эти скалы какъ онѣ живописны! Это гораздо красивѣе домовъ!

— Да; если бы Фонтенебло было за сто лье отъ Парижа, весь Парижъ съѣзжался бы сюда—замѣтила ворона, какъ видно отлично знавшая характеръ парижанъ.

Древніе карпы Фонтенебло обратили на себя вниманіе ласточки и она съ изумленіемъ проговорила:

— Двѣсти лѣтъ, триста лѣтъ и всегда подь водой! Нѣтъ, это мнѣ не могло бы нравиться!

На это ей возразила ворона:

— Если бы ты была рыбою, разсуждала бы иначе; никогда нельзя судить о другихъ по себѣ, условія жизни для всѣхъ породъ различны. Неужели ты думаешь, что карпамъ понравилось бы плавать въ воздухѣ? Что касается ихъ долговѣчности, это ихъ дѣло; жизнь всегда хорошей кажется тому, кто умѣетъ найти въ ней хорошее. Если я проживу сто пятьдесятъ лѣтъ, какъ моя бабушка, я жаловаться на это не буду, напротивъ буду очень довольна.

— Сто пятьдесятъ лѣтъ!—изумленно произнесла ласточка—сколько же вамъ, бабушка, лѣтъ?

— Мнѣ восемьдесятъ два года. Я много уже видѣла на своемъ вѣку да и еще много увижу. Миръ—это театръ, гдѣ безпрестанно одинъ спектакль смѣняется другимъ—отвѣчала ворона.

— Восемьдесятъ четыре года—проговорила удивленно ласточка,—и можете прожить до ста пятидесяти лѣтъ! А между тѣмъ, мой дорогой другъ, вы еще очень молодо смотрите!

— Молодо хотя и не смотрю, но я еще бодрая,—возразила ворона—и если что либо особенное не случится, я долго еще протяну. Ну да все равно: я полагаюсь на Бога, даровавшаго мнѣ жизнь и предназначавшаго мнѣ что либо иное по окончаніи этой жизни.

— А мы—спросила ласточка—какъ долго мы живемъ?

— Двадцать пять лѣтъ, моя милая, и даже больше—отвѣтила ворона.

— Двадцать пять лѣтъ!—воскликнула ласточка,—въ такомъ случаѣ на вашихъ глазахъ умрутъ всѣ живущія теперь ласточки.

— Не будемъ говорить объ этомъ—возразила ворона.— Вотъ именно это и больно старымъ людямъ сознавать, что они останутся одни на землѣ и смерть отниметъ у нихъ все, къ чему они были привязаны и любили.

Послѣ это собесѣдницы прекратили разговоръ и наступило глубокое молчаніе; молоденькая ласточка поняла, что воронѣ вспоминалась вся ея жизнь; картины прошлаго смѣняла одна другую въ ея воображеніи. Эти воспоминанія въ престарѣломъ возрастѣ мучительны, а между тѣмъ доставляютъ и нѣкоторое наслажденіе.

Послѣ Монтеро путешественницы остановились въ Сенсѣ. Соборъ св. Стефана стоитъ, чтобы на него поглядѣть. Тамъ находятся кусты розъ, нисколько не уступающіе находящимся въ цвѣтникахъ Нотръ Дамъ де Пари. Молоденькая ласточка вообще очень любила соборы и хотѣла остановиться въ Дижонѣ. Мѣстный соборъ показался ей очень оригинальнымъ. Мало-помалу, пришедшая уже въ себя, ворона замѣтила ей.

— Дижонъ кромѣ того замѣчательнъ своей горчицей; чертовски это крѣпкая штука, но люди ее очень любятъ. Какъ то на кускѣ хлѣба мнѣ попалась самая малость. Я клюнула, но, могу тебя увѣрить, мнѣ такъ защипало языкъ, что и до сихъ поръ не могу вспомнить объ этомъ равнодушно.

Ласточка, услышавъ это, размѣялась. Хорошая ворона несказанно была рада, что хотя чѣмъ нибудь ее развлекла.

Вскорѣ онѣ добрались до Ліона и ворона заявила ласточкѣ.

-- Это вторая столица Франціи, но мы здѣсь долго не останемся; я знаю маленькую, плохенькую колокольню, но съ нея ты въ нѣсколько секундъ согласишься весь городъ и видъ оттуда великолѣпный. Что касается собора Нотръ-Дамъ де Фурвиеръ, это какъ достопримѣчательность вовсе не интересно.

Молоденькая ласточка, внимательно присмотрѣвшись къ этой массѣ домовъ, громаднымъ улицамъ и широкимъ набережнымъ Роны, напомнившимъ ей Па-

рижъ, нашла, что все же очень холодно въ этой маленькой колокольнѣ.

— Въ такомъ случаѣ полетимъ дальше, — сказала ей ворона.

— Подождите немножко — отвѣчала ласточка, заглядывая въ нѣсколько приотворенное окно церкви:

— Зачѣмъ это такъ много маленькихъ картинъ и почти всѣ онѣ одного и того же рода; ребенокъ въ постели съ блѣднымъ лицомъ, а папа и мама стоятъ предъ нимъ на колѣняхъ.

— Всѣ эти маленькія картины, хотя и плохо нарисованы и нѣкоторыя даже могутъ вызвать насмѣшливую улыбку, до такой степени груба живопись; но то, что онѣ изображаютъ, настолько трогательно, что когда мнѣ пришлось ихъ увидѣть въ первый разъ, у меня все сердце облилось кровью. Отецъ и мать, пришедшіе въ отчаяніе и умоляющіе Бога не отнимать у нихъ ребенка, это навѣрное никого не разсмѣшитъ.

— Конечно, конечно! — отвѣчала сильно взволнованная ласточка — но мнѣ хотѣлось бы видѣть среди этихъ картинъ изображеніе дѣтей, колѣнопреклоненныхъ предъ больной матерью и умоляющихъ Бога не отнимать ее у нихъ. Развѣ у людей матери больше любятъ дѣтей нежели дѣти матерей?

— Не думаю, чтобы на твой вопросъ можно было бы отвѣчать утвердительно — возразила ворона.

Путешествіе продолжалось, дни тянулись за днями и хотя ласточка имѣла много развлеченій въ дорогѣ, но она часто повторяла:

— Ахъ, мой добрый другъ, да гдѣ же это солнце? Когда же мы увидимъ солнце?

Вскорѣ послѣ того, поздней ночью, ворона съ своей питомицей прилетѣли въ какой то садъ, гдѣ и заночевали. Когда ласточка на другой день проснулась, ворона, слѣдившая за ея пробужденіемъ, замѣтивъ ея жалобный и печальный взглядъ, сказала ласковымъ голосомъ:

— Видишь-ли ты этотъ красивый домъ противъ насъ? Такъ вотъ мы полетимъ вмѣстѣ съ тобой на крышу этого дома, но общай мнѣ тихонько, осторожно взле-

тѣтъ на крышу и не смотрѣтъ ни вверхъ ни по сторонамъ, пока я не скажу тебѣ: смотри.

— Почему такъ?—изумленно спросила ласточка.

— Потому что . . . да будь же терпѣлива хоть разъ въ жизни и довѣрься мнѣ; это для того, чтобы доставить тебѣ большое удовольствіе; я хочу, чтобы ты не смотрѣла по сторонамъ, пока я тебѣ не подамъ сигналъ.

Маленькую ласточку все это очень заинтриговало, но, какъ доброе существо, она подчинилась требованію вороны и, кромѣ, того понимала что ее хотятъ изумить чѣмъ то пріятнымъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онѣ обѣ очутились на крышѣ сосѣдняго дома. Ворона сказала торжественнымъ тономъ:

— Теперь, не лети больше и, опустившись, ступи шагъ впередъ. Ласточка, повинувась приказанію, очутилась на краю крыши. Взглянувъ вокругъ себя, она вскрикнула:

— Ахъ какъ прекрасно! Ахъ какъ это великолѣпно!

Вслѣдъ затѣмъ она смолкла и замерла въ нѣмомъ восхищеніи.

Оказалось, что наши путешественницы ночевали въ садахъ Марсели около прелестной *Chemin de la Cogniche* (дорога Карниза) вполне заслужившей это названіе. Предъ ними разстилалось подъ дивнымъ лазуревымъ небомъ средиземное море, тихо и спокойно катившее свои волны. Солнце ярко освѣщало всю великолѣпную картину.

— Ахъ! Теперь я вѣрю въ жизнь! Вѣрю въ солнце и нахожу что стоитъ жить!—вскричала восхищенная ласточка.—Ахъ, какъ это все величественно; какъ все прекрасно! О, моя милая ворона, да благословить тебя Богъ! Море, давнее море; эта чудная синеватая глубина! Ахъ, какъ это хорошо! Ахъ, какъ это дивно!

Глава ея наполнились слезами. Слезы восхищенія—хорошія, полезныя слезы; вся душа ея ликовала. Послѣ нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго восторга, ласточка заговорила:

— Мы дальше не полетимъ; оставемся здѣсь!

— Нѣтъ; этого не будетъ!—возразила ворона.—Одинъ день, а если пожелаешь два—это возможно, потому что теперь здѣсь дѣйствительно хорошо, такъ какъ мистраль

Около Корнишской дороги.

Къ стр. 120.

не дуетъ сегодня и, наконецъ, потому, что я хочу показать тебѣ городъ и портъ. Но, моя милая, здѣсь тебѣ невозможно излѣчиться; будь покойна, мѣсто, которое я для тебя избрала, заливъ Жуанъ, будетъ для тебя гораздо болѣе подходящій. Тебѣ нужно все, что ты здѣсь видишь за исключеніемъ шума и грохота большого города. Тамъ, куда мы отправляемся, ты все это будешь имѣть.

— Я не хочу разставаться съ моремъ; эта дивная синева, я хочу, чтобы она была постоянно предъ моими глазами. Мнѣ никогда въ голову не приходило, чтобы голубой цвѣтъ былъ такъ нѣженъ и такъ пріятенъ. Умоляю васъ, моя дорогая, позвольте мнѣ здѣсь остаться.

— Да кто же говоритъ тебѣ, дорогое дитя мое, что ты должна разстаться съ твоей синевой? Все наше путешествіе совершится вдоль берега средиземнаго моря. Вотъ увидишь, убѣдишься! Здѣсь только начало всего того, что тебѣ такъ нравится; этотъ нѣжный оттѣнокъ воздуха и воды и эту солнечную теплоту дѣйствующаго на тебя такъ благотворно, ты найдешь тамъ еще больше.

Но молоденькая ласточка была немножко упряма и настаивала на своемъ, говоря:

— Марсель, это самое прелестное мѣсто въ мірѣ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, а потому, покинуть то, что лучше всего того, что я до этого встрѣчала, было бы безразсудствомъ.

Ворона слушала ее не возражая. Тѣмъ временемъ занялись завтракомъ; послѣ завтрака летали, прыгали, порхали съ дерева на дерево, съ дома на домъ, со скалы на скалу и, наконецъ, добрались до порта. Восхищеніе молодой ласточки усиливалось все болѣе и болѣе и она торжественно заявила, что желаетъ до конца жизни жить въ Марсели. Все время пока она порхала на башенкахъ Потръ Дамъ de la Гардъ, въ замкѣ d'Ифъ, она то и дѣло восхищалась и радовалась. Это былъ тотъ же Парижъ, но съ добавленіемъ солнца, моря и безконечной лазури небесъ. Ничего другого ей не было нужно.

Она оказалась даже порядкомъ неблагодарной ко всему тому, что ей приходилось видѣть до этого дня и восклицала

— Сравнивая съ моремъ, съ этой голубоватой зеркальной поверхностью, всё эти рѣки, ручьи и даже Сенеу—все это мутная вода, какіе то помой!

Восхищеніе весьма часто доводитъ до крайностей, а вообще никогда мѣры не знаетъ.

День былъ великолѣпный. Съ наступленіемъ вечера, ласточка находила, что послѣ такого теплаго дня воздухъ сталъ необычайно холоднымъ; однако на другой день, когда взошло солнце и залило горячимъ свѣтомъ всю необъятную водную равнину, ласточка снова приходила въ восторгъ, забывъ совершенно о свѣжести вечера и холодѣ ночи.

Я увѣренъ, что она осталась бы въ Марсели, если бы ночью не измѣнился вѣтеръ. Проснувшись, она увидѣла совсѣмъ иную картину. Море бѣшено волновалось; порывистый, сильный вѣтеръ высоко вздымалъ волны и суда сталкивались другъ съ другомъ на рейдѣ. Отъ солнца и синевы и слѣдовъ не осталось. Густыя, тяжелыя, мрачныя тучи бродили по небу и заволакивали весь горизонтъ. Онѣ грозно надвигались на городъ, точно пытаясь раздавить его. Небо было свинцоваго цвѣта; вода казалась черной. Загремѣлъ громъ, засверкали молніи, тучи разверзлись, волны высоко вздымались; казалось, все смѣшалось вмѣстѣ: тучи, вода и воздухъ. Дождь полилъ градомъ.

Прижавшись плотно къ своему другу-воронѣ, подъ защитой сточной трубы, молодая ласточка сидѣла ни жива ни мертва, не шевелясь и не говоря ни слова.

— За что же это Богъ такъ разгнѣвался—думала она.—Какое преступленіе совершила природа, что ей посылается такое ужасное наказаніе? Ахъ какъ я была счастлива вчера!

Всю ночь мракъ былъ непроницаемый, только молніи по временамъ прорѣзывали его зигзагами. Наконецъ наступило утро, но солнце все еще не показывалось. Всю ночь не спавшая ласточка вообразила себѣ, что въ этомъ потоцѣ солнце потухло навсегда, поглощенное бушующимъ моремъ. Отъ вчерашней безграничной радости она перешла снова къ мрачному унынію и жалобно шептала воронѣ:

— Возвратимся въ Парижъ. Это уже слишкомъ, если за одинъ прекрасный день приходится вынести такіе ужасы.

— Ты съ ума сошла, — отвѣчала ей ворона. Точно такъ же какъ прошла прекрасная погода пройдетъ скоро и дурная; но тогда ты должна мнѣ повиноваться безпрекословно и мы воспользуемся первымъ улучшеніемъ погоды для продолженія нашего путешествія. Ты снова увидишь и даже красивѣй прежняго, это дивное солнце, кажущееся тебѣ теперь исчезнувшимъ навсегда.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣдовало улучшеніе погоды, на которое рассчитывала ворона.

— Скорѣе въ путь, — заявила она.

Ворона понимала, что съ ея впечатлительной, все близко къ сердцу принимающей спутницею, нельзя было терять время и потому отдыхи сдѣлались не такъ часты, хотя ей очень бы хотѣлось побывать въ нѣкоторыхъ, дорогихъ ей по воспоминаніямъ мѣстахъ. Но, тѣмъ не менѣе, она остановилась въ Тулонѣ. Ласточкѣ онъ очень понравился и она восторженно восклицала:

— Ахъ какой чудесный портъ! Какой дивный рейдъ! Какіе великолѣпные корабли! Но странно, нѣкоторые легкіе точно съ бѣлыми крыльми, а другіе тяжелые, громоздкіе?

— Это парусныя суда, а тѣ броненосцы; ихъ дѣлаютъ изъ желѣза, чтобы предохранить отъ ядеръ, — объясняла ворона. — Впрочемъ, по мѣрѣ того какъ стѣнки броненосцевъ дѣлаются толще, изобрѣтаютъ ядра сильнѣе пробивающія и, повидимому, не предвидится конца этимъ усовершенствованіямъ. Вотъ всѣ эти могучія суда, какъ, на примѣръ, «Ла Глуаръ», «Ла Провенсъ», «Ле Торо», быть можетъ завтра окажутся уже бесполезными.

— А что же это такое ядра?

— Это толстые и большіе коническіе цилиндры, помѣщаемые въ нарѣзные пушки чрезвычайно дальнобойныя; ты ихъ увидишь въ арсеналѣ.

— А для чего же всѣ эти пушки, всѣ эти ядра?

— О, это очень полезно! — возразила ворона — это служить для того, чтобы пустить ко дну эти прекрасныя

суда и утопить вмѣстѣ съ ними тысячу или тысячу двѣсти человекъ, находящихся на судахъ, когда между людьми затѣется война.

— Какой ужасъ! воскликнула молоденькая ласточка.

— Да, дѣйствительно, это ужасно—отвѣтила ворона,— но прежде чѣмъ люди это вполне сознаютъ, пройдутъ вѣка. «Война зло необходимое»—говорятъ мудрѣйшіе. «Это самое благородное занятіе»—говорятъ нѣкоторые. Все, что представляетъ собою живую силу разныхъ странъ, основываясь на этомъ прекрасномъ возрѣніи, избираетъ военную карьеру. Самые лучшіе, самые молодые изъ мужчинъ Франціи ежегодно поступаютъ въ армію. Тамъ они изучаютъ искусство убивать себѣ подобныхъ. Во Франціи постоянно находится пятьсотъ тысячъ солдатъ, упражняющихся въ военномъ искусствѣ въ ожиданіи того дня когда возможно будетъ броситься на армію другихъ странъ и стремиться къ ихъ уничтоженію. Въ мирное время они томятся, сознавая свою бесполезность и мечтаютъ о кровавыхъ триумфахъ сраженій.

— Я предпочитаю быть ласточкой—возразила маленькая путешественница—не говорите мнѣ о гениіи людей, дорогая ворона; все это, конечно, великолѣпно, но производитъ зловѣщее впечатлѣніе, печальное и ужасное.

— Это правда. Но, впрочемъ, чтобы быть справедливой, надо сказать, что въ извѣстныхъ случаяхъ роль этихъ армій можетъ быть великая и возвышенная. Если, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы начать несправедливую войну и напасть съ огнемъ и мечемъ на сосѣдей, солдаты подвергають свою жизнь опасности, защищая родину отъ вторгнувшагося въ нея непріятеля, тогда они заслуживаютъ самаго прекраснаго названія, которому можетъ завидовать всякій мужчина. Ихъ называютъ тогда: Защитники отечества. Но, къ сожалѣнію, роль войны не всегда этимъ ограничивается.

— Ты мнѣ что то говорила объ арсеналѣ—сказала ласточка.—Полетимъ въ арсеналь, мнѣ уже противно смотрѣть на эти громадныя суда. Я съ большимъ удовольствіемъ гляжу на эти хорошенькія лодочки, полныя рабо-

Вилла Бренбарсонъ.

Къ стр. 124.

чихъ и гребцовъ, скользящія какъ птички, едва касаясь поверхности воды. Почему между этими гребцами нѣкоторые одѣты въ цвѣтные мундиры, а другіе нѣтъ?

— А это потому, моя милая—отвѣчала ворона, что въ мундиръ одѣты каторжники; мы теперь находимся въ мѣстѣ каторги.

Хотя ласточка не вполнѣ поняла, что значить слово «каторжникъ», но оно показалось ей зловѣщимъ и она, вздрогнувъ, спросила:

— Что значить каторга и каторжникъ?

— Каторга,—объяснила ворона—это такое мѣсто, куда люди ссылають и запирають въ тюрьму тѣхъ изъ нихъ, которые совершили какое либо преступленіе, чтобы такимъ способомъ лишить ихъ возможности совершать новыя преступленія. Это обратная сторона общественнаго устройства; общество вынуждено силою удалять порочныхъ, чтобы оградить хорошихъ гражданъ отъ нападеній злыхъ и дурныхъ людей.

— Я вижу, что условія жизни людей очень сложны и имъ приходится разрѣшать много трудныхъ задачъ,—возразила ласточка.—Хорошо сдѣлалъ Господь, что избавилъ наши маленькія птичьи головы отъ необходимости рѣшать головоломныя задачи.

Онѣ улетѣли подальше отъ каторги, мѣста, хотя унылаго, но великолѣпнаго и внушительнаго вида.

Въ Фрежюсѣ наши путешественницы порхали по развалинамъ. Видъ ихъ напомнилъ ласточкѣ Арль и Нимъ и она, обратясь къ воронѣ, спросила:

— Римляне—были ли они такой же великой націей какъ и французы?

— Это зависитъ оттого какъ взглянуть на дѣло—отвѣтила ей ворона;—новое время, какъ бы то ни было, выше стараго. Возьмемъ, на примѣръ, амфитеатры Арля, служившіе помѣщеніемъ населенію въ торжественныхъ праздникахъ римскаго народа. Да знаешь ли ты, что это было въ сущности? Подъ ступенями амфитеатра, на которыхъ возсѣдали тысячи зрителей, жаждущихъ сильныхъ ощущеній, были подземелья, подвалы, лучше сказать, пещеры, изъ которыхъ выпускали тигровъ и львовъ

съ одной стороны, а съ противоположной стороны выводили голыхъ людей. Люди боролись съ тиграми и со львами, пока не послѣдуетъ смерть тѣхъ или другихъ. Вотъ въ этомъ заключался весь интересъ зрѣлища. Тотъ, кто умиралъ красиво, славно, будь это звѣрь или человѣкъ, вызывалъ аплодисменты мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся любоваться этимъ кровавымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ, эта, такъ громко восхваляемая римская цивилизація, будь только это одно принято въ ея обвиненіе, оказывается ниже новой цивилизаціи.

— А, между тѣмъ, люди и теперь другъ друга убиваютъ—возразила ласточка.

— Но это не происходитъ только изъ-за того, чтобы позабавить народъ—сказала ворона.

— Какъ бы то ни было, я рада быть только маленькой птичкой—возразила ласточка.

Путешественницы въ это время пролетали въ горахъ Эстереля. Онѣ остановились для отдыха въ гостинницѣ Адрэ, около ущелья Маландіе, гдѣ очень хорошо позавтракали. Ласточкѣ хотѣлось все видѣть, ко всему прикоснуться.

Когда они прилетѣли въ заливъ Нануль, ею овладѣло такое же восхищеніе какъ и въ Марсели, такъ что ворона не безъ усилій принудила ее разстаться съ этимъ мѣстомъ.

— Да довольно, довольно же!—твердила ворона,—намъ пора летѣть дальше!

Друзья пролетѣли надъ Канной. Онѣ оставили за собой этотъ маленькій городъ, очень живописно размѣстившійся у подошвы холма; оставили за собою отель принцевъ, Грандъ Отель, дачи, садъ Гесперидъ, островъ Св. Маргариты, знаменитый тѣмъ, что служилъ темницею таинственному заключенному, до сихъ поръ не разгаданному исторіей, желѣзной маскѣ, а также миновали островъ Св. Онорэ. Ночь уже наступила.

— Какъ здѣсь хорошо пахнетъ!—внезапно воскликнула ласточка.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возразила нѣсколько насмѣшливо

Островъ Св. Гонорія.

старая ворона.—Завтра ты узнаешь откуда идетъ этотъ пріятный запахъ. Мы теперь находимся въ прелестныхъ садахъ отеля залива Жуана. Вотъ тамъ, сударыня, мы поселимся окончательно и тамъ, я увѣрена, окрѣпнетъ ваша больная грудочка. Если въ этомъ чудномъ мѣстечкѣ вы не восстановите свое здоровье и не укрѣпите разсудокъ, заставляющій любить жизнь,—въ такомъ случаѣ я вынуждена буду сознаться, что ровно ничего не понимаю въ наукѣ исцѣленія тѣла и души.

Обоняніе твое уже познакомило тебя съ тѣмъ, что тебя ожидаетъ, а завтра ты почувствуешь все остальное. Когда съ высоты отеля залива, гдѣ у меня имѣется замѣчательное помѣщеніе, въ которомъ никто и ничто тебя не обезпокоитъ, ты увидишь у ногъ своихъ двѣ тысячи померанцовыхъ деревьевъ въ цвѣту, изъ которыхъ самое плохое лучше растущихъ въ Тюльери, наконецъ когда ты увидишь какъ скатерть ровную поверхность залива, слѣва граничащую съ островомъ Св. Маргариты, увидишь въ отдаленіи бѣлоснѣжныя вершины приморскихъ альповъ и все еще останешься недовоальной, тогда не понимаю, что о тебѣ подуматъ!

Посрединѣ залива есть небольшой утесъ, едва выступающій изъ воды, называемый: «Утесъ муравья». Оттуда намъ будетъ очень удобно разсматривать всю окрестность. Прежде всего съ этого утеса ты увидишь жилище, избранное мною для тебя, именно Отель дю Гольфъ: это настоящій замокъ въ мавританскомъ стилѣ; затѣмъ влѣво вилла Бренборіонъ, вилла Большой сосны, вилла Брюеръ и вилла Жанъ Рейно; во всѣхъ этихъ виллахъ живутъ люди пера.

Разговоръ этотъ происходилъ въ дуплѣ одного изъ толстыхъ и раскидистыхъ оливковыхъ деревьевъ, окаймляющихъ сады отеля дю Гольфъ, избраннаго вороной на эту ночь временнымъ помѣщеніемъ.

Маленькая ласточка, голова которой затуманилась запахомъ померанцовыхъ цвѣтовъ, да и, кромѣ того, сильно уставшая, слегка дремала и едва понимала, что ей говорила ворона; но, услышавъ слова: «люди пера» она встрепенулась и спросила:

— Развѣ у людей бываютъ перья, развѣ они похожи на птиць?

— Называютъ людьми пера тѣхъ мужчинъ и даже тѣхъ женщинъ, которые пользуются гусиными перьями, обмакиваемыми въ черную жидкость, называемую чернила и служащими для того, чтобы обозначать на бумагѣ посредствомъ разныхъ знаковъ все, что придетъ имъ въ голову.

— Ахъ вотъ какъ! пробормотала сквозь сонъ ласточка и тотчасъ же уснула.

Послѣ глубокаго сна на другой день пробужденіе оказалось необычайно пріятнымъ; да и дѣйствительно заливъ Жуана самый восхитительный уголокъ на берегу средиземнаго моря.

Восхищенію ласточки предѣла не было; цѣлый мѣсяцъ прошелъ для нея точно одинъ день въ этомъ спокойномъ и восхитительномъ убѣжищѣ. Здѣсь она нашла все, о чемъ постоянно грезила, отрицая, однако, возможность осуществленія своей мечты. Здѣсь она нашла яркое солнце, горячіе лучи котораго смягчались легкимъ, свѣженькимъ вѣтеркомъ, здѣсь же она дышала чистымъ, благоухающимъ, живительнымъ воздухомъ. Среди зимы здѣсь было такъ же тепло какъ въ началѣ лѣта. По цѣлымъ днямъ она летала во всѣхъ направленіяхъ и радостно щебетала, высказывая свои впечатлѣнія:

— Я плаваю подъ небесами какъ рыба въ водѣ. Этотъ воздухъ такъ упругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легокъ, что самъ поднимаетъ меня и несетъ вверхъ, почти безъ всякихъ усилий съ моей стороны. Да вотъ посмотри, мой милый другъ, достаточно самаго легкаго взмаха крыломъ и я уже взвилась и рѣю въ этомъ чистомъ легкомъ эфирѣ легко и свободно.

Ласточка неустанно летала съ горы въ долину, изъ темныхъ оливковыхъ лѣсовъ въ рощу золотистыхъ лимонныхъ деревьевъ. Раскидистые, широколиственные, ярко зеленые дубы, пробочные дубы съ темнокоричневыми стволами кроваваго оттѣнка, высокій бѣлый верескъ, мирты, пальмы, мастиковыя деревья—все ей было уже отлично знакомо. Не менѣе того освоились и подружи-

лись съ ласточкой тюльпаны, анемоны, розы и жабникъ, замѣняющій собою васильки и маргаритки другихъ странъ. Когда она въ быстромъ полетѣ неслась съ Валморнса къ Грассу, по цвѣтущимъ лугамъ, цвѣточки, поглядывая на нее, говорили:

— Смотри, смотри: это вѣдь маленькая ласточка, та хорошенькая парижанка, живущая въ отелѣ дю Гольфъ.

Эти комплименты ее нисколько не сердили. Хотя она не была кокеткой, но ей приходилось по сердцу сознание, что, пролетая мимо, она могла понравиться. Вскорѣ во всей окрестности не осталось ни одной вершины, ни одного холма, на которыхъ ей не пришлось бы побывать по нѣсколько разъ. Отъ холма Большой Сосны до Канэ и отъ Канэ до ущелья Эстерель, все ей было близко знакомо. Всюду ее принимали радушно, такъ какъ въ этой мѣстности очень рѣдко встрѣчаются ласточки, и всѣ жители говорили:

— Будемъ съ ней любезны. Она расскажетъ о заливѣ Жуанъ другимъ ласточкамъ и на будущій годъ привлечетъ къ намъ своихъ подругъ.

Вначалѣ дрозды немного завидовали ей и имъ не понравилось, что за ней такъ ухаживали, но это недоброе чувство было весьма непродолжительно, до такой степени она была мила и умѣла понравиться. Вскорѣ она повсюду чувствовала себя какъ дома. Когда на чужбинѣ вами овладѣетъ такое чувство, можете быть увѣрены, что эта страна для васъ вполне подходящая. Но, впрочемъ, нигдѣ она себя не чувствовала такъ прекрасно, какъ на башенкахъ своего отеля дю Гольфъ. Хозяева дома наперерывъ за ней ухаживали, а также за ея другомъ вороной. Не только хозяева, всѣ живущіе въ домѣ баловали ее и заботились о томъ, чтобы положить на террасѣ вкусныя кушанья, специально приготовленные для ея маленькаго клюва. Во всѣхъ углахъ раскладывались вкусныя кусочки бисквитовъ, марсельскихъ пирожковъ и многого другого, чѣмъ слѣзили пользоваться воробы, такъ какъ ласточки не любятъ такой пищи, но ее это трогало и она очень цѣнила вниманіе къ себѣ. Владѣлецъ гостинницы былъ старый морякъ, това-

рищъ и спутникъ Дюмонъ Дюрвиля. Ворона относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и высоко цѣнила его, приговаривая:

— Вѣдь онъ вѣдиль вокругъ свѣта!

Какъ только она слышитъ, что онъ съ кѣмъ либо разговариваетъ, тотчасъ прокрадывается какъ можно ближе къ нему, чтобы слышать все, что будетъ говорить отважный путешественникъ. Однажды въ этотъ отель дю Гольфъ пріѣхали два парижанина. Ворона тотчасъ узнала кто они; отъ нея ничего не могло укрыться, она все умѣла разузнать.

— Моя милая—обратилась она къ ласточкѣ,—это два писателя. Одинъ изъ нихъ давно уже написалъ книгу, названную имъ: «Животныя, изображенныя ими самими»; оригинальную книгу, въ которой люди изображены животными. Одна ворона, съ которою я была дружна, написала даже цѣлую главу для этой книги: «Воспоминанія Вороны». Другой изъ этихъ писателей написалъ не менѣе интересную книгу: «Пять недѣль въ воздушномъ шарѣ» въ которой рассказываетъ о воздушномъ путешествіи по Африкѣ, совершенномъ тремя англичанами. Пойди, моя миленькая, покажись этимъ людямъ, постарайся имъ понравиться и будь съ ними какъ можно любезнѣе; мнѣ бы очень хотѣлось ихъ послушать.

Маленькая ласточка очень охотно исполнила просьбу вороны да и сама рада была выказать себя граціозной и любезной. Знакомство завязалось очень скоро. Парижане выбрали комнату повыше для того, чтобы видъ былъ лучше. Такимъ образомъ они оказались сосѣдями. Сидя у окна, парижане безъ всякаго стѣсненія бесѣдовали обо всемъ, чѣмъ воспользовалась любознательная ворона ни слова не упускавшая изъ ихъ бесѣдъ. Хотя они нисколько не были болтливы, но тѣмъ не менѣе забрасывали разспросами стараго моряка, такъ что ворона узнала все, что ее интересовало объ экспедиціяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Старый морякъ проспался до разсвѣта и уже на зарѣ слышался его грубоватый, но ласковый голосъ:

— Не забудьте завтракъ ласточкѣ!

— Онъ уже готовъ!—слышался въ отвѣтъ на это другой голосъ, такой ласковый, веселый, свѣжій и звучный, что можно было подумать, что это поетъ жаворонокъ. Это былъ голосъ молоденькой дочери моряка. Эта миленькая особа, такъ же какъ и вся ея семья, очень любила ласточку.

— Какъ жаль,—говорила она—что эта хорошенькая ласточка не имѣетъ мужа; она бы свила у насъ гнѣздышко. Другія бы ласточки послѣдовали ея примѣру и у насъ образовалась бы цѣлая колонія.

Всѣ съ этимъ были согласны; но дѣло въ томъ, что устроить это было нелегко.

Мѣсяца черезъ два ласточка, почувствовавъ, что совершенно выздоровѣла, спросила свою старую подругу не найдетъ ли она возможнымъ, прежде чѣмъ возвратиться въ Парижъ, поглядѣть какія нибудь другія страны.

— Быть такъ близко отъ Италіи и не побывать въ ней, было бы непростительно,—говорила она.

— Ничего нѣтъ легче какъ побывать тамъ,—отвѣчала добрая ворона. Рѣшено было отправиться завтра. Полетимъ надъ моремъ до Бордигеры и тамъ останемся нѣкоторое время, а возвратимся уже не моремъ, а вдоль великолѣпной дороги дѣ ла Корнишъ, извивающейся по возвышенностямъ всего берега. Поднять былъ также вопросъ о томъ не заглянуть ли въ Геную.

— Впрочемъ нѣтъ, не слѣдуетъ,—замѣтила ворона—такъ какъ это насъ завлекло бы черезчуръ далеко. Если мы попадемъ въ Геную, тогда захочется видѣть Флоренцію, потомъ Миланъ, а затѣмъ Римъ, Неаполь и Венецію. Не слѣдуетъ заглядывать въ какой либо одинъ изъ уголковъ Италіи, если нельзя доставить себѣ удовольствіе познакомиться основательно со всей Италіей. Лучше оставимъ это на другое путешествіе. Такимъ образомъ наша экскурсія будетъ небольшая и дастъ намъ возможность удѣлить еще одну недѣлку на пребываніе въ нашемъ миломъ заливѣ прежде чѣмъ отправиться въ обратный путь въ Парижъ. Наше возвращеніе въ Парижъ потребуетъ, считая отдыхи, три недѣли, а

Это были бесконечныя прогулки и бесѣды.

быть можетъ и цѣлый мѣсяць. Мы какъ разъ будемъ въ Нотрѣ Дамѣ де Пари къ возврату ласточекъ.

Планъ этотъ одинаково понравился обоимъ друзьямъ и на другой день едва только солнце выглянуло изъ-за Гарупы, онѣ, сказавъ до свиданія заливу Жуана, взмахнули крыльями и улетѣли.

Весь перелетъ былъ сплошной радостью и удовольствіемъ для выздоровѣвшей ласточки, если не принимать въ расчетъ немного грустное выраженіе глазъ, когда она любовалась чѣмъ либо особенно привлекшимъ ея вниманіе. Въ такихъ случаяхъ она восклицала:

— Ахъ, если бы теперь моя мать была около меня! Какъ было бы приятно вмѣстѣ съ ней любоваться этими чудными видами!

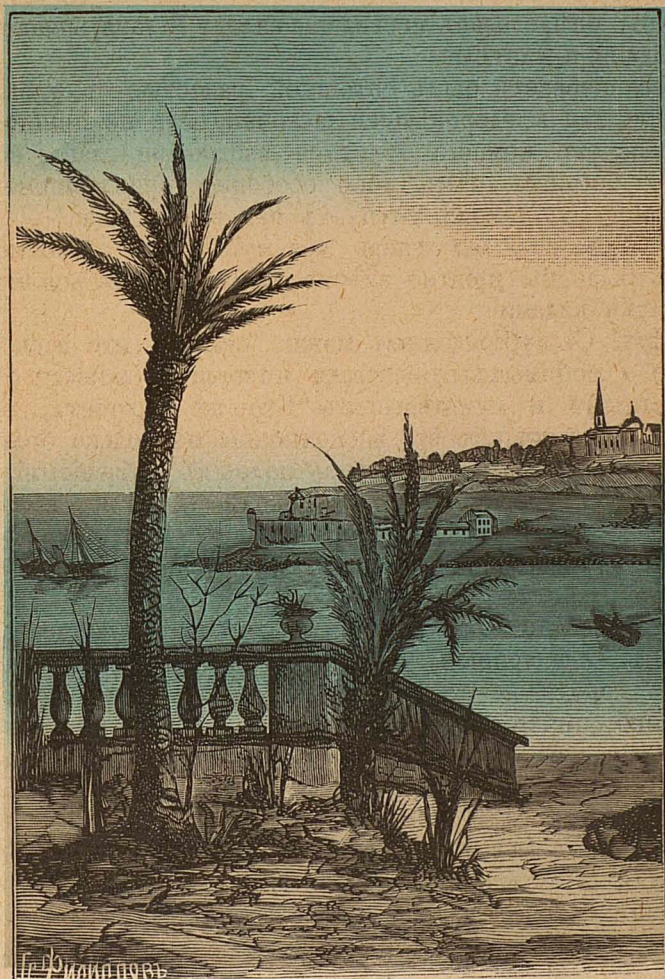
Нѣтъ! Съ убѣжденіемъ можно сказать, что воспоминаніе о любимыхъ существахъ никогда не можетъ быть тягостнымъ и мучительнымъ. Кто же захочетъ, если даже допустить, что это воспоминаніе нѣсколько больно, замѣнить эту сладостную боль полнымъ забвеніемъ?

— Духъ умершихъ витаетъ около тѣхъ, кто вспоминаетъ о нихъ—отвѣчала ласточкѣ ея старая подруга;— когда ты говоришь о своей матери, значитъ она около тебя и слышитъ тебя.

Ницца очень мало понравилась нашимъ путешественницамъ. Онѣ пришли къ тому убѣжденію, что все въ этомъ городѣ неестественно, все какъ то вычурно и дѣланно; ничего нѣтъ естественнаго, простаго. А пыль! Ужасная, невообразимая! Это страна скучающихъ. Ничто васъ не удерживаетъ у себя, не вызываетъ желанія остаться одному. Приходится, да только это одно и возможно, жить внѣ дома.

Летая и болтая, онѣ пролетѣли Виллафранко, маякъ котораго похожъ на громадную лампу, поставленную у самаго берега; нѣсколько позднѣе предъ ними вырисовывалась Эза, точно гнѣздо коршуна, прилѣпившееся на вершинѣ недоступнаго утеса.

Вскорѣ показался городокъ Монако и привелъ ихъ въ восхищеніе. Когда со стороны моря они увидѣли его, граціозно размѣщеннаго на скалахъ, когда они увидѣли

Терраса Спелюгъ въ Монако.

Къ стр. 133.

его великолѣпный, хотя и маленькій портъ, когда онѣ пролетали его садами, онѣ невольно затрепетали крыльями отъ восторга, восклицая:

— Ахъ, какой прелестный уголокъ! Ахъ, восхитительное мѣстечко! Да какой дивный запахъ здѣсь!

— Это, пожалуй, самое крошечное государство въ мірѣ—добавила ворона.

— Но это не мѣшаетъ ему быть самымъ прелестнымъ!—сказала ласточка.

— Такъ, такъ!—смѣясь сказала ворона.—Мнѣ давно извѣстно, сударыня, что вы ни подь какимъ видомъ не согласились бы быть жирной и большой гусыней.

— О, конечно!—возразила ласточка.

— Однако повара ваши вкусы не раздѣляютъ и предпочтутъ вамъ гусыню.

— Какое счастье,—проговорила ласточка слегка вздрогнувъ,—что какъ я, такъ и ты, дорогая моя бабушка, не годимся въ пищу! Мы не рѣшались бы въ противномъ случаѣ приближаться такъ близко къ жилищамъ людей, какъ дѣлаемъ это теперь.

— Ты совершенно права—возразила ворона.—Но представь себѣ существуютъ настолько глупыя животныя, которыя гордятся тѣмъ, что ихъ ѣдятъ.

— Да неужели такія бываютъ!—изумленно воскликнула ласточка.

— Глупость, порождаемая тщеславіемъ, предѣловъ не имѣетъ и всегда вырождается въ безобразнѣйшую нелѣпость,—внушительно сказала ворона.

Продолжая путь надъ берегомъ, они понемногу отдыхали вездѣ: въ Рокебрюнѣ, Ментонѣ, показавшемся имъ скучнымъ, и въ очень понравившемся имъ Винтимилѣ. Наконецъ они добрались до Бордигьеры. Прежде всего надо было полюбоваться знаменитой пальмовой рощей; онѣ нашли, что ее уже черезчуръ расхваливаютъ. Однако, нѣкоторыя деревья показались имъ дѣйствительно восхитительными. Эти прекрасныя пальмы, точно громадный зеленый вѣеръ, красиво вырисовывались на яркой лазури неба и моря.

Послѣ однодневнаго отдыха, онѣ поднялись на дорогу

де ла Корнишъ и, высоко взлетѣвъ надъ нею, нашли что она еще красивѣе кажется съ высоты нежели вблизи. Весь берегъ окаймленъ маленькими городками, усѣивающими точно гнѣзда всѣ окрестныя скалы.

— У жителей этихъ городковъ вѣроятно являлось желаніе летать, если они забрались такъ высоко на скалы, — сказала ласточка. — Что за странная мысль такъ высоко помѣщать свое жилище, не обладая крыльями?

— Всѣ эти города, очень, очень древніе, — отвѣчала ворона. — Они построены въ тѣ времена когда люди постоянно воевали между собою; каждая маленькая страна, безпрестанно опасавшаяся нападенія враговъ, старалась строить жилища въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ. Къ такимъ городамъ не такъ легко подступить неожиданно какъ къ городамъ, расположеннымъ въ долинахъ; они совершенно похожи на гнѣзда орловъ и коршунъ.

— Хорошо, что теперь люди стали лучшими, — сказала ласточка. — Я бы хотѣла, чтобы они достигли совершенства, потому что они любятъ ласточекъ.

Однажды ласточка была очень изумлена; случилось это тогда, когда ворона, показывая ей мостъ Сень-Луи, сказала:

— Видишь-ли маленькій мостъ внизу того оврага; направо отъ него Франція, куда мы теперь возвращаемся, а налево — Италия. Вотъ этотъ мостъ, вотъ эта линія называются: граница.

Изумилась ласточка потому, что до сихъ поръ въ ея воображеніи понятіе о границѣ было какъ о чемъ то громадномъ, грозномъ, непроходимомъ. А между тѣмъ, — думалось ей при взглядѣ на этотъ мостъ, — это разграниченіе не есть отдѣленіе, раздѣлъ, а просто воображаемое раздѣленіе. Такъ въ такомъ случаѣ для чего же эти раздѣленія, разграниченія; зачѣмъ же обитатели двухъ странъ хотятъ отдѣлиться другъ отъ друга? Если они могутъ, стоя каждый на своей территоріи, протянуть и пожать другъ другу руки, какъ они умудряются признавать себя различными націями? Если не сама природа ихъ раздѣляетъ, такъ что же въ такомъ случаѣ отдѣ-

лаетъ ихъ другъ отъ друга?—спрашивала горячася ласточка свою старую подругу.

— Мы, милый другъ, вступаемъ этимъ разговоромъ на воспрещенную намъ территорію. Сама того не подозревая, ты занялась политикой!

— А развѣ это нехорошо заниматься политикой,—съ наивнымъ видомъ спросила ласточка.

— Да, не дозволяется и признается предосудительнымъ, если на это не имѣется разрѣшенія—отвѣтила ворона.

— А!—сказала маленькая ласточка. — Значить на свѣтѣ есть вещи дурныя, если нѣтъ разрѣшенія и хорошія, если это дозволено. Въ такомъ случаѣ эта политика престранная вещь.

Ворона сдѣлала видъ будто не разслышала этого замѣчанія и вскорѣ разговоръ опять коснулся великолѣпныхъ видовъ, смѣнявшихъ одинъ другой во все продолженіе пути.

Онѣ пролетали надъ Монако, показавшимся имъ съ высоты красивымъ муравейникомъ.

— Какъ все это на землѣ мельчаетъ, когда поднимешься вверхъ,—задумчиво сказала ласточка.

— Въ самомъ дѣлѣ? Однако, моя милочка, ты уже начинаешь философствовать!

— Не смѣйся надо мною,—возразила ласточка—ты помогла мнѣ укрѣпить грудь и крылья, такъ помоги же теперь научиться мыслить и разсуждать; мнѣ кажется, что это было бы недурно.

— О, милая моя, хорошая ученица! — воскликнула восхищенная ворона.

— А въ самомъ дѣлѣ,—продолжала ласточка,—какъ хорошо устроены свѣтъ; какъ все это красиво и прочно. Эти громадныя скалы, эти величественныя горы, эти большія дороги, извиющіяся и огибающія крутые склоны. Какъ великолѣпны эти прекрасныя деревья, эти необозримыя моря, это звѣздное небо. Дѣйствительно все это дивно, превосходно устроено и Богъ великій архитекторъ, устроивъ такое чудное жилище своимъ бѣднымъ твореніямъ.

Но оказалось, что въ этомъ дивномъ морѣ, которое

такъ расхвалила ласточка, было одно, не приходившееся ей по сердцу, а именно то, что вода была соленая. Ласточка частенько на это жаловалась и какъ-то сказала:

— Да для чего же это? Какъ бы то ни было, я полагаю, что милосердный Богъ лучше бы сдѣлалъ если бы сотворилъ ее сладкой.

— Ахъ ты, маленькая дурочка! Если бы эти громадные водныя пространства, окружающія землю и занимающія площадь въ семь разъ большую земли не были бы соленыя, то вода портилась бы и отравила все живущее.

Во все время пути подруги бесѣдовали, восхищались видами. Ворона, взоромъ матери, полнымъ любви, слѣдила за своей питомицей и, прислушиваясь къ ея наивнымъ рѣчамъ, радовалась, замѣчая какъ постепенно зарождалась мысль и сознаніе въ головкѣ ея ученицы. Ея наивныя замѣчанія сильно ее заинтересовали; она понимала, что ребенокъ мало-по-малу становится взрослой дѣвушкой и радовалась, что благодаря ея вліянію, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ развивалась эта молодая впечатлительная организація.

Ниццу пролетѣли почти не останавливаясь въ ней! Путешественницамъ очевидно не нравились мѣста прогулокъ англичанъ, шумъ и толкотня. Они нетерпѣливо стремились попасть поскорѣе въ отель дю Гольфъ. Послѣ остановки на бастіонахъ форта Шампіонэ, они въ одинъ перелетъ добрались до станціи дю Гольфъ. Пролетая надъ кущей оливковыхъ деревьевъ, ворона сказала, обратившись къ ласточкѣ:

— Посмотри на это большое оливковое дерево, третье съ края. Подъ этимъ деревомъ ночевалъ Наполеонъ, высадившись съ острова Эльбы.

Минутьъ чрезъ пять послѣ этого, онѣ уже прибыли въ отель дю Гольфъ и были встрѣчены радостными возгласами:

— Вотъ онѣ; вотъ онѣ!—Ласточка возвратилась! Папа! Мама! Птички возвратились; вотъ и ворона здѣсь! Значитъ онѣ только прогулялись. Эти дамы путешествовали— не такъ ли, сударыни?

— Квикъ, квикъ!—отвѣчала ласточка, кружась надъ русой головой своего молоденькаго друга.

— Слышите, какъ она говорить: да, да?—обратилась дѣвушка къ отцу и матери и затѣмъ, точно спохватившись, быстро добавила:

— Ахъ, папа! Да вѣдь они должно быть голодны.

Въ одну минуту на террасѣ появлялись крошки хлѣба и пирожнаго, а также просо и сѣмя.

Восемь дней, предназначенныхъ вороной для пребыванія въ заливѣ Жуана прошли точно одинъ часъ. Наконецъ наступилъ часъ прощанія съ знаменитымъ заливомъ, возвратившимъ здоровье молодой больной. Надо было попрощаться съ домомъ ихъ пріютившимъ, съ радушными хозяевами, такъ любезно заботившимися о нихъ и со всѣми обитателями гостинницы. Ласточка и ворона тихонько поклевывали клювомъ у всѣхъ оконъ перваго, второго и третьяго этажей. У нихъ вездѣ были добрые друзья.

— Мы возвратимся, возвратимся! — щебетали онѣ каждому.

Онѣ не забыли даже собаку. Этотъ «Томъ» былъ въ первые дни ихъ прибытія нѣсколько грубъ, но въ слѣдствіи съ ними освоился и даже полюбилъ, такъ что маленькой ласточкѣ очень хотѣлось съ нимъ познакомиться.

Добрякъ Томъ, понявъ въ чемъ дѣло, поднялъ на нихъ глаза съ видимымъ огорченіемъ. Затѣмъ отошелъ въ сторону, подпрыгнувъ раза два и побѣжалъ впередъ, точно провожая ихъ. Онѣ пролетѣли сады Вереска, Большой Сосны и Бримборьена, а Томъ все бѣжалъ за ними. Проворный и сильный Томъ долго бы бѣжалъ за своими пріятельницами, но послышался звонъ колокола въ гостинницѣ дю Гольфъ, призывавшій къ завтраку.

Заслышавъ эти знакомые звуки, такъ много говорившіе его сердцу путемъ желудка, онѣ нѣсколько разъ залаялъ, поглядывая на ласточку и ворону, подскочилъ раза два, затѣмъ, круто повернувъ, помчался обратно въ гостинницу.

— А все же этотъ толстый Томъ добрая и хорошая собака,—сказала ласточка.

— Конечно, — возразила ворона — если мы будем называть добрыми, всѣхъ кусающихъ незнакомыхъ имъ людей.

Я не буду пересчитывать всѣ остановки въ пути; онѣ были очень многочисленны. Сердце ласточки сильнѣе билось по мѣрѣ приближенія къ Парижу. Воздухъ былъ не такой теплый какъ въ заливѣ Жуана, но все же весна и зима большая разница.

Когда онѣ прилетѣли въ Парижъ и она увидѣла Ботаническій садъ и его растительность, такъ рѣзко отличающуюся отъ южной, она поняла какъ была наивна, воображая, что зима можетъ быть вѣчной и радостно привѣтствовала родной городъ и старый соборъ. Она почувствовала невыразимую радость, завидѣвъ свое родное гнѣздо, неподвижный вѣнецъ стараго святого и ею снова овладѣли воспоминанія о дорогой матери.

Ласточка возвратилась обратно какъ разъ во время. На другое утро, когда она поднялась на верхушки башенокъ собора, ворона показала ей небольшія черныя тучки, направлявшіяся отъ Барьеръ д'Етуаль въ сторону Тюльери и двигавшіяся со скоростью стрѣлы къ Нотръ дамъ де Пари. Это была веселая и болтливая стая возвращавшихся ласточекъ.

Ахъ какъ забилось сердце бѣдной ласточки!

— Гдѣ мой отецъ, гдѣ братья, гдѣ сестры? — быстро спрашивала она авангардъ ласточекъ.

— Всѣ они здоровы и сейчасъ будутъ здѣсь! — отвѣчали ей подруги.

Но увы, не все было весело въ этомъ возвращеніи. А между тѣмъ какой бы это былъ торжественный, полный праздникъ, если бы осталась живой та, которую прибывшіе надѣялись увидѣть!

— Сестра, сестрица! А гдѣ же мама? — разомъ защебетало нѣсколько голосовъ.

— А гдѣ же моя... слышался еще другой голосъ, но тотчасъ замеръ, увидѣвъ, что ласточка спрятала головку подъ крыло. Замерли крики радости и восторга и наступило глубокое и продолжительное молчаніе.

— Да будетъ воля Божья!—смиренно проговорилъ отецъ ласточки.

Конечно, это было весьма печально. Но когда же счастье бываетъ полное? Гдѣ и когда видано, чтобы оно не помрачилось то тѣмъ, то другимъ? Всѣ оплакивали вмѣстѣ покойную мать и пришлось ласточкѣ нѣсколько разъ повторить рассказъ о всѣхъ подробностяхъ послѣднихъ минутъ жизни матери. Маленькая ласточка не забыла сообщить роднымъ, что ея мать, умирая, оставила ее на попеченіи превосходнаго, великодушнаго друга и добрую ворону со всѣхъ сторонъ благодарили и любили какъ родную мать.

Мнѣ ничего не остается добавить къ этому разсказу, развѣ только то, что въ настоящее время молоденькая ласточка давно уже сдѣлалась одной изъ лучшихъ матерей семейства въ кварталѣ Нотръ дамъ де Пари. У нея четверо маленькихъ дѣтей, составляющихъ все ея счастье, но доставляющихъ ей бездну хлопотъ, такъ какъ они шаловливы и болтливы какъ маленькія сороки.

Живя для другихъ, забывая себя при исполненіи пріятнаго долга матери, нашъ другъ ласточка не жалуется, не ноетъ и никогда уже не задаетъ себѣ вопросы о томъ стоитъ ли жить; она вовсе объ этомъ не думаетъ, да и нѣтъ на это времени! Могу васъ увѣрить, что ни у нея, ни у мужа ея не хватитъ даже минуты времени, чтобы заниматься такими пустыми разговорами. Когда нужно наполнить пиццей четыре постоянно открытыхъ клюва, нѣтъ времени разсуждать о пустякахъ.

— До какой степени я была глупымъ ребенкомъ—говорила иногда ласточка вечеромъ, когда уснуть дѣти, своему старому другу воронѣ,—вы, дорогая бабушка, были тогда совершенно правы, когда говорили мнѣ, что въ жизни есть много хорошаго. Знаете ли, что могло бы со мною случиться не будь васъ?...

— Ахъ не будемъ толковать объ этомъ—отвѣчала ворона. Нетрудно было догадаться, что, будучи доброй дочерью, ты легко окажешься доброй матерью. Не надо было быть колдуньей, чтобы это понять. Да и притомъ, дитя мое, на душѣ твоей было большое горе, такъ что

понятны были твое уныніе и отчаяніе. Надо было доказать тебѣ, что, несмотря на многія невзгоды, жизнь все же есть благо; да если бы даже она была постоянно тяжелой, все же она долгъ, а потому необходимо любить жизнь.

Катокъ.

ушествуетъ весьма забавная игра, порицать которую, повидимому, нѣтъ оснований, но между тѣмъ я нахожу нужнымъ указать на ея вредъ, такъ какъ она одна изъ самыхъ опасныхъ игръ. Я говорю о той игрѣ, въ которой дѣти скользятъ по льду.

Нѣтъ сомнѣнія, что кататься на льду очень пріятно; скользить по гладкому, ровному льду, достигнуть цѣли въ одинъ приемъ, съ одного разбѣга, какъ пущенная изъ лука стрѣла! Это дѣйствительно восхитительно; это быстрое движеніе по льду, гладкому какъ зеркало, смѣло и граціозно и притомъ зимою согрѣваетъ и развлекаетъ во время отдыха въ школахъ въ особенности въ сѣверныхъ странахъ. Собираются на площади, много смѣются; всякое паденіе встрѣчается веселымъ смѣхомъ; въ особенности забавны новички. Если рѣдко смѣются падающіе, зато усерднѣе смѣются за нихъ другіе. Извѣстно мнѣ также, что всегда послѣ такого веселья слышишь о шишкахъ на лбу, о разбитыхъ до крови и изцарапанныхъ носахъ, о боляхъ въ спинѣ и, что еще хуже, о разбитыхъ зубахъ, вывихнутыхъ рукахъ и ногахъ. Но, несмотря на все это, скользить по льду все таки очень пріятно.

Такъ, по крайней мѣрѣ, полагали въ мое время въ маленькомъ городѣ К.

Какъ только устраивался катокъ, дѣти все забывали, все бросали и ловко ускользали отъ учителей и отъ родителей. Никакія приказанія, никакія обязанности не

Одного изъ скользящихъ кто то толкнулъ.....

Къ стр. 142.

въ силахъ были ихъ удержать. Даже дѣвочки въ этомъ городкѣ не отставали отъ мальчиковъ. Были такіе завзятые любители этой забавы, что лѣтомъ мечтали о зимѣ и съ нетерпѣніемъ ждали ея возвращенія, съ которымъ наступали морозы, а морозъ давалъ возможность устроить знаменитый катокъ на большой площади. Помнится какъ однажды ужасный гнѣвъ молодого населенія былъ возбужденъ противъ городского головы, когда 15 декабря 18. . года, на углу дома городской управы вывѣшено было объявленіе, которымъ подѣ страхомъ штрафа и тюремнаго заключенія, воспрещалось устраивать катки, не только на городскихъ площадяхъ, но и гдѣ бы то ни было на окраинахъ города. Надо было послушать какія ужасныя вещи говорились въ этотъ достопамятный день противъ всѣхъ властей вообще, не только въ школахъ мальчиковъ, но и въ женскихъ училищахъ. Навѣрное въ этотъ день состоялась бы революція и все правительство было бы замѣнено другимъ, если бы маленькіе бунтовщики надѣялись одержать верхъ; но, по счастью, сила не была на ихъ сторонѣ. Тѣмъ не менѣе волненіе было изумительное.

Въ шесть часовъ, по выходѣ изъ школъ, на площади было необычайно громадное скопленіе мальчиковъ. Можно было подумать, что сошлись дѣти со всей провинціи; надо было видѣть выраженіе лицъ всѣхъ этихъ маленькихъ бунтовщиковъ. Кулаки были сжаты, взгляды свирѣпые, а языки работали шибко, прешибко.... хотя и вполголоса! Ясно было, что собирались составить заговоръ.

Старожилы города, видя это, изрѣдка подходили прямо къ толпѣ и, показывая видъ будто дѣлаютъ это нечаянно, прорѣзывали толпу, стараясь ее разсѣять. Нѣкоторые изъ нихъ, слышавъ рѣчи бунтовщиковъ, подстрекавшихъ къ возмущенію, сочли нужнымъ возразить нѣсколькими прочувственными замѣчаніями на необдуманная слова бунтовщиковъ.

Городской голова, человекъ весьма разсудительный, пользовавшійся большимъ почетомъ, далъ себѣ трудъ лично явиться на площадь и разяснять нѣсколькимъ дѣтямъ, съ родителями которыхъ онъ былъ хорошо зна-

комъ, что объявленное запрещеніе клонится къ ихъ собственному благу и къ спокойствію всего города. Онъ напомнилъ имъ о несчастныхъ случаяхъ прошлыхъ годовъ, именно о нѣсколькихъ дѣтяхъ, искалѣченныхъ на всю жизнь и объ одной старухѣ, едва не умершей вслѣдствіе паденія на льду, отъ нечаяннаго толчка одного изъ катавшихся мальчиковъ.

Рѣчь городского головы выслушивалась молча, но едва онъ отходилъ подальше отъ толпы, какъ его объявленія срывались со стѣны и разрывались въ куски.

Положеніе было бы крайне опаснымъ, если бы не наступило время ужина. Голодъ принудилъ дѣтей разойтись и возвратиться къ домашнему очагу.

Однако родители не совсѣмъ были покойны. Между тѣмъ дѣти смотрѣли спокойно, что казалось неестественнымъ. Хотя каждый поужиналъ съ большимъ аппетитомъ, но даже самые болтливые изъ нихъ ѣли молча и смотрѣли загадочно, съ видомъ совершенно неестественнымъ въ ихъ возрастѣ. Очевидно, было существованіе заговора.

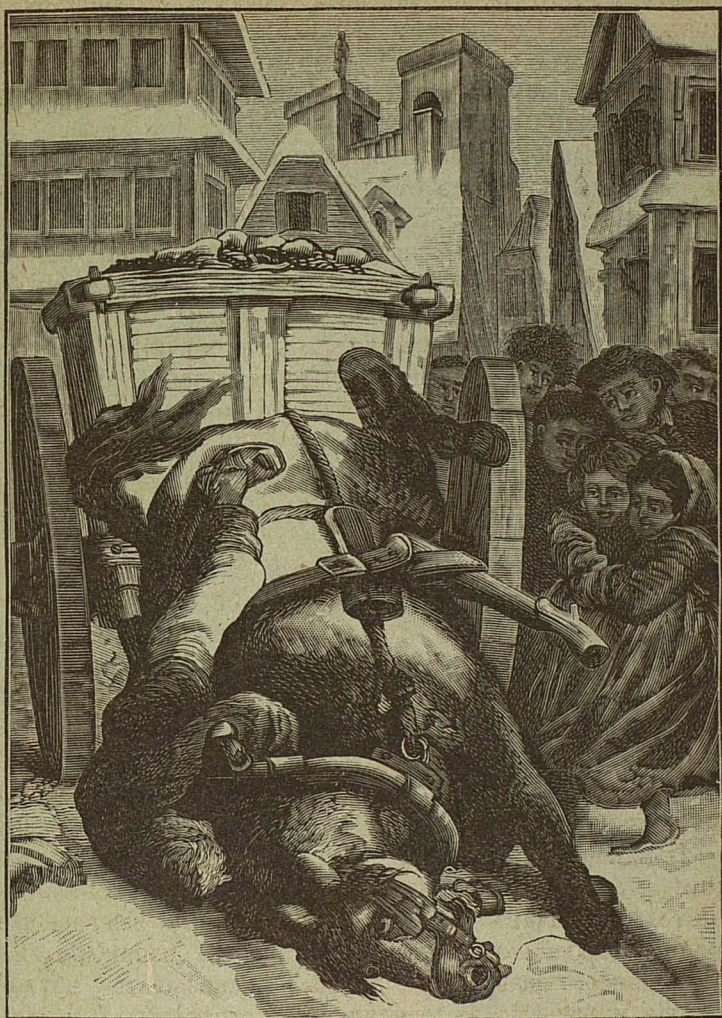
Только весьма немногіе изъ нихъ, съѣвъ супъ и покусывая колбасу, запиваемую полукружкой пива, позволили себѣ процѣдить сквозь зубы, что такъ или иначе, а господинъ городской голова ни что иное какъ тиранъ.

Но, наконецъ, мало-по-малу весь городъ по обыкновенію заснулъ и можно было надѣяться, что на слѣдующее утро волненіе уляжется и умы успокоятся.

Между тѣмъ оказалось, что напрасно понадѣялись на благоразуміе всей этой молодежи. Если они молчали и не слышалось никакихъ жалобъ, такъ это только потому, что у нихъ былъ составленъ опредѣленный и рѣшительный планъ дѣйствій. Вотъ почему, высказывая громко и грозно свое неудовольствіе на площади, они воздержались, возвратясь домой, высказывать неудовольствіе и жалобы въ присутствіи родителей.

На другой день все ясно обнаружилось.

Предводительствуемые нѣсколькими горячими головами, которыхъ въ моменты волненія слушаютъ всегда охотнѣе нежели спокойныхъ и благоразумныхъ, образовался пра-

Нога котораго, понавъ подъ лошадь и тяжелыя оглобли сломались. . .

Къ стр. 143.

вильный заговоръ, составилъ опредѣленный планъ и выполнятъ рѣшительнымъ и блестящимъ образомъ какъ увидятъ далѣе.

Около восьми часовъ утра всѣ дѣти вышли изъ дома; по обыкновению ранцы ихъ наполнены были книгами и разнымъ съѣдобнымъ для завтрака. Однако никто изъ нихъ не направился къ школѣ, но большая площадь чрезъ нѣсколько минутъ была вся усѣяна дѣтьми.

Большая площадь представляла собою изумительное, необычайное зрѣлище. Ночью, руками неизвѣстныхъ лицъ вылита было множество ведеръ воды на ту часть площади, гдѣ устроена была игра въ кегли; обѣ аллеи были залиты водою и, такъ какъ ночью былъ хорошій морозъ, къ утру катокъ былъ готовъ, несмотря на запрещеніе. Никогда еще онъ не былъ такъ великолѣпенъ. Гладкій какъ зеркало, онъ начинался въ одномъ концѣ и доходилъ вплоть до другого конца площади, дерзко проходя предъ двумя, тремя улицами и дѣлая такимъ образомъ доступъ къ нимъ весьма опаснымъ. Можно было подумать, глядя на все это, что ночью рѣка проложила себѣ дорогу среди города, потому что вся площадь по всей длинѣ ея пересѣкалась параллельно двумя замерзшими рѣками.

Я не берусь описать невообразимую радость, торжество и восторгъ маленькихъ заговорщиковъ, когда они увидѣли какъ удачно, какъ великолѣпно выполненъ ихъ планъ. Шумные ихъ клики могли бы, казалось, оглушить весь міръ. Нельзя было терять ни минуты и катаніе началось во мгновеніе ока. Возмущеніе было въ полномъ разгарѣ. Братъя привели съ собою сестеръ; оба пола дѣйствовали одновременно и съ одинаковой энергіей. Если не ошибаюсь, примѣръ подобнаго явленія еще никогда не представляла исторія, хотя обильная самыми странными и равнообразными проявленіями революціи.

Такъ какъ всѣ дѣйствующія лица имѣли полное основаніе опасаться, что въ непродолжительномъ времени забавѣ ихъ помѣшаютъ, всѣ старались не терять времени. Никогда еще съ такимъ ожесточеніемъ и послѣдностью не скользили по льду какъ въ этотъ день; ряды скользя-

щихъ двигались съ головокружительной быстротой; падали, поднимались, старались поскорѣе занять свое мѣсто, если дѣло обошлось безъ серьезнаго ушиба.

Все шло прекрасно, къ сожалѣнію, даже слишкомъ удачно! Городской голова, жившій въ противоположномъ концѣ города, не былъ предупрежденъ и ничего еще не зналъ о происходившемъ. Возмущеніе чувствовало себя торжествующимъ и инсургенты уже смѣло поздравляли себя съ тѣмъ, что возстали противъ запрета власти, какъ вдругъ ужасные, душу раздирающіе крики заглушили дѣтскій говоръ и смѣхъ. Это были крики ужасной боли, вырывающіеся изъ человѣческой груди только тогда, когда ужасныя страданія разрываютъ тѣло. Замолки въ свою очередь и дѣтскіе крики радости и веселья, смѣнившись криками ужаса и состраданія.

Но что же случилось?

Одного изъ скользящихъ кто то толкнулъ, на него упало еще нѣсколько, прежде чѣмъ ему удалось подняться. Все это была бы не бѣда, если бы не случилось ужаснаго усложненія, о которомъ я тотчасъ расскажу.

Я уже ранѣе объяснилъ, что катокъ преграждалъ двѣ или три улицы. Какой то ломовой извозчикъ выѣзжалъ въ эту минуту къ площади, сидя, по мѣстному обычаю, верхомъ на своей лошади, впряженной въ дроги, нагруженные камнями.

Увидѣвъ кучу дѣтей, лежащихъ на льду, и опасаясь задѣть кого либо въ этой толпѣ, онъ хотѣлъ остановить коня, чтобы дать время упавшимъ подняться и очистить ему дорогу, но наровистый конь, скользя копытомъ по льду, не повиновался сразу. Спотыкаясь и стараясь стать твердо копытомъ на ледъ, конь шатался и скользилъ, наконецъ, потерявъ равновѣсіе, грузно упалъ на землю, увлекая за собою несчастнаго всадника.

Этотъ зловѣщій крикъ, о которомъ я говорилъ выше, отъ котораго замерли сердца дѣтей, раздавался изъ груди злополучнаго извозчика, нога котораго, попавъ подъ лошадь и тяжелыя оглобли, сломалась, или, выражаясь вѣрнѣе, оказалась раздробленной въ четырехъ мѣстахъ.

Трудно описать какой ужасъ охватилъ дѣтей, сознав-

шихъ въ ту минуту, что все это страшное несчастіе произошло по ихъ винѣ. Они съ ужасомъ смотрѣли на этого чело-вѣка, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ полнаго жизни, здороваго и сильнаго, а теперь рискующаго умереть подъ гнетомъ дрогъ и лошади на изломанную ногу.

Тѣ изъ дѣтей, которыя умѣли сохранить присутствіе духа, тотчасъ бросились звать на помощь. Каждая секунда могла быть губельной при усиліяхъ лошади припод-няться; громадная грузная лошадь могла снова надавить его и убить окончательно.

Несчастный извозчикъ былъ усерднымъ, хорошимъ работникомъ; всѣ въ городѣ его любили и всѣ наперерывъ поспѣшили ему на помощь. Между тѣмъ ледъ въ этомъ мѣстѣ былъ такъ гладокъ и скользокъ, что надо было много смѣлости и хладнокровія, такъ какъ трудно было устоять на ногахъ при толчкахъ сильнаго животнаго. Съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, высвободить несчастнаго Антуана.

Трудно представить себѣ болѣе жестокой урокъ дѣтямъ городка К., какъ видъ этого несчастнаго ломового извозчика, когда его вытащили изъ-подъ лошади съ блѣднымъ, окровавленнымъ лицомъ, съ раздробленной ногой и въ безсознательномъ состояніи. Его положили на носилки и понесли къ маленькому дому въ предмѣстіи, гдѣ онъ давно уже жилъ.

Немедленно призванные доктора нашли, что за жизнь его поручиться невозможно. Большинство дѣтей отправи-лось вслѣдъ за носилками и оказалось, что то, что заставляло ихъ страдать, сожалѣя о несчастномъ извозчикѣ, было еще не такъ ужасно какъ то, что имъ пришлось увидѣть у него въ домѣ.

Антуанъ былъ отцомъ семейства; у него была жена и трое малолѣтнихъ дѣтей, единственной поддержкой которыхъ былъ его трудъ. Я не стану вамъ передавать какія раздирающія душу сцены произошли въ скромномъ домикѣ, изъ котораго утромъ еще вышелъ здоровый и сильный мужчина, а теперь принесли искалѣченнаго чело-вѣка, навсегда лишеннаго возможности трудомъ зара-батывать средства къ существованію. Нѣтъ, я не хочу

рисовать вамъ картину отчаянія жены и рыданія дѣтей,— эта печальная сцена и безъ того достаточно понятна вашимъ сострадательнымъ сердцамъ.

Земля не представляетъ собою мѣсто развлеченія; она въ то же время мѣсто борьбы. А потому необходимо, чтобы съ юныхъ лѣтъ знали сколько горя въ ней можно встрѣтить на пути жизни.

Дѣти городка К., именно тѣ, которыя прямо или косвенно принимали участіе въ заговорѣ по устройству катка, отправились домой къ родителямъ, пристыженные, хмурыя и съ красными отъ слезъ глазами.

По дорогѣ отъ домика Антуана, они стоваривались о средствахъ загладить свою вину. Послѣ заговора на совершеніе дурного дѣла, явился заговоръ на совершеніе добраго дѣла. Но дурное и злое они совершили самостоятельно, безъ посторонней помощи и теперь поняли, что предоставленныя собственнымъ своимъ силамъ, они не въ состояніи будутъ выполнить доброе дѣло.

Вслѣдствіе такихъ соображеній было порѣшено, что каждый изъ нихъ, признавшись чистосердечно отцу и матери въ винѣ и рассказавъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этой вины, будетъ умолять ихъ смотрѣть на маленькыхъ дѣтей Антуана, какъ на усыновленныхъ дѣтей и снабжать всѣмъ необходимымъ семью, кормильца и опору которой отняла у нея ихъ неосторожность.

Богъ, допускающій иногда несчастье обрушиться на человѣка въ такой моментъ когда онъ всего менѣе этого ждетъ, указываетъ въ такихъ случаяхъ средство самое зло обратить въ благо. Городъ К. въ то время представлялъ собою разительный примѣръ какъ много можетъ сдѣлать чувство состраданія и справедливости. Никто изъ родителей виновныхъ дѣтей не отказался принять участіе въ дѣлѣ, въ виду полного раскаянія дѣтей. Въ тотъ же день была совершена подписка и собранная сумма, врученная городскому головѣ, настолько оказалась значительной, что обезпечивала не только настоящее, но и будущее матеріальное положеніе семьи несчастнаго Антуана. Понятно, все, что было сдѣлано, не могло возвратить искалѣченному способность владѣть ногой;

У кровати его по очереди бывали трое изъ дѣтей городскихъ жителей.

но зато страдая, онъ утѣшался увѣренностью, что участь его семьи вполне обеспечена.

Въ теченіи шести мѣсяцевъ его лѣченія, около него постоянно дежурило трое дѣтей изъ городскихъ жителей и, смѣняясь ежедневно, наперерывъ другъ предъ другомъ ухаживали за больнымъ самымъ заботливымъ образомъ. Едва ли кто либо въ жизни могъ пользоваться такимъ уходомъ и внимательнымъ попеченіемъ не только дѣтей, но и взрослыхъ какъ Антуанъ, что, конечно, значительно облегчало ему мысль о томъ, какую печальную жизнь придется ему вести по выздоровленіи.

Въ настоящее время Антуанъ сдѣлался уже старикомъ. Дѣти его стали такими же усердными и дѣльными рабочими какимъ былъ отецъ ихъ. Они могли безошибочно сказать, что во всѣхъ мужчинахъ одного съ ними возраста, они имѣли братьевъ. Впрочемъ во всѣхъ семействахъ на нихъ указывали какъ на примѣрныхъ, образцовыхъ людей и они были любимы всюду и всѣми.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы ихъ полюбили настолько же какъ любятъ ихъ всѣ и съ этой цѣлью мнѣ придется рассказать вамъ о томъ, какъ они поступили въ этомъ году.

Наступалъ день, когда они должны были получать отъ городского головы назначенную имъ сумму. Городской голова, привыкшій видѣть ихъ входящими въ его кабинетъ какъ разъ въ день, назначенный для выдачи сказанной суммы, былъ весьма изумленъ, увидѣвъ трехъ братьевъ днемъ раньше. Тѣмъ не менѣе, хотя привыкшій къ аккуратности, городской голова готовъ былъ на этотъ разъ измѣнить своимъ привычкамъ и вынесъ имъ назначенную сумму денегъ. Однако старшій сынъ Антуана, не принимая деньги, заявилъ:

— Пока мы не были въ силахъ зарабатывать нашимъ трудомъ все, что необходимо для отца и всей семьи, мы принимали не стѣсняясь все, что добрымъ гражданамъ нашего города угодно было дать намъ. Но теперь, когда мы, благодаря имъ стали на ноги и сдѣлались людьми, умѣющими трудиться, было бы несправедливо продолжать пользоваться помощью и быть въ тягость тѣмъ, кто такъ

Маленькія дѣвочки никогда не забывали приносить ему
лучшія яблоки.

долго поддерживалъ насъ. Мы любимъ трудиться, мы сильны и здоровы и потому на насъ однихъ лежать теперь право и обязанность поддерживать существованіе какъ наше, такъ и нашихъ родителей. Вотъ почему, господинъ городской голова, мы явились сегодня просить васъ поблагодарить отъ нашего имени всѣхъ гражданъ города, такъ великодушно замѣнившихъ намъ отца и вмѣстѣ съ тѣмъ заботившихся о немъ. Выражая имъ за это глубокую признательность, мы просимъ нашихъ согражданъ выдавать другимъ лицамъ, болѣе чѣмъ мы нуждающимся, ту ежегодную пенсію, которую они намъ назначили.

Городской голова былъ человѣкъ прямодушный и простой въ обращеніи съ людьми и человѣкъ совершенно имъ сочувствующій. Выслушавъ съ видимымъ удовольствіемъ сказанное, онъ отвѣчалъ:

— Дѣти мои, вы совершенно правы; я благодарю отъ вашего имени тѣхъ, кто вамъ помогалъ до сего времени и скажу имъ, что заботамъ ихъ теперь долженъ быть положенъ конецъ, а вы берете всѣ заботы на себя; я увѣренъ, что такъ же какъ и я, они найдутъ, что вы совершенно правы и признаютъ васъ славными, честными людьми.

Поцѣловавъ каждого изъ сыновей Антуана, городской голова проводилъ ихъ по лѣстницѣ до выхода изъ дома.

Между тѣмъ было одно, отъ чего Антуанъ не въ силахъ былъ отказаться. Маленькія дочери тѣхъ жителей города, которые въ дѣтствѣ были во главѣ заговорщиковъ по дѣлу о каткѣ, захотѣли по-своему расплатиться за долгъ своихъ отцовъ и какъ только поспѣвали плоды, онѣ носили Антуану самыя лучшія яблоки, груши, сливы и другіе фрукты; когда же наступалъ сборъ винограда, лучшія грозди относились къ тому же злополочному, жертвѣ шалости ихъ отцовъ, такъ что никто въ городѣ не пользовался такими роскошными запасами фруктовъ на зиму какъ бѣдный Антуанъ, хотя не имѣлъ ни сада, ни виноградника.

Такимъ образомъ осуществились въ смыслѣ самомъ лестномъ для дѣтей города К. слова священнаго писанія: «Дѣти заплатятъ долги отцовъ своихъ».

Наклонности и способности.

Пансіонъ. Образованіе. Воспитаніе. Характеръ.

Способности человѣка весьма разнообразны. По видимому, въ качествѣ царя созданія, онъ обладаетъ привиллегіей совмѣщать въ себѣ всѣ тѣ наклонности и способности, которыми одарены всѣ другія существа каждый въ отдѣльности.

Всѣ типы могутъ воплощаться и олицетворяться въ человѣкѣ.

Смѣло можно сказать, что вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на остроумную находчивость, какъ на капризъ воображенія на тотъ фактъ, что многіе ученые и художники находятъ въ фигурѣ, лицѣ и въ характерѣ людей поразительное сходство съ различными видами животныхъ. Нѣтъ, это не капризъ, не игра фантазіи, не остроумная шутка, а совершенно вѣрное и очень тонкое наблюденіе.

Несомнѣнно, что встрѣчаются женщины и молодая дѣвушка, у которыхъ замѣчается граціозность живая или сантиментальная, легкая и быстро измѣняющаяся или гибкая и извивающаяся змѣйкой и напоминающая то горлицу, то малиновку, то коноплянку, то газель, то горностаю и даже ящерицу.

Настолько же вѣрно, что есть мужчины, напоминающіе слонѣвъ, львовѣ, лисицѣ и такихъ хищныхъ животныхъ какъ волкѣ и коршунѣ. Есть люди, напоминающіе животныхъ жвачныхъ, какъ, напримѣръ, вола; есть люди вѣтренные, совершенно какъ бабочки; есть люди съ

жестокими, безпощадными зубами, какъ у щуки и у акулы; есть другіе съ движеніями неповоротливыми и тяжеловѣсными какъ, на примѣръ, у морской свиньи; наконецъ встрѣчаются похожіе на осла и на овцу; есть и напоминающіе орла властнымъ и пронизательнымъ взглядомъ. Словомъ, и не перечислить всѣхъ сходствъ.

Понятно, что школа не была и не можетъ быть, по отношенію къ такимъ разнообразнымъ человѣческимъ разновидностямъ, ничѣмъ инымъ какъ только общимъ вмѣстилищемъ различныхъ породъ, нѣчто въ родѣ нравственнаго зоологическаго сада, предназначеннаго для акклиматизаціи и прирученія.

Въ силу этого, несмотря на весьма многія полезныя стороны совмѣстнаго воспитанія, является весьма печальное, но неизбѣжное явленіе, заключающееся въ томъ, что при совмѣстномъ воспитаніи дается одно и то же направленіе, одинъ и тотъ же порядокъ, одни и тѣ же приемы и задачи самымъ разнороднымъ, противоположнымъ другъ другу элементамъ. Совершенно понятно, что при подобныхъ условіяхъ оказывается, что одна и та же задача, одна и та же работа, заданныя такимъ несходнымъ между собою субъектамъ, выполнены одними хорошо, другими посредственно, а многими очень дурно.

Несомнѣннымъ является то обстоятельство, что такой порядокъ и приемы представляютъ собою предвзвѣсудокъ въ пользу успѣвающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ является хорошимъ предзнаменованіемъ для тѣхъ кому удастся достигнуть успѣха только наполовину. Во всякомъ случаѣ хорошо въ силу труда и прилежанія добиться хотя посредственнаго выполненія того, къ чему никакого призванія, никакихъ способностей не имѣютъ. Это служить, во всякомъ случаѣ, доказательствомъ гибкости и сноровки ума, а также доказываетъ силу воли по отношенію къ изученію.

Но было бы ошибочнымъ дѣлать изъ этого выводъ, будто неуспѣвающіе въ школьныхъ занятіяхъ, только на основаніи этого факта могутъ быть признаны навсегда посредственными въ дѣлѣ изученія наукъ.

Даже было бы ошибочнымъ утверждать, что годы,

проведенные въ школѣ, были безплодны для нихъ. Не будучи въ полномъ смыслѣ бревномъ, невозможно безслѣдно тереться объ этотъ львиный мозгъ, называемый латынью и около меда, называемаго греческой литературой. Есть деревья, стволъ которыхъ не толстѣетъ и не повышается сразу скольконибудь замѣтно, вслѣдствіе того, что процессъ роста производится вначалѣ въ корняхъ, а послѣ того уже соки идутъ вверхъ и въ вѣтви.

Въ силу этого не слѣдуетъ отрицать результаты только потому, что они не сразу замѣтны. Эти двѣ кормилицы, латинскій и греческій языки во всѣ времена, въ тѣ эпохи когда имъ принадлежала монополія въ образованіи, создавали весьма выдающихся питомцевъ даже между субъектами, признаваемыми тупицами по отношенію къ классицизму.

Есть многіе, ихъ имена можно было бы указать, умственные силы которыхъ не находили примѣненія, не находили выхода въ кругѣ, начертанномъ вокругъ нихъ совмѣстнымъ образованіемъ, а между тѣмъ по выходѣ изъ школы, вступивъ въ жизнь къ несказанному изумленію своихъ школьныхъ товарищей они пошли впередъ исполненными шагами и заняли видное мѣсто между знаменитыми людьми своего времени.

Такимъ образомъ пансіонъ и школа являются только легальной загородкой совмѣстнаго образованія. До тѣхъ поръ пока не вышли оттуда и не попали въ широкій водоворотъ жизни, вынужденные тотчасъ избрать себѣ тотъ или другой путь, умственные способности представляются только птицей въ клѣткѣ. Никто не можетъ опредѣлить заранее каковъ будетъ его полетъ, очутившись на полномъ просторѣ. Вотъ почему всякое рѣшительное сужденіе и опредѣленіе могутъ быть сдѣланы только послѣ окончательнаго опыта на свободѣ и полномъ просторѣ.

Прямой выводъ изъ этого тотъ, что учащіеся въ общественныхъ заведеніяхъ должны относиться другъ къ другу снисходительно; мнѣ всегда становится больно, когда я слышу какого-нибудь школьника, тѣмъ болѣе высокаго мнѣнія о себѣ самомъ чѣмъ ниже онъ ставитъ

своихъ сотоварищей, говорящаго о нихъ: «изъ этого мальчика ничево дѣльнаго не выйдетъ».

Если бы прочно было установлено то несомнѣнное убѣжденіе, что школа есть и не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, какъ только исходной точкой, какъ только подготовительной къ жизни школой, школьники не позволяли бы себѣ судить другъ о другѣ съ такой безжалостной суровостью и опредѣлять такъ самоувѣренно и рѣзко взаимные достоинства и недостатки.

Тогда бы не пришлось видѣть школьниковъ, не сдѣлавшихъ успѣховъ въ школѣ, но подражая лисицѣ въ баснѣ, разыгрывающихъ роль, будто они съ пренебреженіемъ относятся къ успѣхамъ въ школѣ, этому винограду, котораго имъ не удалось испробовать и о вкусѣ котораго они понятія не имѣютъ.

Словомъ, то что я желалъ бы основательно внушить, если можно такъ выразиться внѣдрить въ голову, а еще лучше въ сердце учащихся во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, что всѣ успѣхи въ юности требуютъ подтвержденія фактами и что возрастъ кончающаго школу не есть возрастъ конца свѣта, а въ силу этого не есть окончательное сужденіе и послѣднее слово. Всякое сужденіе объ учащемся никогда не можетъ быть окончательнымъ и является во всѣхъ случаяхъ обязательно преждевременнымъ.

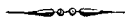
Дѣтство—какъ ни прискорбнымъ и необъяснимымъ кажется это явленіе наблюдателю — большей частью жестоко относится къ дѣтству. Благодушіемъ и благосклонностью не отличается молодость, почти всегда она весьма запоздалый плодъ жизненной опытности. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эти качества отличались скороспѣлостью и созрѣвали возможно ранѣе, но это случается рѣдко въ натурахъ по истинѣ замѣчательно добрыхъ. Въмѣсто того, чтобы судить другъ о другѣ по достоинству своихъ задачъ и сочиненій, дѣти лучше бы сдѣлали если бы судили другъ о другѣ по ихъ природнымъ качествамъ. Тотъ только добръ, искрененъ и правдивъ, кто любитъ и покровительствуетъ малымъ, слабымъ и несчастнымъ; не осуждаетъ безвозвратно неосторожныхъ, вѣтренныхъ,

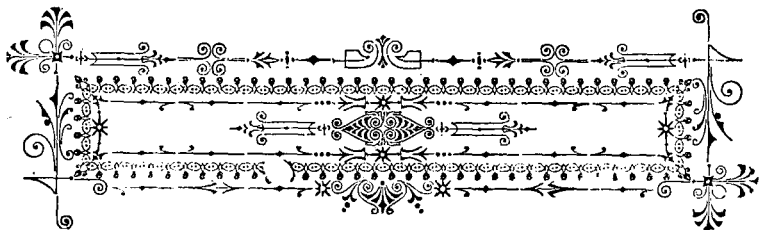
безразсудныхъ и даже порочныхъ. Только такой по истинѣ можетъ быть названъ лучшимъ, первымъ ученикомъ въ учебномъ заведеніи, потому что онъ лучшій и первый въ томъ, что прочно и важно, а именно: характеръ. Надо чтобы дѣти твердо знали, что образцовый характеръ важнѣе, драгоцѣннѣе и рѣже встрѣчается нежели талантъ. Безъ характера что такое талантъ? Богатство, находящееся въ недостойныхъ рукахъ.

Насмѣшливое дѣтство пожалуй изумится тому, что я скажу. Мнѣ очень хотѣлось бы назначенія какой либо особой, замѣчательной награды, помимо наградъ за науки, самому достойному изъ учениковъ, наиболѣе всѣми уважаемому и всѣхъ уважающему, завоевавшему въ равной мѣрѣ уваженіе товарищей и учителей.

Наступить время когда ученіе о нравственности, являющееся ничѣмъ инымъ какъ философіей, примѣненной къ индивидуальному поведенію, будетъ имѣть особую кафедру въ преподаваніи. Наступить время, когда прочно будетъ установлено убѣжденіе, что оторванный въ раннемъ возрастѣ отъ семьи, ребенокъ нуждается настолько же въ воспитаніи сколько въ образованіи и что для отечества очень важно имѣть настоящихъ людей, гражданъ съ основательнымъ характеромъ, а не только образованныхъ и ученыхъ. Полагаю, что всѣ отцы и всѣ матери въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣляютъ мое мнѣніе. Эта идея овладѣла всѣми сердцама и вскорѣ она осуществится, перейдетъ въ дѣло. Моралисты, какъ древніе, такъ и современные, займутъ тогда первенствующее мѣсто.

Явятся преподаватели добродѣтели, благоразумія, доброты, здраваго смысла, настроенія духа, подобно тому какъ имѣются теперь преподаватели математики и химіи; эти преподаватели не ограничатся задаваніемъ уроковъ своимъ ученикамъ, а научатъ ихъ какимъ образомъ надо исполнять долгъ и въ чемъ онъ заключается. Свѣтила науки знаютъ это лучше меня и преподаваніе можетъ только выиграть при такихъ условіяхъ, такъ какъ будетъ основано на прочныхъ основахъ воспитанія.

Исходная точка.

Достиженіе цѣли. Здравый смыслъ.

уществуетъ весьма много разсужденій, замѣчательныхъ вычисленій, выводовъ неопровержимыхъ по мнѣнію ихъ авторовъ; наконецъ есть разнообразныя изобрѣтенія, системы, стояція выше всѣхъ другихъ съ точки зрѣнія ихъ изобрѣтателей, которымъ однако же никогда не удавалось обогатить изобрѣтателей или хотя бы доставить славу ихъ ученію. Они расчитаны были на возобновленіе всего міра, а міръ даже весьма мало ими заинтересованъ. А знаете-ли чѣмъ это объяснить? Это потому, что первая цифра въ ихъ расчетѣ не вѣрна, это потому что основа ихъ трудовъ зиждется на ошибочномъ принципѣ, а потому все остальное, какъ бы ни было оно сложно и драгоцѣнно, построено на невозможномъ.

Сдѣлайте на бумагѣ самый великолѣпный домъ въ мірѣ, но если вы не найдете подходящей для него почвы, никто и никогда въ немъ помѣщаться не будетъ.

Самымъ маленькимъ птичкамъ, какъ, напримѣръ, колибри, чтобы положить нѣсколько былиннокъ, изъ которыхъ состоитъ ихъ легкое гнѣздышко, все же нужна маленькая вѣточка.

Итакъ, какъ бы тонко и хитро сплетена ни была ваша система, имѣйте же хотя эту маленькую вѣточку, чтобы

систему вашу къ ней прислонить, если она тяжеловѣсна; то и самая скала для ея опоры будетъ не излишней.

Я полагаю на воздухѣ никто ничего не строить; слѣдовательно, желая что либо соорудить, если вы не удостовѣритесь предварительно въ устойчивости почвы, на которую ляжетъ первый вашъ камень, въ такомъ случаѣ вы, если даже и изобрѣтательны, то все же безполезный и опасный утопистъ; вы окажетесь безумнымъ архитекторомъ, сѣтующимъ на то, что не находитъ воздушныхъ каменщиковъ для осуществленія въ пустомъ пространствѣ своихъ химерическихъ плановъ.

Если вы желаете достигнуть опредѣленной цѣли, удостовѣрьтесь предварительно, что избранное вами направление правильное; удостовѣрьтесь въ вѣрности точки исхода.

Исходная точка важна потому еще, что отъ нея въ зависимости точка достиженія цѣли.

Какое мнѣ дѣло до величія красоты вашей цѣли, если, полагая ее достигнуть, вы поворачиваетесь къ ней спиною. Я, если хотите; буду вамъ благодаренъ за доброе намѣреніе; мнѣ васъ будетъ весьма жаль, но я съ вами не отправлюсь.

Вы скажете мнѣ, что «всѣ дороги ведутъ къ Риму». Поговорка эта весьма спорная, какъ и многія другія, въ сущности представляетъ собою только галантность, любезность, высказанную мудростью народовъ по отношенію къ вѣчному городу, въ то еще время, когда за нимъ сильно ухаживали.

Между тѣмъ можете быть смѣло увѣренными, что, вопреки пословицамъ и поговоркамъ, наилучшее средство добраться въ Римъ, и всюду, куда бы вы пожелали попасть, это избрать ту дорогу, которая дѣйствительно туда ведетъ, я хочу сказать самую прямую. Даже по прямой линіи встрѣчается достаточно препятствій, и потому не слѣдуетъ ихъ искать по окольнымъ путямъ, называемымъ обыкновенно дорогою школьниковъ.

Васъ нисколько не изумляетъ, вы признаете совершенно естественнымъ, когда показываютъ ребенку, гдѣ правая и гдѣ лѣвая рука, гдѣ лѣвая и правая сторона и толкуютъ

ему, что если онъ хочетъ пойти налѣво, такъ неблаго-разумно брать въ сторону правой руки.

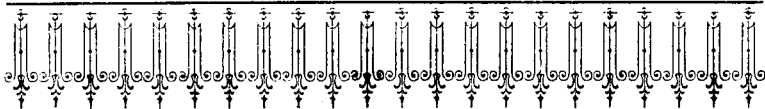
А между тѣмъ относительно всего того, что намъ неизвѣстно, или что мы плохо знаемъ, хотя бы намъ было сто лѣтъ, мы все же тѣ же дѣти и будемъ вовсе не понимать или понимать плохо все то, что мы начнемъ дѣлать, не позаботясь найти настоящую правильную точку исхода.

Путешествовать, идти впередъ на авось, на угадъ это значитъ двигаться, передвигаться, но не значитъ направляться и прибыть къ цѣли.

Сколько трудныхъ возвратовъ обратно можно было бы избѣжать, если бы всегда отправляться оттуда, откуда надлежитъ и какъ много встрѣчается растрачивающихъ свою жизнь, теряющихъ всѣ силы и блестящія способности въ поискахъ надлежащаго пути только потому, что по вѣтрености и неосторожности заблудились въ окольныхъ путяхъ!

Не встрѣчалось бы такое множество путниковъ, застрявшихъ въ колючихъ терніяхъ жизни, въ ея гипотезахъ и туманѣ, если бы они, находясь еще у точки исхода, внимательно вглядывались въ компасъ, имѣющійся въ распоряженіи каждаго, но, къ сожалѣнію, очень рѣдко къ нему обращаются. Компасъ называется: здравый смыслъ.

Начало.

Терпѣніе.

Все надлежитъ начинать съ самаго начала. Эта истина до такой степени простая, что провозглашеніе ея можетъ показаться излишнимъ и наивнымъ, принадлежитъ однако же къ такимъ, которую необходимо хорошенько усвоить и постоянно не забывать о ней не только дѣтямъ, но и нѣкоторымъ взрослымъ, умудряющимся всю жизнь остаться дѣтьми по характеру.

Всякое начало невзрачно и тягостно. Вотъ почему, что бы ни начиналось, необходимо прежде всего усвоить одну добродѣтель, безъ которой самыя лучшія дарованія могутъ не принести пользы. Добродѣтель эта носитъ названіе: терпѣніе.

Стремленіе начинать съ конца, какъ это случается со многими людьми, это не рвеніе, а безразсудство или нетерпѣніе, слѣдовательно противоположность необходимой для дѣла добродѣтели, именно терпѣнію. Чѣмъ такъ дѣлать, лучше уже ничего не дѣлать.

Что бы высказали о ребенкѣ, вообразившимъ себя военнымъ гениемъ, потому что у него есть цѣлыя арміи свинцовыхъ солдатиковъ и стремящемся поступить въ военную службу, но только генераломъ?

Что подумали бы вы о человѣкѣ, посадившемъ у дверей своего дома жолудь и вознегодовавшаго на то, что на другой день не выросъ столѣтній дубъ, покрывающій тѣнью весь его домъ?

Хорошій успѣхъ всегда достигается медленнымъ путемъ. Притомъ такой успѣхъ всегда проченъ и надеженъ.

Если, желая построить домъ, вы предпочтете для

этого песчаную почву, чтобы легче и скорѣе выкопать мѣсто для заложения фундамента, неужели вы полагаете, что отъ этого домъ вашъ будетъ прочнѣе?

А, между тѣмъ, вотъ именно вы такимъ образомъ поступаете, когда, намѣреваясь изучить какую либо науку или языкъ, вы, подъ тѣмъ предлогомъ будто не понимаете, пропускаете первыя главы книги, въ которой то или другое излагается и перескакиваете прямо на середину или къ концу книги. При такомъ способѣ даже геніальный человѣкъ ничему основательно не выучится. При такомъ способѣ, если бы васъ освѣщало сто свѣтилъ какъ солнце и то бы вы видѣли неясно.

Хорошо начать, значить обезпечить возможность хорошо кончить.

Плохо начать, значить сдѣлать неразрѣшимыми, безвыходными всѣ затрудненія въ концѣ.

Надо входить въ двери, а не въ окна. Въ науку надо входить шагъ за шагомъ; это единственное средство добиться желаемого результата съ пользой и безъ изнеможенія. Вотъ такимъ же образомъ надлежитъ проникать въ жизнь нравственную и въ жизнь умственную; такимъ же точно образомъ надлежитъ начинать жизнь матеріальную.

Если бы вашъ отецъ, когда вы родились, видя ваши полузакрытые глаза, сказалъ: «этотъ ребенокъ слѣпой, онъ никогда не будетъ видѣть».

Если бы нѣсколько позже, слыша, какъ вы произносите какіе то неясные звуки, онъ сказалъ: «Вотъ ребенокъ, который никогда не будетъ говорить» и съ этого времени неучилъ бы васъ говорить.

Если бы, когда вы выучились держаться на ногахъ и начали ходить, ваша мама, вмѣсто того чтобы поднять васъ при первомъ паденіи и поднимать еще сотню разъ, сказала: «мой сынъ калѣка, онъ никогда не будетъ умѣть ходить».

Если бы, уставъ говорить съ вами и не добившись отъ васъ отвѣта, родители ваши воскликнули:» Нашъ ребенокъ не имѣетъ слуха: онъ глухой».

Если бы, всовывая въ ваши ручки какой либо предметъ и видя, что вы неспособны управлять вашими

Что представляется труднымъ.

Препятствіе.—Усиліе.—Гора.—Наука.

Вотъ именно все это надо любить болѣе всего; этому то надо посвятить все свое рвеніе; это никогда не слѣдуетъ предавать забвенію; преодолѣть все это представляется главнымъ и вотъ именно все это заслуживаетъ того чтобы потрудиться.

Вначалѣ все представляется труднымъ и не только то, что вы предпринимаете, но положительно все, какого бы рода дѣло ни было. Все безусловно, что только стоитъ желанія добыть, не можетъ быть получено, скажу болѣе, не должно быть получено безъ усилій.

Все что легко, все что забавно, все что дается безъ усилій, само собою,—позвольте васъ спросить гдѣ же, въ чемъ заслуга, если вы этого достигнете? Вотъ большая дорога въ долинѣ, очень ровная, гладкая; вы идете по ней, какъ и всякій другой, безъ малѣйшаго усилія. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного, но нѣтъ и никакой заслуги. А вотъ въ концѣ этой ровной дороги гора; неужели васъ остановитъ это затрудненіе? Конечно нѣтъ, если вы человѣкъ смѣлый; опять таки нѣтъ, если у васъ есть здравый смыслъ; также точно нѣтъ, если

вы человѣкъ умный, разсудительный. Потому, что если вы остановитесь, пропала ваша будущность. пропали вы сами. Если первое же препятствіе васъ способно остановить то лучше сейчасъ же ложитесь и усните. Перестаньте быть человѣкомъ, будьте камнемъ, столбомъ, сдѣлайтесь чѣмъ либо неподвижнымъ, безформеннымъ, надъ чѣмъ бесполезно проносятся дни и годы; рѣшитесь остаться неподвижнымъ навсегда. Какого бы мнѣнія были вы о человѣкѣ тридцати лѣтъ, который по своей собственной винѣ, оказывался такимъ же неопытнымъ какъ шестилѣтній ребенокъ? Вы бы, конечно, нашли, что это очень жалкое существо. А между тѣмъ, если только въ васъ вызываетъ отвращеніе то что трудно, такъ вы уже теперь сдѣлались такимъ человѣкомъ.

А потому будьте смѣлѣе; взойдите наверхъ, сдѣлайте только десять шаговъ и, обернувшись назадъ, взгляните на то мѣсто, гдѣ вы хотѣли остаться; сознайтесь что тамъ, гдѣ вы находитесь, воздухъ чище и вамъ дышется свободнѣе, такъ какъ тутъ немного выше. Прекрасно! Сдѣлайте еще нѣсколько шаговъ и затѣмъ отдохните. Присмотритесь хорошенько, не чувствуете ли вы что земля стала просторнѣе и вмѣстѣ съ нею и вы точно выросли? Въ такомъ случаѣ, поднимемъ еще на сто шаговъ, а потомъ еще на сто шаговъ. Ахъ, вы замыкались! Оботрите лобъ; но, позвольте, не садитесь, вершина уже близка, какъ рукой подать; еще одно, послѣднее усиліе и мы будемъ на ней.

Наконецъ мы достигли вершины и усѣлись на ровномъ мѣстѣ. Сознайтесь, что лишніе шаги ваши не пропали даромъ; сознайтесь, что очень пріятно смотрѣть на все сверху и освѣщеніе кажется еще великолѣпнѣе, когда оно распространяется съ вершины.

Гора эта, это та трудность, о которой мы только, что говорили, это наука. Пока находишься внизу, ничего не видишь, кромѣ все увеличивающихся затрудненій; но по мѣрѣ того, какъ поднимаются выше собственными силами, прежде всего бросается въ глаза то, что затрудненіе опускается, устраняется, становится уже у ногъ вашихъ и предъ вами все проясняется, а когда достигнете цѣли,

понимается необходимость первыхъ шаговъ и сознается важность послѣднихъ.

Но, конечно, этимъ не все еще кончается, потому что человекъ никогда не познаетъ всего существующаго. Все это тайна Бога. Однако трудъ, однако работа имѣла свои радости, свою награду и можно сказать, что сказалъ однажды ребенокъ, читая книгу по математикѣ: «Я это люблю, потому что это очень трудно» слова эти принесли счастье ребенку: онъ сдѣлался славой своего времени и превзошелъ въ Наукѣ почти всѣхъ своихъ современниковъ, именно потому, что онъ дѣйствительно любилъ *«все то, что очень трудно»*. Онъ любилъ борьбу, онъ любилъ усилія. Онъ чувствовалъ, что борьба сама по себѣ уже увеличиваетъ силы, удваиваетъ мощь ума и что только тогда, когда достигнешь высшаго знанія, когда овладѣешь вершинами Науки, тогда только, точно съ вершины горы, открываются широкіе необъятные горизонты и, окидывая ихъ взглядомъ, сознаемъ всю ихъ прелесть.

Лѣность всегда и всему виною.

Бродяга, лом овой извощикъ и судья.—Мраморная прядильщица.—
Два плуга.

О лѣни.

Если бы ты видѣлъ, что одинъ изъ твоихъ товарищей покидаетъ вѣрнаго, испытаннаго друга, всегда заботливо къ нему относившагося, ради того чтобы связаться съ негодяемъ, не только къ другимъ, но и къ себѣ самому относящагося равнодушно, ты подумалъ бы: «Вотъ мальчикъ, не только очень неблагодарный, но и очень глупый» и, конечно, старался бы его убѣдить какъ много вреда можетъ принести ему такое предосудительное товарищество.

Такъ вотъ видишь-ли, избѣгая труда, твоего лучшаго друга, вслѣдствіи лѣности, этого смертельнаго врага твоего, ты несомнѣнно являешься тѣмъ неблагодарнымъ и безразсуднымъ, о которомъ мы говорили выше.

Прошу тебя, скажи мнѣ чѣмъ можетъ послужить тебѣ твоя лѣность? Что въ ней толку?

Если ты укажешь мнѣ хотя что нибудь, какую либо малость, доставляющую тебѣ удовольствіе, если ука-

жешь мнѣ хотя что либо, въ чемъ она не можетъ быть тебѣ вредна, я тотчасъ отправлюсь на охоту и принесу тебѣ блага дрозда.

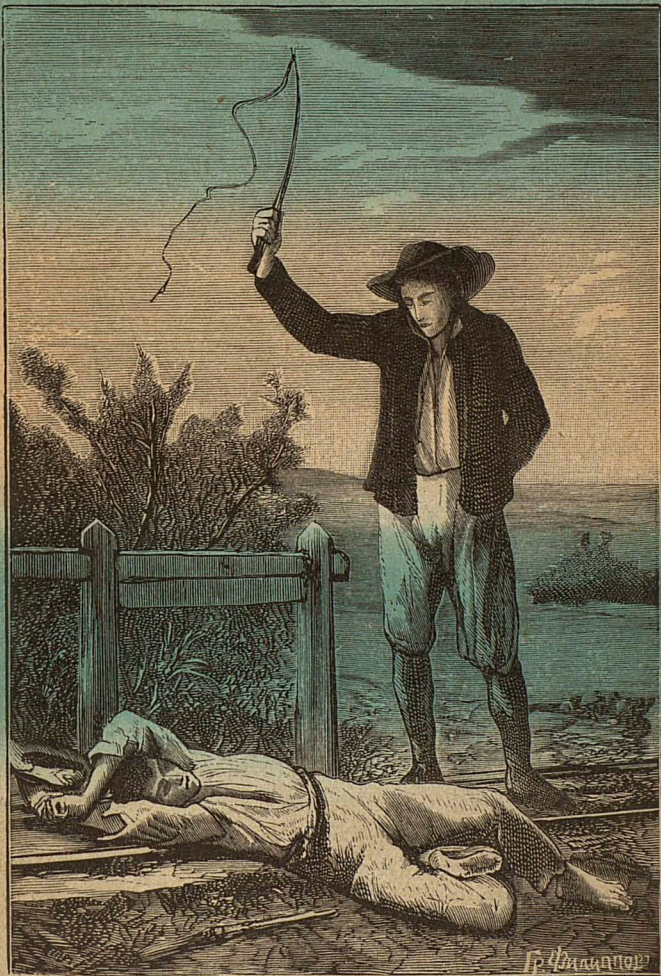
Прижмите къ стѣнѣ любого, отъявленнаго лѣнтяя, поставьте его въ такое положеніе, чтобы онъ вынужденъ былъ сказать правду и онъ сознается, что лѣнь никогда не помогала ему провести время не только пріятно, но даже никогда не мѣшала ему скучать.

Если бы существовало двое часовъ, изъ которыхъ одни показывали время, посвященное лѣнивому бездѣйствію, а другіе указывали бы время, посвященное труду, ты бы убѣдился, что время труда, даже самаго непривлекательнаго, считалось бы всегда только минутами; тогда какъ время, посвященное лѣни, было бы вдвое и втрое значительнѣе.

Къ этому я добавлю, что не существуетъ труда, не приносящаго хотя какую либо пользу, тогда какъ продолжительные часы, проведенные въ праздности никогда ничего не оставляютъ въ рукахъ лѣнтяя.

Сознайся, что тебя самого лѣнь подавляетъ и надѣдаетъ тебѣ; ты прекрасно знаешь, что зѣвать вовсе невесело; ты хорошо знаешь, что сидѣть неподвижно, съ сложенными руками прямое мученіе и что дни, проведенные въ праздношатаніи это та же бочка Данаидъ, никогда не наполненная.

Мнѣ кажется, что всѣхъ лѣнтяевъ можно бы исправлять весьма простымъ средствомъ; вмѣсто того, чтобы вступать въ борьбу съ ихъ порокомъ и вслѣдствіи того вынуждать ихъ защищаться, «надлежитъ безусловно воспрещать имъ всякую дѣятельность.» Ты лѣнивъ? Прекрасно—лѣнись во всю, сколько хватитъ силъ! Ты не желаешь работать? Отлично—не работай! У тебя есть глаза? Отлично—закрой ихъ. У тебя есть уши? Прекрасно—не безпокой себя, ничего не слушай! У тебя есть языкъ? Отлично—не шевели имъ! У тебя есть руки и ноги? Очень хорошо—не безпокой ихъ; оставь ихъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи! У тебя есть носъ? Отлично—оставайся навѣки съ насморкомъ... потому что пользованіе пятью чувствами, вѣдь тоже своего рода

Я основательно вытянул его нѣсколько разъ кнутомъ.
Къ стр. 168.

работа. Что касается сердца и души—заставь ихъ окаменѣть. На что они тебѣ? Въ безжизненномъ, неподвижномъ тѣлѣ лѣнтяя не можетъ существовать живая, дѣятельная душа, такое же въ немъ и сердце какъ и все тѣло. Лѣнь, само собою разумѣется, все поглощаетъ, все умерщвляетъ.

Проявить жизнь матеріальную, хотя бы пошевелить мизинцемъ, проявить жизнь духовную, позволивъ себѣ о чемъ либо подумать, прочувствовать—нельзя, такъ какъ это явилось бы измѣной и отрицаніемъ твоего бога лѣности!

Ты когда то защищалъ лѣнь, доказывая, что это великолѣпное дѣло. «Предъ грѣхопадениемъ—говорилъ ты—человѣку былъ незнакомъ законъ неизбѣжнаго труда. Трудъ, это доказательство отверженія небесными силами, это результатъ и клеймо грѣхопадения. Слѣдовательно, отказаться отъ труда равносильно избавленію отъ самаго ужаснаго божественнаго приговора, это равносильно возвращенію въ рай».

Къ чему привело тебя это пародированіе, эта подтасовка словъ Бога, обращенныхъ къ нашимъ прародителямъ: «Въ потѣ лица добудешь хлѣбъ свой»?

Къ чему привело тебя отрицаніе того, что эти слова служатъ доказательствомъ милосердія Божьяго?

А если бы родъ человѣчскій былъ приговоренъ къ вѣчной праздности, развѣ это не было бы приговоромъ къ полной гибели, къ обращенію въ ничто?

Богу угодно было примирить человѣка съ самимъ собою и съ новой, предначертанной ему жизнью, указывая на трудъ, какъ на средство къ достиженію этой цѣли. Говоря человѣку: «Ты будешь зарабатывать твой хлѣбъ», Богъ этимъ высказалъ: «Ты поймешь значеніе пользы, приносимой себѣ и другимъ». Такимъ образомъ Господь предоставлялъ ему возможность познать цѣну того существованія, которое онъ повелѣлъ человѣку устроить себѣ на землѣ.

Какого ты былъ бы мнѣнія о птицѣ, имѣющей крылья и никогда не летающей; о рыбѣ не плавающей; объ оленѣ, прижавшемся въ своемъ убѣжищѣ и никогда

не испытываешь быстроту своего бѣга? Что сказалъ бы ты о жолудѣ, предпочитающемъ сгнить въ грязи, вмѣсто того чтобы сдѣлаться дубомъ?

Ты бы, конечно, подумалъ: «Вотъ существа, отказывающіяся отъ выполнения своего назначенія; они недостойны даровъ Божьихъ».

А между тѣмъ, мой другъ лѣнтяй, ты самъ представляешь собою ничто иное какъ эту птицу, эту рыбу, оленя и жолудь!

Что подумалъ бы ты о мельникѣ, допускающемъ непрерывное вращеніе мельничныхъ крыльевъ своей мельницы, но ничего ровно не кладущій подъ жернова для перемола? Ты бы, конечно, сказалъ: «Да этотъ мельникъ совершенно бессмысленный; лучше бы онъ сдѣлалъ, разобравъ на дрова свою мельницу, чѣмъ обречь себя на вѣчное слушаніе ея шума, не приносящаго ни малѣйшей пользы». Мой другъ лѣнтяй, ничего не давая перемалывать твоей душѣ, ты тотъ же бессмысленный мельникъ. Сердце твое такая же мельница по пусту движущаяся; бшенія твоего сердца, призывъ котораго ты пересталъ понимать, благодаря твоей лѣни, стали уже работой машины, движущейся никѣмъ и ничѣмъ не управляемой и совершенно безцѣльно.

Наконецъ, что сказалъ бы ты о пловцѣ, если бы онъ пересталъ грести веслами въ открытомъ морѣ? Ты подумалъ бы что онъ не желаетъ возвратиться къ берегу и готовъ быть поглощеннымъ моремъ.

Совершенно подобенъ такому пловцу тотъ, кто отказывается трудиться.

Бродяга, ломовой извозчикъ и судья.

днажды два человѣка, ссорясь и споря, явились къ судья. Одинъ изъ нихъ былъ ломовой извозчикъ, а другой нищій, казавшійся очень возбужденнымъ.

Подойдя къ судья, нищій вскричалъ:

— Господинъ судья, вотъ въ чемъ дѣло.

Легъ я на дорогѣ, никому не сдѣлавъ зла и желая чѣмъ либо убить время, я старался уснуть, какъ вдругъ этотъ человѣкъ, къ несчастью для меня проѣзжавшій въ это время мимо, бросился на меня и изо всей мочи трясъ меня какъ бѣшеный, заставляя меня встать. Это мнѣ не нравилось, такъ какъ я хотѣлъ спать и я ему сказалъ:

— Оставь меня въ покоѣ; я тебѣ не мѣшаю, иди своей дорогой. На это онъ мнѣ крикнулъ:—А, такъ ты не хочешь подняться! А, такъ ты не хочешь уйдти отсюда! Ахъ ты, животное, такъ вотъ же тебѣ!—Онъ поднялъ кнутъ и началъ меня стегать такъ, какъ будто я его лошадь или осель. Я поднялся, сказавъ ему:—Ну хорошо, хорошо; я поднимаюсь, но ты мнѣ заплатишь за удары, слѣды которыхъ имѣются на моемъ тѣлѣ. Пойдемъ къ судья. Вотъ мы и явились.

— Правда-ли то въ чемъ васъ обвиняютъ,—спросилъ судья, обращаясь къ извозчику, державшему кнутъ въ рукѣ.

— Не могу сказать, что это неправда — отвѣчалъ обвиняемый.

Дѣло казалось яснымъ и судья хотѣлъ было уже постановить приговоръ, но вдругъ одумался и обратился снова къ обвиняемому съ вопросомъ.

— Какія у васъ были основанія такъ обращаться съ этимъ человѣкомъ?

— Да никакихъ; я его совершенно не зналъ и никогда не видѣлъ.

— Какъ же это никакихъ?—сказалъ судья, несмотря на очевидность улики, настроенный въ пользу обвиняемаго открытой и честной физиономіей послѣдняго.

— Ничего, кромѣ его собственнаго интереса,—продолжалъ обвиняемый.—Я засталъ этого несчастнаго, лежащимъ поперекъ рельсовъ и подумалъ:—Если его оставить здѣсь, такъ локомотивъ раздавитъ его неизбежно. Я попытался заставить его встать, но онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Мнѣ и здѣсь хорошо; я готовъ всю жизнь здѣсь остаться.

Тогда я старался его стащить силою; но онъ былъ очень тяжелъ и притомъ сильно отбивался. Это заставило меня обратиться къ послѣднему средству и я основательно вытянулъ его нѣсколько разъ кнутомъ, говоря про себя:

— Современемъ онъ самъ поблагодаритъ меня за это, когда очнется отъ сна. Во всякомъ случаѣ ремень моего кнута менѣе будетъ ему вреденъ нежели повѣздъ, промчавшійся по его тѣлу.

Выслушавъ это, судья обратился къ нищему:

— Вы неблагодарный. Этотъ честный, добрый человѣкъ спасъ вашу жизнь. Въмѣсто того чтобы явиться его обвинителемъ, вы должны бы благословлять его. Не будь его, вы бы узнали, что легче быть убитымъ чѣмъ убивать время.

Однако человѣкъ, къ которому судья обратился съ этими словами, не былъ въ состояніи ихъ понять.

Это былъ нищій и бродяга самаго сквернаго закала, слоняющійся постоянно безъ пристанища, потому что чувствовалъ отвращеніе къ труду и никогда не стыдился существовать исключительно подаяніемъ.

Пока судья спрашивалъ обвиняемаго и самъ говорилъ—нищій успѣлъ уже уснуть. Пришлось его не отвести, а отнести въ тюрьму.

Всѣ лѣтнія похожи на этого негодяя, упорно желавшаго спать на рельсахъ полотна желѣзной дороги. Тотъ кто отказывается двигаться по жизненному пути будетъ раздавленъ громаднымъ локомотивомъ человѣческой жизни.

ни. Весьма счастливы тѣ, кому небо пошлетъ добряка, отсыпавшаго ему нѣсколько добрыхъ ударовъ кнута для пробужденія ихъ изъ летаргическаго сна, т. е. отъ неизбѣжной смерти.

Въ жизни нельзя мямлить и дремать. Надо двигаться или умирать. Движеніе есть основное условіе, непреложное доказательство и смыслъ жизни. Тотъ кто дѣйствуетъ противно основнымъ законамъ существованія, безсмысленное животное, ложный призракъ человѣческаго существа, но не настоящее разумное человѣческое существо!

Мраморная прядильщица.

Маленькая дѣвочка отъ трехъ до четырехъ лѣтъ пошла однажды съ отцомъ своимъ на Всемирную выставку. Когда она вошла въ галерею скульптуры, ею овладѣло сильное недоумѣніе. Въ первый разъ ей пришлось такъ близко подходить къ статуямъ и въ первую минуту ею невольно овладѣлъ ужасъ, видя предъ собою блѣдныя существа, неподвижность которыхъ вызвала въ ней какое то жуткое чувство, точно морозъ прошелъ у нея по кожѣ и она шепнула отцу:

— Почему онѣ такія странныя? Это должно быть смерть?

Но дѣти быстро переходятъ отъ одного впечатлѣнія къ другому и чрезъ нѣсколько минутъ глаза ея уже совершенно освоились съ этими неподвижными, испугавшими ее фигурами и она разсматривала ихъ спокойно. Вскорѣ она съ особымъ вниманіемъ и даже нѣкоторымъ волненіемъ всматривалась въ статую, изображавшую молодую женщину, уснувшую предъ прядкой. Голый ребенокъ, худой и тщедушный, лежалъ на цыновкѣ у ногъ ея.

Дѣвочка очевидно ждала, чтобы прялка пришла въ движеніе. Послѣ нѣсколькихъ секундъ нетерпѣливаго ожиданія, милая крошка обратилась къ отцу:

— Папа, скажи ей, чтобы ея прялка вертѣлась. Надо, чтобы она напярла нитки, если она прядильщица, если прялка не будетъ вертѣться, она не будетъ имѣть нитокъ и ея маленькій не будетъ имѣть одежды, когда понадобится его одѣть.

Дѣнь, это та же каменная прядильщица, прялка которой всегда наполнена пряжей, а въ рукахъ ничего нѣтъ и ребенокъ которой никогда не будетъ имѣть одежды, когда «понадобится его одѣть».

Исторія двухъ плуговъ.

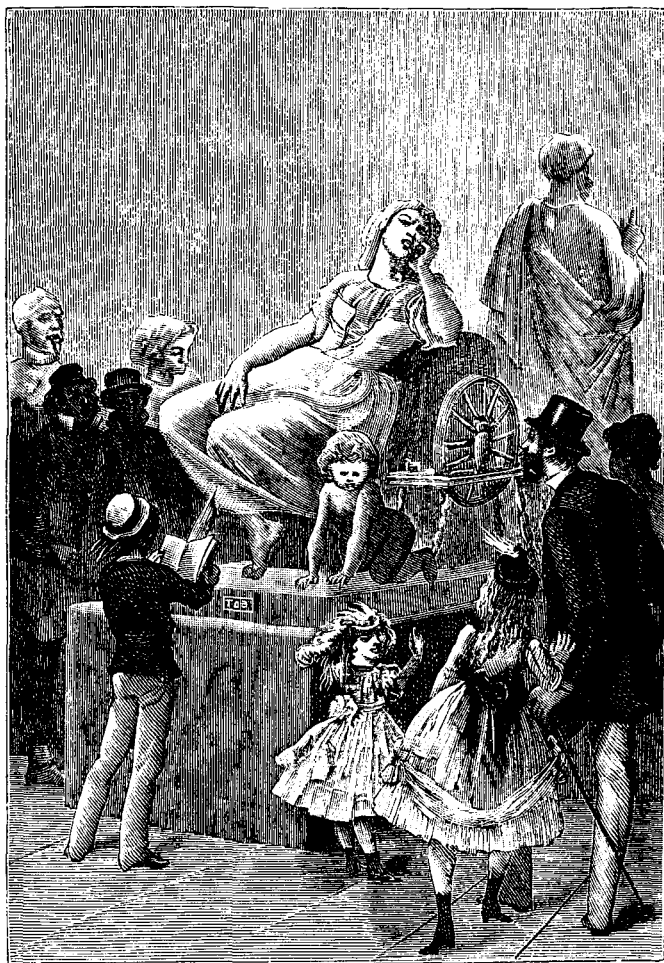
ва, одѣтые по праздничному, крестьянина, пришедшіе поглядѣть на выставку, стояли около и слышали слова дѣвочки. Одинъ изъ нихъ задумалъ отвѣтить ребенку и, безцеремонно обратившись къ ней, сказалъ, насмѣшливо поглядывая при этомъ на своего товарища:

— Вотъ видишь-ли, маленькая барышня, она не прядетъ, опасаясь испортить прялку да и жалѣетъ испортить нитку.

Проговоривъ это, онъ весело засмѣялся очень довольный своею шуткой и, такъ какъ крестьяне окрестностей Парижа большіе охотники поболтать, обратился къ отцу ребенка:

— Извините пожалуйста; я сказалъ это по поводу одной исторійки, вамъ неизвѣстной, но Жанъ могъ бы вамъ рассказать ее.

— Почему нѣтъ, если господину угодно будетъ ее выслушать. Она, конечно, не больно лестна по отношенію ко мнѣ, но все же окажется мнѣ полезной современнымъ. Притомъ разъ промахнуться еще не грѣхъ и

Папа, разбуди ее и скажи ей, чтобы ея прядка вертѣлась.

сдѣланная глупость принесетъ пользу какъ и все другое, если умѣешь ею воспользоваться.

Господинъ, къ которому они обращались, знакомъ изъяснилъ свое согласіе выслушать разсказъ, дѣвочка также смотрѣла любопытными глазками.

Жанъ началъ:

— Съ этимъ насмѣшникомъ Петромъ, приходящимся мнѣ двоюроднымъ братомъ, мы пріѣхали въ прошломъ году въ Парижъ, намѣреваясь купить плуги. Купивъ каждому изъ насъ по плугу, мы возвратились. Они были великолѣпны, самые усовершенствованные и, глядя на нихъ, казалось, что они и безъ насъ сами собою все сработаютъ.

Петръ и я имѣемъ каждый по отдѣльному участку земли, плохой только тѣмъ, что не очень то близко отъ нашихъ домовъ.

Какъ только мы пріѣхали домой, Петръ сказалъ:

— Давай тотчасъ испробуемъ наши плуги.

— Ну вотъ, затѣляй!—отвѣчалъ я ему.—Надо сначала поразсказать о Парижѣ и о выставкѣ нашимъ пріятелямъ; а это успѣемъ еще сдѣлать на будущей недѣлѣ.

Но Петръ упрямъ и вмѣстѣ съ своимъ плугомъ отправился въ поле, а я пошелъ навѣстить пріятелей. Меня вездѣ радушно принимали и устраивали чуть не пиры, радуясь моему посѣщенію и право не понимаю какъ это вышло, но за первой недѣлей прошла вторая, а мой плугъ попрежнему стоялъ въ сараѣ, готовый къ отъѣзду въ поле, но съ мѣста не тронулся. А между тѣмъ плугъ Петра уже возвратился съ поля и такой блестящій, что, по увѣреніямъ Петра, плугу очевидно хотѣлось еще поработать. Онъ говорилъ мнѣ, что въ жизни своей не видѣлъ такого чуднаго плуга.

Въ одно прекрасное утро, когда лихорадка лѣни меня окончательно покинула, я хотѣлъ выѣхать съ плугомъ въ поле. Но на мое горе, погода измѣнилась и всю недѣлю дождь лилъ сплошь цѣлыми днями. Вслѣдъ за тѣмъ я простудился и заболѣлъ. Когда я оправился отъ болѣзни, пахать и сѣять было уже поздно. Это мнѣ

очень не нравилось, да и всей семьѣ казалось очень досаднымъ. По счастью Пьеръ, хотя и насмѣшникъ, но малый добрый, душа-парень. Онъ не сказалъ мнѣ о томъ ни слова, но оказалось, что Пьеръ не только свое, но и мое поле вспахалъ и засѣялъ, такъ что я отдѣлался только страхомъ. Жатва была хороша какъ для прилежнаго такъ и для лѣнтяя. Въ этомъ году я говорю Пьеру:

— Все это прекрасно, теперь наступила моя очередь: я вспаху твое поле. Мой плугъ совершенно новый, а твой уже порядкомъ поработалъ; если хочешь, чтобы я былъ доволенъ, не мѣшай мнѣ дѣлать какъ я знаю. Пьеръ въ отвѣтъ на это предоставилъ мнѣ право дѣлать какъ мнѣ угодно.

Но вотъ тутъ то начинается самая суть исторіи. Когда я взялся за мой плугъ, которому предстояло выполнить много работы, оказалось, что онъ никуда не годенъ: весь извѣденъ ржавчиной. Вотъ видите-ли, сударь, какъ люди, такъ и вещи пропадаютъ ничего не дѣлая. Хотя я научился и убѣдился въ этомъ, потерявъ безплодно годъ времени и плугъ въ придачу, но еще не все потеряно. Теперь мы опять явились въ Парижъ за плугомъ и уже ручаюсь, что онъ не заржавѣетъ! Не такъ ли, Пьеръ?

— Увѣренъ въ томъ!—отвѣчалъ Пьеръ, сильно хлопнувъ по плечу брата въ знакъ дружескаго расположенія и добавивъ при этомъ:

— Ты убѣдишься, Жанъ, что хорошій урокъ стоитъ хорошей жатвы.

— А что ты скажешь объ этой исторіи?—спросилъ отецъ, обращаясь къ своей малюткѣ.

— Я нахожу, что господинъ Жанъ немножко нагупилъ, а господинъ Пьеръ очень добрый, но г. Жанъ раскаивается и будетъ отлично пахать.

— Сапрости!—сказалъ Жанъ,—эти парижскія дѣти скороспѣлки! Ваша малютка, сударь, тонкая штучка: все вѣрно поняла.

Вслѣдъ затѣмъ говорившіе распрощались и разошлись.

Другъ мой лѣнтяй, неужели мнѣ еще нужно указывать тебѣ въ чемъ тутъ правоученіе; нужно ли мнѣ говорить тебѣ, что душа человѣческая, если не умѣть ею пользоваться, тотъ же плугъ, пропадающій отъ ржавчины, если имъ не работать.

Знай же, что весь міръ имѣетъ право кричать лѣнтяю, что онъ низокъ и безсовѣстенъ, потому что весь міръ трудится; работаютъ животныя, растенія, небо, земля, вода и огонь, звѣзды небесныя, океанъ, всѣмъ имъ знакомъ законъ труда, законъ данный Богомъ, всѣ ему повинуются и всѣ этому радуются.

Лучшій другъ.

Тотъ, въ комъ никогда не приходится сомнѣваться.

Тотъ, кто никогда не обманываетъ.

Тотъ, кто никогда не оказывается неблагодарнымъ.

Тотъ, кто всегда готовъ помочь по первому призыву.

Тотъ, кто добръ и ласковъ, будучи строгимъ.

Тотъ, кто подаетъ руку помощи какъ малымъ такъ и великимъ.

Тотъ, кто умѣетъ заполнить всѣ пустоты не только въ дневномъ времяпрепровожденіи и сердечныя, но и пустоты карманныя, которыхъ нельзя не принять во вниманіе на этомъ свѣтѣ.

Тотъ, кто все исправляетъ, тотъ, кто можетъ замѣнить собою все, тотъ, кто утѣшаетъ во всемъ, да, во всемъ.....

Тотъ, съ которымъ незамѣтно летитъ время, потому что онъ умѣетъ наполнить собою и часы и дни.

Тотъ, кто можетъ сдѣлать долгой и славной самую кратковременную жизнь, какой сдѣлана жизнь Рафаэля, Шиллера, Моцарта и другихъ умершихъ молодыми, но громко прославленными и который въ противоположность

этому можетъ сдѣлать короткой самую долговременную жизнь, какъ, на примѣръ жизнь Микель-Анджело, Тиціана, Гёте и другихъ.

Тотъ, кто во всякое время представляетъ намъ лучшіе доводы смысла нашего существованія.

Тотъ, кто сдѣлалъ міръ духовный и нравственный тѣмъ, что онъ есть, тотъ, кто сдѣлалъ изъ дикаго первобытнаго существа, общественнаго и цивилизованнаго человѣка; изъ человѣческаго существа, слабого и падшаго, изъ человѣка, едва отличающагося отъ звѣря, создалъ союзника Бога, такъ какъ человѣкъ способствуетъ выполненію его предназначеній.

Тотъ, безъ помощи котораго не можетъ быть ни великаго, ни малаго дѣянія, ни генія, ни простаго рабочаго.

Тотъ, безъ котораго всякое вознагражденіе унизительно, не существуетъ награды, которую могъ бы принять человѣкъ съ прямымъ и честнымъ сердцемъ; не существуетъ истинной дабродѣтели, не существуетъ полезной силы, нѣтъ плодотворнаго разума, нѣтъ свѣта, грѣющаго и освѣщающаго въ одно и то же время, нѣтъ прочности, нѣтъ надлежащаго законнаго удовлетворенія даже въ случаѣ успѣха; нѣтъ покойной, счастливой совѣсти, нѣтъ истинной, несомнѣнной чести и нѣтъ правды даже при самомъ громкомъ торжествѣ.

Тотъ, безъ котораго нѣтъ заслуги предъ Богомъ, нѣтъ заслуги предъ людьми, правильно понимающихъ заслугу

Тотъ, безъ котораго нѣтъ истиннаго великодушія и нѣтъ разумнаго добродушія, потому что тотъ, кто этого не понимаетъ, не въ состояніи опредѣлить цѣнность того, что онъ получалъ.

Тотъ, кто возвышаетъ даже въ ничетѣ, въ томъ отношеніи, что онъ самаго смиреннаго дѣлаетъ равнымъ всѣмъ въ глазахъ мудреца и при помощи его самое малое становится великимъ.

Тотъ, кто искушаетъ всѣ прегрѣшенія.

Тотъ, кто не страшится всякихъ пораженій, всякихъ невзгодъ, всякихъ разореній, потому что онъ верховный возстановитель и возобновитель всего того, что не заслужило паденія.

Тотъ, кого можно назвать противникомъ самаго ужаснаго бича, самаго гнуснаго порока, а именно праздности.

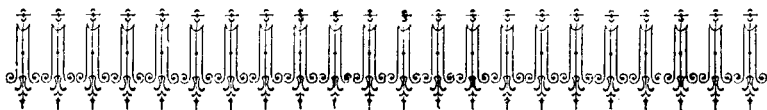
Этотъ другъ—трудъ! Да! Трудъ это лучшій твой другъ. «Нѣтъ такой печали, которая не могла бы быть разсѣяна работой»—сказалъ Монтескье.

Кто бы ты ни былъ, старый или молодой, богатый или бѣдный,—этого друга, этого вѣрнаго друга люби всѣмъ сердцемъ и, что еще болѣе важно, уважай его, ставъ выше всѣхъ.

Если же, видя его только издали, его строгій обликъ покажется тебѣ страшнымъ, клянусь тебѣ честнымъ словомъ, дитя мое, подходи къ нему смѣло, не страшись. смотри на него безъ предубѣжденія и страха и тогда скажешь мнѣ видѣлъ ли ты болѣе рѣшительный и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый взглядъ? Видѣлъ ли ты болѣе открытую и честную улыбку, ясно говорящую тому, кто къ нему обращается, что такому другу всегда можно довѣриться.

Теперь, когда ты, дитя мое, какъ я полагаю, успокоился и достаточно убѣдился въ основательности моихъ доводовъ, смѣло положи свою руку въ его могучую десницу и отъ этого простого прикосновенія твоей слабости съ мощью, ты почувствуешь укрѣпленными какъ руки такъ и сердце твое.

Никогда нельзя признавать все потеряннымъ.

Отчаяніе.

День былъ неудачный, вся недѣля была плохая, весь мѣсяцъ былъ несчастливый и вотъ вы совсѣмъ пали духомъ и приходите въ отчаяніе. Все потеряно говорите вы; вы утверждаете, что вамъ уже никогда не удастся наверстать потерянное время и, обрадовавшись этому прелестному иарѣченію, вы спокойно складываете руки.

Что сказали бы вы о запоздавшемъ человѣкѣ, отказавшемся идти далѣе. Вы бы сказали, что онъ никогда не дойдетъ туда куда шелъ. Такъ вотъ тотъ, кто перестаетъ работать, перестаетъ двигаться впередъ.

Конечно, я никогда не позволю себѣ сказать вамъ, что это дѣло пустое и не великъ грѣхъ бесполезно провести цѣлый мѣсяцъ; напротивъ, это нѣчто весьма важное: это цѣлый мѣсяцъ, это тридцать дней, это двѣнадцатая часть года. Слѣдовательно: это даже не мало а много. Но все же наконецъ, разъ это подлежитъ измѣренію, значитъ это не все и вы ровно никакого права не имѣете восклицать: «Все потеряно!»

Скажу больше. Допустимъ, что вы потеряли бесплодно не мѣсяцъ, а цѣлый годъ, даже два, наконецъ три года и все же нельзя сказать, что все потеряно, такъ какъ

пока вы живы всегда возможно наверстать потерянное время.

Латинское изрѣченіе *fugit irreparabile tempus* не имѣетъ слишкомъ благопріятнаго смысла въ пользу отчаянія и увѣковѣченія лѣности, который вы хотите придать этому изрѣченію. Оно имѣетъ намѣреніе выразить ни болѣе ни менѣе какъ то простое понятіе, что вчерашній день, что истекшее время не возвратимо и служить достаточнымъ предупрежденіемъ о томъ, что не слѣдуетъ его терять снова безъ работы и безъ пользы.

Я ради того чтобы доказать вамъ насколько преувеличены послѣдствія вашего отчаянія, не намѣренъ снисходительно смотрѣть на ваши погрѣшности и заблужденія и утѣшать васъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ; но я полагаюсь на вашу дѣтскую совѣсть и надѣсь, что вы не злоупотребите моимъ снисхожденіемъ.

Вы имѣете недостатки; разсудокъ вашъ недостаточно дѣятеленъ; вы убѣдили себя, что не любите труда и чувствуете отвращеніе ко всему что трудно. Неужели вы полагаете, что на свѣтѣ вы только одинъ отличаетесь несовершенствомъ? Дѣтей безъ недостатковъ, взрослыхъ безукоризненныхъ вовсе не существуетъ и вы жестоко ошиблись бы, воображивъ себѣ что то, что случилось съ вами, не случилось съ другими, кажущимися вамъ много менѣе васъ отставшими. Среди тѣхъ, кто ушелъ впередъ и сдѣлалъ значительные успѣхи, весьма вѣроятно есть такіе, которые дѣйствительно никогда не теряли попусту время, но, повѣрьте мнѣ, несравненно болѣе такихъ, которые умѣли наверстать потерянное ими время.

Одно только ничего не наверстываетъ и ничего не въ состояніи исправить, это отчаяніе. Такое отчаяніе и лучшіе люди могутъ чувствовать и поддаются ему, но, дѣло въ томъ, что лучшіе вскорѣ побѣждаютъ въ себѣ это чувство и несравненно быстрѣе прежняго идутъ впередъ, чтобы поровняться съ самыми передовыми.

Есть много прекрасныхъ деревьевъ очень поздно достигающихъ полного развитія. Вначалѣ кажется, что они никогда не вырастутъ какъ слѣдуетъ и вдругъ въ одинъ

прекрасный день они оказываются украшеніемъ сада. Есть другія, быстро дающія превосходные плоды въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и вдругъ совершенно неожиданно вовсе не даютъ плодовъ. Что подумали бы вы о нетерпѣливомъ садовникѣ, срубившемъ и бросившемъ въ огонь, какъ первыя, такъ и вторыя деревья?

Вы были бы этимъ безразсуднымъ садовникомъ по отношенію къ себѣ самому, если бы не дали себѣ время собраться съ силами и приобрѣсти бодрость духа. Это дерево, на которомъ не было плодовъ въ этомъ году, на будущій годъ будетъ ими усыпано и будетъ гнѣться подъ ихъ тяжестью. Повидимому, это отдыхъ, эта лѣнь въ теченіи года усилили притокъ соковъ въ немъ и кажущійся сонъ имѣлъ только цѣлью вызвать сборъ на немъ плодовъ несравненно болѣе значительный, чѣмъ во всѣ предъидущіе годы.

Быть можетъ то же самое происходитъ и съ вами, если только ваша злая воля не причастна отсутствію вашихъ успѣховъ, если только ваша лѣньность не является вслѣдствіе пошлаго упорства, весьма возможно, что этотъ безплодно проведенный вами годъ вызоветъ въ слѣдующемъ году блестящіе успѣхи съ вашей стороны. Самое главное, не позволяйте себѣ приходить въ отчаяніе, не теряйте надежду на самого себя; удастся вамъ овладѣть собою, вы пойдете впередъ быстрымъ шагомъ, окажете болѣе энергичныя усилія, какъ только почувствуете возвращеніе силъ. Другой важный вопросъ заключается въ томъ, чтобы вы ежедневными усиліями домогались возвращенія этой силы. Богъ награждаетъ добрую волю и твердое желаніе. Относительно этого нисколько не сомнѣвайтесь. Непокколебимо будьте убѣждены и повѣрьте мнѣ безповоротно разъ навсегда, что никогда нельзя сказать: все навсегда потеряно.

Сколько вамъ лѣтъ? Всего шестнадцать лѣтъ! Такъ знайте же, что есть великіе люди, родившіеся бѣдными, вдали отъ центровъ просвѣщенія, не умѣвшіе читать и начавшіе учиться только двадцати и даже тридцати лѣтъ, а между тѣмъ сдѣлавшіеся передовыми и образцовыми людьми своего вѣка. Я могъ бы привести сотню именъ,

но я ограничусь только однимъ, назову Линкольна, славу Америки, уважаемаго всѣмъ міромъ. Пока человекъ живъ, судьба его въ его рукахъ; только о мертвыхъ, недостойно проводившихъ жизнь, только о нихъ можно сказать, что все для нихъ потеряно.

А вѣдь вы же, дитя мое, не мертвый, а живой!

Солидарность, Начиная отъ самой школы.

Нѣтъ сомнѣнія, что не слѣдуетъ злоупотреблять новыми словами, но было бы мелочностью страшиться ихъ и было бы нелѣпымъ избѣгать ихъ, когда приходится выражать ясно и опредѣленно какую либо мысль.

Это слово «солидарность» еще новое, въ особенности для юныхъ ушей, выражаетъ ли оно какую либо новую идею? Нѣтъ, оно не новое, но оно точнѣе употреблявшихся прежде словъ выражаетъ божественную и человѣческую мысль, которымъ оно соотвѣтствуетъ.

Слово братство, говорить о нравственномъ долгѣ, обязывающемъ всѣхъ людей братски относиться другъ къ другу. Слово солидарность обозначаетъ то понятіе, что интересы всего человѣчества обязываютъ людей не считать себя обособленными другъ отъ друга, а дѣйствовать всѣмъ и каждому сообща.

Когда какое либо слово усваивается и занимаетъ въ языкѣ народа прочное мѣсто, слѣдовательно оно этого заслуживаетъ. Теперь обратимся къ слову: солидарность. Идея, выражаемая этимъ словомъ, несомнѣнно одна изъ такихъ, которая, чѣмъ раньше виѣдрится въ умѣ людей, тѣмъ лучше.

Предъ Богомъ мы всѣ братья, а слѣдовательно всѣ равны. Предъ людьми, предъ всѣмъ человѣческимъ обществомъ, а равно предъ особой фракціей общества, къ которому мы принадлежимъ, мы всѣ солидарны; мы солидарны въ семьѣ отъ самой колыбели; мы солидарны въ самой школѣ, на какой бы ступени общественной лѣстницы намъ не пришлось стоять.

Жизнь есть дѣло общежитія; какъ бы человѣкъ не ухищрялся, онъ никогда одинокъ не бываетъ. Не существуетъ дѣянія, какъ бы ни казалось оно индивидуально, не касающагося интересовъ того или другого изъ ближнихъ. Словомъ, не существуетъ дѣйствія, которое возможно было признать совершенно отдѣльнымъ, т. е. совершенно безразличнымъ по отношенію къ другимъ, а если это дѣяніе другихъ, то безразличнымъ для васъ самихъ. Каждый изъ насъ только одинъ изъ звуковъ, одна изъ нотъ въ общемъ хорѣ, въ общей гармоніи. Солиста не существуетъ въ міровомъ концертѣ. Если бы Богъ не имѣлъ въ виду сдѣлать людей солидарными между собою, онъ бы ихъ не создалъ; въ противномъ случаѣ надо было создать только одного человѣка, такъ какъ такое существо, единственное въ своемъ родѣ, было бы чудовищемъ, а существованіе подобнаго чудовища носовмѣстимо съ мудростью Бога.

Итакъ, вездѣ, гдѣ существуетъ болѣе одного человѣка, существуетъ общество, а тамъ гдѣ общество, тамъ и солидарность интересовъ.

Существованіе человѣка въ жизни всегда коллективно и эгоистъ, стремящійся уединиться, старающійся обособиться, никогда этого не достигаетъ. Какъ бы онъ ни пытался достигнуть подобной цѣли, а онъ все же единица въ суммѣ, часть цѣлаго. Его судьба въ неразрывной связи съ судьбою всѣхъ другихъ.

«Другіе? Это до меня не касается!»—Такъ говорить безразсудный и такія слова его доказываютъ не столько злость, сколько глупость.

Совершенно наоборотъ, все, что касается интересовъ другихъ людей, касается насъ самихъ. Человѣкъ—особа и человѣкъ—общество сцѣплены неразрывно, будь то

связь видимая или невидимая. Въ жизни дѣйствительной не существуетъ Робинзоновъ. Каждый отвѣчаетъ за себя и всѣ за каждаго.

Часто сравнивали жизнь съ битвой. Да, это вѣрно и эта битва начинается еще въ школѣ. Только дѣло въ томъ, что противникъ вовсе не тамъ, гдѣ предполагають. Въ жизни противникомъ человѣка не является человѣкъ, а въ школѣ противникомъ ученика вовсе не соученикъ.

Весь классъ это нѣчто въ родѣ полка, выступающаго впередъ противъ общаго непріятеля, называемаго невѣжествомъ и стремящагося къ побѣдѣ на благо общее т. е. къ наукѣ.

Развѣ солдаты, идущіе рядомъ въ сраженіи, могутъ быть врагами между собою? Конечно нѣтъ, а совершенно наоборотъ, это союзники, сильно нуждающіеся въ упорядоченіи и уравниваніи своихъ общихъ усилий и не только усилий, но даже всѣхъ движеній ради общей обезпеченности, защиты и славы. Они отлично понимаютъ, что въ единеніи сила, что солдатъ отвѣчаетъ за солдата, что человѣкъ солидаренъ съ человѣкомъ и часто незнакомые съ словомъ «солидарность», тѣмъ не менѣе, проникнуты идеей, выражаемой этимъ словомъ.

Случалось, дѣйствительно, что въ иномъ полку нѣкоторые солдаты съ удовольствіемъ замѣчали неумѣлость и трусость своихъ товарищей, полагая, что это дастъ имъ возможность болѣе славнымъ и блестящимъ образомъ высказать свою отвагу и боевое искусство. Видя это, вы бы сказали: «Вотъ солдаты плохо соображающіе. Какъ бы ни были они храбры, но они одни не могутъ замѣнить силы цѣлой арміи и въ первой стычкѣ ихъ изрубятъ въ куски. Тогда они, но къ сожалѣнію слишкомъ поздно, поймутъ, что вмѣсто того, чтобы радоваться слабости своихъ товарищей по оружію, они умнѣе и благодарнѣе поступили, если бы употребили всевозможныя усилія, чтобы внушить бодрость, отвагу своимъ товарищамъ и научить ихъ искусно владѣть оружіемъ».

Итакъ, то, что представляется нелѣпымъ въ арміи, нелѣпо и во всѣхъ случаяхъ.

Въ искусствѣ, въ промышленности, въ наукахъ, въ

литературѣ немало людей, разсуждающихъ такъ, какъ только что указанные храбрые солдаты и видящихъ въ своихъ соперникахъ только противниковъ, ослабленіе которыхъ можетъ только исключительно обезпечить имъ личный успѣхъ и такимъ образомъ безразсудно стремятся къ нелѣпой чести быть первыми въ полку, въ которомъ преобладаютъ хромыя и разслабленные.

Такія наивныя разсужденія къ сожалѣнію встрѣчаются вездѣ и даже въ школѣ.

— Плохо учатся въ моемъ классѣ,—говорилъ мнѣ какъ-то молоденькій школьникъ—но, тѣмъ лучше, я этому очень радъ, потому что безъ особаго труда получу въ этомъ году первую награду.

Вотъ уже, можно сказать, очень неумѣстное, очень печальное «тѣмъ лучше» и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое честолюбіе, такъ какъ стремятся получить награду за побѣду, одержанную надъ жалкими тупицами.

Я спрашиваю школьника, съ которымъ толковалъ, желая его вразумить:

— Да какая же честь быть первымъ въ классѣ тупиць и лѣнтяевъ? Неужели пріятно быть сильнымъ между слабыми? Это только значить быть менѣе слабымъ чезели другіе, такъ какъ въ чемъ же собственно дѣло. вопросъ въ томъ, чтобы быть успѣвающимъ въ дѣйствительности, а не только казаться таковымъ.

Чтобы образовать хорошій классъ, подобно тому какъ чтобы образовать хорошій полкъ, нужно прочное общее цѣлое; нужно единеніе, нуженъ трудъ, нужны усилія всѣхъ, дополняющія и поддерживающія отдѣльныя усилія каждаго ученика.

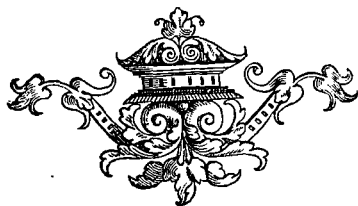
Надо, чтобы учителя и полковники, солдаты и ученики, единодушно дѣйствовали, усердно помогали другъ другу тогда только будетъ сильно все цѣлое, тогда только хорошъ и проченъ будетъ весь составъ полка или класса.

Битва жизни не отдѣльный поединокъ, а правильное сраженіе рядами, въ которомъ всѣ должны единодушно и одинаково выказать стараніе, если хотятъ добыть удовольствіе и пользу дѣйствительной побѣды.

Если бы Христофору Колумбу не удалось усмирить возстаніе своихъ спутниковъ и убѣдить ихъ послѣдовать за нимъ въ тотъ новый свѣтъ, къ которому стремился его гений и если бы онъ одинокимъ высадился на берега Америки, то намъ пожалуй неизвѣстно было бы даже его имя и, во всякомъ случаѣ, все имъ достигнутое совершилось бы позднѣе и можетъ быть съ болѣе значительными затрудненіями.

Колумбъ отлично это сознавалъ и когда онъ стремился увлечь безразсудныхъ и неблагодарныхъ, не понимавшихъ его идей, такъ это потому, что онъ твердо зналъ, что немыслима, невозможна побѣда одинокаго, что слава должна быть раздѣлена съ другими, что ничего не достигнетъ человѣкъ, дѣйствующій только для себя одного. Если онъ завоевалъ новый міръ старому міру, такъ это потому, что онъ шелъ къ вѣрной цѣли: расширить умственный кругозоръ своего времени.

Но дѣло въ томъ, что всѣ мы въ предѣлахъ сферы нашей дѣятельности тѣ же Христофоры Колумбы. Всѣ мы предназначены къ тому же самому, а именно добавить хотя что либо къ извѣстному уже въ мірѣ и вести міровой экипажъ къ высшимъ предназначеніямъ. Отъ юнга до адмирала, отъ рекрута до ветерана, долгъ всегда тотъ же самый и этотъ прекрасный долгъ только тотъ его выполнить со славой и честью, кто выше всего ставилъ заботу о благѣ великаго корабля всего человѣчества.

Первый.

Быть первымъ въ классѣ, будучи ребенкомъ и, сдѣлавшись взрослымъ, быть первымъ по профессіи или по ремеслу, представляется преимуществомъ и въ то же самое время заслугою, въ силу которыхъ, по всей справедливости, пріобрѣтается право на тѣ или другія выгоды или удовлетворенія. Но не слѣдуетъ допускать себя быть тщеславнымъ и хвастливымъ въ силу этихъ преимуществъ. Не существуетъ триумфа не только оправдывающаго, но даже извиняющаго подобнаго рода недостатки. Тщеславіе портитъ и ставитъ въ щекотливое, двусмысленное положеніе даже самый блестящій успѣхъ. вмѣсто друзей оно порождаетъ имъ враговъ и вмѣсто соперниковъ являются только завистники. Побѣда одного, не слѣдуетъ этого забывать, создается неудачей другого. Это первое мѣсто, вы его завоевываете только поражениемъ соискателей. Какъ только вы его получили, надо великодушно позаботиться о соперникахъ. Вы побѣдитель, они побѣжденные. Не слѣдуетъ допускать ихъ быть врагами вашего успѣха, необходимо, чтобы они сдѣлались сторонниками вашими и добиться того, чтобы они сказали:

— Мнѣ этотъ побѣдитель нравится гораздо болѣе нежели всякій другой.

Единственное средство добиться такого положенія это

пользованіе своимъ триумфомъ съ большой умѣренностью и съ смиреніемъ.

Пользованіе успѣхомъ, точно также какъ и пользованіе счастіемъ, цѣлая наука; скажу болѣе, это искусство, требующее вкуса, такта, немало здраваго смысла и много сердечнаго добродушія.

Какъ вы видите, искусство весьма трудное, но между тѣмъ необходимо владѣть имъ, если вы хотите сохранить ваше превосходство и преобладаніе надъ другими. Надо умѣть пользоваться счастіемъ, чтобы остаться счастливымъ.

Слѣдовательно, старайтесь быть скромными, пользуясь успѣхомъ, а главное, остерегайтесь кслоть имъ глаза другимъ. Это возбудило бы всѣхъ противъ вашего успѣха; это значило бы создать изъ него подводный камень, на которомъ бы разбивались у самаго входа въ рейдъ корабли, руководимые тѣми безразсудными лопманами, которые вблизи гавани забываютъ о предосторожности.

Да и притомъ въ чемъ и гдѣ такіе успѣхи, которые до такой степени могли бы дать намъ право высоко возносить себя?

Во всякаго рода превосходствѣ надо имѣть въ виду двѣ стороны: тѣ личныя усилія, потребныя для достиженія этого превосходства, а также тѣ обстоятельства, тѣ условія, та благопріятная обстановка, благодаря которымъ вамъ возможно было достигнуть этого превосходства. Въ первомъ вамъ безусловно все принадлежитъ, а во второмъ, вы совершенно не при чемъ.

Природа распредѣляетъ свои дары между живущими созданіями, повидимому, весьма неравномѣрно; съ какой то таинственной, непонятной намъ цѣлью, нѣкоторымъ она назначаетъ красивыя, блестящія роли, а другимъ роли жертвъ. Дѣлая эти распредѣленія, она не освѣдомляется о нашихъ вкусахъ и желаніяхъ. Если орелъ доволенъ тѣмъ, что онъ орелъ, а не черепаха, это совершенно понятно и справедливо. Но когда онъ упрекаетъ черепаху въ томъ, что она черепаха и кичится тѣмъ, что онъ орелъ, полагая, что всѣ должны чтить и превозносить его за это случайное преимущество рожденія, это уже

несправедливо и не допустимо и объяснятся тѣмъ, что и между орлами водятся большіе глупцы, въ нравственномъ отношеніи несравненно ниже черепахи, тогда какъ между черепахами встрѣчаются умныя и дѣльныя, по здравому смыслу превосходящія всѣхъ орловъ на свѣтѣ.

Если этотъ здравый смыслъ, кажущійся вамъ грубоватымъ, что весьма ошибочно, потому что только онъ можетъ дать вѣрную мѣру, правильную оцѣнку положенія, занимаемаго въ свѣтѣ—въ васъ отсутствуетъ, будь вы даже царемъ воздушнаго пространства, люди здравомыслящіе не поставятъ высоко вашу особу. Они могутъ восхищаться вашими природными качествами, мощью вашихъ крыльевъ, но относительно вашего мозга будутъ весьма невысокаго мнѣнія и уже, конечно, восхищаться имъ не станутъ.

Даже весьма возможно, что въ глубинѣ души, видя вашу надменность, они съ большимъ уваженіемъ отнесутся къ скромной черепахѣ, смиренно выполняющей, насколько возможно лучше, скромную работу на нее возложенную, нежели къ хвастливому, полному чванства орлу, невыносимое тщеславіе котораго затмѣваетъ всѣ его достоинства.

Въ этомъ отношеніи они будутъ вполне правы.

Мірѣ, это цѣлое, необъятное съ нашей точки зрѣнія, занимаетъ, однако, весьма незначительное мѣсто въ десницѣ Господа. Если, по мнѣнію людей, на этомъ свѣтѣ есть назначенія, есть склонности и свойства болѣе возвышенныя нежели другія, едва ли въ глазахъ Божьихъ существуетъ подобная разница и, весьма возможно, что въ общемъ твореніи Создателя муравей имѣетъ значеніе равное значенію слона.

Въ чемъ выражается истинное значеніе?

Въ томъ, что надо быть тѣмъ, чѣмъ надлежитъ быть и быть этимъ въ возможно совершенной степени. Доброе насѣкомое, добросовѣстно выполняющее свое крошечное назначеніе, какъ насѣкомаго, большее имѣетъ значеніе, важнѣе для усовершенствованія всего великаго цѣлаго, нежели самое могучее и громадное четвероногое, вообра-

жающее себѣ, что на этомъ основаніи оно можетъ позволять себѣ дикія выходки и капризы.

Случалось-ли вамъ взобраться на колокольню, на вершину горы, на какое либо очень возвышенное мѣсто, съ котораго хорошо видна вся долина?

Хорошо; что же вы тамъ видѣли? Не замѣчали-ли вы, что по мѣрѣ того, какъ вы подымались все выше и выше, разница между всѣми предметами въ долинѣ, казавшимися вамъ тамъ громадными, становилась все меньше и меньше?

Если бы, не удовольствуясь восхожденіемъ на гору, вы поднялись въ воздушномъ шарѣ на пять или шесть тысячъ мѣтровъ надъ поверхностью земли, какое наблюдение могли бы вы сдѣлать? Вы бы замѣтили, что съ такой высоты уже не различаются горы и холмики и земля кажется небольшимъ круглымъ шаромъ безъ замѣтныхъ неровностей.

Итакъ, вы видите, что на этомъ свѣтѣ все великое или малое соразмѣрно тому, насколько возвышена наша точка зрѣнія.

Въ мѣрѣ нравственномъ замѣчается совершенно подобное явленіе какъ и въ мѣрѣ матеріальномъ. Исполнины кажутся великими только потому, что на нихъ смотрятъ снизу, а не сверху. Равенство вскорѣ возстановилось бы между такъ называемыми превосходствами и посредственностями нашего маленькаго міра, если бы наблюдающій ихъ глазъ могъ бы какъ око Господа, глядѣть на нихъ съ отдаленной высоты.

Вы могли бы имѣть еще болѣе поразительное доказательство этой непреложной истины, не прибѣгая къ восхожденію на горы и не рискуя подъемомъ въ воздушномъ шарѣ.

Останемся на землѣ, какъ вы такъ и я, но вмѣсто того чтобы смотрѣть на землю, поднимемъ взоры къ небу.

Что мы обыкновенно тамъ видимъ? Большое солнце днемъ и большую луну ночью. По сравненію съ маленькими звѣздами эти планеты кажутся громадными. А между тѣмъ, между кажущимися крошечными звѣздочками, этими насѣкомыми видимаго неба, есть такія,

которыя въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе солнца и луны.

Итакъ, вы видите вполне, что превосходство весьма часто бываетъ только кажущееся и что наше высокое мнѣніе о себѣ, внушаемое намъ нашими маленькими преимуществами, не выдерживаетъ критики и исчезаетъ при внимательномъ наблюденіи.

Слѣдовательно будемъ очень скромны, даже въ томъ случаѣ, если оказываемся лучшими и первыми и ни къ чему не будемъ презрительно относиться, если бы даже что и казалось намъ много ниже насъ.

Первые и лучшіе слишкомъ легко забываютъ до какой степени имъ необходимы тѣ, кто не оказывается лучшими и первыми и какую помощь имъ можетъ иногда оказать самый послѣдній изъ товарищей или изъ ближнихъ.

Позвольте васъ спросить на что было бы намъ наше первенство и какія были бы у насъ средства воспользоваться имъ, если бы мы были совершенно одиноки на свѣтѣ?

Цифра одинъ, сколько бы она ни ухитрилась —будетъ всегда единицею, если за ней не будетъ стоять еще другая цифра. Она только потому и первая, что за ней слѣдуютъ другія, удостоверяющія ея рангъ.

Что подумали бы вы о королѣ, который, только потому что онъ король, т. е. первый въ своемъ королевствѣ, презрительно бы относился ко всему кромѣ себя въ своемъ королевствѣ и вообразилъ себѣ, что все его королевство существуетъ только для него одного? Вы бы сказали: «Вотъ король не умѣющій правильно рассуждать и поступающій необдуманно, потому что если бы его народъ оставилъ его одного на тронѣ, вмѣстѣ съ его тщеславіемъ и ушелъ отъ него, то онъ остался бы только королемъ своего тщеславія, королемъ своего трона, тогда какъ его народъ, оставшись безъ него, все же остался бы тѣмъ же народомъ какимъ и былъ».

Народъ всегда имѣетъ возможность избрать себѣ короля, но много встрѣчалось королей, не имѣвшихъ возможности подыскать для себя народъ.....

Если бы вы были другомъ подобнаго короля, вы бы, конечно, предупредили его, сказавъ ему, что онъ заблуждается и что ему не слѣдуетъ пренебрегать тѣмъ, что во всякомъ случаѣ можетъ легко обойтись безъ него, а между тѣмъ онъ безъ этого никоимъ образомъ обойтись не можетъ, если желаетъ остаться королемъ.

Итакъ, мы всѣ оказываемся этимъ безразсуднымъ королемъ, когда, опьяненные успѣхомъ, мы настолько дѣлаемся безтолковыми, что перестаемъ сознавать, что успѣхъ нуждается въ тѣхъ самыхъ, надъ которыми онъ оказался, чтобы быть дѣйствительно успѣхомъ и что наше маленькое величіе тогда только не будетъ воображаемымъ, когда не останется одинокимъ, но будетъ окружено нашими ближними.

Нѣтъ ничего важнѣе въ жизни, какъ ясное пониманіе, что всякое преобладаніе, всякое превосходство, наряду съ правами, налагаетъ и обязанности и что первой изъ этихъ обязанностей умѣть заставить всѣхъ окружающихъ васъ простить вамъ это превосходство, что достигается только тѣмъ способомъ, которымъ этимъ превосходствомъ пользуются. Превосходство, которымъ злоупотребляютъ только въ свою пользу, которымъ не умѣютъ пользоваться на благо другихъ, перестаетъ быть превосходствомъ! Если вы напыщенно превозносите вашими заслугами, это меня оскорбляетъ; если вы превозносите вашими талантами, они становятся моими врагами? Вы сами себя восхваляете, вы сами себѣ рукоплещете! Въ такомъ случаѣ, мнѣ уже нѣтъ надобности восхвалять васъ и излишнимъ будетъ рукоплескать вамъ. Чѣмъ рѣзче будетъ ваше тщеславіе, тѣмъ сильнѣе заговоритъ во мнѣ чувство справедливости.

Общество желаетъ, чтобы ему самые могущественные дѣятели служили скромно, потому что никто не можетъ быть сильнѣе всего человѣческаго общества. Все, что слишкомъ повелительно, слишкомъ властно и навязываетъ себя силою, не можетъ продолжительно нравиться обществу. Одинъ никогда не можетъ быть выше всѣхъ; всѣ это отлично знаютъ и одинъ не долженъ этого забывать.

Такимъ образомъ ясно, что превосходство не должно быть силой индивидуальной и эгоистичной. Эта сила пріобрѣтаетъ право вліянія, пріобрѣтаетъ свой патентъ на преобладаніе только при условіи присоединенія своего значенія и вліянія на благо общественное.

Понимать это иначе значило бы испытать на себѣ истину изрѣченія: «Первые сдѣлаются послѣдними».

Послѣдній.

Я не скажу ему, что участь его прекрасна; я не скажу ему, что онъ заслуживаетъ почетный орденъ и что напрасно не устроить ему маленькой триумфальной арки; я не позволю себѣ увѣрять его, что его положеніе завидно, въ особенности, если вслѣдствіе лѣни ему пришлось занять такое положеніе. Но, если онъ сдѣлался послѣднимъ по обстоятельствамъ отъ него не зависящимъ, потому что ему пришлось состязаться съ противниками лучше его подготовленными; если онъ новичекъ въ такой борьбѣ, въ которой соперники упражнялись раньше его, словомъ, если онъ только начинающій на поприщѣ ученія и труда и потому сражался неравнымъ оружіемъ, я скажу ему, что онъ вполне неправъ, если будетъ огорчаться и приходитъ въ отчаяніе, не надѣясь на будущее. Ничего нѣтъ дурного и не вредно быть побѣжденнымъ, если это научить побѣждать современемъ другихъ. Пораженіе представляетъ собою урокъ, изъ котораго честныя природы рано или поздно извлекаютъ пользу. Быть послѣднимъ при такихъ условіяхъ это несчастіе, но это не постыдно. Несчастіе только въ глазахъ глупцовъ можетъ кому либо приносить безчестіе. Притомъ нѣтъ на этомъ свѣтѣ несчастія, которому не наступилъ бы конецъ, такъ какъ даже счастье

весьма часто мимолетно и крайне непродолжительно, когда не умѣютъ его упрочить!

Быть послѣднимъ, это радикальная неудача, очевидность, устраняющая возможность чѣмъ либо обмануть себя, это прямой урокъ, посылаемый вамъ судьбою и вы лишены возможности утѣшиться какъ дѣлаютъ предпослѣдніе, глядя на послѣднихъ и радуясь, что есть еще хуже ихъ успѣвающіе. Быть послѣднимъ, конечно, неприятно, положительно невесело, но бываетъ иногда очень полезно.

Это положеніе ясное, опредѣленное, хотя и незавидное, тѣмъ не менѣе васъ подстрекаетъ, подзадориваетъ, если у васъ нѣтъ охоты опуститься совсѣмъ и сдѣлаться отпѣтымъ тупицей и лѣнтяемъ. Сознайте, что оно, по крайней мѣрѣ имѣетъ, то преимущество, что нѣсколько васъ подталкиваетъ и не допускаетъ до того равнодушія, съ которымъ относятся къ весьма посредственнымъ, весьма недостаточнымъ успѣхамъ? Быть пятнадцатымъ изъ двадцати заставило бы васъ пребывать въ вашей летаргіи. Но быть послѣднимъ, если только у васъ есть малѣйшее желаніе сдѣлаться изъ плохого хорошимъ, представляется уже побужденіемъ къ освобожденію отъ летаргіи.

Положеніе ваше не настолько блестяще, чтобы вы желали въ немъ оставаться. Я вижу ясно, что вы сами себѣ говорите:

— Нельзя, милый мой, барахтаться въ грязи; надо изъ нея вылѣзть, надо подняться.

Послѣдній ученикъ, безповоротно и твердо не порѣшившій во всемъ и всю свою жизнь быть послѣднимъ, быть можетъ изъ всего класса одинъ, въ которомъ проницательный наставникъ могъ бы открыть и вызвать къ жизни наилучшія способности.

Весьма возможно, что первый ученикъ уснетъ на своемъ лавровомъ тюфякѣ, но послѣдній, если въ немъ есть сердце, есть хотя искра самолюбія, могу васъ увѣрить, не уснетъ на своемъ ложкѣ изъ терній.

Надо же, чтобы кто либо былъ первымъ, такъ же точно какъ неизбѣжно кто либо будетъ послѣднимъ. Но дѣло въ томъ, что усиліе, которое я совѣтую сдѣлать

первому для удержанія своего положенія, такъ сказать для сохраненія своего ранга, послѣднему я не только со-вѣтую, но требую, чтобы онъ потерялъ свое положеніе, измѣнилъ свой постыдный рангъ.

Стоить ему захотѣть и онъ навѣрное его потеряетъ. Я смѣло утверждаю, что отъ него вполне зависитъ поступить такъ, чтобы оправдалось изрѣченіе: «Первые да будутъ послѣдними», которое я только что привелъ по поводу первыхъ, не дѣлающихъ для сохраненія своего превосходства тѣхъ усилій, которыя однако умѣли сдѣ-дать для его достиженія. Вышепривѣденное изрѣченіе я охотнѣе замѣню слѣдующимъ: «Послѣдніе сдѣлаются первыми».

Допустимъ, что вы входите въ составъ группы молодыхъ людей, или, вѣрнѣе, дѣтей, которымъ предстоитъ пройти длинный путь, а именно жизненный путь. Силы и тем-пераменты каждаго изъ этой группы большей частью далеко не равны. Одни, черезчуръ довѣряя своимъ молодымъ ногамъ, кажушимся имъ неутомимыми, пуска-ются бѣгомъ съ перваго же шага. Стремленіе недурное, но они напрасно такъ поступаютъ, потому что, если, бла-годаря этому поспѣшному началу, они будутъ первыми и будутъ впереди другихъ въ теченіи первыхъ часовъ пу-тешествія, то все же можно пари держать, что въ слѣ-дующіе затѣмъ часы, будучи уже не въ силахъ сдержать порывистость своего движенія, они, мало-по-малу дадутъ себя нагнать отставшимъ и рано или поздно ихъ пере-гонятъ тѣ, кто, разсчитавъ свои силы лучше нежели они, двинулись съ мѣста отправленія умѣреннымъ, спо-койнымъ шагомъ.

Жизнь продолжительнѣе нежели какой-нибудь одинъ классъ; она гораздо длиннѣе времени, проведеннаго въ школѣ; слѣдовательно вопросъ не въ томъ, чтобы быстро двинуться съ мѣста отправленія, но въ томъ, чтобы во время прибыть туда, куда надлежитъ.

Я вовсе не желаю для ободренія послѣднихъ учени-ковъ уменьшить рвеніе первыхъ; я только хочу заявить тѣмъ и другимъ, что слѣдуетъ ко всему относиться въ надлежащей мѣрѣ, не исключая даже рвенія и страданій;

настоящимъ, образцовымъ рвеніемъ надлежитъ признавать то, которое длится до самаго послѣдняго момента при достиженіи намѣченной цѣли.

Скаковая лошадь весьма любопытное животное; но если бы существовали только скаковые кони, то есть кони выдающіеся, поразительные, блистательные, способные къ быстрому изумительному пробѣгу въ какія нибудь пять минутъ, полагаю, что никто бы не рѣшился сказать, что побѣда надъ лошадыю самая замѣчательная изъ побѣдъ, достигнутыхъ человѣкомъ надъ другими животными.

Я хочу сказать этимъ, что необходимо признать, что лошади, не бѣгающія со скоростью стрѣлы, тѣ, которымъ самый темпераментъ ихъ не позволяетъ скакать, для которыхъ идти легкой рысцей и даже шагомъ совершенно достаточно, самыя полезныя, лишь бы могли двигаться наиболѣе продолжительное время.

Положимъ вы въ школѣ; у васъ чуть не цѣлый вѣкъ предъ вами, чтобы пройти всѣ классы, то есть къ восемнадцати годамъ быть юношей, знающимъ все, чему можно выучиться въ школѣ. Я смѣло вамъ скажу, что можете быть покойны, если даже природа создала васъ конемъ съ медленнымъ и тяжелымъ шагомъ, вы все же достигнете цѣли и достигнете ее навѣрное никакъ не хуже вашихъ товарищей, помчавшихся съ перваго шага такъ быстро впередъ, точно у нихъ были крылья.

Никто не въ состояніи скакать непрерывно въ теченіи восьми лѣтъ сряду. Если вы въ теченіи шести минутъ будете расходовать силу, предназначенную для израсходованія не менѣе какъ въ теченіи шести дней, будьте увѣрены, что послѣ этихъ шести минутъ бѣшенаго галопа, вамъ придется шесть дней отдыхать.

Никогда нельзя безнаказанно насиловать свою природу; за всѣ излишества природа всегда отмщаетъ за себя, и крайнее утомленіе всегда слѣдуетъ за чрезмѣрными усиліями.

Итакъ, милый мой послѣдній ученикъ, не приходи въ отчаяніе, если съ первыхъ шаговъ при вступленіи на учебную арену, ты увидишь, что всѣ тебя опередили,

и вмѣсто того, чтобы, остановясь неподвижно на пути, стонать и жаловаться, проклиная свою судьбу, иди впередъ ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, не торопясь и не останавливаясь, но только не теряй изъ виду конечную цѣль. Не думай, что такъ трудно ее достигнуть. Чтобы ободрить и поддержать себя, вспоминай иногда славную сказку о зайцѣ и черепахѣ. Лишь бы ты достигъ цѣли, а шель-ли ты, или бѣжалъ къ ней, рѣшительно ни малѣйшаго значенія не имѣетъ. Признаюсь откровенно, у меня какая то слабость, какое то пристрастіе къ послѣднему ученику. Онъ меня интересуетъ; онъ смотритъ какъ то особенно. Онъ, по своему положенію, стоитъ особнякомъ, выдѣляется изъ толпы; правда, что выдѣляется въ предосудительномъ, непохвальномъ отношеніи, но отъ него зависитъ выйти изъ такого положенія побѣдителемъ.

Прежде всего я домогаюсь, чтобы послѣдній ученикъ самъ вполнѣ прочувствовалъ чѣмъ онъ страдаетъ; если онъ это не сознаетъ, такъ онъ не только послѣдній, но совсѣмъ мертвое, погибшее существо. Но я положительно противъ того, чтобы онъ преувеличивалъ свое тягостное положеніе.

Онъ упалъ, онъ лежитъ на землѣ; слѣдовательно ему надо протянуть руку помощи и, если первый ученикъ достоинъ своего высокаго положенія, подать руку и помочь товарищу. Кто знаетъ, можетъ быть онъ, этотъ первый ученикъ, могъ бы сказать этому послѣднему что либо такое болѣе полезное нежели тысячи уроковъ; что либо способное придать ему бодрость, воодушевить его; онъ, этотъ первый ученикъ, очень возможно, могъ ему шепнуть какое-нибудь такое магическое словечко, которое во мгновеніе ока заставило бы пришедшаго въ отчаяніе малыша сразу вскочить на ноги, сдѣлавшись бодрымъ и готовымъ на трудъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, позвольте вамъ рассказать слѣдующую исторію.

Исторія двухъ учениковъ: перваго и послѣдняго.

Поступленіе въ школу.

Зналъ я одного перваго ученика, вполне заслужившаго такое мѣсто: онъ сдѣлалъ именно такъ, какъ я говорилъ выше. Онъ понялъ отлично въ чемъ заключалась тайна его успѣха и это ему внушило мысль дѣлать то прекрасное, или, лучше сказать, доброе, благое дѣло, въ которомъ, смѣло могу васъ увѣрить, онъ никогда не раскаивался.

Произошло это тотчасъ послѣ каникулъ въ одномъ изъ большихъ учебныхъ заведеній Франціи.

Между только что поступившими въ пятый классъ, былъ одинъ маленькій мальчикъ, пріѣхавшій изъ провинціи, выѣхавъ изъ нея первый разъ въ жизни. Несчастный ребенокъ только что покинулъ родное гнѣздышко, явившись учиться въ Парижѣ пансіонеромъ, живущимъ въ учебномъ заведеніи. Онъ не могъ придти въ себя; сердце его обливалось кровью, почувствовавъ себя вдругъ оторваннымъ отъ любимой семьи, въ которой онъ былъ старшимъ ребенкомъ, всѣми любимымъ; всѣ его до сихъ поръ обожали, холили, баловали, цѣловали и вдругъ онъ очутился среди двухъ, трехъ сотенъ молодчиковъ, если и обращавшихъ на него какое либо вниманіе, такъ только для того, чтобы въ глаза надъ нимъ насмѣхаться или зло подшутить надъ нимъ.

Какъ! — думалось ему—никто не протянулъ и не пожалъ мнѣ даже руки! Неужели они не видятъ, что я въ ужасномъ огорченіи; что я вспоминаю и горюю о своей милой мамѣ и дорогомъ отцѣ! Ему постоянно хотѣлось плакать, но стыдно было и онъ всѣми силами удерживался. Первый разъ въ жизни легъ онъ спать безъ нѣжнаго поцѣлуя родителей, послѣ котораго такъ сладко спится и никто не сочувствовалъ его горю. Да мало

того, что никто его не пожалѣлъ, всѣ его толкали, смѣялись надъ нимъ, относились грубо, осыпали его угрозами и даже колотили. Забывая, что и съ ними вначалѣ при поступленіи, хотя день или два, было то же самое, всѣ эти мальчуганы, въ которыхъ онъ раньше рассчитывалъ найти себѣ друзей или, по крайней мѣрѣ, добрыхъ товарищей, наперерывъ другъ предъ другомъ насмѣхались надъ его печальнымъ, запуганнымъ видомъ, надъ растерянностью этого выпавшаго изъ гнѣзда птенчика, такъ внезапно попавшаго въ ихъ шумную толпу.

Да развѣ эти злые мальчуганы никогда не знали отца и матери?—спрашивалъ онъ себя мысленно.

Они играли, смѣялись, дрались между собою. Самымъ сильнымъ доставляло большое удовольствіе сдѣлать такъ, чтобы больно было слабѣйшимъ. Маленькіе не знали куда спрятаться, сталкиваясь съ большими. Вотъ чѣмъ въ глазахъ его оказывалась школа и это должно было такъ продолжаться цѣлыхъ шесть лѣтъ!

Маленькій новичекъ чувствовалъ себя навсегда погибшимъ въ этой ужасной средѣ, точно полевой цвѣтокъ, попавшій въ бурный потокъ. Онъ дрожалъ въ классѣ, дрожалъ во время рекреационныхъ часовъ; вмѣсто того чтобы ночью спать, онъ плакалъ и все же находилъ тогда свое существованіе сноснымъ, такъ какъ онъ плача могъ думать о своей дорогой мамѣ, которая теперь навѣрное тоже плачетъ, вспоминая о немъ; даже отецъ его и тотъ не выдержалъ, боясь разрыдаться, прощаясь съ нимъ. Онъ вспомнилъ, что отецъ попрощался съ нимъ въ послѣднюю минуту только взглядомъ.

Несомнѣнно, что это бѣдное дитя заслуживало полного сожалѣнія. Кто изъ насъ не помнитъ первыхъ сердечныхъ ранъ? Эти первыя страданія ранней молодости никогда не забываются тѣми, кто умѣлъ сохранить чистоту душевную.

Его маленькая душа, разрываясь отъ страданія, изливаясь въ трогательныхъ молитвахъ, произносимыхъ едва слышнымъ шопотомъ въ тиши ночной. Онъ шепталъ:

Папа! Мама! О Боже мой!... и со слезами на глазахъ за-сыпалъ, глубоко вздыхая.

Первое сочиненіе.

Однажды утромъ онъ проснулся въ большемъ смущеніи. Это былъ день, назначенный для представленія перваго сочиненія; будетъ разсмотрѣно и опредѣлено какія изъ нихъ хороши и какія плохи.

Съ замираніемъ сердца думалъ нашъ новичекъ, какъ важно для него будетъ это первое испытаніе.

Надо было составить сочиненіе на латинскомъ языкѣ.

Дома подготовлялъ его отецъ и занятія были скорѣе удовольствіемъ нежели работой. Онъ уже свободно переводилъ авторовъ, соответствующихъ тому классу, въ который онъ поступилъ въ Парижѣ и не разъ попечитель школы въ его родномъ городѣ, разсматривая показываемыя работы, говорилъ отцу: — Маленькій Жакъ будетъ дѣлать хорошіе успѣхи; онъ сдѣлаетъ честь нашему городу; вамъ можно будетъ помѣстить его въ пятый классъ и вы увидите, что онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

Бѣдный маленький Жакъ! Когда продиктована была тема на заданное сочиненіе, надо было видѣть какъ онъ обдумывалъ ее. Задача парижская—думалось ему,—это не то что задачи отцовскія, исполняемыя имъ легко и шути. О нѣтъ!

Онъ старался сосредоточиться, напрягалъ всѣ умственныя способности, думая только объ одномъ, что надо написать хорошее сочиненіе и въ концѣ недѣли доставить матери удовольствіе, извѣстивъ ее о хорошей отмѣткѣ за прилежаніе.

Его голова горѣла. Эдипъ, выслушавъ загадки Сфинкса,

не напругай такъ своихъ умственныхъ силъ, какъ Жакъ передъ своей задачей.

Онъ принялся за работу.

Сосѣдъ его съ правой стороны, поглядывая на него плутовски и насмѣшливо, и замѣчая, что онъ сильно углубился въ свое дѣло, толкнулъ его подъ руку. Жакъ, полагая, что онъ беспокоитъ его локтемъ, прижалъ локоть какъ можно ближе къ себѣ и весь съежился, чтобы занять возможно меньше мѣста. Но сосѣдъ не унимался, продолжая толкать и не разъ и не два, а десять разъ. Жакъ ограничивался только тѣмъ, что каждый разъ изумленно взглядывалъ на него своими большими голубыми глазами.

Злой сосѣдъ, нисколько не обезоруженный такимъ терпѣніемъ товарища, придумалъ уже другое. Выдернулъ изъ рукъ Жака перо, такъ что вымазалъ ему чернилами пальцы; вслѣдъ затѣмъ онъ спряталъ его чернилицу; послѣ того бросилъ въ сторону словарь и, наконецъ, раздосадованный невозмутимостью Жака, разорвалъ первую страницу написаннаго имъ сочиненія.

— Прошу васъ — сказалъ ему тогда Жакъ умоляющимъ голосомъ, — не мѣшайте мнѣ работать я хочу получить хорошую отмѣтку, чтобы доставить удовольствіе моей мамѣ.

Безжалостный мальчишка, къ которому обращена была эта трогательная просьба, вызвавшая бы слезы у взрослого человѣка, отвѣчалъ на это грубыми и пошлыми насмѣшками.

— Доставить удовольствіе мамѣ! Ахъ, какъ онъ глупъ! Да какія же тутъ могутъ быть мамы въ школѣ? Да ты бы ужъ и кстати вспомнилъ о своей кормилицѣ!

Такое поруганіе сыновняго чувства вызвало слезы у бѣднаго новичка.

Наставникъ, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за пятьюдесятью учениками, что представляется задачей безусловно невозможной и непосильной, отчасти обратилъ вниманіе на происходившую сцену, но не понялъ въ чемъ тутъ дѣло. Онъ счелъ нужнымъ подвергнуть

наказанію какъ одного такъ и другого, опасаясь, бѣроятнo, ошибки въ выборѣ дѣйствительно виновнаго.

Хотя наказаніе было чрезвычайно легкое, на которое опытный ученикъ не обратилъ бы вниманія, но бѣдный Жакъ пришелъ въ ужасъ: первый разъ въ жизни ему пришлось быть подвергнутымъ наказанію, а между тѣмъ оно было совершенно не заслужено. Онъ сознавалъ, что наставникъ ошибся. Но какъ убѣдить его въ этомъ?

— Я хочу—сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ, — чтобы ты признался наставнику, что ты виноватъ, а не я.

На это ему нагло возразилъ дерзкій сосѣдь:

— Виноватъ тотъ, кто попался! Если бы ты не разрюмился какъ баба, наставникъ ничего бы не замѣтилъ. Черезъ тебя и я наказанъ; ну, подожди же, выйдемъ изъ класса, я тебѣ покажу!

При этомъ онъ пригрозилъ кулакомъ.

Жакъ совсѣмъ потерялъ голову; онъ сознавалъ, что приобрѣлъ себѣ врага; явился нѣкто, который не только его не любилъ, но стремился отомстить ему, чувствуя къ нему злобу и этотъ нѣкто былъ его ближайшій сосѣдь, съ которымъ въ теченіи цѣлаго года надо было два раза въ день цѣлые часы сидѣть бокъ-о-бокъ. Сердце Жака при этой мысли болѣзненно сжалось: онъ созналъ новый родъ огорченія, сжимающее сердце вмѣсто того чтобы дѣлать его открытымъ, воспримчивымъ; это его глубоко огорчило.

Понятно, съ этой минуты въ головѣ его все перепуталось и онъ не въ силахъ былъ сосредоточиться на заданной темѣ. Слова, подыскиваемые имъ въ словарѣ никакъ не могли удержаться въ его памяти; тѣмъ не менѣе онъ окончилъ свое сочиненіе, но вопросъ въ томъ, въ какомъ оно было видѣ? Представляя его вмѣстѣ съ другими учениками наставнику, онъ сознавалъ вполне, что оно далеко не то, чѣмъ бы должно быть и чѣмъ онъ стремился его сдѣлать.

Его маленькій сосѣдь выполнилъ свое обѣщаніе: какъ только вышли изъ класса, онъ напалъ на него. Жакъ, не будучи трусомъ, смѣло выдержалъ нападеніе, давъ

надлежащій отпоръ, но опасаясь нанести поврежденія своему противнику, въ особенности привыкнувъ съ уваженіемъ относиться къ человѣческому лицу и не касаться его, онъ своею сдержанностью далъ возможность побѣдить себя.

Легкая побѣда надъ Жакомъ была триумфомъ для его противника. Она имѣла многихъ свидѣтелей, прославлявшихъ побѣдителя съ такимъ восторгомъ какъ будто это была ихъ личная побѣда. Остерегайтесь еще и въ школѣ этихъ друзей побѣдителя. Это не трусы, но подлые люди и въ самомъ постыдномъ значеніи этого слова.

— Что я имъ сдѣлалъ?—думалось Жаку.—Они меня не влюбили? Но за что-же? Какъ бы я ихъ охотно любилъ, если бы они были добры и относились ко мнѣ дружески! Когда я былъ на родинѣ, всѣ въ домѣ нашемъ и всѣ товарищи въ школѣ меня очень любили.

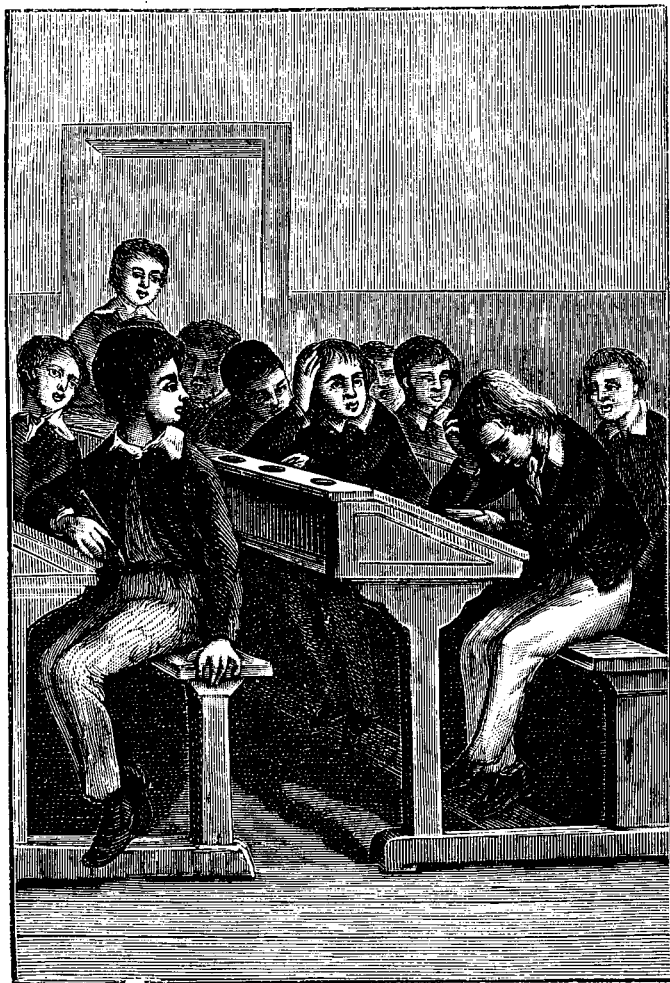
М ѣ с т а.

Наступилъ день день назначенія мѣсть. Въ этомъ отдѣленіи школы было пятьдесятъ учениковъ.

Фамилія Жака долго не провозглашалась. Можетъ быть наставникъ затерялъ его сочиненіе? Нѣсколько минутъ Жакъ это предполагалъ. Но, увы, тотчасъ убѣдился въ противномъ. Фамилія Жака была произнесена, но оказалась послѣдней изъ произнесенныхъ и встрѣчена была насмѣшливымъ шопотомъ. Въ одну минуту глаза всѣхъ обратились въ сторону Жака; ему хотѣлось въ это мгновеніе провалиться сквозь землю или быть за сто верстъ отсюда. Смерть, мгновенная смерть, казалась ему легче!

— Мама, мама! — вскричалъ онъ и зарыдалъ. Большинство товарищей смѣялось. Сосѣдь его, оказавшійся предпослѣднимъ, смотрѣлъ торжествующе.

Провозглашение его фамилии вызвало насмѣшливый шопотъ.

Я сказалъ большинство товарищей, потому что дѣйствительно были такіе, которые не смѣялись надъ его слезами, въ особенности одинъ изъ нихъ былъ глубоко тронутъ отчаяніемъ Жака. Это какъ разъ былъ тотъ, кому досталось первое мѣсто. Тѣ, кого счастье смягчаетъ, дѣлая добрѣе и ласковѣе, по истинѣ добрые люди. Однимъ изъ такихъ былъ первый ученикъ Альбертъ.

Жакъ былъ маленькій блондинъ, слабого и хрупкаго сложенія, блѣдный и съ такими нѣжными чертами лица, что его сосѣдъ, въ насмѣшку, прозвалъ его: «барышня».

Альбертъ былъ брюнетъ, крѣпкаго сложенія и съ энергичнымъ выраженіемъ лица. Его очень любили и, что еще лучше, весьма уважали въ классѣ.

Случайно онъ сидѣлъ какъ разъ противъ Жака и еще нѣсколько дней тому назадъ обратилъ вниманіе на сидѣвшаго противъ него новичка. Его кротость, чрезвычайно грустное выраженіе лица, расположили Альберта въ пользу Жака, хотя онъ ничѣмъ это до сихъ поръ не высказывалъ.

Внезапное отчаяніе Жака, его возгласъ: Мама, мама!—разсмѣшившій другихъ, затронули за живое его сердце. Тотчасъ онъ вспомнилъ о своей матери, которую обрадуетъ успѣхъ его; ему пришло на мысль, что тотъ, кто такъ опечаленъ огорченіемъ матери, вслѣдствіе неуспѣховъ сына, несомнѣнно добрый, хорошій человѣкъ. Альбертъ схватилъ клочекъ бумаги и быстро нацарапалъ на немъ слѣдующія слова:

— Не плачь. Два года тому, назадъ когда я поступилъ въ школу, я былъ такой же какъ и ты и съ первымъ моимъ сочиненіемъ случилось то же самое, что съ твоимъ. Я оказался послѣднимъ, но не впалъ въ отчаяніе и, начавъ работать какъ волъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того сдѣлался первымъ ученикомъ, какимъ состою и теперь. Повѣрь мнѣ, что и ты добьешься того же самаго. Я буду твоимъ другомъ; въ воскресенье ты отправишься къ намъ въ домъ; я напишу объ этомъ отцу. Мама моя тебя полюбитъ и я также буду любить тебя. Что касается твоего сосѣда, будь покоенъ, когда онъ увидитъ, что мы подружались, онъ побережется и не

позволить себѣ тебя мучить. Онъ мальчишкѣ плохой и, по-моему, лучше имѣть въ немъ врага, а не друга.

Вы, быть можетъ, подумаете, что эта записочка разомъ осушила глаза Жака и онъ пересталъ плакать? Совсе нѣтъ. Волненіе его было такъ сильно когда онъ пробѣжалъ записочку, что онъ низко опустилъ свою русую голову на сложенные руки и почти пять минутъ сидѣлъ неподвижно, точно замеръ или уснулъ.

Многіе полагали, что онъ опустилъ такъ низко голову отъ стыда. Совсе нѣтъ; онъ уже забылъ о своемъ неуспѣхѣ. Это были уже слезы радости. Сердце его ликовало; онъ плакалъ надъ драгоценнымъ клочкомъ бумаги, прижимая его къ губамъ какъ священный лоскутокъ, возвратившій его къ жизни. Эти нѣсколько строкъ зажгли въ душѣ его чудное пламя дружеской любви, озаряющей начало дѣтской жизни какъ свѣтлая заря, предвѣщающая ясный день. Въ глазахъ Жака, Альбертъ казался какимъ то героемъ. Жакъ плакалъ, но какъ сладки, какъ радостны были эти слезы! Когда онъ подвигалъ голову, его влажные глаза сіяли нѣжнѣйшей лаской; его благодарный взглядъ до глубины сердца тронулъ его новаго пріятеля. Альбертъ понялъ въ одномъ этомъ взглядѣ, до какой степени удачно выбралъ себѣ друга. Его доброе лицо засіяло счастьемъ.

Рекреационный часъ, еще сегодня утромъ казавшійся Жаку такимъ ужаснымъ, наконецъ наступилъ. Жакъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ этотъ благословенный для него часъ.

Тотчасъ по выходѣ изъ класса, мальчишки жали другъ другу руки. Выйдя во дворъ, они поцѣловались. Жакъ былъ счастливъ: теперь онъ уже не былъ одинокимъ, теперь онъ имѣлъ друга, брата, поддержавшаго и укрѣпившаго его, какъ старшій братъ младшаго, защищающій его отъ злыхъ и пріобрѣтающій ему любовь добрыхъ и возвратившій ему силу и бодрость духа.

Все, что предсказывалъ Альбертъ, вполнѣ оправдалось. Гораздо ранѣе конца года, Жакъ, въ свою очередь, сдѣлался первымъ ученикомъ, а Альбертъ оказался вторымъ. Жакъ чувствовалъ себя смущеннымъ, но Альбертъ былъ

такъ доволенъ, что имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ одержалъ блестящую побѣду. Альбертъ и Жакъ вмѣстѣ окончили курсъ. Друзья и соперники въ одно и то же время, они дѣлили между собою всѣ награды за ученіе и, окончивъ образованіе, оставались глубоко преданными друзьями, помогая другъ другу по первому призыву.

Исторія эта случилась много лѣтъ тому назадъ и изъ двухъ друзей остался въ живыхъ одинъ, . рассказавшій мнѣ ее. А другой, увы, добрый Альбертъ покинулъ своего друга, переселившись въ другой міръ. Впрочемъ, что же я говорю покинулъ. Нѣтъ, тотъ кого мы любили, тотъ кто оставилъ намъ такъ много хорошихъ о себѣ воспоминаній, тотъ насъ не покидаетъ, но всегда остается около насъ, а нашъ милый дорогой Альбертъ оставилъ о себѣ много хорошихъ воспоминаній и не только въ другѣ своемъ Жакѣ, но и во всѣхъ товарищахъ, которымъ быть можетъ эти строки попадутся на глаза.

Я увлекся этими воспоминаніями, пришедшими мнѣ такъ кстати на помощь для доказательства правильности моихъ доводовъ относительно школьныхъ успѣховъ. Недурно будетъ, если дѣти будутъ помнить, что воспоминанія школьной жизни неизгладимы и въ той массѣ впечатлѣній, скопляемыхъ въ битвѣ жизни, эти воспоминанія быть можетъ ярче и свѣжѣе другихъ.

Если нѣкоторымъ, чувствующимъ расположеніе къ мелодрамѣ, исторія эта покажется немного наивной, тѣмъ хуже для нихъ. Меня мало смущаютъ пятнадцатилѣтніе скептики и сильные умы. Не говоря уже о томъ, что они гораздо менѣе сильны, чѣмъ о себѣ воображаютъ, они, кромѣ того, лучше въ дѣйствительности, чѣмъ кажутся. Теперь они знаютъ, что Альбертъ и Жакъ оба были славными ребятами. Они знаютъ, что *первый* и *последній* могутъ стоять другъ друга и знаютъ также, что какъ первый, такъ и послѣдній, могутъ догнать и перегнать другъ друга, а *встрѣтившись* другъ съ другомъ *содиниться*. Словомъ, они теперь знаютъ все то, съ чѣмъ я хотѣлъ ихъ познакомить.

Первое оружіе.

Остроуміе.

реди всѣхъ разумныхъ проявленій, остроуміе представляется наиболѣе требующимъ такта, вкуса и вслѣдствіе того зрѣлости.

Недостаточно быть остроумнымъ; надо умѣть быть острымъ.

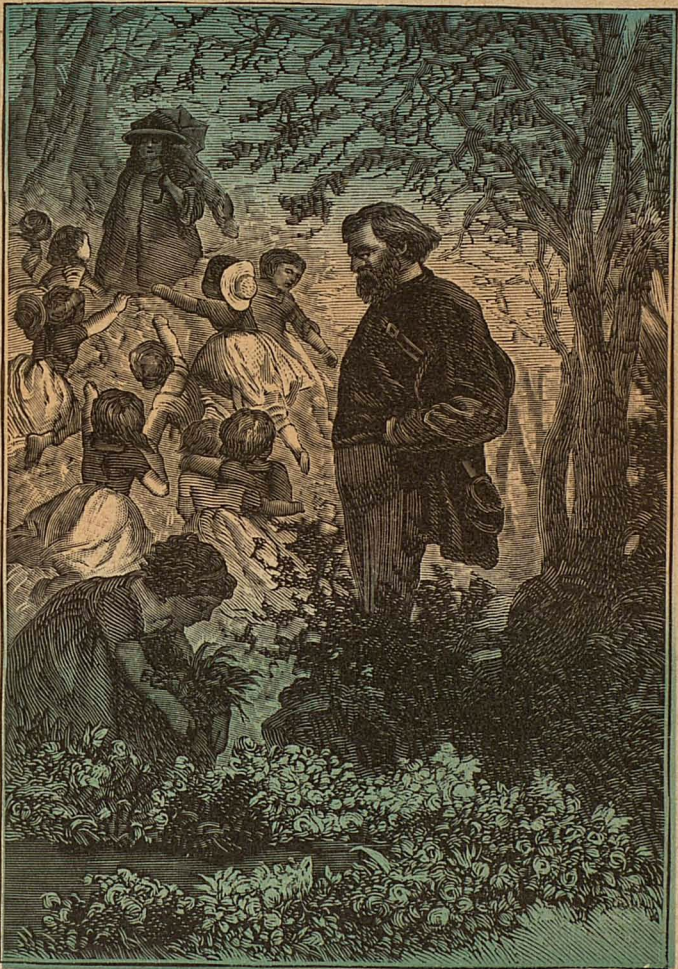
Умъ можетъ быть и достоинствомъ и недостаткомъ, смотря потому какъ имъ пользуются.

Это оружіе, дѣлающееся иногда опаснымъ; имъ не слѣдуетъ пользоваться вкривь и вкось, кстати и не кстати; его дѣйствіе и тайны надо сначала изучить основательно, прежде чѣмъ имъ свободно пользоваться.

Въ молодые годы остроуміе почти всегда имѣетъ признаки недостатка.

Оно похоже на бичъ, черезчуръ рано вложенный въ дѣтскія руки, не умѣющія соразмѣрять ударъ и пользующіяся имъ тогда, когда не нужно; желающія только поиграть, а между тѣмъ наносящія рану и большей частью задѣвающія то, чего затронуть не хотѣли.

Проявленія остроумія въ очень молодыхъ людяхъ заключаютъ въ себѣ что то такое вызывающее, несвоевременное и грубое, отъ чего надо остерегаться какъ отъ черезчуръ рѣзкихъ проявленій необузданной рѣзвости молодыхъ Ньюфаундлендскихъ собакъ. Они скачутъ какъ и куда попало, они фамиліарны и жестоки, почти дики и иногда такъ порывисты, что въ рѣдкихъ случаяхъ дѣло обходится безъ поврежденій. Я прекрасно знаю, что

Какъ не свернуть съ дороги когда васъ зоветъ прелестная
маргаритка.

Къ стр. 210.

остроуміе пятнадцатилѣтняго существа только испытываетъ свои зубы, стремясь убѣдиться умѣетъ ли оно кусаться; но такъ какъ оно не знаетъ еще степени своей силы, ни степени чувствительности кожи, которую захватываетъ, ему, чаще чѣмъ хотѣлось бы, приходится оторвать кусокъ кожи, или нанести рану въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вовсе этого не хотѣлъ, а только имѣлъ въ виду похвастать своими маленькими клыками.

Первыя проявленія юношескаго остроумія напоминаютъ первые уроки въ залѣ фехтованія, всегда опасныя учителю.

Рапира, разумѣется, съ шарикомъ на остріѣ, но игра такая оживленная, такъ быстра, такъ порывиста, что шарикъ легко можегъ соскочить и если бы учитель не имѣлъ налечника и нагрудника, онъ весьма скоро сдѣлался бы жертвой своихъ добросердечныхъ, но черезчуръ увлекающихся учениковъ.

Эти первыя схватки, это первое скрепчиваніе оружія изумительно нравится тѣмъ, кто предполагаетъ въ себѣ большія воинственныя наклонности. Принимая увлеченіе какъ доказательство прирожденной склонности, они всегда въ воинственномъ настроеніи и всю свою жизнь отражаютъ удары, никѣмъ не наносимые, а только воображаемые и неожиданно нападаютъ на людей, которымъ и въ голову не приходила необходимость отражать нападеніе.

Они воображаютъ себя весельчаками, а между тѣмъ они только задорны; воображаютъ себя шаловливыми и между тѣмъ они просто язвительны; воображаютъ себя насмѣшливыми, а они прямо дерзки.

Печальнѣе всего то, что они большей частью первыя пробы своего оружія производятъ надъ тѣми, кто ихъ больше другихъ любитъ, отецъ, мать, братья, сестры, друзья—все это служитъ всегда первыми жертвами нетерпѣливыхъ проявленій этого задора слишкомъ молодыхъ пѣтуховъ.

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что удобнѣе и безопаснѣе какъ выказать всю свою отвагу по отношенію къ противнику, котораго вамъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній опасаться? Что легче какъ ударить

со всей силы по тому сердцу, въ вѣрности котораго исполнѣ увѣренъ? Очень нетрудно причинить зло только другимъ, наносить удары съ увѣренностью не получить удара въ отвѣтъ; фехтоваться съ тѣмъ, кто васъ щадить и, словомъ, дѣлать расходы въ полной увѣренности, что по счету заплатить не придется.

Но что прикажете дѣлать? Когда вы одержимы воинственнымъ задоромъ, вамъ непремѣнно надо воевать; разъ существуютъ когти, слѣдовательно непремѣнно надо пустить ихъ въ дѣло. А на комъ же ихъ испробовать какъ не на тѣхъ, кто къ вамъ поближе?

Слѣдовательно первыя проявленія дурныхъ наклонностей совершаетъ юношество по отношенію къ тѣмъ, кто его больше всего любитъ, а юность всегда безжалостна, потому что дѣйствуетъ необдуманно и порывисто.

Сколько мнѣ пришлось видѣть матерей, нѣжныхъ и безупречныхъ, получившихъ жесточайшіе удары прямо въ грудь, прямо въ самое сердце; эти удары были невинные, но тѣмъ не менѣе страшно жестокіе и нанесены ребенкомъ, вскормленнымъ ихъ грудью. Какъ много я видѣлъ матерей, смертельно блѣднѣвшихъ вслѣдствіе этихъ ударовъ, но въ то же время нечеловѣческимъ, дивнымъ усиліемъ, скрывавшихъ свое страданіе и отвѣчавшихъ на ударъ нѣжной улыбкой и поцѣлуемъ!

Ахъ милыя, дорогія дѣти! Какъ часто они безжалостны, безчеловѣчны, нисколько этого не подозревая! Какими бывають палачами эти остроумныя дѣтишки, будь имъ пятнадцать мѣсяцевъ или пятнадцать лѣтъ отъ роду, такъ какъ возрастъ въ этомъ случаѣ безразличенъ!

Но погодите, имѣйте терпѣніе; наступитъ рано или поздно день торжества матери. Дитя, сдѣлавшись взрослымъ, вдругъ неожиданно, какъ бы въ первый разъ въ жизни, всмотрится въ изможденное лицо матери, въ ея потухающіе глаза, когда то такіе ласковые, нѣжные, вспомнить и пойметъ въ нѣсколько мгновеній всю свою жизнь въ дѣтствѣ и сознаетъ до какой степени, увѣренный въ безграничной любви матери, онъ былъ безжалостенъ и жестокъ въ своемъ безграничномъ эгоизмѣ.

Старайтесь, чтобы отвѣтъ матери не былъ для васъ слишкомъ тягостный. Старайтесь, чтобы она, забывъ все дурное въ васъ, помнила только хорошее и могла бы отвѣтить на ваше раскаяніе:

— Благословляю тебя, дитя мое; да, я смѣю сказать, что была хорошей, доброй матерью, но успокойся, ты тоже былъ хорошимъ, добрымъ ребенкомъ!

Печально сознавать, что первое сердце, которое человеку суждено разрывать на части, это неизбѣжно сердце матери!

Уваженіе.

Воспоминаніе о днѣ, проведенномъ въ
Вогезскихъ горахъ.

Почти два года тому назадъ я посѣтилъ пансіонъ Пети-Шато, оставившій во мнѣ много хорошихъ воспоминаній. Если когда либо мнѣ хотѣлось быть маленькой дѣвочкой, то несомнѣнно въ этотъ день. Но, къ сожалѣнію, подобныя желанія неосуществимы, такъ какъ мы не живемъ во времена фей и волшебная палочка годна теперь только для выбиванія пыли изъ платья. Въ силу этого, посѣтивъ пансіонъ, я вынужденъ былъ сохранить свое скверное положеніе мужчины.

Однако я долженъ сознаться, что все возможное было сдѣлано для того, чтобы сдѣлать мое положеніе сноснымъ. Мнѣ приготовили сюрпризъ и къ моему пріѣзду устроенъ былъ маленькій праздникъ, о которомъ забыть трудно. Я былъ такъ находчивъ, что пріѣхалъ въ праздничные дни и въ такую чудную погоду, которую нельзя не признать лучшей погодой въ году.

Программа праздника заключалась въ прогулкѣ пѣшкомъ въ этой прелестной сторонкѣ Вогезовъ, которую умѣлый декораторъ помѣстилъ какъ разъ противъ Пети-Шато, съ очевидной цѣлью угодить пятидесяти дѣвоч-

камъ и дѣвицамъ, поступающимъ къ мадемуазель Верене не только для того, чтобы сдѣлаться образованными, но и для того, чтобы сдѣлаться добрыми и любезными. Путешествіе, предполагаемое въ теченіе цѣлаго дня, прерывалось обѣдомъ подъ вечеръ среди скалъ. Какъ мнѣ сказали, милосердный Богъ устроилъ тамъ такую великолѣпную столовую, повидимому для потребностей Пети-Шато, что они признаютъ долгомъ пользоваться этимъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Два добрыхъ осла, старые друзья пансіона, не отказались снести на своихъ спинахъ въ этотъ дивный уголокъ всю провизію, необходимую для предполагаемаго обѣда на чистомъ воздухѣ

— Ахъ, какая же это была веселая прогулка! До самаго обѣда, мнѣ все казалось, что я путешествую, сопровождаемый роемъ веселыхъ пчелокъ. Мои маленькіе друзья въ числѣ отъ сорока до пятидесяти дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ не шли, а порхали; они не говорили, а громко и весело жужжали дружнымъ хоромъ. Явственно слышалось въ этомъ хорѣ только одно: «все прекрасно, мы рады жить на свѣтѣ!» Ихъ маленькія ножки, казалось, обладали крыльями, и надо признаться, что полетъ этого роя отличался замѣчательной невправильностью. Ничего не было общаго съ движеніемъ старой гвардіи: правильность рядовъ нарушалась ежеминутно. Постоянно число застрѣльщикова было несравненно значительнѣе центра арміи, состоявшаго почти исключительно изъ меня, Жака Масэ и m-lle Верене. Но позвольте же васъ спросить, можно ли въ этомъ кого либо обвинять? Ну какъ же возможно не свернуть съ дороги, когда гоняешься за хорошенькой бабочкой? Какъ воздержаться отъ искушенія, когда васъ любовно зоветъ къ себѣ прелестная маргаритка, или манитъ голубой василекъ? Въ силахъ ли вы будете не выступить изъ рядовъ, когда яркій, точно заревомъ объятый полевой макъ, громко кричитъ вамъ: «приди, сорви меня, я буду украшеніемъ твоего букета».

Лучшимъ доказательствомъ постоянного дезертированія изъ рядовъ арміи было то, что самый крошечный

солдати́къ оказался обладателемъ основательнаго букета. Когда пришлось, пройдя долину, подниматься на гору, общимъ совѣтомъ былъ порѣшенъ важный вопросъ. Въ рукахъ у всѣхъ было слишкомъ много цвѣтовъ. Очевидное дѣло, что взбираться на гору было бы болѣе чѣмъ неудобно съ цвѣтами; такъ какъ содѣйствіе рукъ неизбѣжно. Въ силу этого всѣ букеты были установлены въ полномъ порядкѣ на берегу ручья, стебельками въ водѣ окруженные травой и листьями такъ что въ нѣсколько минутъ образовался великолѣпный цвѣтникъ.

Когда мы всѣ вслѣдъ за ослами добрались до мѣста, назначеннаго для обѣда, уголокъ этотъ оказался совершенно заслуживающимъ признанной за нимъ славы.

Вскорѣ я сдѣлалъ замѣчательное наблюденіе по естественной исторіи: а именно я открылъ, что у пчелъ имѣются зубы. Въ теченіи почти получаса жужжаніе безусловно прекратилось и слышенъ былъ только звонъ вилокъ и исправно работали зубки. Первый приступъ былъ необычайно сокрушительнъ для привезенной провизіи. Мясо, куры исчезали точно волшебнымъ образомъ и громадный запасъ хлѣба исчезъ подъ натискомъ атакующей арміи. Затѣмъ, такая же участь постигла пирожки и пирожное и, наконецъ, фрукты. Тогда только снова начались разговоры и мои пчелки превратились въ птичекъ. Насытившись, онѣ уже не жужжали, а щелбета́ли. Звучный, громкій смѣхъ раздавался со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ вся веселая толпа вскрикнула въ одинъ голосъ:

— Танцовать!

— Съ цѣлью отдохнуть, онѣ вздумали танцовать!— сказала намъ добрая *m-lle* Верене.

— А что же, можетъ, онѣ и правы, будемъ тоже танцовать, вѣдь мы также устали,—шутливо замѣтилъ, обращаясь ко мнѣ Жанъ Масэ.

Весело и шумно все запрыгало, пѣло и танцевало. Пѣли по-французски, по-нѣмецки и по-англійски. Вся окрестность оживилась и, казалось, пѣла и танцевала вмѣстѣ съ нами. Съ горъ и скалъ раздавалось эхо и

Холодная говядина, куры, фрукты исчезали какъ бы по волшебству.

точно кричало намъ *bis* и *bravo*. Природа вмѣстѣ съ нами правдновала воскресный день.

Я мысленно сравнивалъ эту прогулку дѣвочекъ съ нашими школьными прогулками мальчиковъ. Сознаюсь, сравненіе было далеко не въ пользу мужского пола. Оно очень шутливо, очень крикливо и даже, можно сказать, грубо веселье мальчиковъ. Весьма часто кончается ссорами и слишкомъ часто бываетъ, что большіе смѣются, а маленькіе плачутъ. Почти всегда рукамъ черезчуръ большая воля дается. Какая разница съ этими нѣжными и милыми играми дѣвочекъ. Прошу извиненія у господъ мальчиковъ, но смѣло скажу, что забавы барышень во сто разъ граціознѣе и пріятнѣе забавъ мальчиковъ и главное: ихъ веселье никого не заставитъ плакать.

Поясню это маленькимъ примѣромъ. Въ числѣ этой пестрой, веселой компаніи была восьмилѣтняя дѣвочка *m-lle* Фрида, нѣмочка изъ Штудгарга, очень смѣшно произносявшая французскія слова на нѣмецкій ладъ, такъ что часто выходили забавныя двусмысленности.

Вотъ эта *m-lle* Фрида, пухленькая, очень толстая дѣвочка споткнулась и покатила по довольно крутому склону. Что сдѣлали бы въ этомъ случаѣ мальчики? Они смѣялись бы эти безсердечные и на упавшаго набросали бы цѣлую кучу другихъ мальчиковъ, послабѣе себя.

Совсѣмъ иначе поступаютъ дѣвочки. Тотчасъ къ упавшей Фридѣ протянулось двадцать дружескихъ рукъ; быстро подняли, очищали и оправляли платье; проворныя ручки мгновенно привели въ порядокъ весь туалетъ. Одна оправила передникъ, другая завязывала развязавшіяся ленты и поясъ, а третья, изъ старшихъ, четырнадцатилѣтняя брюнетка, разыгрывавшая роль мамыши, вынула изъ кармана гребешокъ и, поставивъ Фриду предъ собою на колѣни, оправляла и причесывала ей спутавшіяся при паденіи волосы.

У Фриды были очень густые, роскошные волосы золотистаго цвѣта, видимо тяжелые для ея маленькой головки. Я шутя предложилъ ей помѣниться съ монни весьма негустыми волосами, чтобы облегчить ея головку.

Одна изъ старшихъ привела въ порядокъ ея волосы.

— Однако, мосье Сталь,—возразила мнѣ расчесывавшая Фриду м-лле Люси, парижанка съ очень черными глазами, дочь богатаго парижскаго банкира—вы предлагаете выгодную для себя сдѣлку; вѣдь это значило бы обмѣнять ваше серебро на золото!

— Такъ что же, мадемуазель? Вѣдь были очень цѣнныя вещи изъ оксидированнаго серебра и мода на нихъ можетъ снова возвратиться.

— Подождемъ пока возвратится—возразила м-лле Люси, нѣтъ надобности спѣшить пріобрѣсти сѣдые волосы.

— Не говорите ничего дурнаго о сѣдыхъ волосахъ,—вмѣшалась въ разговоръ хорошенькая англичанка м-лле Мэри,—у моего папы сѣдые волосы и такіе прелестные, что всегда хочется ихъ поцѣловать.

— О!—возразила м-лле Люси—у моего папы тоже красивые сѣдые волосы и это, дѣйствительно, очень красиво, но только на головѣ отца.

Въ эту минуту въ разговоръ вмѣшался Жанъ Масэ:

— Да полно ужъ, перестань!—воскликнулъ онъ.— Охота тебѣ смущать нашихъ милыхъ дѣточекъ. Онѣ совершенно правы: хорошо все на своемъ мѣстѣ!

Словомъ, пришлось и мнѣ выслушать правоученіе. А въ Бебленгеймѣ для всякаго возраста найдется правоученіе.

Мы продолжали шутить и смѣяться. Однако веселый праздникъ не обошелся и безъ ужаснаго происшествія.

Когда мы подошли къ ручью, чтобы забрать оставленные тамъ букеты, можете себѣ представить какъ мы были поражены, когда увидѣли, что ихъ уже тамъ не существовало, а около того мѣста, гдѣ ихъ помѣстили, преважно лежали двѣ толстыя коровы. Ясно было, что госпожи коровы изволили скушать всѣ наши букеты.

Нѣсколько секундъ веселая публика стояла какъ бы въ ошолобѣннѣи, но тотчасъ же раздалось нѣсколько головъ:

— Не бѣда! Нарвемъ поскорѣе другіе букеты. Мы хорошо пообѣдали, надо же и коровкамъ покушать.

— Зато же какое чудное молочко у нихъ будетъ,—

подхватила Фрида.—Вѣдь подумайте—изъ однихъ только цвѣтовъ!

День пролетѣлъ точно часъ. Солнце уже собиралось скрыться за горами. Лучи его золотили только вершины. Веселый рой направился къ улью. Дорогой усердно рвали цвѣты и составляли букеты, такъ что, возвратясь домой, всѣ запаслись большими букетами. Даже я и Жанъ Масэ оказались обладателями превосходныхъ и большихъ букетовъ. Замѣтивъ, что мы очень неохотно нагибались за цвѣтами, милыя барышни всѣ, соединенными силами, а въ особенности миссъ Мэри m-ле Люси и толстенькая Фрида позаботились о насъ.

Вы, пожалуй, вообразите себѣ, что тѣмъ дѣло и кончилось и развлеченію нашему наступилъ конецъ. Нѣтъ, ошибаетесь. Возвратившись, моимъ глазамъ представилась прекрасная афиша, приклеенная сургучемъ къ окну, позади котораго горѣли двѣ свѣчи.

Афиша эта возвѣщала, что день окончится большимъ театральнымъ представленіемъ въ честь мою, въ которомъ должны были принять участіе всѣ лучшія артистическія силы Пети-Шато. Спектакль состоялъ изъ пьесы, а рикшеты, одной изъ классическихъ пьесъ Бебленгеймскаго репертуара, написанной авторомъ Исторіи кусочка хлѣба, Сказокъ и Театра Пети-Шато. Кромѣ того, должна была быть поставлена большая опера въ одномъ актѣ, авторъ которой чрезвычайно скромный, бывшая воспитанница Пети-Шато, пожелала остаться неизвѣстной.

Я не дамъ отчета объ этомъ замѣчательномъ вечернемъ представленіи, такъ какъ мнѣ это было воспрещено. Театръ въ Бебленгеймѣ только удовольствіе и упражненіе и никакихъ претензій не имѣетъ стремиться къ извѣстности и славѣ. Пети-Шато не желаетъ сравниться съ Сень-Сиромъ. Здѣсь играютъ только для самихъ себя. Воспитанницы сами артистки и зрители въ одно и то же время, и не допускаютъ посторонней публики. Меня предупредили, что для меня одного сдѣлаютъ исключеніе, причемъ предписали мнѣ вести себя смиренненько, не аплодировать, а въ особенности не свистать!

Вотъ почему, къ великому моему сожалѣнію, я могу позволить себѣ сказать только въ общихъ чертахъ, что маленькіе артисты привели меня въ восхищеніе и что костюмы или, вѣрнѣе сказать, золоченая бумага, играла главную роль и нѣсколько разъ привлекли особенное мое вниманіе своимъ великолѣпіемъ и оригинальностью.

Пьеса была представлена превосходными артистками, изъ которыхъ самой старшей было не болѣе пятнадцати лѣтъ, а самая младшая, m-lle Фрида, въ первый разъ въ жизни выступила на сценѣ. Она играла роль маленькой королевы Венгріи, плохо говорившей по-французски и выполнила роль съ большимъ успѣхомъ.

Всѣ актеры, что весьма рѣдко встрѣчается въ Парижѣ, превосходно выучили свои роли. Г. Масэ, принявшему на себя роль суфлера, вовсе не пришлось что либо суфлировать. Кончилось тѣмъ, что я не выдержалъ и разразился громкими аплодисментами.

Это было противно установленнымъ правиламъ и я опасался, что мнѣ крѣпко достанется отъ m-lle Верене, но, слава Богу дѣло обошлось благополучно. Даже за это неблагоразумное поведеніе, я былъ вознагражденъ очень миленькими реверансами, доказавшими мнѣ, что если публика была восхищена артистами, то и артисты, въ свою очередь, благосклонно отнеслись къ публикѣ.

Послѣ небольшого антракта, во время котораго подавались тартинки, вода съ сахаромъ и вишни, снова поднялась занавѣсъ или, лучше сказать, раздвинулась какъ занавѣсъ алькова и началась опера.

Спора нѣтъ, что хорошо слушать сильные голоса, въ которыхъ звучатъ всѣ ноты общечеловѣческаго оркестра, но надо согласиться, что чувствуется особая прелесть въ молодыхъ звонкихъ, свѣженькихъ голосахъ. Въ глубинѣ души я задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что такого рода звуки скромные, стыдливые, пожалуй, больше нравятся ангеламъ, уносящимъ ихъ охотно къ престолу Всевышняго, чѣмъ сильные, могучіе звуки, безъ посторонней помощи доносящіеся къ облакамъ.

Все шло прекрасно; какъ вдругъ я услышалъ, что

позади меня кто-то проговорилъ тоненькимъ голоскомъ и очень тихо:

— Мнѣ кажется, что у Полины дѣлается насморкъ; она скоро закашляетъ.

О! она еще сегодня утромъ простудилась—отвѣтилъ тихо другой тоненькій голосокъ—она очень боялась за свою большую арію, но не хотѣла сказать объ этомъ мадемуазель, опасаясь этимъ разстроить спектакль.

Мадемуазель Верене несомнѣнно обладала очень тонкимъ слухомъ, такъ какъ этотъ маленькій разговоръ былъ ею услышанъ. Да и, кромѣ того, существуютъ такія особы, наставники, а въ особенности матери, глаза которыхъ все уловяютъ, если даже что либо ускользнетъ отъ слуха. Она сказала:

— Полина, дитя мое, отдохните немного; вамъ сейчасъ принесутъ чашку чая.

Полина тотчасъ прекратила пѣніе и начался антрактъ. Артистки начали болтать между собою, а маленькая королева Венгрии даже попросила одну изъ зрительницъ бросить ей носовой платокъ, о которомъ она не могла позаботиться, въ виду хлопотъ, доставляемыхъ ей поддержкой короны. Со сцены велись разговоры съ зрительной залой:

— А что, хорошо идетъ?

— Да, хорошо.

— Поправь твою мантию.

— Полина, твоя повязка упадетъ.

— Мари, у тебя волосы растрепались.

— Фрида, твоя юбка падаетъ.

Наконецъ принесли чашку чая. Полина осторожно къ ней прикасалась, какъ кошечка, боящаяся обжечься.

— Есть-ли тамъ сахаръ,—спросила m-lle Верене, введенная въ заблужденіе нерѣшимостью Полины.

— Есть, мадемуазель,—отвѣчала Полина, благодаря улыбкой,—только очень горячо.

— Хорошенько подуй, Полина,—посоветовала одна изъ подругъ.

Полина подула, затѣмъ выпила чай и опера возобновилась.

Благодаря помощи, оказанной чашкой чая, большая арія исполнена была восхитительно.

Этотъ инцидентъ съ чашкой чая, чего мнѣ никогда не приходилось видѣть ни въ Большой, ни въ Италіанской операхъ, удивилъ только меня одного. Очевидно было, что въ Бебленгеймѣ это было самое обычное средство и какъ бы вошло въ привычку. Дѣйствительно оно отличалось большой простотой и почему бы ему не пробраться изъ театра Пети-Шато въ театры парижскіе, гдѣ насморковъ больше чѣмъ нужно. Да и наконецъ зачѣмъ допускать, чтобы кошки забирались въ горло пѣвцовъ, когда ихъ такъ легко прогнать оттуда чашкой чая?

Но дѣло въ томъ, что вовсе не объ этомъ слѣдовало вести рѣчь, о чемъ я вамъ рассказывалъ до сихъ поръ, увлекшись моими воспоминаніями объ этомъ пріятно проведенномъ днѣ. Сила въ томъ, что нѣчто, сказанное мнѣ миссъ Мэри, съ которой я васъ познакомилъ, необходимо нужно вамъ сообщить, чтобы перейти къ главному предмету моей бесѣды, къ которой, откровенно сознаюсь, все, до сихъ поръ сказанное, никакого отношенія не имѣетъ. Какъ вамъ извѣстно, миссъ Мэри англичанка. Въ Бебленгеймѣ есть воспитанницы, пріѣхавшія со всѣхъ странъ свѣта и изученіе языковъ отчасти происходитъ тамъ посредствомъ взаимнаго обрученія. Миссъ Мэри только шесть мѣсяцевъ тому назадъ пріѣхала изъ Лондона. Во время спектакля она была моей сосѣдкой и въ антрактахъ мы значительно подружились. Кромѣ того мнѣ кажется, что этому способствовали немало цвѣтъ моихъ волосъ, сходный съ цвѣтомъ волосъ ея отца. Я узналъ, что ей четырнадцать лѣтъ и два мѣсяца, что ея отецъ былъ крупный судостроитель и что она его очень нѣжно любила. Мнѣ это было ясно уже изъ одного того, что каждый разъ, когда она произносила: «мой папа» въ большихъ глазахъ ея сверкали слезы и только благодаря замѣтному, не по лѣтамъ необычайно твердому характеру, миссъ Мэри умѣла подавлять въ себѣ проявленіе чувства. Я сказалъ ей:

— Зачѣмъ же вы покинули папу, если такъ сильно

его любите? Вы очень хорошо говорите по-французски, почти безъ иностраннаго акцента, еще лучше говорите по-нѣмецки; такъ что вамъ не было необходимости прїѣзжать сюда для усовершенствованія въ этихъ двухъ языкахъ.

— Видите-ли, отецъ мой былъ черезчуръ добръ, а я черезчуръ злая.

На это я возразилъ:

— Очень злы! Мнѣ кажется, миссъ Мэри, что вы несправедливы къ себѣ?

— О нѣтъ!—отвѣтила она съ поразившей меня серьезностью. О нѣтъ! Я весьма продолжительное время была очень нехорошей дочерью, и до сихъ поръ еще я вовсе не такая какой бы слѣдовало быть. Я почти вовсе не знала моей бѣдной матери—добавила она очень печальнымъ тономъ, глубоко меня тронувшимъ,—отецъ мой, у котораго никого кромѣ меня не осталось, такъ безгранично меня любилъ, что не имѣлъ силъ воспитывать меня какъ бы надлежало; онъ меня до такой степени избаловалъ, что если бы я сама въ одинъ прекрасный день въ этомъ не убѣдилась, то, конечно, сдѣлалась бы совершенно никуда негодной. Я уже не различала и перестала понимать, что хорошо и что худо и слышать не хотѣла о томъ, что значить долгъ, обязанность. У меня былъ прескверный характеръ и сердце мое почти совершенно испортилось. Я очень своевольна, чрезвычайно капризна, очень надменна и отъявленная эгоистка. Я не слушала и знать не хотѣла уроковъ, совѣтовъ и убѣжденій отца моего, а всѣхъ другихъ и того менѣе. Я была груба и жестока со слугами, дерзка со всѣми и даже съ отцомъ. Если мнѣ приходилось дѣлать добро, я все портила тѣмъ способомъ, которымъ это дѣлалось. Однажды наступилъ день, все рѣшившій. Къ воротамъ нашего парка подошла бѣдная женщина, босая, очень плохо одѣтая съ двумя очень запачканными маленькими дѣтьми на рукахъ. Я попросила у отца денегъ. Я могла положить ихъ въ руку женщины, но я бросила ей деньги, сказавъ:

— Нищѣ мнѣ противны. Я имъ даю для того, чтобы они поскорѣе уходили.

Отецъ пристально взглянулъ на меня. Боже, что это былъ за взглядъ! Я до сихъ поръ чувствую на себѣ этотъ взглядъ! Онъ сильно поблѣднѣлъ и, отвернувшись, закрылъ свое красивое, большое лицо обѣими руками. Я быстро вертѣлась вокругъ него, стараясь отстранить его руки отъ лица. Когда мнѣ это удалось, я увидѣла, что онъ плакалъ.

— О мой папа, о дорогой папа!—воскликнула я.

Отецъ сказалъ мнѣ:

— Я чувствую себя безсильнымъ, неспособнымъ тебя воспитывать. Ахъ, Мэри! Я очень виноватъ, сдѣлавшись такимъ слабымъ! Тамъ, наверху, твоя бѣдная мать навѣрное очень недовольна мною.

Я ужасно была взволнована, видя слезы моего отца, признающаго себя одного во всемъ виноватымъ. Я осушила его слезы безчисленными поцѣлуями, сказавъ ему:

— Дай мнѣ подумать.

Тогда я ушла въ конецъ парка, въ одну уединенную аллею, въ которой, какъ мнѣ рассказывали, любила гулять моя мать и тамъ я долго, долго размышляла объ огорченіи моего отца и о моей покойной матери и о себѣ, до такой степени дурной, что на землѣ былъ недоволенъ мною отецъ, а на небѣ мать. Додумалась я до того, что необходимо было мнѣ рѣшиться на крайнее, очень неприятное средство, а именно употребить всю свою власть надъ моимъ черезчуръ добрымъ отцомъ, чтобы убѣдить его разстаться со мною.

У меня была воспитательницею уроженка Эльзаса, очень милая, благовоспитанная особа, часто рассказывавшая мнѣ о пансіонѣ Пети-Шато, какъ о такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ нельзя не сдѣлаться доброй и скромной, потому что въ этомъ домѣ всѣ воспитательницы и ученицы взаимно любятъ и *уважаютъ* другъ друга.

Это слово *уважаютъ*, сказанное моей воспитательницей м-ле Луизой, въ особенности меня поразило; притомъ я замѣтила, что м-ле Луиза придавала ему особен-

Я имъ даю, чтобы они поскорѣе ушли.

Въ рукахъ миссъ Мэри я примѣтилъ нѣсколько полотенець и губку.

Къ стр. 227.

ную важность, а для меня оно до сихъ поръ не имѣло ни малѣйшаго значенія. Уваженіе—говорила я сама себѣ—что бы это могло быть, что это значить?

Но вдругъ то, что произошло между отцомъ и мною мнѣ все объяснило. Я сказала себѣ:

— Надо непременно отправиться туда, въ Пети-Шато. Тамъ я узнаю то, что мнѣ до сихъ поръ незнакомо. Тамъ я познакомлюсь съ тѣмъ, что такое уваженіе! Да, именно вотъ это мнѣ не доставало: уваженіе. Я люблю только себя, думаю только о себѣ и знать ничего не хочу о другихъ. Вотъ въ чемъ мой главный порокъ. Когда мнѣ придется быть съ совершенно чужими мнѣ людьми, которые ко мнѣ отнесутся только какъ къ любой первой встрѣчной, мнѣ необходимо будетъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ, чтобы, въ свою очередь, заслужить ихъ уваженіе и надо будетъ выказать имъ любовь, чтобы приобрести любовь ко мнѣ съ ихъ стороны.

Тогда я окончательно рѣшилась. Я ясно видѣла, что колебаться и откладывать дѣло нельзя было; я сознавала, что если бы моя мать была около меня, она навѣрное бы сказала:

— Ты права, Мэри.

Я все высказала отцу. Онъ нашелъ, что это было вполне благоразумно и какъ ни тяжело ему было, онъ далъ свое согласіе. Итакъ, я здѣсь для того, чтобы выучиться уважать.

— И дѣйствительно вы этому выучились?—спросилъ я.

— Да!—отвѣчала она да—выучилась! Мои недостатки уменьшаются съ каждымъ днемъ. У моего отца я была совершенно одна и не замѣчала, что я хуже другихъ. Здѣсь я вскорѣ это замѣтила. Когда я сюда пріѣхала, всѣ встрѣтили меня съ распростертыми объятіями. Когда я это замѣтила, обращалась съ ними пренебрежительно. Черезъ недѣлю всѣ перестали говорить со мною. Тогда я убѣдилась, что другіе даютъ вамъ только то, что вы сами готовы дать имъ и я поняла, что означало ихъ молчаніе. Я попросила извиненія у своихъ подругъ и онѣ тотчасъ начали обращаться со мною ласково и сердечно. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ я въ Пети-Шато. Я

Тамъ я долго размышляла.

Къ стран. 225.

иногда снова впадаю въ прежнія ошибки; есть у меня и теперь много недостатковъ, но я избавилась отъ самаго важнаго.

Я съ уваженіемъ отношусь къ своимъ друзьямъ, я уважаю нашихъ преподавателей и воспитательницъ и чувствую, что въ то же время начинаю уважать себя гораздо болѣе прежняго. Я никогда бы не поняла, что уваженіе до такой степени необходимо, если бы не разлучилась съ отцомъ. Мнѣ часто бываетъ грустно, но въ сущности съ каждымъ днемъ я становлюсь все болѣе довольной собою. Теперь у меня явились хорошія огорченія вмѣсто прежнихъ дурныхъ. Я чувствую, что когда поѣду къ отцу, я возвращу ему добрую дочь, умѣющую его любить какъ слѣдуетъ, то есть такъ, чтобы это было пріятно ему самому, а не какъ безразсудная дѣвочка, любившая его только ради себя самой.

Этимъ я буду обязана Пети-Шато, хорошимъ урокамъ, добрымъ примѣрамъ моихъ милыхъ подругъ и если бы мнѣ пришлось сдѣлаться самой знатной дамой въ Англіи, мѣста моего воспитанія я никогда не забуду! Вотъ видите ли, сударь, здѣсь самая младшая имѣетъ то же самое значеніе какъ и самая старшая, самая бѣдная, такое же значеніе какъ и самая богатая; здѣсь нѣтъ возможности быть горделивой и тщеславной; здѣсь пользуется предпочтеніемъ только лучшая и я до тѣхъ поръ не оставляю это учебное заведеніе, пока не почувствую, что я сдѣлалась этой самой наилучшей.

— Будьте покойны—сказала я прелестной миссъ,— я полагаю, что вы уже на пути къ этому.

— Да на пути,—возразила она—на пути по непреклонному желанію, но на самомъ дѣлѣ не въ концѣ этого пути. Есть еще много путей и впереди меня и позади меня. Спросите о томъ г. Масэ и мадемуазель Верене. Вотъ истинно правдивыя особы; они никогда не скроютъ правды.

Этотъ разговоръ до такой степени серьезный и въ то же время дѣтскій, навсегда остался въ моей памяти. Милая миссъ Мэри, сдѣлавшаяся въ настоящее время прелестной и любезной молодой дѣвушкой, если эти строки попа-

дуть ей на глаза, конечно простить мнѣ, что я воспользовался ея исповѣдью и ея примѣромъ на пользу другихъ дѣвиць, вслѣдъ за нею вступающихъ въ жизнь.

Уваженіе! Никогда это понятіе не казалось мнѣ такимъ великимъ и важнымъ, какъ въ тотъ день, когда я услышалъ его изъ устъ этой молоденькой дѣвушки. Никогда мнѣ не приходилось такъ ясно сознать, что значитъ слово уваженіе, какъ тогда, когда о важности его говорили розовыя губки юной англичанки. Я созналъ въ этотъ день какъ много хорошаго, добраго, трогательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживающаго глубокаго уваженія въ этихъ признаніяхъ и въ этой твердой волѣ почти ребенка, не отступающаго ни предъ какими усиліями въ непреклонной рѣшимости исправить всѣ погрѣшности, всѣ недостатки первоначальнаго дурнаго воспитанія.

Миссъ Мэри тысячу разъ была права; чтобы вполнѣ выполнить одно изъ прекраснѣйшихъ предписаній Евангелія: «Любить своего ближняго какъ самого себя» надо начать тѣмъ, чтобы относиться къ ближнему съ такимъ же уваженіемъ какъ къ самому себѣ; уваженіе должно быть неразрывно связано съ любовью; оно должно всегда идти рука объ руку съ любовью.

Притомъ, уваженіе къ другому вполнѣ естественно и безусловно присуще тому, кто обладаетъ чувствомъ собственнаго достоинства. Отношенія къ ближнимъ могутъ и унижать и возвышать.

Такимъ образомъ тотъ, кто ничего не уважаетъ, ничего не любить и ничѣмъ не восхищается, такъ какъ сущность любви, какъ и сущность восхищенія, заключается въ уваженіи, глубоко бы заблуждался, вообразивъ себѣ, что его любятъ, если бы не сознавалъ въ то же время, что заслуживаетъ уваженіе.

Подъ словомъ уваженіе, не слѣдуетъ понимать страхъ предъ сильнымъ, подчиненіе слабаго сильному, но только внутреннее, искреннее и сердечное уваженіе права, характера каждой отдѣльной личности. А потому прежде всего обязательно уваженіе къ слабому, малому, бѣдному и несчастному. Отнимите у нихъ, этихъ обездоленныхъ

нашего міра, эту гарантію на это право братства въ уваженіи, спрашивается—что же у нихъ останется?

Если то, что создано Богомъ, если то, что никто, кромѣ его не въ силахъ былъ сдѣлать и не сдѣлаетъ, не заслуживало бы уваженія, начиная отъ былинки и до роси, отъ капли росы до необъятнаго моря, отъ песчинки до громаднхъ горъ, отъ насѣкомаго до слона, отъ новорожденнаго до человѣка, согбеннаго тяжестью жизни—что бы случилось съ равновѣсіемъ и устойчивостью нашего міра?

Все, повинующееся закону, установленному Богомъ и слѣдующее предписаннымъ его волею указаніямъ, будь это только атомъ во вселенной, заслуживаетъ уваженіе всего существующаго.

Насколько возможно, чувство уваженія между дѣтьми, по отношенію одного къ другому, еще важнѣе и еще необходимѣе нежели уваженіе взрослога человѣка къ другому взрослому человѣку. Недоспустимо, да, наконецъ, на что же бы это было похоже, если бы эти юныя существа, едва начавшія жить, ступающія еще колеблющимся шагомъ, не пользовались бы равноправностью, изъ которой возникаетъ взаимное уваженіе? Можно ли выдумать что либо болѣе гнусное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное, какъ дѣтское, заикающееся чванство, тщеславіе, гордость, въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣтское существо только и можетъ быть поддержано помощью другихъ, болѣе сильныхъ?

Слѣдовательно миссъ Мэри была права: уваженіе къ другимъ самая необходимая добродѣтель.

На другой день утромъ, когда я уѣзжалъ, я увидѣлъ издали моего молоденькаго друга, идущую по саду въ сопровожденіи горничной, въ рукахъ которой была громадная кастрюля съ кипяткомъ. Въ рукахъ миссъ Мэри я примѣтилъ нѣсколько полотенецъ и губку. Она направлялась быстрымъ и легкимъ шагомъ къ большому флигелю, въ которомъ дирекція Пети-Шато устроило убѣжище для малютокъ деревни.

— Что тамъ дѣлаетъ миссъ Мэри?—спросилъ я отво- зившаго меня кучера.

— Она каждое утро ходитъ туда обмывать и кормить малютокъ—отвѣчалъ онъ.—Прежде этимъ занималась няня; но миссъ Мэри такъ настойчиво просила, чтобы это занятіе было ей поручено, что ей было передано это дѣло.

Милая миссъ Мэри—подумалъ я—вы, очевидно, не можете себѣ простить ваше презрительное отношеніе къ той бѣдной женщинѣ съ зачачканными ребятишками, внушившей вамъ когда то такое отвращеніе. Будьте увѣрены, миссъ Мэри, что Богъ благословляетъ тѣхъ, кто сознаетъ свои прегрѣшенія и старается искупить ихъ! Будьте покойны: малютки, которыхъ вы обмываете въ Бебленгеймѣ оправдали васъ предъ Богомъ и выиграли ваше дѣло, которому, вслѣдствіе вашей жестокости къ лондонскимъ бѣднымъ, угрожала опасность, но оно не было проиграно окончательно.

Надо быть очень добрымъ.

обрата не представляет собою предмета роскоши, безъ котораго въ случаѣ необходимости можно обойтись. Это предметъ первой насущной потребности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ на доброту смотрѣть какъ на предметъ развлечения, которымъ слѣдуетъ пользоваться на досугѣ. Это свойство основное, это качество существенно необходимое въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ въ жизни цѣлыхъ обществъ.

Если бы возможно было совершенно вырвать съ корнемъ и уничтожить въ сердцѣ человѣческомъ чувства добродушія, состраданія, гуманности и снисходительности, входящія въ составъ того, что мы называемъ добротой, добромъ, изъ человѣка вышло бы чудовище, настолько же зловерное себѣ самому, какъ и своимъ ближнимъ.

Если бы въ какомъ-нибудь внезапномъ нравственномъ переворотѣ въ земной жизни, добро и доброта исчезли бы съ лица земли, такъ это было бы не менѣе ужаснымъ несчастіемъ для всего живущаго, какъ если бы солнце, все оживляющее въ жизни матеріальной, внезапно потухло.

Наконецъ, чтобы выразить все однимъ словомъ, если бы на свѣтѣ было болѣе зла нежели добра, болѣе злыхъ нежели добрыхъ, можно бы смѣло сказать, что приближается конецъ мировой жизни.

Лучше было бы всѣмъ людямъ заболѣть смертельной болѣзью тѣла, чѣмъ заболѣть смертельной болѣзью души, называемой людскою злобой.

Физическое здоровье необходимо для развитія тѣла и его сохраненія. Также точно доброта, представляющая нравственное здоровье души, необходима для существованія каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще. Доброта должна быть названа узами, соединяющими общества, побѣдоносно ихъ защищающая отъ всѣхъ задатковъ разложенія, проявляющихся въ этихъ обществахъ.

Слѣдовательно, дѣло далеко не маловажное быть или не быть добрымъ. Чтобы быть добрымъ, недостаточно не быть злымъ; притомъ можно сказать, что не быть добрымъ значить уже быть дурнымъ.

Быть добрымъ значить дѣлать добро и противиться злу, устранять его. Тотъ кто не исполняетъ ни того и ни другого, есть уже сообщникъ злого; онъ держитъ его сторону, онъ ему содѣйствуетъ.

Злой представляется существомъ неполнымъ, безусловно въ точномъ значеніи этого слова. Тѣхъ свойствъ и качествъ, которыя дополняютъ, совершенствуютъ чело-вѣка и вполне цѣлесообразно приспособляютъ его къ жизни, не хватаетъ ни въ сердцѣ его, ни въ разумѣ. Онъ безусловно лишень этихъ свойствъ!

Онъ сознаетъ менѣе половины существующаго и лишень именно лучшей половины.

Ему неизвѣстно и непонятно, что такое братство, дружба, самоотверженіе, нѣжное состраданіе, благодарность, уваженіе, восхищеніе, всѣ эти чувства усложняющія и смѣшивающіяся съ любовью къ ближнему. Радостное волненіе при совершеніи добраго дѣла; пріятное чувство удовлетворенія при выполненіи долга для него не существуютъ; всѣ его радости обманчивы или болѣзненны, тягостны; ни одна изъ нихъ не охватываетъ сердца, ни одна изъ нихъ не достигаетъ глубины души.

Такимъ образомъ, если вы встрѣчаете сатириковъ или мизантроповъ, увѣряющихъ васъ, что все на свѣтѣ клонится къ худшему, что зло въ мѣрѣ власть преобладающая, можете смѣло сказать себѣ, что эти жалкіе, близорукіе люди судятъ о всемъ цѣломъ, объ общемъ, по отдѣльнымъ частямъ, по подробностямъ плохо ими понятными и усвоенными и потому безсознательно клеветаютъ на природу человѣка, которая выше и лучше чѣмъ это имъ кажется.

Такъ какъ мѣръ доказываетъ свою живучесть продолжительностью существованія, такъ какъ общества растутъ и крѣпнутъ, слѣдовательно они ошибаются. Преобладаніе добра имъ незамѣтно, такъ какъ оно не тамъ, гдѣ они находятся, а существуетъ въ другомъ мѣстѣ. Они заблуждаются, такъ какъ колебанія и перемѣщенія прогрессивнаго движенія, временныя болѣзненные явленія быстрого роста принимаютъ за распаденіе и вырожденіе.

Убѣдившись какъ велико значеніе доброты на землѣ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаете какъ важно и для себя и для другихъ, въ началѣ вступленія въ жизнь стать въ ряды добрыхъ, подалше отъ арміи злыхъ.

Вы несомнѣнно встрѣтите людей, воображающихъ себя честными, которые тѣмъ не менѣе позволяютъ себѣ увѣрять васъ, что на этомъ свѣтѣ существуетъ только двѣ категории людей: одна изъ нихъ обманываетъ, а другая обманывается, и что такъ какъ изъ двухъ золъ приходилось выбирать легчайшее, они, къ великому сожалѣнію своему, предпочли быть вмѣстѣ съ волками и охотнѣе сдѣлались вводящими въ заблужденіе, чѣмъ заблуждающимися. При этомъ они позволяютъ себѣ восклицать:— Ахъ! Если бы люди на свѣтѣ были лучше и мы также были бы лучшими!

Если вы не обладаете добродѣтелью и привилегіей медиковъ, не имѣющихъ права отступать при какой бы то ни было болѣзни, такъ какъ на обязанности ихъ лежитъ изучать и излѣчивать всякаго рода болѣзни и даже самыя отвратительныя,—убѣгайте отъ людей, о которыхъ я говорилъ выше, какъ отъ чумы.

Повѣрьте, что человѣкъ, старающійся дурное изобразить хорошимъ, дѣлаетъ это съ тайной цѣлью оправдать себя; онъ хотѣлъ бы всѣхъ сдѣлать на себя похожими, ему кажется, что ему легче бы тогда было, если всѣ стануть дурными.

Но онъ сильно заблуждается, потому что заболѣваніе другихъ не излѣчиваетъ нашей болѣзни, потому что злые нуждаются въ добрыхъ настолько же, какъ больные во врачахъ.

Вамъ, кромѣ того, укажутъ, что тотъ или другой недобрый человѣкъ чрезвычайно уменъ, обладаетъ тѣми или другими способностями и, между прочимъ, укажутъ въ защиту его на успѣшность его карьеры; скажутъ, что онъ умѣлъ разбогатѣть и занялъ завидное положеніе между счастливыми міра.

Безъ колебаній не обращайтесь вниманія на подобныя рѣчи и не позволяйте себя смущать подобными доводами. Только люди крайне поверхностные, слабые или глупые попадутся на эту удочку и будутъ восхищаться тѣмъ, что никуда не годно, принимая поддѣльное золото за настоящее.

Тотъ, кто не настолько разуменъ, чтобы быть добрымъ, не можетъ быть признаваемъ истинно разумнымъ человекомъ; его умственное развитіе, какъ бы ни было оно значительно, не есть истинное, правильное, настоящее. Онъ представляется только матеріаломъ, пригоднымъ какъ для перваго рода, такъ и втораго рода развитія.

Противъ него человѣкъ, правильно, вѣрно оцѣнивающий достоинства дѣяній и убѣжденій человѣческихъ, могъ бы привести неотразимое доказательство. Онъ могъ бы сказать ему:

— Если бы вамъ удалось создать богатство, которому такъ завидуютъ пустые люди, не потерявъ при этомъ репутаціи добросовѣстнаго, честнаго человѣка; если бы это богатство, вмѣсто того, чтобы быть скандальнымъ, было благословляемо какъ общественное благодѣяніе; если бы вмѣсто того, чтобы быть прославляемымъ только рабами всего блестящаго—вы были бы человекомъ высоко чтимымъ всѣми добрыми людьми, радующимися ва-

шему счастью и видящими въ этомъ доказательство того, что благодаря Богу фортуна не всегда слѣпа,—развѣ это не служило бы доказательствомъ силы вашего разума и воли?

Но если вы недобрый человѣкъ, къ вашей разумности относятся недовѣрчиво и сокровища ваши кажутся составленными изъ монетъ сомнительнаго достоинства.

Если вы завтра умрете, то, обманывая смерть, какъ раньше вы обманывали жизнь, вы добьетесь того, что праздною толпой называется великолѣпными похоронами; будетъ много пустыхъ каретъ за вашимъ гробомъ, пожалуй, будутъ произносимы, конечно, не безкорыстные, надгробныя рѣчи, въ которыхъ, къ изумленію всѣхъ порядочныхъ и добрыхъ людей, будутъ нагло восхвалять пороки, выдавая ихъ за добродѣтели. А я, все-таки, скажу вамъ:

— Не вѣрю я въ счастье вашей жизни настолько же, насколько не вѣрю въ почести, воздаваемая вамъ при похоронахъ, потому что глубокое молчаніе, хранимое всѣми честными людьми, имѣетъ громадное значеніе, какъ выраженіе общественной совѣсти и сильнѣе чѣмъ шумъ, затѣваемый плутоватыми людьми для восхваленія васъ. Изъ глубины могилы, вы сами, наконецъ, должны были понять значеніе этого безмолвія, потому что теперь только вы сознали, что есть правосудіе, отъ котораго рано или поздно ничто не ускользнетъ и оно васъ осудило.

Нѣтъ, не слѣдуетъ вѣрить, что злые и дурные люди могутъ быть счастливы! Если вы не могли прочесть, что дѣлается въ ихъ душѣ при жизни, то неумолимая смерть укажетъ вамъ всѣ язвы этой души. Существуетъ послѣдній судъ для всѣхъ даже на этомъ свѣтѣ. Что изъ этого, если современники кричали: «Слава»? Справедливая и хладнокровная рука потомства справедливо зачеркнетъ это слово и вмѣсто его напишетъ: «Ложь»!

А потому надо быть добрымъ; прежде всего будьте добрыми.

Существуетъ нѣкто, съ кѣмъ вы хорошо знакомы, хотя часто о немъ забываете. Есть нѣкто, чьимъ уваженіемъ, добрымъ мнѣніемъ и расположеніемъ вы на-

столько дорожите, что охотнѣе поссоритесь съ цѣлымъ свѣтомъ, нежели съ нимъ.

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ я поздравляю и хвалю васъ за эту прочную дружбу съ этимъ нѣкто, потому что онъ, если бы даже весь міръ восхвалялъ васъ и восторгался вами, онъ бы васъ не пощадилъ и сказалъ бы прямо свое мнѣніе, если бы вы этихъ похвалъ не заслуживали.

Тѣмъ болѣе я восхваляю вашу привязанность къ этому нѣкто, потому что онъ неумолимъ, когда поступаютъ дурно; слѣдовательно достоинъ того высокаго уваженія, которое вы ему оказываете.

Итакъ, если вы желаете сохранить такія близкія отношенія съ этимъ нѣкто, будьте добры, такъ какъ всякое малѣйшее, совершенное вами прегрѣшеніе, заставляетъ его страдать и ни одной погрѣшности онъ вамъ простить и забыть не въ силахъ; если же эти погрѣшности обратятся въ привычку и учащаются, тогда его привязанность къ вамъ мало-по-малу обратится въ нѣкоторое отвращеніе, смѣшанное съ презрѣніемъ.

Если же онъ будетъ васъ презирать, во что же обратится ваша жизнь?

Нужно ли вамъ говорить, что этотъ нѣкто—это вы сами? Этотъ нѣкто, это ваша совѣсть!

Неужели вы допускаете, чтобы тотъ, кому всѣ кругомъ завидуютъ, не зная тайны его существованія, можетъ быть счастливымъ, живя не въ ладу съ своею совѣстью; поссорившись со всѣмъ, что въ немъ есть живого, что внутри его громко говоритъ и что невозможно заглушить, а еще менѣе возможно заставить лгать?

А потому, во имя того естественнаго, законнаго интереса, съ которымъ вы относитесь къ самому себѣ, я заклинаю васъ быть добрымъ!

Если вы геніальный человѣкъ, доброта украситъ, дополнитъ вашъ геній и обратитъ его на помощь всему человѣчеству. Если же вы человѣкъ заурядный, она наложитъ какъ бы печать величія даже на посредственность. Характеръ никогда не кажется ничтожнымъ, если человѣкъ отличается добротой.

Нужно ли вамъ говорить, что великіе люди, въ которыхъ отсутствовала доброта, то есть то, что дѣлаетъ геній полезнымъ всему человѣчеству, представляются только метеорами и вызываютъ только изумленіе, но восхищаются ими только безразсудные люди?

Нужно ли вамъ говорить, что даже нищіе духомъ, если они добры, заслуживаютъ царствіе небесное, а на этомъ свѣтѣ на долю ихъ приходится лучшая часть земныхъ радостей, радость невѣдомая злomu, возможность быть любимымъ, которая рядомъ съ другой радостью, а именно: счастьемъ любить, представляетъ собою самое лучшее въ жизни?

Кто же любить злого? Кого же можетъ любить злой, если главное и постоянное его свойство: ненависть къ благу чужому. Самая любовь его была бы уже оскорбительна.

Въ совершенную противоположность этому, кто же не любить добраго? Кому не казалось превосходнымъ то существо, къ которому онъ чувствуетъ сильное расположеніе. То, что сильно любить, кажется высшимъ, совершеннѣйшимъ, нежели все остальное и притомъ вполне достойнымъ любви.

Итакъ, что можетъ быть достойнѣе любви, какъ доброта, сущность которой заключается въ томъ, что она радуется благу другихъ и страдаетъ, видя ихъ невзгоды; для нея праздникъ и радость, когда она видитъ благоденствіе вокругъ себя; въ дни несчастья и невзгодъ она еще ближе къ вамъ и никогда не покинетъ васъ въ бѣдѣ.

Будьте же добры, потому что доброта освѣщаетъ все, что помрачаетъ злоба; потому что она согрѣваетъ все, что леденитъ злоба и врачуетъ все, чему наноситъ раны злоба. Доброта, выражаясь сжато, однимъ только словомъ, это здравый смыслъ сердца, гораздо болѣе необходимый нежели здравый смыслъ въ сферѣ мысли и пониманія.

Надо быть любезнымъ.

Недостаточно быть только добрымъ, надо высказывать это любезно и приятно. Конечно, много значитъ обладать многими хорошими качествами, но если эти качества внутри васъ и не проявляются надлежащимъ образомъ, тогда онѣ то же самое, что сокровища скряги, для другихъ бесполезныя.

Нѣжность, мягкость, ласковость, это прелесть сердца, во сто разъ возвышающая всѣ достоинства и придающая имъ непреодолимую силу. Дѣйствительно, нѣтъ ничего сильнѣе ласковости. Это тростникъ, никогда не ломающийся, какъ бы сильно его не сгибали. Мягкость, уступчивость, приспособляемость разума представляютъ собою настоящую, разумную устойчивость и непоколебимость.

Очень приятно быть дубомъ и смѣло выдерживать бури до тѣхъ поръ, пока оказываешься сильнѣе вѣтра. Но когда наступитъ день, въ который вѣтеръ сломитъ дубъ, не окажется ли разсудительнѣе дуба тростникъ, тихо сопротивлявшійся вѣтрамъ? Не надо раздражать тѣхъ, кого мы стремимся побѣдить. Борьба должна имѣть цѣлью достиженія мира. Оскорбить навсегда, нанести непоправимый ущербъ своему сопернику, своему противнику, значить сдѣлать примиреніе невозможнымъ. Слѣдовательно, надлежитъ быть любезнымъ, мягкимъ даже въ битвѣ. Надо, чтобы тотъ, съ кѣмъ вы боретесь, почувствовалъ, что было бы лучше быть съ вами въ дружбѣ, чѣмъ во враждѣ и, что если вы и опасный, грозный противникъ, вы охотно доказали бы ему, что съумѣете быть драгоценнымъ союзникомъ.

Еще съ большимъ основаніемъ въ обыденной жизни, въ повседневныхъ отношеніяхъ съ людьми, необходимо быть не только добрымъ, но мягкимъ, любезнымъ съ тѣми, кого вы любите и кто васъ любитъ. Если скрипятъ двери, отворяемыя цѣлый день, развѣ вы не найдете нужнымъ смазать петли? Ласковость, добродушіе, любезность, вотъ масло, смягчающее всѣ пружины жизни.

Право, послушайте меня; позвольте себѣ этотъ маленькій расходъ; поиздержитесь на масло и не допускайте ржавѣть и скрипѣть петли вашихъ дверей. Входъ и выходъ въ вашемъ домѣ точно также, какъ входъ и выходъ въ вашемъ сердцѣ выиграютъ оттого, что не будутъ походить на входъ и выходъ въ тюрьмы, гдѣ всюду рѣшетки и засовы, гдѣ все какъ будто бы вызываетъ къ входящимъ: «Зачѣмъ вы входите сюда?» а выходящимъ кричить: «Не возвращайтесь сюда снова!»

Нужно быть очень опрятнымъ.

Желая пообѣдать съ аппетитомъ, необходимо, чтобы скатерть была бѣлая, чистая, тарелки хорошо вымыты, чтобы въ супѣ не попадались волосы, чтобы на ножѣ, которымъ рѣжутъ хлѣбъ, не оставалось ничего со вчерашняго дня, такъ, чтобы, разрѣзывая хлѣбъ, онъ не оставилъ на немъ грязнаго слѣда. Мы всѣ согласны съ тѣмъ, что все это безусловно необходимо.

Мы всѣ согласно утверждаемъ, что можно пить съ удовольствіемъ только изъ чистаго стакана, хорошо выполасканнаго и вытертаго, чтобы вода въ немъ была свѣжа и прозрачна, чтобы она имѣла хорошій вкусъ свѣжей воды, а не тотъ неприятный вкусъ и запахъ,

который приобретает вода черезчуръ долго пробывшая въ графинѣ.

Но скажите же, почему вы, все это требующій и все это любящій, сами то—извините меня, а приходится не стѣсняясь называть вещи настоящимъ ихъ именемъ—не всегда бываете опрятны?

Вопросъ мой возмущаетъ васъ и кажется грубымъ? Повѣрьте, что мнѣ это самому непріятно, и я предпочелъ бы предложить вамъ совсѣмъ иного рода вопросы. Признаюсь откровенно, что не безъ нѣкотораго отвращенія принимаю на себя роль очистителя и прекрасно сознаю, что, несмотря на мое стремленіе деликатно коснуться такого неделикатнаго предмета, я рискую выпачкать пальцы и притомъ услышать отъ большинства незаинтересованныхъ въ дѣлѣ господъ и госпожъ вопросъ: «О чемъ это вы намъ толкуете?»

Такъ вотъ допустимъ, что я, милое дитя мое, говорю это только для васъ одной и позвольте вамъ повторить настойчиво, сурово, тотъ же мой вопросъ: «Почему вы такъ неопрятны?»

Почему вы, которой такъ часто и многое кажется противнымъ, почему вы сами не опасаетесь опротивѣть другимъ и даже можетъ быть весьма значительно?

Почему, напримѣръ, сегодня утромъ вамъ угодно было вымыть только кончикъ вашего прелестнаго носика? Почему вы такъ поскупились водою для вашего лба? Вы ярко освѣщены солнцемъ, а, между тѣмъ, я вижу ясно, какъ будто темныя тѣни на вашей шеѣ. Откуда онѣ появились? Ужъ не вчерашняя ли это пыль? Не можетъ быть, чтобы эта пыль сѣла на васъ сегодня: вы вѣдь только что поднялись съ постели.

А ваши уши? Нечего дѣлать, хотя этотъ трудъ и весьма для меня тягостный, но я себѣ позволю произвести строгую ревизію вашихъ ушей. Ай, ай! Очевидно, что вы даже не прикасались къ вашимъ маленькимъ ушамъ! Они, бѣдныя, даже капли воды не видѣли! Да знаете ли вы, что это прямо отвратительно, когда маленькое хорошенькое ухо не представляется внутри чистымъ и яснымъ, какъ перламутръ раковины, только

что вынутаю изъ воды? Да знаете ли вы, что это даже хуже плохо выморканнаго носа? Вы, пожалуй, мнѣ скажете, что уши ваши почти позади вашей головы и какъ бы затерялись въ дѣбряхъ вашихъ волосъ и притомъ такія маленькія, что вамъ трудно ихъ найти.

Нѣтъ, сударь, такія небылицы разсказывайте кому другому, а не мнѣ. Конечно, вы ваши уши не можете видѣть, противъ этого я не спорю, но всѣ на нихъ, подобно мнѣ, обратятъ вниманіе, быть можетъ именно потому, что они тонко очерчены и очень красивы. Такъ вотъ, потрудитесь наблюдать за впечатлѣніемъ, которое произведутъ на всѣхъ ваши уши. Если вы не замѣтите движенія отвращенія послѣ осмотра вашихъ ушей, значитъ вы не умѣете читать въ глазахъ тѣхъ, кто на васъ смотритъ!

Только что мы говорили объ условіяхъ, необходимыхъ для возбужденія и поддержанія аппетита. Откровенно скажу вамъ, что ваша сосѣдка и даже вашъ сосѣдъ за столомъ во время завтрака предпочли бы охотнѣе имѣть предъ своимъ приборомъ грязный стаканъ, нежели имѣть предъ глазами эти прелестныя, но отвратительно грязныя уши, которыя они лишены возможности отослать немедленно къ судомойкѣ.

Я вижу, вы охотно выцарапали бы мнѣ глаза, потому что замѣчаете, что еще далеко не конецъ моимъ нотациямъ и что я мысленно вопрошаю себя относительно другого обстоятельства, крайне для меня непонятнаго. Позвольте васъ просить разъяснить мнѣ, что такое могли вы кушать вчера вечеромъ: яйца, мороженое, шоколадъ? Ваши злополучныя губки, пухленькія и прелестно очерченныя, теперь похожи на два старыхъ, потертыхъ куска раковины.

Желая говорить одну только правду, я признаю въ васъ не только дурное, но и хорошее. Не скрою отъ васъ, что вы молоды, красивы, какъ только что распустившійся цвѣтокъ, но этотъ цвѣтокъ вы губите самымъ отвратительнымъ обращеніемъ съ нимъ, такъ какъ вовсе не заботитесь объ опрятности и о правильномъ уходѣ за нимъ! Нечистоплотный, неопрятный цвѣтокъ! Да мо-

жетъ ли быть что чудовищнѣе этого? А между тѣмъ вы то именно и есть этотъ чудовищный цвѣтокъ.

Вы закрыли руками лицо. Берегитесь, вы этимъ дѣлу не поможете, такъ какъ ваши ногти въ глубокомъ траурѣ.

Вы разсердились! Вы возражаете мнѣ, что вы вовсе не кокетка и не похожи на нѣкоторыхъ изъ вашихъ подругъ, проводящихъ цѣлые дни предъ зеркаломъ... Ваши подруги не правы, доводя до крайности хорошее качество, но вы гораздо болѣе ихъ виновны, доводя до крайности недостатокъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ вы говорите, вы терпѣть не можете наряжаться и прихорашиваться.

Но то, что, къ сожалѣнію, васъ не занимаетъ, занимаетъ тѣхъ, кто о васъ заботится, кто васъ любитъ, кому тяжело видѣть ваши недостатки.

Вы полагаете, что не страдаете отъ своихъ недостатковъ и потому признаете себя въ правѣ не уничтожать ихъ въ себѣ? Но вы заблуждаетесь. Жизнь ваша не проходитъ въ одиночномъ заключеніи. Вы не Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, но будь вы даже Робинзонъ, не мѣшаетъ немножко подумать о Пятницѣ, который не сегодня, такъ завтра, можетъ появиться.

Неужели вамъ нравятся недостатки въ другихъ? Нѣтъ. Неужели вы способны уговаривать вашихъ подругъ не исправляться отъ ихъ недостатковъ, которые вамъ въ особенности не приходится по сердцу? Опять таки вы говорите нѣтъ.

Такъ, въ такомъ случаѣ, почему же вы не уничтожаете въ себѣ недостатки, сильно имъ не нравящіеся?

Допускаете вы, что люди, наиболѣе васъ любящіе, ваша мать, сестра, отецъ, могутъ не сегодня, завтра нуждаться въ вашемъ уходѣ, заботахъ о нихъ, какъ вы до сихъ поръ сами постоянно въ этомъ нуждались? Слѣдовательно, они будутъ нуждаться въ помощи вашихъ рукъ.

Предположите, что они больны, ранены. Полагаете ли вы, что если бы вамъ пришлось приготовить имъ чай и положить въ него сахаръ и вообще вмѣсто нихъ ка-

саться ко всему, что имъ нужно и въ чемъ нужно за-мѣнять ихъ руки своими, такъ какъ они лишены возможности ими владѣть; неужели вы думаете, что, глядя на ваши руки, такія какими я ихъ вижу, это не вызвало бы въ нихъ отвращеніе, не усилило бы ихъ болѣзненное состояніе?

Вы говорите, что вы надѣнете свѣжія перчатки? Да развѣ перчатки могутъ скрыть нечистоту рукъ? Очень скоро можно догадаться, что подъ ними скрывается.

Надо, чтобы молодая дѣвушка, надо, чтобы молодой человѣкъ, надо, чтобы ребенокъ, надо, чтобы всякій, живущій въ сообществѣ своего ближняго, могъ ему нравиться, а слѣдовательно былъ чистымъ, опрятнымъ.

Опрятность, чистота, это—непорочность тѣла.

Вотъ о чемъ никогда не слѣдуетъ забывать.

Когда вы просыпаетесь, открываете глаза прежде всего необходимо, чтобы вы привели себя въ порядокъ и въ теченіе пяти минутъ совершили полное и общее омовеніе; это самое важное, самое спѣшное дѣло и вскорѣ вы убѣдитесь, что, освѣжая себѣ глаза, вы освѣжаете себѣ мозгъ.

Вы скоро будете взрослой дѣвицей. Вы, мало-помалу, захотите познакомиться съ обществомъ, куда уже влечетъ васъ вашъ возрастъ. Вы даже надѣетесь отправиться на балъ, назначенный Г-жею X. на будущей недѣлѣ. Вы хотите потанцовать: совершенно законное желаніе, ничего нѣтъ естественнѣе, ничего нѣтъ невиннѣе этого желанія; но необходимо, чтобы прежде чѣмъ подумать о васъ, Г-жа X. позаботилась о другихъ своихъ приглашенныхъ, которымъ она должна предложить только пріятныхъ милыхъ танцорокъ.

Такъ вы говорите, что въ этотъ день вы позаботитесь о томъ, чтобы привести себя въ полное великолѣпіе. Но не заблуждайтесь; когда нѣтъ повседневной, постоянной привычки ухаживанія за своей особой, вы и въ торжественные дни обязательно что либо упустите и забудете. Лучше остаться дома.

Вы находите, что съ моей стороны безжалостно говорить вамъ подобныя вещи; но если бы я сегодня не

высказалъ вамъ все это глазъ на глазъ, такъ вскорѣ публично, при всѣхъ о васъ говорили бы то же самое. Неужели вы предпочли бы послѣднее?

Повѣрьте мнѣ, что надо любить, обожать чистую, прохладную воду; не жалѣйте воды для вашей маленькой особы. Вы поливаете въ цвѣтникѣ ваши розы; поливайте свою собственную маленькую особу еще усерднѣе: розы вашихъ щечекъ нуждаются въ поливкѣ никакъ не менѣе розъ цвѣтника. Все въ природѣ нуждается въ водѣ; все поливается и все обмывается. Рѣки это кувшины для туалета всей природы; когда онѣ поднимаются къ небу въ видѣ паровъ, сгущаются тамъ въ облака, такъ только съ той цѣлью, чтобы хорошенько обмыть землю. Облака представляютъ собою губки, скопляющія воду въ пользу лѣсовъ, горъ и долинь. Представьте себѣ землю, лишенную воды? Да при такомъ условіи погибнетъ даже весь созданный Богомъ міръ.

А вы, дорогая малютка, вы, маленькій атомъ въ этомъ необъяснимомъ мірѣ, хотите уклониться отъ этого закона очищенія водою, отъ этого всеобщаго, неизбѣжнаго мірового закона!

Повѣрьте мнѣ, послушайте моего совѣта и съ этого дня соблюдайте полнѣйшую чистоту. Чистота все возвышаетъ и все украшаетъ.

Даже безобразіе, если оно отличается замѣчательной чистотой, становится какъ то пригляднѣе. Женщина, заботящаяся о своей чистотѣ и приглядности, никогда не кажется безобразной.

Грязная красавица всегда покажется какимъ то чудовищемъ и тѣмъ болѣе гнуснымъ, такъ какъ она губить то, что Богъ создалъ въ ней прекраснымъ.

Знаете-ли вы что либо трогательнѣе, что либо болѣе способное привлечь къ себѣ вниманіе, оказать услугу, благодѣяніе, выразить сочувствіе какъ чистая, опрятная бѣдность? Какъ яркая противоположность этому ничего нѣтъ болѣе отталкивающаго какъ нечистоплотность и грязь богатаго человѣка.

Вы богаты, а между тѣмъ оборваны, небрежны, гряз-

ны, къ сожалѣнію приходится произнести это скверное слово. Такимъ образомъ вашъ туалетъ, хотя бы онъ спитъ былъ лучшими мастерицами, хотя бы онъ былъ туалетомъ пригоднымъ для императрицы, смотреть такъ будто онъ купленъ на рынкѣ, гдѣ продаются лохмотья, напримѣръ въ Тэмплѣ, такъ и кажется, что вы приобрѣли его у торговки старымъ платьемъ.

Не будемъ уже говорить о томъ, что отсутствіе чистоты во внѣшности, даетъ право предположить, что разумъ, характеръ, сердце отличаются такого же рода изъянами.

Да; трудно допускать чистую душу въ нечистомъ тѣлѣ, настолько же какъ трудно представить себѣ чистую воду въ грязномъ сосудѣ. Кажется невозможнымъ чтобы одно не испортило другого; чтобы сосудъ не испортилъ жидкость.

Мысли ясныя, справедливыя, въ головѣ всегда непричесанной, чувства чистыя, здоровыя въ оболочкѣ добровольно содержимой нечисто—кажутся чѣмъ то немислимымъ, невозможнымъ!

Чистота представляетъ собою одно изъ внѣшнихъ проявленій, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать; заботы о ней, даже доведенныя до крайности, никогда не излишни.

Неохотно подходятъ, даже избѣгаютъ подходить къ домамъ, входъ къ которымъ грязенъ и смраденъ. Домъ, въ которомъ обитаетъ ваша душа, это ваше тѣло. Непростительно допускать, чтобы внѣшность дома давала право быть дурного мнѣнія объ его обитателѣ.

Когда подумаешь, что для того, чтобы избавиться отъ этого гнуснаго, отвратительнаго недостатка, достаточно только одного кувшина воды, своевременно использованной и немножко заботы о себѣ изо дня въ день,—съ изумленіемъ спрашиваешь себя, какъ это такая хорошенькая особа, какъ вы, можетъ такъ упорно избѣгать чистой воды.

Стараніе.

Забота, стараніе это болѣе чѣмъ качество или достоинство, это смѣло можно назвать добродѣтелью. Благодаря имъ, ничего не проходитъ безплодно. Тотъ, кто старается беречь, все сохраняетъ и никогда не будетъ безусловно бѣденъ. Стараніе, забота совершаютъ чудеса, потому что изъ малаго, почти изъ ничего они дѣлаютъ достаточно, тогда какъ отсутствіе старанія, умудряющееся даже изъ многого ровно ничего не сдѣлать, ежедневно на нашихъ глазахъ производитъ чудеса совершенно противоположнаго рода.

Забота и стараніе умяжило пять хлѣбовъ; стараніе и особая заботливость Бога создали возможность того факта, что одежды сыновъ Израиля не износились въ теченіи сорока лѣтъ, проведенныхъ ими въ пустынь. Я этимъ не хочу сказать, что въ наши дни забота и стараніе могутъ произвести такіе же чудеса, такъ какъ время великихъ чудесъ, повидимому, уже миновало.

Верхняя одежда и панталоны въ теченіи сорока лѣтъ однѣ и тѣ же, конечно, не могутъ быть въ наше время удовлетворительными, но все же попытайтесь быть заботливыми и старательными; если не достигнете тѣхъ же чудесъ, то чего либо не менѣе изумительнаго.

Отсутствіе заботы и старанія вредны не только по отношенію къ одеждѣ. Вашъ маленькій мозгъ, за отсутствіемъ заботы и порядка, многое уже испортилъ, повѣрьте, что такого изъяна никогда бы не было, если бы въ головѣ вашей царствовалъ полный порядокъ и если бы вы позаботились о сохраненіи въ ней тѣхъ сокро-

вищъ, которыя введены въ нее заботами вашихъ родителей и уничтоженныхъ въ ней вслѣдствіе отсутствія заботы и старанія съ вашей стороны.

Сбивчивость, беспорядокъ равносильны полной пустотѣ. Если приходится вамъ искать вашу булавку въ вязанкѣ сѣна, такъ это равносильно тому, какъ будто у васъ никогда этой булавки и не бывало.

При заботливости, всегда все подъ рукою; тотчасъ въ точности подыскивается то, что нужно; тамъ, гдѣ нѣтъ старанія, нѣтъ заботливости. тамъ всегда когда ищутъ находятъ только непригодное, а не то, что требуется.

Маленькіе недостатки.

Не обращать вниманія на мелочные недостатки было бы заблужденіемъ. Самый ничтожный непріятель съ теченіемъ времени принесетъ значительный вредъ. Не слоны уничтожаютъ посѣвы и разоряютъ земледѣльцевъ въ большихъ хлѣбородныхъ равнинахъ, но врагами являются саранча, жучки, уничтожающіе пшеницу до созрѣванія, а также долгоносики и другія насѣкомые, уничтожающія цѣлые колосья.

Защищая сады и виноградники стѣнами отъ крупныхъ воровъ, вы не предохраните ихъ отъ мелкихъ какъ напримѣръ мухи и воробья.

Маленькія, повторяющіяся часто болѣзни, противъ которыхъ не принимаютъ надлежащихъ предосторожностей подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ не смертельны, болѣе несносныя враги нежели важныя болѣзни, противъ которыхъ заблаговременно принимаются всѣ мѣры предосторожности. Серьезныя болѣзни почти всегда про-

исходить какъ послѣдствіе маленькихъ заболѣваній, на которыя никакого вниманія не обращали. Надо предохранять себя отъ незначительныхъ насморковъ, чтобы избѣжать воспаленія легкихъ. Маленькіе недостатки съ нами неразлучны ежедневно, а большіе несравненно рѣже, точно аэролиты, падающіе на землю послѣ значительныхъ промежутковъ времени.

Однако, маленькій недостатокъ нельзя считать ничтожнымъ, потому что самый ничтожный изъянъ можетъ испортить образцовое произведеніе.

Бородавка весьма незначительная вещь, но если она у васъ будетъ на кончикѣ носа, на виду у всѣхъ, тогда, хотя бы вы были такъ красивы какъ Аполлонъ, но всѣ васъ будутъ называть человѣкъ съ бородавкой.

Ошибочно было бы признавать маленькій недостатокъ, глубоко вѣдრившійся и постоянный, дѣломъ пустымъ; то, что продолжительно, никогда не бываетъ ничтожно.

Кто захотѣлъ бы, чтобы всю жизнь надъ ухомъ его постоянно жужжалъ комаръ? Это могло бы довести до бѣшенства даже льва. Вашъ маленький недостатокъ въ томъ же родѣ какъ этотъ комаръ; зачѣмъ навязываете вы его сообществу не только себѣ, но и всѣмъ другимъ?

Притомъ, маленький недостатокъ всегда является задаткомъ, началомъ развитія большого недостатка; даже пороки являются дѣтьми маленькихъ недостатковъ. Нерѣдко мы встрѣчаемъ сыновей болѣе злыхъ нежели ихъ отцы. Ничего такъ быстро не развивается и не вырастаетъ какъ маленький недостатокъ и ничего такъ быстро не размножается.

Маленькое черное пятнышко на зубѣ, повидимому ровно ничего не значитъ, но если вы не обратитесь немедленно къ зубному врачу, или не примите надлежащихъ мѣръ, вскорѣ весь зубъ испортится, а разъ онъ сгниетъ, если вы его не вырвите, сосѣдніе зубы также испортятся, а затѣмъ другіе, стоящіе съ ними рядомъ и такимъ образомъ не останется ни одного здороваго зуба.

Оставьте сгнившую сливу въ корзинѣ съ свѣжими сливами и въ теченіи сутокъ онѣ всѣ испортятся.

Было бы пріятно, если бы здоровыя слявы излѣчивали больную, но, къ сожалѣнію, это невозможно, а потому сосѣдство маленькаго недостатка никогда не можетъ быть безразлично.

Тщеславіе признается не особенно важнымъ недостаткомъ. Очень ошибочное мнѣніе, потому что тщеславіе лжетъ съ утра до вечера и на каждомъ шагу. Когда поступать не такъ какъ слѣдуетъ, кто, вмѣсто того чтобы сознаться въ этомъ, упорно отрицаетъ свои ошибки? Тщеславіе. Когда другой слѣдуетъ что либо лучше чѣмъ вы, кто отказывается признать превосходство другого и сознаться въ своей слабости. Все то же тщеславіе.

Ложь, дочь тщеславія и, по несчастью, это не единственное ея дитя. Я знаю, что она имѣетъ еще двухъ дочерей, одна другой хуже, а именно: ревность и зависть, роковымъ образомъ порождающихъ ненависть, становящуюся, въ свою очередь, матерью многихъ преступленій. Какъ же вы находите? Какого вы теперь мнѣнія объ этомъ маленькомъ недостаткѣ и его миленькомъ потомствѣ?

Маленькій недостатокъ никогда не бываетъ одинокъ; у него всегда является цѣлое семейство; онъ никогда не остается холостякомъ и размножается какъ крысы: стоитъ только завестись одной и вскорѣ весь домъ ими переполненъ. А потому надлежитъ остерегаться и не допускать маленькихъ недостатковъ, если даже не ради ихъ самихъ, то, во всякомъ случаѣ, ради ихъ потомства.

Вѣдь пылинка въ сущности ничего не значитъ, но допустите скопленіе пылинокъ и вскорѣ вся квартира будетъ покрыта пылью. Ниневія, Вавилонъ и Карфагенъ и все, что исчезло и погребено, городъ ли это или народъ, все это скопившіяся пылинки, все это пенель времени, покрывшій и скрывшій ихъ навсегда.

Секунда—очень краткій періодъ времени, а между тѣмъ вся жизнь это только помноженные секунды.

Можетъ ли быть что либо незначительнѣе капли воды; а между тѣмъ грозный океанъ ничто иное какъ громадное скопленіе капель воды.

Такъ не относитесь же пренебрежительно къ маленькому недостатку, если онъ застарѣлый. Самая маленькая колючка, вонзившаяся въ лапу льва, лишитъ его возможности двигаться; того же самаго добьется крупная песчинка, попавшая въ обувь человѣка, будь онъ хотя бы Александромъ Македонскимъ и, пожалуй, задержитъ завоеваніе цѣлаго міра.

Пожалуйста не думайте, что я преувеличиваю. Чтобы доказать вамъ справедливость моего замѣчанія, обратимся къ архитектурѣ.

Вотъ памятникъ, вызывавшій изумленіе въ теченіи двадцати вѣковъ и время казалось надъ нимъ бевсильнымъ. Но вдругъ изъ фронтона выпадаетъ одинъ только камень. Это ровно ничего не значить—говорите вы,—сооруженіе прочно и крѣпко; изъянъ такъ ничтоженъ и на самой верхушкѣ; его невозможно даже замѣтить, если объ этомъ не предупредить. Но архитекторъ съ вами нисколько не согласится и держится мнѣнія совершенно противоположнаго. Онъ тотчасъ провозглашаетъ это опаснымъ, отлично понимая, что если немедленно не замѣнить выпавшій камень, опасность угрожаетъ всему зданію. Эта маленькая дыра, совершенно ничтожная для глазъ вашихъ, съ его точки зрѣнія представляется открытой дорогой для всѣхъ враговъ сооруженія: дождя, вѣтра, холода и тепла. Проломъ сдѣланъ и если его не задѣлать, сквозь него пройдутъ всѣ дѣятели разрушенія. Архитекторъ зоветъ плотниковъ и для этой починки, казавшейся вамъ излишней, начинаетъ тѣмъ, что вокругъ каменнаго зданія, сооружаетъ громадныя лѣса, точно дѣло идетъ о новомъ сооруженіи всей постройки.

Но это еще не конецъ и потрудимся полѣзть наверхъ вслѣдъ за каменщикомъ. Необходимо, чтобы вы поглядели вблизи, что будетъ дѣлать этотъ искусный рабочій для того, чтобы вставить только одинъ выпавшій камень. Вы, пожалуй, скажете:—Это очень просто; онъ чѣмъ нибудь задѣлаетъ отверстіе. Нѣтъ, извините, это далеко не такъ просто какъ вамъ кажется. Чтобы залѣчить рану, увы, надо ее сначала увеличить, расширить;

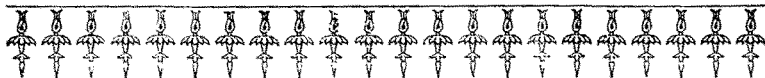
вогнать боль внутрь не значить излѣчить. Также точно и для задѣлки дыры недостаточно вложить въ нее плотно прочный камень, но необходимо замѣнить новыми всѣ, прилежающіе къ выпавшему, камни, потому что всѣ они поколеблены, распатаны. Кромѣ того, надо добавить изрядное количество извѣсти, чтобы прочно соединить всѣ вставленные камни.

Если вы желаете избѣгнуть такой сложной работы, если вы боитесь необходимости внимательства каменщика или хирурга, никогда не допускайте выпаденія камня изъ вашего нравственнаго зданія; слѣдите за своимъ характеромъ, будьте внимательны и не допустите, чтобы въ немъ образовалась дыра въ формѣ маленькаго недостатка. Все цѣпляется одно за другое, все зависитъ одно отъ другого и все солидарно въ душѣ человѣческой; самая маленькая трещина дастъ возможность проникнуть въ нее смертельнымъ задаткамъ.

Маленькіе недостатки именно тѣмъ крайне опасны, что кажутся невинными, ничтожными. Поверхностно къ нимъ относящіеся люди часто называютъ ихъ милые невинные недостатки. Если бы имъ пришлось близко съ ними познакомиться, пожалуй они бы нашли ихъ такими же страшными какъ чума.

Можете снисходительно относиться къ маленькимъ недостаткамъ вашихъ друзей, но къ своимъ, повѣрьте мнѣ, слѣдуетъ быть неумолимымъ. Ржавчина развѣдаетъ даже превосходно закаленную сталь. Шашень—крошечное насѣкомое, а между тѣмъ уже двадцать разъ подвергало Голландію опасности, развѣдая ея плотины, самыя прочныя во всемъ мірѣ.

Маленькія добродѣтели.

относительно маленькихъ недостатковъ я сказалъ, что не слѣдуетъ относиться къ нимъ пренебрежительно, а относительно маленькихъ добродѣтелей скажу, что ими слѣдуетъ очень дорожить. Кромѣ того, что онѣ имѣютъ несравненно большее примѣненіе въ жизни чѣмъ большія добродѣтели, онѣ чрезвычайно полезны

въ жизни.

Конечно, совершить какой-нибудь блестящій подвигъ дѣло великолѣпное, но случай къ этому представляется крайне рѣдко; если поджидать геройскаго подвига, то придется ждать чуть не всю жизнь, а потому, чтобы творить добро, надлежитъ довольствоваться малыми дѣлами, а не стоять сложа руки въ ожиданіи великихъ подвиговъ. Притомъ проявленіе маленькихъ добродѣтелей представляется путемъ къ развитію великихъ.

Въ арміи, творящей добро, прежде чѣмъ сдѣлаться капитаномъ надо быть солдатомъ. Въ битвѣ жизни какъ и въ любомъ сраженіи дѣло выигрывается рядовыми настолько же какъ и предводителями. Александръ, Цезарь, Наполеонъ никогда не побѣждали сами по себѣ, независимо отъ своихъ воиновъ. Нельзя быть завоевателемъ безъ содѣйствія арміи. Добрыя дѣянія въ малыхъ размѣрахъ иногда труднѣе громкаго подвига, принося болѣе значительную пользу. Какъ мелкая монета, маленькія добродѣтели имѣютъ то преимущество, что всѣмъ по силамъ, даже дѣтямъ. Какъ въ поприщѣ они не нуждаются въ громадной аренѣ, для нихъ уголокъ достато-

ченъ; имъ не нужно блестящее солнце, сильное освѣщеніе, онѣ растутъ всюду, растутъ въ тѣни; если не представляютъ того, что называется славою жизни, зато онѣ поддерживаютъ и украшаютъ жизнь.

Понятно, маленькія добродѣтели не блещутъ ослѣпительно, но онѣ распространяютъ вокругъ себя какъ бы благоуханіе, это фіалки души; онѣ не поражаютъ блескомъ, но успокаиваютъ и утѣшаютъ; онѣ очищаютъ воздухъ, легко дышется около нихъ; имъ не воздвигаютъ монументовъ, но смѣло скажу, что онѣ ихъ поддерживаютъ; онѣ не строятъ домовъ, но онѣ ихъ меблируютъ; онѣ добрыя хозяйки жизни.

Когда шумъ и волненіе распространятся въ лагерьъ великихъ добродѣтелей, когда тишина и спокойный строй жизни нарушенъ великими торжествами или великими бѣдствіями, онѣ появляются изъ тайниковъ сердца, гдѣ онѣ обыкновенно скрываются и безъ шума, грома, тихо и скромно благодаря имъ все исправляется, врачуется, улучшается и снова входитъ въ колею. Нація, въ блестящемъ подвигѣ истощившая всѣ свои силы, восстанавливаетъ ихъ, благодаря маленькимъ добродѣтелямъ.

Маленькія добродѣтели въ особенности отличаются умѣніемъ защищать домашній очагъ; ихъ нельзя сравнить съ арміей, дѣйствующей въ открытомъ полѣ, это гарнизонъ, это милиція гражданъ, армія скромная, но надежная, потому что отлично изучила мѣсто, вѣренное ея охранѣ и дорогое ея сердцу. Маленькія добродѣтели зорки и чутки даже во снѣ. Лучше, нежели великія, онѣ знаютъ слабыя мѣста крѣпости и сумѣютъ ее отстоять. Непрiятель никогда не застанетъ ихъ врасплохъ; онѣ не дѣлаютъ неосторожныхъ вылазокъ и можно быть покойнымъ, что излишней смѣлостью онѣ не подвергнутъ опасности; онѣ составляютъ запасную армію какъ для всей страны такъ и для каждаго гражданина, отдѣльно взятаго.

При пораженіи онѣ въ аріергардѣ и весьма часто въ нихъ только спасеніе. Онѣ поднимаютъ раненыхъ и собираютъ въ одно уцѣлѣвшія силы; руки ихъ ловки,

нѣжны, надежны; пальцы гибки и мягки; онѣ о васъ заботятся, окажутъ вамъ большія услуги, а вы едва замѣтите ихъ присутствіе. Только терпѣніе умѣетъ за-тыкать всѣ дыры, задѣлывать всѣ проломы и побороть послѣдствія пушечныхъ выстрѣловъ; онѣ иголка, тихо и безмолвно зашивающая разрывы; онѣ—коршія, заживляющія всякія раны, вода ихъ освѣжающая; это ванна, воз-становляющая силы истомленнаго тѣла.

Маленькимъ добродѣтелямъ не нужно никакого вознагражденія, награда ихъ въ сдѣланномъ добрѣ. Если вы спасены, если вы счастливы, благодаря имъ, неблагодарнымъ, вы можете быть только въ глазахъ другихъ людей, онѣ же никакой благодарности не ищутъ и радуются, если оказались незамѣченными.

Великія добродѣтели проявляютъ свою дѣятельность празднично и торжественно при колокольномъ звонѣ, а маленькія работаютъ ежедневно въ тишинѣ и въ тѣни.

Маленькіе ручейки образуютъ большія рѣки, но только тогда, когда каждый изъ нихъ исполнилъ свое назначеніе. Рѣка будетъ искать широкаго простора, а маленькій ручей довольствовался укромнымъ уголкомъ и, будьте покойны, онѣ ничего не упустилъ изъ виду; всюду, гдѣ онѣ прошелъ, все въ порядкѣ.

Маленькая добродѣтель, взятая въ отдѣльности, напоминаетъ каплю росы, проникшую изъ земли на пользу зеленой былинки, требующей освѣженія. Исполнивъ свое назначеніе, капля поднимается къ небу. А спросите-ка у самыхъ густыхъ и громадныхъ облаковъ насколько цѣнны имъ эти капли. Самыя большія изъ этихъ облаковъ, заслоняющія солнце, знаютъ, что они изъ этихъ каплей составлены.

Никогда не относитесь пренебрежительно къ тому, что мало, слабо, смиренно. Великое составляется изъ умноженія малаго. Весь міръ состоитъ изъ атомовъ. Сила въ связи. Конопляная нитка ничтожная вещь, но самыя толстые канаты, выдерживающіе ужасныя бури, изъ этихъ нитокъ свиты.

Старайтесь обладать наибольшимъ числомъ маленькихъ добродѣтелей; насаждайте, сѣйте ихъ всюду, въ вашихъ

палатахъ и въ хижинахъ, въ паркахъ и въ огородахъ, Помните, кто бы вы ни были, бѣдный или богатый, знатный или простой смертный, что по истинѣ великіе люди всегда ихъ высоко цѣнили. Филопомѣнь рубилъ дрова у содержателя гостиницы; Цинцинать самъ пахаль землю; Тюрень отлично понималъ шутку, несмотря на то, что довольно грубо получилъ ударъ рукою собственнаго слуги. Фенелонъ помогъ бѣдной женщинѣ въ поискахъ пропавшей коровы и вотъ тогда то, какъ это такъ прекрасно выразилъ Г. Сентъ Маркъ Жирарденъ, онъ почти заслужилъ названіе святого, которымъ его наградила въ порывѣ благодарности бѣдная женщина, благодаря его помощи, нашедшая корову.

Старайтесь имѣть возможно больше маленькихъ добродѣтелей и вы никогда не будете въ затруднительномъ положеніи: съ ними въ счастья и въ несчастіи вы благородно и съ достоинствомъ будете опускаться и подниматься. Подъ ихъ охраной никогда не бываетъ полного крушенія, не бываетъ непоправимаго бѣдствія, не бываетъ головокружительнаго паденія.

Армія маленькихъ добродѣтелей не знаетъ блестящихъ триумфовъ, но зато никогда не терпитъ полного пораженія. Какъ бы ни ухищрялся непріятель, охватывая ее со всѣхъ сторонъ, она всегда умѣетъ сплотиться и стать твердой ногой на прежнемъ мѣстѣ.

Я не буду вамъ поименовывать всѣ маленькія добродѣтели, такъ какъ онѣ не любятъ огласки. Онѣ всѣ скромны и просты и такъ сходны между собою, что трудно различить одну отъ другой; ихъ можно назвать сестрами милосердія жизни и всѣ онѣ одинаково хороши.

Ихъ можно сравнить съ брилльянтовой пылью сердцецъ, необходимой для шлифовки цѣлаго брилльянта. Изъ этихъ тысячъ пылинокъ какую выбрать—рѣшить невозможно.

Я завершу мое хвалебное слово маленькимъ добродѣтелямъ, заявивъ великимъ добродѣтелямъ, что онѣ были бы совершенны, если бы могли имѣть скромный и дружелюбный видъ маленькихъ добродѣтелей.

Чужіе недостатки.

Недостатки пріятные и непріятные.

а, поговоримъ о чужихъ недостаткахъ. Не говоря уже о томъ, что это дастъ возможность притаяться нашимъ собственнымъ недостаткамъ, есть основаніе полагать, что по этому предмету намъ несравненно легче стовориться и согласиться, такъ какъ наши особы тутъ совершенно въ сторонѣ.

Если бы рѣчь шла о нашихъ личныхъ недостаткахъ, намъ бы и говорить нечего было. У насъ ихъ почти вовсе нѣтъ, да и, наконецъ, мы такъ скромны, что вовсе ихъ и не скрываемъ. Всѣ ихъ знаютъ, стоитъ ли объ этомъ толковать? По нашему мнѣнію, наши недостатки въ томъ, что мы слишкомъ добры, слишкомъ откровенны, горячи, слишкомъ чистосердечны, чувствительны и до глупости во всемъ щепетильны. Еще къ этому перечню прибавьте и прочая и прочая, и дѣлу конецъ!

Но разъ рѣчь зашла о чужихъ недостаткахъ, это уже дѣло иное; объ этомъ мы готовы говорить хотя бы до завтра.

Но пусть чужіе недостатки успокоятся, мы не будемъ ихъ разбирать въ частности, но коснемся ихъ только въ общемъ и, такъ какъ мы не будемъ говорить о семи смертныхъ грѣхахъ, мы живо покончимъ съ этимъ вопросомъ.

Впрочемъ, кто знаетъ, что принесетъ для насъ самихъ эта маленькая экскурсія въ область чужихъ грѣховъ?

Мнѣ кажется справедливымъ раздѣлить *чужіе недостатки* на двѣ категоріи.

Между ними есть такіе, которые нѣкоторыми снисходительными людьми вовсе не признаются недостатками, такъ какъ вредны только ихъ обладателямъ, а окружающимъ доставляютъ нѣкотораго рода выгоду и даже удовольствіе. Вотъ такіе недостатки входятъ въ категорію, извѣстную подъ названіемъ пріятные, привлекательные недостатки. Въ числѣ ихъ расточительность, уступчивость и прочее.

За имѣющими такого рода недостатки многіе ухаживаютъ, увиваются около нихъ.

Въ числѣ чужихъ недостатковъ есть другая категорія, совершенно противоположная первой, не имѣющая никакой привлекательности для окружающихъ, такъ какъ ничего не доставляетъ имъ, а, наоборотъ, еще у нихъ отнимаетъ. Такого рода недостатки: скарденничество, эгоизмъ и многіе другіе.

Сторонники пріятныхъ недостатковъ, враги заклятые такого рода недостатковъ, да и равнодушные также очень сурово относятся къ этимъ недостаткамъ.

Полагаю излишнимъ доказывать, что настолько же насколько увиваются и ухаживаютъ вокругъ обладателей пріятныхъ недостатковъ, настолько же удаляются отъ обладающихъ непріятными недостатками.

Я употребилъ выраженіе *пріятные недостатки* и потому тотчасъ признаю нужнымъ выяснить, что я вовсе не хочу этимъ сказать объ извинительности подобныхъ недостатковъ. Утверждать что либо подобное, я никогда бы себѣ не позволилъ. Напротивъ, я скажу, что то, что называютъ пріятными недостатками, быть можетъ хуже чѣмъ такъ называемые непріятные и болѣе опасны. Они весьма часто приводятъ людей къ гибели.

Когда недостатокъ не привлекателенъ и ничего не можетъ доставить ухаживателямъ, онъ всѣмъ не нравится, какъ дурнымъ такъ и хорошимъ и, обладающіе имъ, принимаются такъ, какъ собаки при игрѣ въ кегли, а потому самое лучшее, что можетъ сдѣлать человекъ,

страдающій такимъ недостаткомъ, это какъ можно скорѣе отъ него освободиться.

Но совсѣмъ другое недостатокъ пріятный, привлекательный; онъ очень благосклонно принятъ многими, терпимъ всѣми, поддержанъ и восхваляемъ заинтересованными лицами, покидающими излюбленный ими субъектъ только тогда, когда онъ разоренъ и ничего уже не имѣеть.

Въ такомъ случаѣ, скажете вы мнѣ, если уже нужно дѣлать выборъ, такъ надо отдать предпочтеніе недостатку непріятному.

Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ, потому что недостатокъ пріятный васъ влечетъ роковымъ образомъ къ дурному, по пути, усѣянному иллюзіями, а недостатокъ непріятный и этого утѣшенія не доставляетъ. Онъ вредитъ вамъ съ перваго же дня и какъ только его откроютъ въ васъ другіе, тотчасъ для нихъ теряютъ всякую цѣну даже самыя лучшія ваши качества, до такой степени имъ кажется непріятенъ вашъ недостатокъ.

Прямой нравственный выводъ изъ этого тотъ, что не можетъ существовать хорошихъ недостатковъ и что самое лучшее не имѣтъ вовсе недостатковъ. Но васъ это изумляетъ и вы тотчасъ воскликнете:

— Все безъ недостатковъ! Да вѣдь это невозможно!

Прошу меня извинить: это возможно. Я не требую, чтобы вы сразу сдѣлались совершенствомъ. Весьма возможно, что усилія, которыя вамъ придется употребить, будутъ неимоვნю трудны, но разъ вы твердо этого захотите, увѣряю васъ, что, со дня на день, вы будете дѣлаться лучше.

Недостатокъ нравственный совсѣмъ не то, что недостатокъ физическій, въ которомъ вы неповинны и отъ котораго избавиться невозможно. Недостатокъ нравственный это нѣчто такое, отчего человѣкъ порядочный и обладающій сильной волей всегда въ состояніи избавиться.

Притомъ достаточно уже самаго намѣренія; достаточно усилій, чтобы это вамъ было зачтено въ заслугу всѣми, кто васъ любитъ и кто входитъ съ вами въ сношенія; наконецъ тѣ кто васъ, вслѣдствіе этого недостатка, не влюбилъ, мало-по-малу, мирятся съ вами.

Противъ пріятныхъ, милыхъ недостатковъ, мнѣ недалеко искать примѣры. Вотъ вамъ маленькій избалованный, но не злой ребенокъ; вышиною онъ въ мой сапогъ и если бы даже вздумалъ, никогда не удастся ему перевернуть весь міръ, однако онъ переворачиваетъ вверхъ дномъ все въ домѣ родителей. Я прихожу съ визитомъ къ его родителямъ. Весьма возможно, что въ теченіи десяти минутъ меня даже забавляютъ его шалости, разныя выходки и невообразимый гамъ. Но если это должно продолжаться цѣлые дни, наконецъ всю жизнь, то, конечно, можете быть увѣрены, что я отъ всей души пожелаю имѣть возможность отправить его на край свѣта.

Противъ недостатковъ непріятныхъ, задача моя также не представляется затруднительной. Вотъ маленькая барышня; она бываетъ дерзка, груба и одержима большимъ любопытствомъ. Она не скрываетъ своихъ недостатковъ подъ видомъ какихъ либо качествъ и въ ней они проявляются безъ всякаго стѣсненія. Однажды она была у меня въ домѣ. Если бы даже мнѣ изъ-за этого, пришлось поссориться съ ея отцомъ, нога ея никогда больше не попадетъ ко мнѣ.

Ясно, что не существуетъ такого недостатка, который былъ бы сколько-нибудь полезенъ тому, кто имъ одержимъ.

Что касается того нелѣпаго расчета, что не стоитъ избавляться отъ такихъ недостатковъ, которые нравятся намъ окружающимъ, онъ, очевидно, неоснователенъ, потому что нравиться можно тѣмъ, кто къ намъ искренне расположенъ, не недостатками, а качествами. Это гораздо вѣрнѣе и намъ не вредно.

Качество имѣетъ всегда то несомнѣнное преимущество надъ недостаткомъ, что оно никому не наскучаетъ и не утомляетъ ни ближняго, который имъ пользуется,

ни самаго обладателя этого качества. Между тѣмъ, совершенно наоборотъ, недостатокъ имѣеть ту особенность, что тотъ кто имъ обладаетъ и тотъ кто его на себѣ испытываетъ, всегда узнають оборотную сторону медали.

Слѣдовательно, непременно надо освобождаться отъ своихъ недостатковъ, а для этого существуетъ только единственный способъ: замѣнить каждый недостатокъ противоположнымъ ему качествомъ. До тѣхъ поръ, пока эта замѣна не произошла, мѣсто недостатка остается пустымъ и, какъ дыра, замѣнившая прежнее пятно, даетъ право предполагать, что недостатокъ снова можетъ занять покинутое мѣсто.

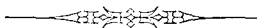
Вы мнѣ шепчете на ухо, что есть недостатки, которые пріятно имѣть и что отъ нихъ почти нѣтъ возможности избавиться.

На это я вамъ возражу:

— Если вы желаете знать, насколько какое либо качество цѣнно, вдумайтесь насколько оно полезно тому, кто имъ обладаетъ и насколько вамъ нравится встрѣчать его въ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если вы хотите знать насколько какой либо недостатокъ вреденъ и надоѣдливъ, провѣрьте мысленно насколько онъ вамъ не нравится въ вашемъ ближнемъ и насколько онъ вредитъ ему въ глазахъ какъ вашихъ, такъ и всѣхъ его окружающихъ.

Изъ этихъ двухъ наблюдений сдѣлайте надлежащій выводъ, а въ заключеніе дополните его еще третьимъ наблюдениемъ: весьма часто въ другихъ находятъ отвратительными недостатки, которыми сами обладаютъ, насколько того не подозревая. Это вѣчная, слишкомъ старая исторія о бревнѣ въ глазу своемъ и о соломинкѣ въ глазу ближняго. Старайтесь всѣми силами, чтобы она относительно васъ не оправдалась эта старая исторія.

Мы условились ничего не говорить о нашихъ собственныхъ недостаткахъ, но виноватъ ли я, если мы ихъ встрѣтили и узнали въ недостаткахъ нашихъ ближнихъ?

О выборѣ чтенія.

Ничего не можетъ быть важнѣе какъ выборъ книгъ для чтенія въ раннемъ возрастѣ. Весь характеръ ребенка, а слѣдовательно и того взрослого человѣка, который изъ него выйдетъ, зависитъ отъ этого. Всѣ мы болѣе или менѣе всю жизнь остаемся подъ вліяніемъ книгъ, произведшихъ на насъ сильное впечатлѣніе въ дѣтствѣ.

Книги—это удобные учителя, къ которымъ обращаются, оставляютъ ихъ, снова къ намъ возвращаются, предлагаютъ имъ вопросы и выслушиваютъ ихъ отвѣты въ тѣ часы, когда вздумается, когда это хочется и нравится. Ихъ раскрываешь и закрываешь когда вздумается. Это наставники, скромно хранящіе ваши тайны; нѣмые, но краснорѣчивые повѣренные нашихъ грезъ, увлекающіе насъ, не сходя съ мѣста, далеко въ страны невѣдомыя. Вліяніе на насъ этихъ наставниковъ можетъ быть потому такъ сильно, что ничѣмъ и никѣмъ не навязывается и совершенно свободно производится.

Книга, это нѣкто, котораго нѣтъ съ вами; онъ не говоритъ съ вами, а между тѣмъ вы слышите его голосъ, это таинственный другъ, духъ котораго не покидаетъ васъ и особа котораго лишена возможности чѣмъ либо васъ обезпокоить; обаяніе котораго ничѣмъ лично ему принадлежащимъ не можетъ быть ослаблено; его безкорыстіе несомнѣнно, такъ какъ онъ ничего не требуетъ и ни о

чемъ не вопрошаетъ. Это таинственный свидѣтель, который никогда не дастъ показанія противъ меня, такъ какъ онъ, хотя и знаетъ меня, но не знаетъ кто я именно. Общеніе съ нимъ представляется пребываніемъ вдвоемъ, хотя физически я чувствую себя одинокимъ, слѣдовательно это, послѣ мысли, самое важное дѣло въ жизни и если этотъ другъ плохъ, то выходитъ самое плохое дѣло, а если хорошъ, то самое лучшее.

Изъ всего этого очевидно, до какой степени важно, чтобы дитя, молодой человѣкъ или молодая дѣвушка, съ первыхъ шаговъ вступленія въ жизнь, имѣли бы только хорошія книги предъ глазами. Выборъ друга или подруги навѣрное далеко не такъ важенъ какъ это.

Разумъ также имѣетъ своего рода дѣтство. Умъ имѣетъ различные возрасты подобно тому, какъ тѣло, и требуетъ такихъ же попеченій о себѣ.

Читать хорошее такъ же необходимо для нравственной гигиены, какъ ѣсть и пить надлежащимъ образомъ. Умъ извращается такъ же скоро и легко какъ и желудокъ, если ѣдятъ и пьютъ неумѣло и неумѣренно. Въ раннемъ дѣтствѣ вкусъ легко портится излишествами. Вкусъ самое нѣжное изъ всѣхъ нашихъ чувствъ.

Если ты всегда читалъ только хорошія книги, здоровыя книги, я отвѣчаю за безукоризненное состояніе здоровья твоего ума. Если же, наоборотъ, ты питался книгами неудовлетворительно выбранными, книгами вредными и большими—плохо твое дѣло; значить ты имѣлъ сомнительную кормилицу, пилъ нехорошее молоко и кровь твоя испорчена.

Извѣстную поговорку: «Скажи мнѣ съ кѣмъ ты водишься, я тебѣ скажу, кто ты таковъ» можно было бы дополнить еще слѣдующей: «Скажи мнѣ, что ты читалъ, я тебѣ скажу, что изъ тебя выйдетъ».

По вопросу о томъ, какое чтеніе наиболѣе подходящее для дѣтства и юношества, имѣются въ наличности двѣ системы.

Одна изъ нихъ никакихъ опасеній не признаетъ. Согласно ей, надо позволять ребенку все читать, что ему вздумается, чтобы онъ сдѣлался добрымъ и сильнымъ.

Другая система всего опасается. Она ведетъ ребенка за руки, приказывая ему двигаться съ опущенными внизъ и почти завязанными глазами и, такимъ образомъ, ведетъ его до вступленія въ возмужалость. Подъ предлогомъ сохраненія его невиннымъ, она ввергаетъ его, полнымъ невѣденія, въ бурный потокъ жизни на произволь всякихъ случайностей.

Къ глубокому сожалѣнію, первой системой достигается то, что, благодаря ей, гибнутъ даже съ геркулесовскими задатками. На одну ладью безъ пилота, счастливо переплывшую этотъ проливъ, съ волнами хотя не великихъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе ужасныхъ, который называется дѣтство и юность, насчитывается тысяча лодокъ, затонувшихъ, не дойдя до порта.

Что до меня касается—я предпочелъ бы скорѣе предоставить дѣтямъ ключи отъ кладовой и отъ виннаго погреба, чѣмъ предоставить въ ихъ полное распоряженіе ключъ отъ библіотеки.

Эта система преждевременнаго предоставленія полной свободы служить причиной одной изъ тягчайшихъ болѣзней нашего времени, именно гастритъ мозга, которымъ такъ часто страдаетъ наше молодое поколѣніе. И весьма понятно: испробовано все, но ничего не переварено. Разстройство слѣдовало за разстройствомъ и кончается тѣмъ, что умъ не въ силахъ справляться съ своей пищей. Въ двадцать лѣтъ дѣлаются старикомъ.

Пора уже, давно пора, устранить эту опасную систему. Надо, чтобы юношество понимало, что въ интересахъ не только ея здоровья, но даже самыхъ настоящихъ ея радостей и удовольствія, не слѣдуетъ забѣгать впередъ, не слѣдуетъ торопиться пользоваться жизнью и по давню позволять себѣ излишества. Надо, чтобы оно создало, что все должно придти во время и въ надлежащей мѣрѣ; надо, чтобы оно знало, что не слѣдуетъ насиловать ни тѣла, ни ума и допускать юности питаться тѣмъ, что оказалось бы слишкомъ возбуждающимъ и тяжелымъ даже для зрѣлаго возраста; это равносильно уничтоженію въ зародышѣ всего того, что въ юности есть лучшаго, равносильно поджиганію собственнаго дома.

Вотъ въ силу этого, мнѣ очень не по сердцу эта система, въ особенности по отношенію къ выбору книгъ для чтенія; она, положимъ, очень удобна учителямъ, эта преждевременная свобода, такъ какъ избавляетъ ихъ отъ излишней работы. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я сколько-нибудь былъ сторонникомъ системы полного подавленія всякой самостоятельности, такъ какъ, по моему мнѣнію, все, что доводится до крайности, кончается нелѣпостью и полагаю, что если бы пришлось во что бы то ни стало выбрать ту или другую изъ этихъ двухъ системъ, я скорѣе согласился бы предоставить дѣтямъ ѣсть какъ попало и питаться чѣмъ вздумается, нежели морить ихъ голодомъ.

Притомъ я вполне увѣренъ, что воспитывать ихъ по системѣ полного воздержанія, продолжительной діеты и въ полномъ невѣденіи условій жизни, клонится неизбежно къ возбужденію въ нихъ стремленій предаться всякаго рода крайностямъ, какъ только они почувствуютъ себя на свободѣ. А между тѣмъ цѣлью системы было охранить ихъ именно отъ этого.

Избѣгнуть крайностей этихъ двухъ системъ гораздо легче чѣмъ это предполагаютъ. Истина на серединѣ между ними.

Не въ обиду будь сказано анархистамъ воспитанія, ребенку нужно чистое молоко, а не алкоголическіе напитки и, кромѣ того, отлучивъ его отъ груди, необходимо переходное питаніе, соответствующее неподготовленности его желудка къ новымъ пищевымъ матеріаламъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не въ обиду будь сказано сторонникамъ суровой воздержанности, необходимо для юноши и для молодой дѣвушки основательное питаніе.

Хотя въ пятнадцать лѣтъ не дѣлаются еще возмужалыми ни юноша, ни дѣвочка, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что они къ этому приближаются и, слѣдовательно, наступило время, когда имъ нужны бифштексъ и котлеты, словомъ, какъ мясо, такъ и книги питательныя, основательныя. Однако существуетъ два рода книгъ, которые въ этомъ возрастѣ отнюдь не слѣдуетъ рекомендовать какъ юношѣ, такъ и дѣвушкѣ:

1-й. Книга съ крайними воззрѣніями, эти черезчуръ наперченные кушанья, нисколько не просвѣтляющія мозгъ, но только охватывающія его огнемъ.

2-й. Книги пошлыя и пустыя, какъ кушанье совершенно безвкусное, обременяющее желудокъ, но не питающее организмъ надлежащимъ образомъ.

Книга глупая, сколько бы относительно ея ни существовало наивныхъ предразсудковъ, никогда не бываетъ безвредной. Глупость прилипчива, заразительна, и тотъ учитель, который училъ бы васъ сдѣлаться глупымъ, навѣрное не принадлежитъ къ тѣмъ учителямъ, которымъ надлежитъ отдать предпочтеніе. Я полагаю было бы излишнимъ насаждать въ родной странѣ глупость.

Что касается книгъ съ крайними воззрѣніями, опасность ихъ совершенно противоположнаго рода. Дитя весьма легко поддается насилію, смѣшивая его съ силой. Книга съ крайними воззрѣніями вскорѣ нравится ему не своими качествами, а гораздо болѣе своими недостатками и такъ какъ вообще гораздо легче усвоить недостатокъ чѣмъ качество, онъ и заимствуетъ и усваиваетъ изъ книги не качества, а недостатки.

Ничего нѣтъ противнѣе напыщенности; но, пожалуй, пошлость еще хуже.

Однако весьма часто мы видимъ, что литературный геній, несмотря на это, переходилъ отъ одного къ другому. Крайности всегда вызываютъ крайности.

Чрезмѣрная самоувѣренность и чрезмѣрная застѣнчивость.

Краснѣть надо за недостатки, а не за достоинства.

Когда истина представляется во всей своей простотѣ, она очевидна для всѣхъ и я увѣренъ, что нѣкоторые изъ читающихъ настоящую мою книгу подсмѣиваются надъ наивностью моего нравоченія.

Да, господа великовозрастные юноши отъ шестнадцати до семнадцатилѣтняго возраста, бывшіе дѣтьми вчера и не сегодня такъ завтра собирающіеся сдѣлаться мужчинами, да, вы десятки разъ грѣшите противъ этого простаго нравственнаго правила, приведеннаго мною выше.

Когда вы были ребенкомъ шести, даже десяти лѣтъ, вамъ не нужно было напоминать объ этой истинѣ. Настоящія дѣти наивны и въ чистомъ сердцѣ сознаютъ свои маленькія достоинства; они скорѣе гордятся ими чѣмъ стыдятся ихъ.

Но вы, не будучи еще взрослымъ, но уже не ребенокъ, пытаетесь смѣяться надо мною и не хотите понять, что именно по отношенію къ вамъ вышеприведенное мною нравственное правило самое подходящее.

Ваше сердце и вашъ умъ, милый мой мальчикъ, въ томъ самомъ переходномъ состояніи, какъ и вашъ организмъ; онъ не имѣетъ уже прежней дѣтской граціи и не приобрѣлъ еще той соразмѣрности членовъ и органовъ, которымъ отличается возмужалость; вы пока нѣчто смѣшанное, не имѣющее основаній быть удовлетвореннымъ

и довольнымъ собою, а въ особенности неимѣющее права выказать недовольство другими.

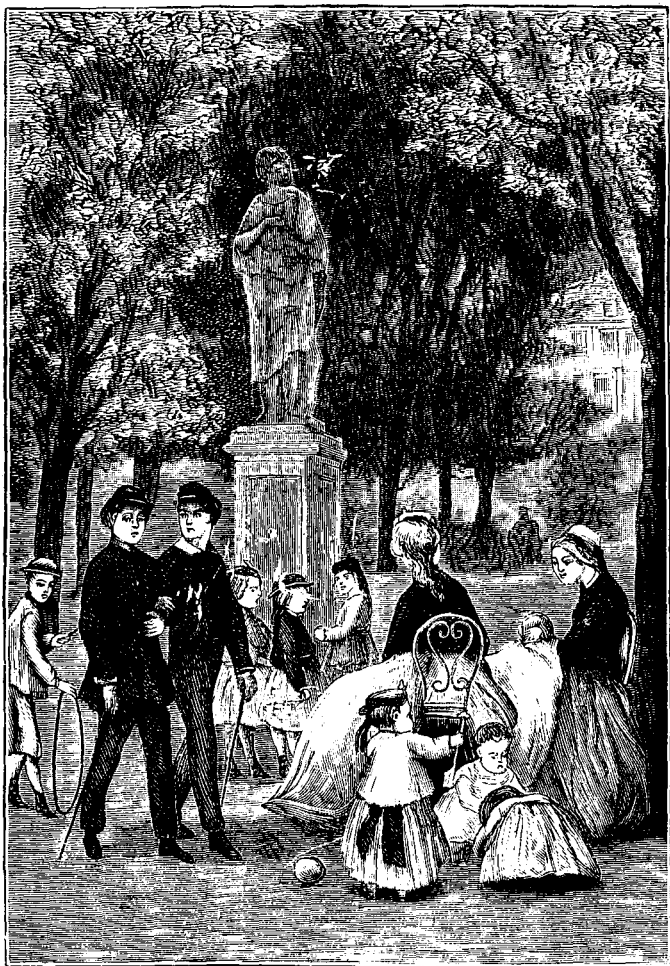
Я вовсе не ставлю вамъ въ вину такое положеніе, такъ какъ надо же быть сначала куколкой, чтобы въ послѣдствіи сдѣлаться бабочкой; но я хочу, чтобы вы повимали всѣ несовершенства подобнаго состоянія съ той цѣлью, чтобы при томъ броженіи, происходящемъ въ данное время въ мозгу вашемъ, вы получили возможность сдѣлать хорошій выборъ.

Моментъ жизни человѣческой, котораго вы достигли въ настоящее время, именно такой, когда человѣческое существо должно быть возможно болѣе скромно.

Всмотритесь въ зеркало и вы увидите, что уже нѣсколько волосковъ окаймляютъ вашъ подбородокъ. Этотъ зачатокъ бороды, надо полагать, интересуеть васъ гораздо болѣе нежели занимала Моисея его длинная борода. У васъ теперь черезчуръ длинныя руки и ваше, недавно еще очень хорошенъкое личико, восхищавшее вашихъ родителей, совсѣмъ измѣнилось: носъ выросъ, подбородокъ потерялъ пухлость и округлость. Всѣ эти измѣненія происходятъ недостаточно симметрично; все это перерабатывается какъ-то хаотично; но изъ этого я надѣюсь выйдетъ прекрасная статуя Антиноя, или быть можетъ Аполлона. Но, надо вамъ сказать, что пока еще эта статуя представляетъ собою грубоватый, глиняный слѣпокъ, еще не отдѣланный; много еще времени надо, чтобы все стало пропорціонально и чтобы глина обратилась въ мраморъ.

Ваша походка далеко не граціозна; вы уже не ходите легкимъ мелкимъ шагкомъ, какъ хорошенъкія Тюльерійскія бебе, но двигаетесь чуть не скачками, какъ какой нибудь кенгуру; словомъ, вы еще не выработались, а только вырабатываетесь.

Всѣ эти рѣзкія замѣчанія, высказываемыя мною по поводу физическаго склада вашей особы, представляютъ собою въ сущности только наблюденіе естествоиспытателя и настолько же могутъ быть обидны, насколько научное описаніе какого либо животнаго можетъ показаться оскорбительнымъ тому животному, которое слу-

Вы уже не прыгаете такъ, какъ хорошенькія бѣзѣ въ Тюльери.

жить его предметомъ. Если только вы не скороспѣлый франтъ, представляющій собою самый худшій изъ типовъ юношества, вы еще вовсе не въ томъ возрастѣ, когда предъявляются широкія претензіи на физическія достоинства и вы должны извинить меня за очеркъ вашей физической личности тѣмъ болѣе потому, что я вамъ могъ бы сказать нѣчто гораздо болѣе неприятное и это нѣчто заключается въ слѣдующемъ:

Вашъ умъ, вашъ характеръ, ваше сердце, вашъ разумъ въ такомъ положеніи какъ и ваше тѣло; то есть находятся въ той стадіи развитія, которая называется неблагоприятнымъ возрастомъ.

Если неблагоприятный и даже, если можно такъ выразиться, неуклюжій возрастъ не имѣетъ права гордиться собою, вы, конечно, согласитесь со мною что неблагоприятный возрастъ ума поступить хорошо, если выкажетъ себя смиреннымъ.

Да, милый мой будущій взрослый мужчина, вашъ умъ въ настоящій моментъ имѣетъ или слишкомъ толстый, или слишкомъ короткій носъ, какъ тотъ, который, даже не надѣвая очки, я вижу на серединѣ вашего лица; вашъ умъ находится теперь въ возрастѣ развитія, переработки и, слѣдовательно, въ временномъ обезображеніи; это временный хаосъ какъ всякій переворотъ, какъ всякая революція.

Слѣдовательно, этотъ моментъ вовсе не подходящій для подавляющей самоувѣренности, подобающей только тому, что вполне окрѣпло, прочно и окончательно сложилось.

А между тѣмъ вы уже обладаете этой самоувѣренностью и отличаетесь самомнѣніемъ; господа пятидесятилѣтняго возраста, знатоки науки, колеблются и сомнѣваются въ томъ, о чемъ вы говорите съ увѣренностью. Ихъ знающая, опытная рука дрожить, а ваша незнающая рѣжетъ не колеблясь и безъ разсужденій.

Это прямо возмутительно и нестерпимо и я бы на вашемъ мѣстѣ со стыда бросился головой внизъ, но по счастью это только преходящее, временное.

Такого же мнѣнія обо всемъ и обо всѣхъ были вы вчера какъ и сегодня? Знаете ли вы что либо сегодня

такое, чего не знали вчера? Вы говорите: да Но то, что вы сегодня, не есть еще окончательное и я полагаю болѣе приличнымъ, если вы не оскорбите ваше будущее предположеніемъ, будто вамъ не приходится ждать отъ него гораздо большаго.

Будьте тѣмъ, чѣмъ хотите; все это прекрасно, но будьте осторожны, будьте предусмотрительны, въ этомъ заключается вся мудрость во всякомъ возрастѣ. Будьте вы воплощеніе высшей премудрости, все же это не было бы правильнымъ служеніемъ этому разуму, какъ бросать ее камнемъ на голову тѣмъ, кого вы намѣрены поучать.

Вѣдь сознайтесь, что надѣялись подарить міру разумнѣйшія истины и, хотя безсознательно, но мало-по-малу вы почти повѣрили, что эти истины вы сами открыли. Вы говорите: нѣтъ? Въ такомъ случаѣ очень радъ, такъ какъ, по совѣсти вамъ скажу, по тону, съ которымъ вы все это говорили, можно подумать, что вы воображаете будто сами изобрѣли все то, что сдѣлали намъ честь высказать и будто никогда до васъ никто ничего подобнаго сказать не могъ.

Самоувѣренность, мой милый полувзрослый человѣкъ, представляется недостаткомъ очень часто встрѣчаемымъ въ юношахъ вашего возраста, по той простой причинѣ, что этотъ недостатокъ вѣчно присущъ невѣжеству или, лучше сказать, отсутствію познаній. Рекрутъ незнакомый съ опасностью, бросается прямо въ огонь, но ветеранъ идетъ медленнымъ шагомъ. Но если онъ идетъ туда менѣе скоро, зато и возвращается оттуда не такъ быстро, будьте въ этомъ увѣрены.

Вотъ вы и похожи на этого непонимающаго опасности рекрута. Обратите вниманіе на то, что нельзя, не имѣя силы, одной отвагой и дерзостью убѣдить другихъ въ своей разумности, а еще болѣе нельзя убѣдить въ томъ, что вовсе неразумно.

Мудрый весьма рѣдко говоритъ утвердительно, съ увѣренностью въ своей непогрѣшимости; онъ ничего не навязываетъ, но только стремится доказать и убѣдить.

Если бы ваши учителя словесности и философіи, математики и химіи преподавали эти науки при помощи

кулаковъ, развѣ вы нашли бы этотъ способъ разумнымъ? Разумѣется вы бы его осудили!

А между тѣмъ, въ дѣлѣ нравственномъ, вы сами придерживаетесь такого способа. Пожалуйста не спорьте со мною вкривь и вкось и не упражняйтесь въ реторикѣ, я знаю, что вы теперь ее проходите. Я нисколько не требую, чтобы вы не отдавали дань живости и горячности юношескаго возраста, но только убѣждаю васъ не быть рѣзкимъ, грубымъ, а въ особенности самонадѣяннымъ и самодовольнымъ. Можно быть педантомъ властнымъ, насильно требующимъ, чтобы его слушали и можно быть педантомъ другого рода. Не будьте ни тѣмъ, ни другимъ, потому что во всякомъ случаѣ это черезчуръ преждевременно. Былъ только одинъ ребенокъ, осмѣлившійся проповѣдывать, но это былъ Сынъ Божій. Но вѣдь между нимъ и вами неизмѣримая пропасть.

Если я задался задачей убѣдить васъ, такъ не думайте, что я васъ одного имѣю въ виду. Вотъ смотрите: за спиною вашею я вижу вашего товарища; онъ слушаетъ и ни слова не возражаетъ, тогда какъ вы волнуетесь и дрожите отъ нетерпѣнія, стараясь прервать мою рѣчь и возразить мнѣ. Могу васъ увѣрить, что сегодня я скорѣе для него, а не для васъ, интересующаго меня меньше чѣмъ онъ, все это говорю. Его недостатокъ занимаетъ меня болѣе нежели ваши и нужно вамъ сказать, что ваши недостатки для него очень опасны.

Вашъ другъ Шарль, по сравненію съ вами, является полнѣйшею противоположною. Вы прямо какое-то чудо самохвальства и самоувѣренности полуребенка, полумужчины, между тѣмъ онъ замѣчательный феноменъ скромности и застѣнчивости.

Я прекрасно знаю, что когда около васъ нѣтъ никого изъ взрослыхъ, и вы съ нимъ наединѣ, онъ вполне вамъ подходящий человекъ, такъ какъ безусловно вамъ подчиняется и вы имъ вертите какъ хотите.

Я замѣтилъ какимъ свирѣпымъ взглядомъ вы на него посмотрѣли недавно, потому что онъ ни однимъ взглядомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ не протестовалъ противъ рѣзкости моихъ словъ. Весьма возможно, что какъ

только я повернусь къ вамъ спиною, вы его за это отдѣлаете по-своему.

Я даже полагаю, что этотъ добрый мальчикъ, несколько не уступающій вамъ по уму, хотя не шумить и не кричить о себѣ подобно вамъ, не осмѣлится вамъ сказать, что нарисованный мною портретъ черезчуръ самоувѣреннаго юноши дѣйствительно отличается сходствомъ. Когда онъ будетъ прижатъ вами къ стѣнѣ, онъ легко подчинится вамъ и, пожалуй, вопреки своему мнѣнію и чувству, будетъ пѣть въ одинъ голосъ съ вами противъ моихъ доводовъ.

Вотъ въ этомъ и заключается одна изъ невыгодныхъ сторонъ скромности и застѣнчивости; они приводятъ скромнаго къ колебанію, нерѣшительности, уступкамъ и соглашеніямъ вполне противнымъ его совѣсти.

Но я надѣюсь, что эта побѣда, которую предстоитъ вамъ одержать надъ нимъ, будетъ послѣдней. Можно быть скромнымъ, но все же не быть малодушнымъ и стараться быть сколько-нибудь самостоятельнымъ, имѣть свое убѣжденіе.

Надѣюсь, что вашъ другъ Шарль, хотя и очень скромный, но мало-по-малу приходя въ возрастъ и наблюдая, усвоить себѣ твердыя убѣжденія и, выбравъ себѣ извѣстную дорогу, вступить на нее осторожно; а не такъ опрометчиво какъ вы.

Разница между нимъ и вами та, что онъ еще не знаетъ размѣровъ своихъ силъ, а вы не знаете размѣровъ своихъ слабыхъ сторонъ. Вотъ вслѣдствіе этого, увлекаясь внѣшней стороною дѣла, онъ легко вѣрить въ достоинства другихъ и признаетъ ихъ гораздо выше своихъ собственныхъ. Неувѣренный въ себѣ, онъ легко подчиняется утвердительному, самоувѣренному тону товарища и слова другихъ такъ сильно на него влияют, что онъ не способенъ догадаться до какой степени они бываютъ иногда нелѣпы.

Разница между вами и имъ заключается еще въ томъ, что, вслѣдствіе ложно понятой стыдливости, онъ краснѣетъ за свои достоинства, а вы, въ то же время, очень довольны своими недостатками.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта черта въ вашемъ другѣ Шарлѣ представляется также недостаткомъ, хотя не такимъ нестерпимымъ какъ вашъ, но все же большимъ недостаткомъ.

Имѣть въ рукахъ знамя славное, знамя добраго и справедливаго и, какъ только начинается битва, складывать его и прятать въ карманъ—это прямо трусость, смѣшное малодушіе и вотъ собственно, не касаясь нисколько причины этой трусости, я надѣюсь заставить Шарля краснѣть за эту непростительную слабость.

Если бы мнѣ это удалось и если вы въ свою очередь, послѣ многихъ неудачъ, причиной которыхъ неизбѣжно будетъ ваше сомнѣніе и самоувѣренность, поймете весь вредъ вашего недостатка и вмѣсто того, чтобы гордиться имъ, будете краснѣть за него, тогда каждый изъ васъ отъ этого много выиграетъ. Какъ вашъ другъ Шарль такъ и вы убѣдитесь, что его застѣнчивость, а ваша самоувѣренность дѣлали до сего времени безплодными многія очень хорошія качества, которыми вы оба обладаете; эти качества совершенно затмевались сказанными недостатками и вы кончите тѣмъ, что догадаетесь какъ глупы вы были, не воспользовавшись ими ранѣе.

Вашъ злополучный другъ Шарль дошелъ до того, что силится сдѣлаться похожимъ на васъ, бралъ съ васъ примѣръ, признавая васъ высокимъ образцомъ. Да оно и понятно. Въ извѣстномъ возрастѣ высоко цѣнить то, къ чему считаютъ себя неспособнымъ и этому завидуютъ. Онъ былъ неправъ. Но и вамъ я отнюдь не позволю себѣ сказать, чтобы вы брали примѣръ съ него; вамъ уже извѣстно какого я мнѣнія относительно его застѣнчивости. Но все же я вамъ скажу: позаимствуйте изъ его скромности немного, въ чемъ и насколько нужно. Ему же я охотно скажу: позаимствуйте у вашего друга Мориса извѣстную, законную долю увѣренности въ себѣ, безъ которой человекъ, призванный бороться съ жизненными условіями и идти впередъ твердымъ шагомъ, не въ состояніи будетъ добиться цѣли.

Если совершится это обоюдное заимствованіе, я съ

удовольствіемъ отнесусь къ вашей дружбѣ, вредной въ настоящее время и убѣжденъ, что она еще болѣе окрѣпнетъ и увеличится, такъ какъ соединенные всѣмъ тѣмъ, что въ васъ есть хорошаго, вы будете дополнить другъ друга и стремиться къ лучшему, но не будете портить другъ друга, какъ это происходило до сего времени.

Вы поймете, Морисъ, что запугивать скромнаго, застѣнчиваго безусловно преступно, а вы, Шарль, поймете, что не вѣрить въ свои достоинства и не пользоваться ими, рабски подчиняясь другому, —непозволительная трусость и вредное малодушіе.

Дружба, возникающая между двумя молодыми людьми, обязательно должна клониться къ взаимному улучшенію. Только та дружба заслуживаетъ уваженія, благодаря которой соединяются въ одно качества и достоинства и устраняются общими усиліями недостатки и пороки.

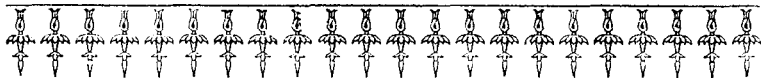
Наступитъ время, когда вы вполне убѣдитесь какую великую цѣну имѣетъ искренній, преданный другъ со школьной скамьи, другъ дѣтства, настоящій и будущій свидѣтель ежедневныхъ усилій и всей жизненной работы.

Итакъ, избирайте себѣ друга съ такимъ же тщаніемъ и осторожностью, какъ будто вамъ предстоитъ избрать брата. Добрый другъ только тотъ, за котораго вы чувствуете, что вамъ никогда не придется краснѣть и убѣждены, что въ то же время и ему не придется краснѣть за васъ.

Вы будете крайне изумлены, когда, по выходѣ изъ школы, вступивъ въ жизнь, замѣтите, что крикливые шалуны, буяны, герои игръ въ рекреационные часы, совершенно исчезнутъ, стушоваваются, вступивъ въ жизнь, а выдающимися въ ней тружениками явятся скромные, полегоньку и потихоньку исполнявшіе свои обязанности въ школѣ. Вы увидите, что они мало-по-малу выдѣляются изъ толпы, отличаются, обращаютъ на себя вниманіе другихъ и вскорѣ становятся чрезвычайно полезными какъ себѣ, такъ и отечеству.

Въ виду подобнаго результата, полагаю не труднымъ сдѣлать выборъ какъ слѣдовало бы вести себя въ школѣ?

Издѣвательство и осмѣиваніе.

то не шутка, представляющаяся доброжелательной критикой, соразмѣряющая свои нападки настолько, чтобы они были пригодны къ исправленію и не были бы оскорбительны. Это не сатира, являющаяся критикой негодующей, стремящаяся возбудить другихъ противъ злѣимъ ненавистнаго. Это и то и другое, но въ уменьшенномъ видѣ, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ. Можно сказать, что насмѣшка похожа на сатиру и на шутку какъ обезьяна на человѣка.

Издѣвательство почти всегда представляется оружіемъ отсталыхъ и неспособныхъ дѣтей. Чувствуя себя тупыми, сознавая, что никуда не годятся, они ни во что не вѣрятъ и даже не находятъ въ себѣ силъ оплакивать самихъ себя, сокрушаться надъ собою и мирятся съ своимъ жалкимъ положеніемъ. Однако, надо же что нибудь дѣлать; остается еще тщеславіе и придумываютъ они себѣ особое занятіе, заключающееся въ томъ, что осмѣиваютъ все и всѣхъ, что на нихъ не похоже, что учится и старается. Словомъ, они дѣлаются зубоскалами, насмѣшниками.

Насмѣшка не требуетъ, чтобы представлялись какія либо основанія для осмѣиванія, ей достаточно какого либо ничтожнѣйшаго предлога. Хорошее, дурное, все ей пригодно, все на руку, именно потому, что въ сущности ей все безразлично. Важно для зубоскала только одно: выпустить всѣ стрѣлы изъ своего колчана. Все, что ему нужно, это пустить стрѣлу. Кого и какъ она оцарапаетъ

ему все равно, лишь бы она хоть сколько-нибудь задѣла и онъ уже вполнѣ доволенъ.

Зубоскалу незнакомо гордое желаніе достигнуть намѣченной цѣли. Самый ничтожный успѣхъ ему достаточенъ. Это крошечный кусочекъ пробки, надѣющійся, что сочтутъ его способнымъ бороться съ бурей, тогда какъ въ дѣйствительности, она не даетъ себѣ труда поглотить его. Если этотъ клочекъ всплываетъ наверхъ, послѣ того какъ затонетъ корабль, онъ воображаетъ себѣ, что въ концѣ концовъ онъ оказывается сильнѣйшимъ.

Насмѣшникъ нападаетъ преимущественно на все крупное, сильное, значительное, не потому что онъ храбръ, неустрашимъ, а потому что онъ, сознавая себя малымъ, ничтожнымъ, инстинктивно чувствуетъ, что большое не снизойдетъ къ нему, не нагнется, чтобы раздавить его. Комаръ избѣгаетъ и боится паука, а смѣло нападаетъ на слона. Онъ прекрасно знаетъ, что если слону и случится раздавить комара, то только случайно, не намѣренно. Чѣмъ значительнѣе по размѣрамъ его противникъ, тѣмъ смѣлѣе онъ нападаетъ, тѣмъ менѣе онъ рискуетъ.

Осмѣиваніе ни чему не вело и никогда никого не наказало и не исправило. Мнѣ даже кажется, что, опасаясь насмѣшки, чаще отступали предъ добрыми дѣлами чѣмъ предъ дурными. Насмѣшка имѣетъ союзникомъ одного изъ самыхъ низкихъ недостатковъ человѣка: неуваженіе къ человѣческому достоинству.

Насмѣшка можетъ иногда имѣть нѣкоторую заслугу, когда она направлена противъ мелкихъ предразсудковъ, крайностей моды, глупыхъ выходокъ. Если же она направлена исключительно противъ личности, она достойна порицанія. Извинительно насмѣхаться надъ чѣмъ либо, но не надъ кѣмъ либо.

Сатирика можно уважать даже тогда, когда страдаютъ отъ его ударовъ, шутника можно любить даже тогда, когда онъ васъ огорчитъ, но никогда не любятъ и не уважаютъ насмѣшника. Это буффонъ, это паяцъ въ трущбѣ. Когда нечего дѣлать лучшаго, прислушиваешься къ его выходкамъ мимоходомъ, но тотчасъ же ихъ забываешь.

Цѣною своей чести зубоскаль пріобрѣлъ право оставаться безнаказаннымъ. Борятся съ критикой, оправдываются противъ ея обвиненій, принимаютъ мѣры предосторожности и избѣгаютъ сатирика, возражаютъ спутнику, но къ зубоскалу поворачиваются только спиною и только этимъ его побѣждаютъ. Презрѣніемъ обращаютъ его въ бѣгство. Насмѣшникъ имѣетъ только одинъ шансъ на успѣхъ: это тогда, если какойнибудь глупецъ приметъ къ сердцу его нападки и начнетъ ему возражать. Такъ какъ всегда имѣется нѣкоторая доля глупости въ осмѣваніи, вслѣдствіе этого естественнымъ противникомъ зубоскала является глупецъ. Въ такихъ случаяхъ происходитъ борьба между двумя пустыми вещами, или, выражаясь иначе, двумя мыльными пузырями.

Случается, что около нихъ соберутся праздные зѣваки и, хотя часто ничего не понимаютъ изъ-за чего они сцѣпились, но все это кажется имъ забавнымъ и чѣмъ глупѣе выходки, тѣмъ сильнѣе толпа аплодируетъ.

Но послѣе всего является насмѣшка тогда, когда предметомъ ея служатъ внѣшніе недостатки; она тогда унижаетъ насмѣхающагося и служитъ доказательствомъ не только злого ума, то дурного и низкаго сердца. Насмѣхаться надъ однимъ, потому что онъ толстый, надъ другимъ, потому что онъ тощій, надъ одной, потому что она калѣка, надъ другой, потому что она черезчуръ низкаго роста, надъ третьей, потому что она очень высокаго роста, надъ четвертой, потому что она говоритъ нарѣчіемъ той мѣстности, въ которой родилась—все это до безконечности пошло и глупо. Это осмѣваніе ближняго людьми, которыхъ въ тысячу разъ больше можно было бы осмѣять, по истинѣ представляется какой то нравственной искалѣченностью, какимъ то умственнымъ убожествомъ. Это нравственный горбъ, худшій чѣмъ горбъ физическій.

Говоря о предосудительности насмѣшки, слѣдуетъ замѣтить еще то, что не существуетъ ни одной великой вещи на свѣтѣ, надъ которой бы не изоцрялись насмѣшники. Всѣ великія идеи, всѣ великія чувства, всѣ

великія личности имѣли своихъ насмѣшниковъ. Даже Богъ, самъ Богъ, властитель громовъ небесныхъ, и у Того были насмѣшники.

Что же, будьте насмѣшникомъ, если это вамъ не совѣстно!

О б и д ч и в о с т ь .

то славный мальчикъ, но только у него единственный недостатокъ: крайняя «обидчивость».

Быть крайне обидчивымъ, то есть быть колючимъ кустарникомъ, цѣлой вязанкой колючекъ и считать, что это только однимъ, единственнымъ недостаткомъ, по-моему, является большимъ противорѣчіемъ да и невозможностью.

Не существуетъ недостатка, который бы не отражался на всемъ цѣломъ, на общемъ характерѣ человѣка и не вызывалъ бы другіе недостатки.

Съ этой точки зрѣнія обидчивость есть недостатокъ, содержащій въ себѣ цѣлую тысячу недостатковъ.

Человѣкъ обидчивый, въ силу только этой обидчивости, можетъ, мало-по-малу, дойти до того, что приобрѣтетъ множество другихъ недостатковъ. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ тотъ, кто не можетъ никогда вынести, я уже не говорю критику своихъ поступковъ, но даже урока, совѣта, мнѣнія, самаго снисходительнаго, легкаго замѣчанія—никогда не можетъ исправиться, никогда не можетъ научиться! Не существуетъ ни одного природнаго качества, которое не погибло бы отъ такого опаснаго сосѣдства, какъ вышеназванный недостатокъ.

Послѣдствіемъ обидчивости можетъ быть множество недостатковъ, а именно: подозрительность, недоувѣріе, ревность, зависть; до всего этого можетъ довести обидчивость.

Обидчивый, хотя какъ вы говорите, и очень славный

мальчикъ отъ природы, можетъ, тѣмъ не менѣе, рано или поздно сдѣлаться очень непріятнымъ и даже весьма опаснымъ, весьма злымъ человѣкомъ.

Скажите мнѣ, что можетъ быть привлекательнаго въ той личности, вся особа которой высматриваетъ угрожающе и оцетинившись какъ непрístupная крѣпость.

Капшаны очень вкусные плоды, но кто же возьметъ ихъ въ ротъ прежде чѣмъ не сниметъ колючую оболочку и не испечетъ ихъ надлежащимъ образомъ? Признаюсь, мнѣ кажется, что единственнымъ средствомъ ужиться съ обидчивымъ это поступить съ нимъ какъ съ капитаномъ. Пожалуй, ни что иное не поможетъ. Что до меня касается, я охотнѣе прошелъ бы босыми ногами по полю, поросшему репейникомъ, нежели имѣлъ бы постоянныя сношенія съ обидчивымъ, такъ какъ получу больше укуловъ, чѣмъ идя по полю.

Все, что существуетъ, все живущее его оскорбляетъ и даже мертвымъ отъ него частенько достается. Откуда бы какой камень не упалъ, хотя бы съ луны, все ему кажется, что это въ него нарочно бросаютъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обидчивый еще хуже эгоиста; что бы ни случилось, даже не съ нимъ, а съ другими, а ему уже кажется, что все это дѣлается съ цѣлью ему повредить и направлено исключительно противъ него. Весь міръ старается наступить ему на ногу; убили Линкольна, а ему кажется, что это сдѣлано на зло ему. Если чихнетъ обидчивый въ Америкѣ, а Европа не телеграфируетъ ему немедленно: «Будь здоровъ!» — онъ это уже признаетъ за явное невниманіе къ его особѣ. Вы идете рядомъ съ нимъ; онъ споткнулся: вы бросаетесь, намѣреваясь поддержать его, а онъ уже обидѣлся и сердито васъ спрашиваетъ: «Да неужели вы полагаете, что я совсѣмъ слабо держусь на ногахъ?»

Если обидчивый сдѣлаетъ что либо такое, что вамъ понравилось и вы похвалите его, онъ вамъ ядовито замѣчаетъ: «Напрасно вы хвалите; мнѣ кажутся ваши похвалы не искренны; да, наконецъ, какое вамъ до меня дѣло?» Требованія обидчиваго такъ разнообразны, такъ многочисленны, такъ измѣнчивы, неожиданны, такъ

трудно предвидимы, такъ противорѣчатъ одно другому, что онъ безусловно неспособенъ быть съ кѣмъ либо дружнымъ.

Вы скажете пожалуй, что и у него бываютъ добрыя минуты? Ахъ, не совѣтую вамъ на это рассчитывать!

Допустимъ, что день обошелся благополучно. Какимъ то чудомъ, всегда недовольный человекъ, былъ доволенъ. Прощаясь съ нимъ, вы пожелали ему добраго вечера, а онъ, съ чувствомъ пожавъ вамъ руку, сказалъ привѣтливо: «До завтра». Какое счастье! Вы снова увидѣлись съ нимъ на другой день утромъ и поражаетесь происшедшей съ нимъ переменой. Что же могло случиться? Лицо его какъ то искажено; онъ смотритъ совсѣмъ другимъ человекомъ. Обидчивый, заснувъ довольнымъ, проснулся недовольнымъ. Во снѣ вы успѣли ему опротивѣть и онъ мысленно поссорился съ вами.

Исторія сохранила имя одного извѣжнаго сибарита, котораго безпокоилъ даже листокъ розы, попавшій въ постель. Вы полагаете, что это былъ только сибаритъ; нѣтъ, вы ошибаетесь; помимо этого это былъ обидчивый. Во всякомъ случаѣ, въ нравственномъ отношеніи, обидчивый является тѣмъ безумцемъ, котораго безпокоить даже листокъ розы.

Обидчивость, крайняя воспримчивость, порождается себялюбіемъ, доведеннымъ до крайности, до нелѣпости; слѣдовательно, корень этой болѣзни заключается въ непомѣрномъ самолюбіи, никогда неудовлетворенномъ.

Если обидчивый живописецъ, будь онъ художникъ второй или даже третьей степени, не смѣйте при немъ восхвалять Рафаэля, Микель - Анджело, Леонардо де Винчи, такъ какъ эти похвалы доведутъ его до болѣзни.

Если онъ музыкантъ, похваливайте только слегка Бетховена, Моцарта и Вебера, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ усмотритъ въ васъ желаніе неуважительно отнестись къ его собственнымъ музыкальнымъ произведеніямъ.

Если онъ писатель, остерегайтесь говорить о Шекспирѣ или Корнейлѣ, а въ особенности не говорите о современникахъ; никогда не произносите имя Виктора Гюго, такъ какъ онъ сочтетъ это прямымъ оскорбленіемъ.

Однако, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, эти обидчивые иной разъ ставятся гораздо выше того, чего они въ дѣйствительности заслуживаютъ и обидчивый почувствуетъ себя въ положеніи въ десять разъ выше его дѣйствительной стоимости. Вы полагаете, что этотъ непомерный успѣхъ его успокоитъ? Разочаруйтесь; обидчивый никогда и ничѣмъ не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ.

По отношенію не только интересовъ всего общества, но даже по отношенію къ самимъ обидчивымъ, можно сказать, что совершенно напрасно относятся къ нимъ черезчуръ снисходительно. Жалость, которой заслуживаютъ иногда капризные и сердитые, нисколько не заслуживаютъ обидчивые: ихъ недостатокъ никогда не бываетъ безвреднымъ другимъ. Подъ предлогомъ необходимости защищать себя самихъ, они на все нападаютъ первыми. Если обидчивый слабъ, то онъ похожъ на шавку, постоянно злущуюся, постоянно готовую укусить васъ за ногу, такъ какъ она не въ состояніи подскочить и вцѣпиться въ ваше лицо; если же обидчивый силенъ, то онъ сходенъ съ свирѣпымъ животнымъ, ищущимъ ссоры безъ причины и безъ цѣли; присваивающимъ себѣ право убивать, въ силу такъ называемыхъ законовъ чести, косоглазаго за то, что тотъ посмотрѣлъ на него косо, а близорукаго за то, что тотъ не отвѣтилъ на его поклонъ, глухого же за то, что онъ не отвѣчалъ на его вопросъ.

Впрочемъ, болѣзнь обидчивыхъ принадлежитъ преимущественно къ тому роду болѣзней, которыя усиливаются вслѣдствіе предосторожностей и ухаживаній: не слѣдуетъ поливать сорную траву.

Это избалованный ребенокъ, сдѣлавшійся взрослымъ, но оставшійся такимъ же избалованнымъ какъ и былъ. Баловство ребенка извиняется чрезмѣрной любовью родителей и преимущественно матерей. Но баловство взрослого, ни въ чемъ не можетъ найти извиненіе. Обидчивость можетъ найти себѣ льстецовъ, слугъ, но не слѣдуетъ быть ея друзьями; да если она и имѣетъ друзей, то всѣ они ложные, невѣрные.

Повидимому, есть недостатки худшіе нежели обидчивость; но во всякомъ случаѣ нѣтъ недостатковъ до такой степени несносныхъ для другихъ.

Что касается средствъ исцѣленія обидчивыхъ, я пришелъ къ убѣжденію, что могутъ быть съ этой цѣлью примѣнимы только сильныя, энергичныя средства. Будь я обидчивымъ и если бы имѣлъ настолько здраваго смысла, чтобы вполне сознавать свой недостатокъ, я охотно пошелъ бы къ столяру, слесарю, далъ бы себя постругать и подпилить, наконецъ пошелъ бы къ Нелатону, Вельпо или Ришару и согласился бы на любую ампутацію, лишь бы избавиться отъ сквернаго недостатка.

Обидчивость, не чувствующая себя въ силахъ прижечь свою язву, во всякомъ случаѣ представляется большимъ неудобствомъ и даже опасностью для всего общества. Не слѣдовало бы выпускать безъ намордника непомерное самолюбіе обидчиваго; ему бы слѣдовало запретить свободно вращаться въ обществѣ, такъ какъ всегда и неожиданно и, совершенно не по винѣ окружающихъ, можетъ случиться что либо вызывающее бѣшенство обиженнаго.

Замкнутость и неуступчивость.

Въ молодости склонны къ смѣшенію понятій и искренне принимаютъ одно за другое такія вещи, между которыми слѣдуетъ видѣть разницу, такъ что смѣшиваютъ нѣкоторые недостатки съ качествами и принимаютъ фальшивую монету за настоящую.

Когда не достигли еще возраста силы и законченности, а между тѣмъ уже хотѣлось бы казаться таковыми, напускаютъ на себя необщительность и суровость; такимъ образомъ оказывается, что, стремясь пріобрѣсти качества, усваиваютъ вмѣсто нихъ только недостатки.

Словомъ, выходитъ, что метнуть дальше цѣли равносильно промаху.

Я знавалъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, выказывавшихъ при всякомъ поводѣ, а слѣдовательно всегда некстати въ своихъ отношеніяхъ не только къ товарищамъ, но и къ пожилымъ людямъ, непреклонность совершенно несообразную съ ихъ шестнадцатилѣтнимъ возрастомъ. Дѣлалось это съ очевидной цѣлью выказать независимость и твердость характера, а между тѣмъ въ сущности этимъ только проявлялось хотя временное, но ложное направленіе ихъ разумѣнія. Никогда не уступать во что бы то ни стало, такъ сказать, по равъ навсегда принятому правилу и вслѣдствіе этого оказываться упорнымъ, дикимъ, — это значитъ выказывать скверный характеръ и даже отсутствіе характера.

Проявлять твердость и неуступчивость въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда въ этомъ ровно никакой нѣтъ надобности значить напрягать силы для поднятія картонной гири. Это не твердость, это не непреклонность.

Развѣ вы станете вызывать на поединокъ комара, или вѣтеръ, рѣжущій вамъ лицо? Ясно, что тысяча мелочныхъ, ничтожныхъ затрудненій обыденной жизни. устранить которыя легко при уживчивости, при знаніи жизни, при неуживчивости и неуступчивости становятся причиной формальной ссоры и возникаетъ вызовъ на поединокъ, такой же смѣшной и бесполезный, какъ тотъ, который вы бы послали комару или вѣтру.

Неуживчивость сопровождается всѣми неудобствами дурно, неправильно, лучше сказать, не кстаті примѣненной силы, не имѣя никакихъ существенныхъ преимуществъ силы. вмѣсто того, чтобы побѣдить, устранить препятствія, она ихъ усложняетъ, обостряетъ. Узелъ, легко развязываемый добрымъ расположеніемъ духа, простотой, ласковостью обращенія и остроуміемъ, неуживчивость всегда стянетъ еще крѣпче. Она всегда тянетъ не въ ту сторону куда надлежитъ. Кромѣ того, она всегда отличается непривлекательностью, она отталкиваетъ отъ себя. Спрашивая васъ, было ли когда либо полезно никому не нравиться?

Почему же не уступить послѣ столкновенія, послѣ спора, принявъ во вниманіе убѣдительныя доказательства? Это нисколько не мѣшаетъ попрежнему остаться въ дружбѣ съ тѣмъ, кому уступили.

Возможно даже уступить силѣ, не сохранивъ враждебнаго настроенія къ болѣе счастливому противнику. Но если вамъ случится уступить суровой, грубой непреклонности, будьте увѣрены, что, удаляясь съ поля битвы, вы почувствуете себя не только побѣжденнымъ, но и оскорбленнымъ.

Суровая необщительность, непреклонность, представляются только фальшивой монетой, по сравненію съ истинной силой. Это ея подражаніе, карриатура, но не настоящая, дѣйствительная сила.

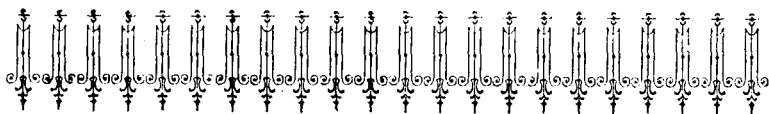
Сила не должна быть грубой, непреклонной, она должна быть снисходительной, доступной, гибкой какъ сталь.

Несомнѣнно не слѣдуетъ впадать изъ одной крайности въ другую; конечно, не слѣдуетъ быть податливымъ, но надлежитъ быть прямымъ и не скрывать своихъ чувствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ ихъ грубо и назойливо выказывать передъ тѣми, кто ихъ не раздѣляетъ; не слѣдуетъ выражать ихъ надменно и сурово, такъ какъ этимъ вы отъ себя отталкиваете, вызываете холодность по отношенію къ вамъ и если вы преслѣдуете какую либо идею, стремитесь къ какой либо намѣченной вами цѣли, вы вмѣсто людей приобрѣтаете только враговъ.

Необщительность и замкнутость по отношенію къ друзьямъ большая ошибка, такъ какъ нѣсколько оскорбляетъ ихъ и во всякомъ случаѣ вызываетъ съ ихъ стороны крайнюю сдержанность. Суровость и неуступчивость по отношенію къ врагамъ, въ свою очередь, немалое заблужденіе, такъ какъ поддерживаетъ враждебныя отношенія.

Истинное достоинство никогда не должно быть сурово, недоступно, а потому и недоступность, суровость никогда не могутъ отличаться достоинствомъ. Эти недостатки можно сравнить съ накрахмаливаніемъ. А между тѣмъ, чтобы сохранить свободу, непринужденность движеній, чтобы быть естественнымъ, не слѣдуетъ черезчуръ накрахмаливать какъ воротнички такъ и характеръ.

Добрый ворчунъ или угрюмый благо- творитель.

ы угрюмый, сердитый благотворитель. Пусть такъ. Все же это лучше чѣмъ быть угрюмымъ, нелюдимымъ и никому не дѣлать добра. Но какъ бы хорошо было, если бы вы оказывали благодѣянія, не будучи въ то же время угрюмымъ и ворчливымъ. Не портите же хорошаго впечатлѣнія, оказываемаго вашими добрыми дѣлами, тѣми внѣшними приѣмами, тѣмъ способомъ, которымъ вы ихъ оказываете. Совершенно понятно когда подслащиваютъ горькое лѣкарство; но подмѣшивать уксусъ въ медъ, которымъ вы другихъ одѣляете, представляется совершенно бесполезнымъ. Вы желаете избавиться отъ разныхъ выраженій благодарности? Напрасно вы думаете, что это стремленіе можно назвать добрымъ чувствомъ; когда тотъ, котораго вы облагодѣтельствовали, ничѣмъ не можетъ выказать вамъ свою благодарность, не лишайте его удовольствія хотя словами высказать вамъ, что онъ умѣетъ быть благодарнымъ. Сердце его, говоря вамъ: «благодарю» даетъ вамъ что можетъ; зачѣмъ же лишать его этого своего рода возмездія единственнаго для него возможнаго.

Вы говорите, что ваша скромность страдаетъ отъ выраженій благодарности? Нѣтъ, такая скромность непохвальна; ее нельзя назвать настоящей, хорошей скромностью, потому что съ одной стороны она немного родственна нерасположенію, даже презрѣнію къ ближ-

нему, тогда какъ истинная скромность, подобно фіалкѣ, обладаетъ только нѣжнымъ, пріятнымъ запахомъ.

Повидимому, сердце ваше не умѣетъ быть причастнымъ нравственно къ тому, чѣмъ одаряетъ матеріально рука ваша. Однако, это не приноситъ пользу не только вамъ, но и милосердію. Надлежитъ, чтобы принимающій благотвореніе чувствовалъ, что это оказываетъ ему братское, любящее сердце; только при этомъ условіи положеніе эго не покажется ему унижительнымъ. Вотъ это именно, эту мысль, желалъ выразить святой Францискъ Сальскій, великій мастеръ въ умѣннн оказывать благотѣянія, когда говорилъ: «Ласковость—великій другъ и неразлучный спутникъ благотворенія». Съ свойственнымъ ему остроуміемъ, онъ обезоруживалъ насмѣхавшихся надъ нимъ, прибавляя: «салатъ вкуснѣе и лучше, когда въ немъ больше масла чѣмъ уксуса».

Только тотъ умѣетъ хорошо благотворить, который дастъ почувствовать облагораживаемому, что настолько же пріятно быть облагораживаемому, какъ благотворить.

Гнѣвъ и Хладнокровіе.

Мнѣ бы хотѣлось убѣдить всѣхъ, кто легко поддается чувству гнѣва, что нѣтъ ничего безсмысленнѣе гнѣва, такъ какъ онъ неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ ведетъ къ цѣлямъ противоположнымъ.

У васъ есть противники, вы спорите; есть слушатели, свидѣтели и если дѣло важное, есть публика, есть общественное мнѣніе и, быть можетъ, судьями вашими будетъ потомство. Въ чемъ тогда заключается вашъ интересъ, а еще больше, еще священнѣе, интересъ общаго блага, справедливости, ради которой вы ведете борьбу, если не въ томъ, чтобы ваше мнѣніе восторжествовало?

Вначалѣ вы спорите спокойно, излагаете факты, спорные пункты разъясняются и вы предчувствуете побѣду. Вдругъ какая-нибудь неожиданная, хотя и нелѣпая или недобросовѣстная выходка вашего противника задерживаетъ вашу побѣду. Вамъ надлежитъ быть довольнымъ тѣмъ, что вашъ противникъ до такой степени зарвался, что выказываетъ недобросовѣстность въ спорѣ. Вотъ именно тогда наступаетъ моментъ, когда вамъ надлежитъ сохранить полное хладнокровіе, такъ какъ наступилъ часъ обнаружить и доказать вполне всю нелѣпость и недобросовѣстность пріемовъ, дозволенныхъ себѣ вашимъ противникомъ. А, между тѣмъ, вы поступаете совершенно наоборотъ. Раздраженные замедленіемъ, вносимымъ въ диспутъ этимъ новымъ обстоятельствомъ, вы сердитесь, теряете хладнокровіе, а кто теряетъ самообладаніе и хладнокровіе тотъ, какъ выражаются обыкновенно, теряетъ голову! Вы только что говорили спокойно и увѣренно; взглядъ вашъ ясный и твердый, голосъ отчетливый и проникающій, производили благопріятное впечатлѣніе на вашего судью и даже быть можетъ проникалъ прямо въ сердце вашему противнику. А теперь вы стали только рѣзкимъ и нетерпѣливымъ. Мозгъ вашъ кипитъ; вы то блѣднѣете, то краснѣете, языкъ слегка заплетается, мысли смѣшиваются; каждое ваше слово—неловкость: вашъ противникъ, болѣе васъ находчивый, всѣмъ этимъ пользуется и приобрѣтаетъ надъ вами замѣтный перевѣсъ; вы выставляете незащищенное мѣсто, онъ наноситъ вамъ ударъ; вы ранены и, быть можетъ, смертельно, а между тѣмъ вы были правы, все было на вашей сторонѣ...

Да, вы были правы, это совершенно вѣрно; но вовсе вы не были правы, допуская овладѣть собою гнѣву, какъ вы и сами должны убѣдиться, такъ какъ вашъ гнѣвъ вамъ повредилъ, испортилъ все дѣло и вы проиграли его.

Пожалуй, вы скажете, что на этомъ свѣтѣ невозможно не сердиться на нелѣпость, на недобросовѣстность, на несправедливость? Когда чувствуешь себя вполне правымъ, невольно сердиться, выслушивая нелѣпныя возраженія.

Смѣю васъ увѣрить, что вы не правы. Совершенно наоборотъ, если вы правы, вамъ нѣтъ основаній сердиться и раздражаться. Только разумъ, только справедливость дѣлаютъ разумными и справедливыми всякіе доводы, а вовсе не гнѣвъ!

Благодаря гнѣву, если вы оказываетесь сильнѣйшимъ, вы навязываете насиліемъ все то, что гораздо лучше было бы заставить признать или принять силою убѣжденія, такъ какъ противникъ вашъ оказывается разбитымъ, побѣжденнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не окажется убѣжденнымъ.

Однако, вы мнѣ возражаете на это, что въ жилахъ честныхъ, прямодушныхъ людей течетъ не молоко, а кровь; видя злобу, глупость, они возмущаются и негодованіе это является законнымъ; ненависть къ злу является добродѣтельною.

Согласенъ съ вами вполне и вовсе не воспрещаю вамъ поддаваться благородному негодованію, внушаемому порокомъ и зломъ въ тотъ моментъ, когда они торжествуютъ надъ добромъ. Но это негодованіе, но это волненіе ничего не имѣетъ общаго съ гнѣвомъ и потому они не должны вырождаться и переходить въ гнѣвъ.

Гнѣвъ, по природѣ своей, не умѣетъ сдерживаться, а слѣдовательно, не можетъ управлять и властвовать надъ другими. Тотъ, кто не въ силахъ овладѣть самимъ собою, не въ состояніи овладѣвать другими.

Вы, желая помѣшпать нехорошему дѣянію, увлекаетесь и доходите до крайности и, такимъ образомъ, совершаете дѣяніе худшее, нежели то, которое вы стремились подавить или устранить; тамъ, гдѣ на лицо было только одно преступное дѣяніе, является въ такомъ случаѣ уже не одно, а два.

Извѣстная аксіома: «Ты сердисься, — слѣдовательно ты неправъ» весьма часто несправедливая, въ сущности оказывается справедливой на практикѣ, такъ сказать съ внѣшней стороны дѣла, потому что человѣкъ, вышедшій изъ себя отъ гнѣва, если бы даже сто разъ былъ правъ, благодаря своему гнѣву, портитъ свое дѣло.

Если отрицается что либо справедливое, что въ такомъ случаѣ надо сдѣлать? Надлежитъ, чтобы справедливое было признано таковымъ. Чѣмъ можно достигнуть такого желательнаго результата? Неужели вы полагаете, что при содѣйствіи гнѣва? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ; а только совершенной противоположностью этого чувства, именно хладнокровіемъ и спокойствіемъ.

Хладнокровіе и спокойствіе властители въ нашемъ мірѣ.

Сила ихъ такъ велика, что, благодаря имъ, увы, часто и недобрыя дѣла въ теченіи долгихъ лѣтъ торжествуютъ.

А потому убѣждаю всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя дѣйствительно правымъ, не уступайте это могущественное оружіе въ руки вашихъ противниковъ; не приносите такого непоправимаго вреда вашей защитѣ праваго дѣла, уступкой такого важнаго оружія, замѣняя его оскорбленіями, бранью и гнѣвомъ!

Остерегайтесь гнѣва и даже того гнѣва, который называютъ священнымъ гнѣвомъ. Гнѣвъ никогда не можетъ быть священнымъ, потому что онъ, будучи справедливъ въ принципѣ, всегда будетъ неправъ и неумѣстенъ въ результатахъ. Да и притомъ я укажу еще на то, что виновный, наказанный только гнѣвомъ, вскорѣ пріобрѣтаетъ значеніе какъ бы жертвы, потому что онъ былъ наказанъ, но не судимъ. Онъ былъ принужденъ замолкнуть, но кто знаетъ, что могъ бы онъ привести въ свое оправданіе? Такъ до скончанія вѣковъ будутъ говорить тѣ, кто находятъ, что правосудіе олицетворяется судьбою, но не наказаніемъ.

Я скажу только два слова о гнѣвѣ, проявляемомъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ слабыхъ существахъ, на каждомъ шагу нуждающихся въ опорѣ, проявленіе грубыхъ, рѣзкихъ инстинктовъ, этотъ переходъ къ насилію, неизбѣжно является смѣсю низкаго съ смѣшнымъ.

Народная поговорка: «сердить, какъ индюкъ» великолѣпно характеризуетъ сколько сходства съ индюкомъ проявляютъ нѣкоторые плохо воспитанные юнцы въ своихъ внезапныхъ припадкахъ гнѣва. Навѣрное, первая плетка и первая розга были изобрѣтены противъ вспы-

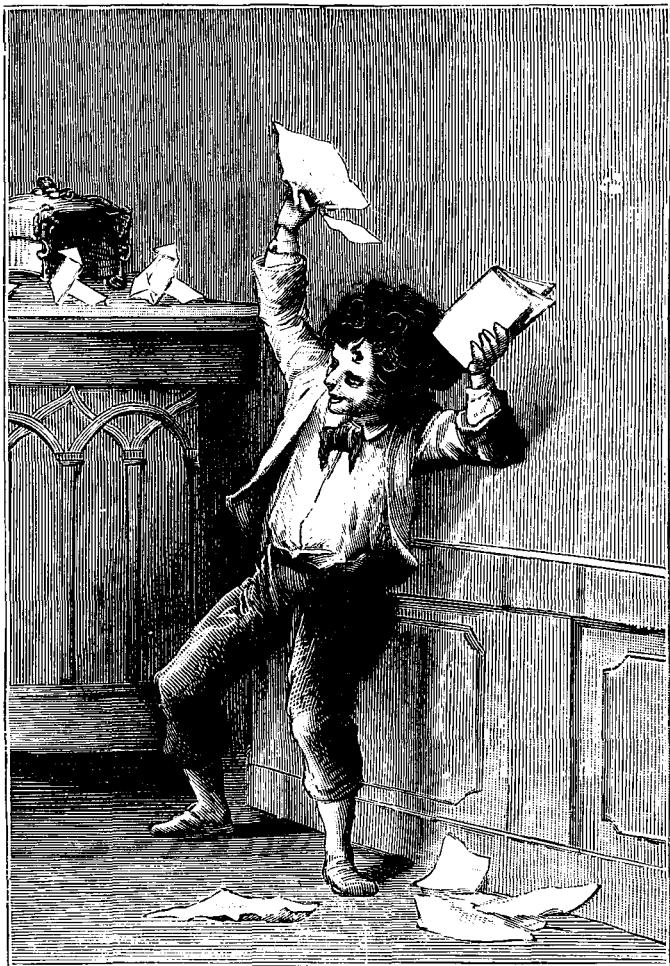
шекъ гнѣва въ дѣтяхъ. По пословицѣ: «Въ тяжелой болѣзни—тяжелое лѣченіе».

Недавно я засталъ маленькаго господина отъ семи до восьми лѣтъ въ страшномъ припадкѣ какого то бѣшенства. Онъ подскакивалъ, стучалъ ногами, размахивалъ руками, какъ старинный телеграфъ и, что хуже всего, разрывалъ свою книгу, листочки которой въ клочкахъ разлетались по классной комнатѣ. Весьма печальную картину представлялъ этотъ великій гнѣвъ этого весьма невеликаго малыша.

А между тѣмъ, чѣмъ провинилась предъ нимъ книга? Ровно ничѣмъ. Въ ней находилась уроки, заданные г. Мишелю; онъ долженъ былъ ихъ выучить, однако онъ ихъ не выучилъ! Вотъ и все преступленіе, совершенное книгой. Г. Мишель, этотъ крошечный господинчикъ, только что позволившій себѣ такія неистовыя проявленія гнѣва, все утро занимался выдѣлываніемъ куколокъ изъ бумаги, а вдругъ наступилъ часъ, въ который долженъ былъ придти его учитель и выслушать уроки, изъ которыхъ Мишель не зналъ ни единого слова. Вотъ вслѣдствіе этого обуялъ его гнѣвъ.

Въ силу по истинѣ замѣчательной случайности, точно предначертанной самимъ провидѣніемъ, одинъ разъ на сто являющейся въ поддержку нравственныхъ началъ, вмѣсто ожидаемаго учителя въ комнату вошелъ знаменитый врачъ Т..., могу васъ увѣрить, весьма серьезный человекъ, высокаго ума и опытности. Видя, какъ маленький мальчикъ мечется по комнатѣ красный какъ пѣтухъ, съ набрякшими жилами шеи, красными ушами, блуждающимъ взглядомъ, находчивый врачъ тотчасъ призналъ, что предъ нимъ больной въ внезапномъ припадкѣ горячки. Не теряя времени, докторъ моментально вышелъ въ смежную комнату, схватилъ стоявшее тамъ ведро холодной воды, только что принесенное отворившимъ намъ двери слугою и совершенно хладнокровно вылилъ цѣликомъ на голову взбѣсившагося мальчика.

Средство было сильное, но рѣшительное и оказало замѣчательное дѣйствіе. Въ мгновеніе ока полное спокойствіе смѣнило бурю; кипучій Мишель совершенно успо-

Листочки летали въ его классной комнатѣ.

коился. Это былъ конецъ всѣмъ его припадкамъ гнѣва; они никогда уже больше не возвращалиеь, такъ что не требовалось прибѣгать къ средству, такъ внезапно изобрѣтенному докторомъ.

Вслѣдъ за докторомъ, появился учитель Мишеля и, тѣмъ временемъ, пока ему перемѣняли бѣлье и одежду, безъ труда убѣдилъ успокоившагося мальчика, что какъ бы хорошо ни было лѣкарство, даваемое вамъ другими, но во сто разъ лучше самому умѣть себя излѣчить и исправить, чѣмъ вынудить другихъ излѣчивать и исправлять себя.

Сердитые и Капризные.

не люблю гнѣвъ, но еще хуже, по-моему, когда дуются и капризничаютъ.

По сравненію съ капризничаніемъ и сердитостью, даже кажется, что гнѣвъ имѣетъ нѣкоторое достоинство и благородство. Онъ неблагоразуменъ, неостороженъ, часто грубъ, но все же откровененъ, прямодушенъ и если даже не имѣетъ ничего въ свое оправданіе, все же можетъ заслужить прощеніе или снисхожденіе.

Но ворчливая капризность, но сердитость, это тотъ же гнѣвъ, хотя сдержанный, холодный, болѣзненный и медленный, который, повидимому, жжетъ медленнымъ огнемъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли и задѣть васъ за живое; это гнѣвъ затаенный, гнѣвъ лицемѣрный, скрывающійся, причина котораго открыто не выражена, всегда неясна, постепенно сгущающійся, какъ мрачная туча надъ вашей головой и затѣмъ ниспадающая на васъ мелкимъ, но пронизывающимъ дождемъ, не раздражающимся быстро, какъ молнія, какъ гроза, но какъ искра, долго тлѣющая и хотя мало замѣтная, но выдающая свое присутствіе непріятнымъ запахомъ гари.

Гнѣвъ несносенъ, нестерпимъ, но люди, вѣчно дующіеся, сердитые и капризные, еще противнѣе. Въ этихъ двухъ недостаткахъ есть что то низкое, изменное, оскорбляющее, даже унижающее не только того, кто дуется и капризничаетъ, но и того, кто съ ними имѣетъ дѣло.

Вы недовольны тѣмъ или другимъ изъ вашихъ друзей, вы не можете рассчитывать на то, что въ этомъ отношеніи весь міръ васъ поддержитъ и станетъ на вашу сторону. Наконецъ, что либо совершилось на свѣтѣ такое, что вамъ не приходится по сердцу — ради Бога не сердитесь, не дуйте, а прежде всего выслушайте, объяснитесь!

Если только вы упорно молчите, какимъ образомъ я могу приступить къ вамъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы чувствовалъ себя виноватымъ передъ вами, такъ и въ томъ, если бы я сознавалъ, что огорчилъ васъ и хотѣлъ бы поправить зло, сдѣланное мною вамъ невольно; наконецъ, если я видѣлъ бы, что зло, сдѣланное мною вамъ, существуетъ только въ вашемъ воображеніи, я все же лишенъ всякой возможности убѣдить васъ въ томъ, доказавъ, что оно создано только вашимъ воображеніемъ.

Я прямо скажу, что если капризные и сердитые дуются молча, такъ это потому, что имъ стыдно было бы говорить; это просто потому, что раны ихъ принадлежатъ къ тому роду, какія стыдно показывать, такъ какъ нѣтъ даже царапины, а не только раны. Вѣдь имъ пришлось бы краснѣть, опредѣленно высказываясь, потому что нанесенныя имъ раны возникаютъ вслѣдствіе болѣзненно развитаго тщеславія, самолюбія, безмѣрной щепетильности, мелочной восприимчивости, а не въ силу какого либо достойнаго уваженія чувства, несправедливо оскорбленнаго.

Вотъ вслѣдствіе этого и является тотъ особый внѣшній обликъ, тѣ приемы и способы держать себя, къ которымъ прибѣгаютъ дующіеся и капризные.

Поглядите на кого либо изъ страдающихъ этимъ недостаткомъ. Онъ весь оцетинился, какъ какой-нибудь

ёжъ; лицо его искажилось, все въ немъ какъ то насушилось; глаза тщательно избѣгаютъ вашихъ взоровъ и смотрятъ обидчиво, недовольно и сердито. Повидимому, все вокругъ кажется ему мрачнымъ, зловѣщимъ. Все, что въ другомъ настроеніи казалось ему восхитительнымъ, теперь для него какъ бы не существуетъ. Онъ отворачивается ото всего, что привлекало его прежде. Мать, отецъ, ребенокъ, собака, хорошая погода, улыбка людей и улыбающаяся природа, неповинные и виноватые, все ему чуждо, ничего для него не существуетъ и, дуясь на все окружающее, онъ прежде всего дуется на самого себя.

Маленькій мальчикъ или взрослый человѣкъ, дѣвочка или взрослая женщина, у всѣхъ одинаково происходитъ внезапная переменна, точно свѣтъ лампы куда то скрылся какъ въ потайномъ фонарѣ, точно улитка, спрятавшая свои рожки въ раковину, точно черепаха, втянувшая голову подъ свой панцырь. Имъ хочется, чтобы наступило затмѣніе. Они хотятъ, чтобы тишина ночи смѣнила веселый шумъ жизни. Имъ хотѣлось бы, чтобы всѣ кругомъ ходили, едва ступая по пушистому ковру; имъ хотѣлось бы заставить всѣхъ затаить дыханіе, а уже если дышать, то какъ можно тише. Молчите, не беспокойте его—онъ дуется и если удостоить васъ какимъ либо знакомъ выразить да или нѣтъ, такъ и тѣмъ уже будьте довольны.

Да послушайте же, позвольте узнать, гдѣ и что у васъ болитъ? Дозволите ли вы почтительнѣйше, относясь къ вамъ, спросить васъ, что именно васъ такъ измѣяло, такъ оцетинило? Куда васъ укололо? Въ ногу? Въ носъ? Но нога ни слова не говоритъ и носъ ничего не отвѣчаетъ. Значить, если не въ ногу и не въ носъ, такъ укололо всюду, а именно въ мозгъ, въ разумъ.

Такъ или иначе, но вы дуетесь и это неприятно не только вамъ, но и всѣмъ; во всякомъ случаѣ это фактъ и фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться.

Вы дуетесь и довольны тѣмъ, что вашимъ пасмурнымъ настроеніемъ, какъ туманомъ наполняете всю окружающую васъ атмосферу; но вы прекрасно знаете, что

Кажется, что вы уже ничего не въ состоянїи замѣтить кромѣ себя.

это весьма неприятно всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ въ одной съ вами атмосферѣ. Вы знаете, что вслѣдствіе этого исчезаетъ смѣхъ и улыбка не только на устахъ маленькихъ дѣтей, но и матери вашей и что этимъ вы заставляете ихъ страдать. Но позвольте же узнать, сколько дней, сколько недѣль будетъ продолжаться эта пытка? Насколько времени мы приговорены? На опредѣленный срокъ, а быть можетъ и на вѣчныя времена.

Но я полагаю, что мы не можемъ быть приговоренными на вѣчныя времена, такъ какъ дуются только на тѣхъ, кого любятъ, такъ что дуться безконечно было бы уже полной ссорой, разрывомъ; это была бы смерть, это былъ бы конецъ тѣмъ привязанностямъ, которыя вамъ въ сущности очень дороги и необходимы и уничтожить которыя вы вовсе не желаете. Слѣдовательно, вы подвергаете насъ пыткѣ только на время, а потому удостойте намъ объявить, какъ долго это будетъ длиться. Тогда мы вооружимся терпѣніемъ и будемъ выжидать спокойно того благословеннаго дня, когда солнце вашего хорошаго расположенія духа снова засіяетъ на нашемъ горизонтѣ.

Однако, вы упорно отказываетесь назначить намъ срокъ. Да знаете ли вы, что въ такомъ случаѣ вы оказываетесь самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ распредѣлителемъ наказаній изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо возсѣдали на высокихъ судейскихъ креслахъ! Ваше безмолвіе ставитъ насъ въ положеніе гораздо худшее, нежели то, которому подвергаются сидящіе въ судахъ на скамьѣ подсудимыхъ, такъ какъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, громко и ясно объявляютъ приговоръ.

Ни суда, ни защиты! Между тѣмъ весь трибуналъ заключается въ одной вашей особѣ и вы безмолвствуете! естъ осужденіе, но нѣтъ объявленія приговора.

Неужели вы полагаете, что даже самыхъ добрыхъ людей можетъ удовлетворить подобное положеніе, если бы они не чувствовали къ вамъ состраданія, жалости къ вамъ, господинъ великій судья?

Эхъ! Будь вы окружены другими людьми, посторон-

ними и равнодушными, они скоро бы управились съ вами и вы погрязли бы совсѣмъ въ этой бочкѣ патоки, въ которой вы стоите какъ статуя.

Достойная гробница капризному и дующемуся!

Вы не перестаете дуться, такъ и я не перестану говорить вамъ проповѣдь. Ваше молчаніе облегчаетъ мнѣ работу, и я буду васъ усердно отчитывать, пока вы не перестанете дуться.

Мы уже порѣшили, что ваше капризничаніе не будетъ вѣчнымъ, слѣдовательно, наступитъ же когда-нибудь конецъ этому величественному безмолвію и суровой нахмуренности. Внутренняя роса смочитъ ихъ, разсѣетъ ихъ, и мы снова будемъ имѣть удовольствіе видѣть веселую улыбку на вашемъ лицѣ. Но разъ должно прекратиться ваше пасмурное настроеніе, почему же не совершить это тотчасъ же? Неужели вамъ не подсказываетъ что то, въ томъ хорошемъ мѣстѣ, гдѣ согрѣвается подчасъ холодный разумъ, а именно въ сердцѣ, что чѣмъ болѣе вы будете упорствовать и пребывать въ этомъ жалкомъ настроеніи духа, тѣмъ хуже будетъ для васъ же самихъ.

Бога ради! Да сдѣлайте же надъ собою энергическое усиліе! Ну, что вамъ стоитъ разомъ страхнуть съ себя эту дурь, тяжелую для тѣхъ, кого вы любите и кто васъ любитъ и только смѣшную для всѣхъ другихъ васъ окружающихъ?

Вы такъ часто капризничали и дулись, что вамъ должно быть извѣстно, что эти недостатки въ сущности представляютъ собою какую то ломоту въ мозгу. Она вызывается чрезмѣрнымъ ухаживаніемъ за собою, болѣзненной щепетильностью, придирчивостью ума; это вполнѣ тождественно съ приемами и положеніемъ мнимобольныхъ.

Я знавалъ знаменитаго медика, изобрѣвшаго замѣчательное, безусловно вѣрное средство излѣченія мнимобольныхъ.

Онъ относился къ нимъ самымъ серьезнымъ образомъ и признавалъ всѣ болѣзни, которыя имъ вздумывалось себѣ приписывать и пичкалъ ихъ безчисленнымъ множествомъ самыхъ скверныхъ на вкусъ лѣкарствъ; кромѣ

того, онъ строжайше предписывалъ имъ массу пластырей и заставлялъ ихъ обклеиваться ими съ головы до ногъ. Мнимобольной, втайнѣ стремившійся къ ухаживанію за собою, а вовсе не къ такому противному лѣченію, мало по-малу приходилъ къ иному убѣжденію и вскорѣ заявлялъ, что чувствуетъ себя несравненно лучше и затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ бодро поднимался на ноги, объявляя себя совершенно выздорѣвшимъ.

Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ такого умнаго медика и такія же хорошія аптеки для излѣченія болѣзней нравственныхъ и умственныхъ!

Душа капризнаго, дующагося и сердитаго имѣетъ сходство съ зданіемъ, плохо отстроеннымъ, съ спертымъ воздухомъ, гдѣ всюду чувствуется затхлость.

Что же дѣлаютъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ? Зданіе провѣтриваютъ, продѣлываютъ отверстія, отворяютъ окна. То же самое надо дѣлать съ душою капризнаго, дующагося и сердитаго. Надо провѣтривать ихъ во что бы то ни стало.

Въ этомъ только спасеніе, но все же необходимо, чтобы самъ больной способствовалъ своему излѣченію.

Однако, въ пользу дующагося можно сказать то, что если онъ добръ, всегда самъ страдаетъ и досадуетъ за то зло, которое причиняетъ другимъ. Не слѣдуетъ намъ забывать, что всѣ несчастные заслуживаютъ сожалѣнія и къ нимъ надлежитъ относиться не только съ сожалѣніемъ, но надо стараться утѣшить ихъ даже въ томъ случаѣ, если они уклоняются и не особенно желаютъ этого.

Весьма часто настроеніе дующагося и капризнаго представляется не недостаткомъ, а прямо болѣзною. Возможно, что причиной ея является какое либо тайное непонятное страданіе, чрезмѣрно усиливающее восприимчивость больного. Въ такихъ именно случаяхъ, впрочемъ представляющихся рѣдкими и исключительными, больной заслуживаетъ самага нѣжнаго сожалѣнія, такъ какъ тутъ страдаетъ сердце, а не разумъ. Если вы любите дующагося, старайтесь разгадать причину его болѣзни, въ то время когда онъ здоровъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Эту тайную причину боли ищите ее осторожно, нѣжно; прикасайтесь къ ней осмотрительно, прислушивайтесь чутко и заботливой рукой впускайте свѣжій оздоравлиющій воздухъ въ умъ и сердце больного и, такимъ образомъ, раны навѣрное будутъ исцѣлены.

Злопамятность.

Если злопамятность народовъ и племенъ можетъ быть извиняема и оправдываема вѣковымъ угнетеніемъ, примѣры котораго весьма часто указываетъ намъ исторія; если злопамятность отдѣльнаго лица находить себѣ, если не оправданіе, то извиненіе въ безопасномъ преслѣдованіи слабаго сильнымъ,—то во всякомъ случаѣ если этотъ порокъ проявляется при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, онъ представляется однимъ изъ отвратительнѣйшихъ выраженій гнѣва.

Это гнѣвъ лицемѣровъ и трусовъ, это гнѣвъ низменныхъ натуръ, гнѣвъ злобныхъ.

Гнѣвъ—оружіе, дающее выстрѣлъ, съ крайне чувствительнымъ куркомъ и часто разрывающееся въ рукахъ того, кто имъ вооруженъ; но злопамятность ружье духовое, стрѣляющее безшумно и тогда—когда все стихло и умиротворилось. Злопамятность можно сравнить съ мщеніемъ, двигающимся въ темнотѣ, слѣдующее за своей жертвой безостановочно, но тихими медленными шагами.

Благодаря ей, въ домашнемъ быту создаются ложные лицемѣрные собратья и ренегаты въ общественной жизни. Достаточно какого либо предпочтенія, оказаннаго одному предъ другимъ, какъ бы ни было оно заслужено и законно, чтобы злопамятность закралась въ тщеславное сердце того, кого оскорбило это предпочтеніе, но онъ не

рѣшился показать, что задѣтъ за живое и тщательно скрылъ отъ другихъ полученную рану.

Злопамятность и зависть тѣсно связаны между собою; между ними трудно провести границу. Все, что выше, все что лучше злопамятнаго есть уже его тайный врагъ, въ случаѣ надобности онъ будетъ публично выказывать себя другомъ этого ненавистнаго ему врага, лишь бы вѣрнѣе достигнуть его гибели. Злопамятность никогда не нападаетъ и не сражается открыто, а всегда прячется подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, и когда наступитъ подходящая минута, клевететь или подсылаетъ убійцу.

Можно любить людей и вмѣстѣ чувствовать противъ нихъ приступы слѣпой ярости. Злопамятный, почувствовавъ къ кому либо ненависть, всецѣло поглощенъ этимъ чувствомъ; въ головѣ злопамятнаго все вытѣсняется, гвоздемъ стоитъ въ мозгу одна только идея, это вредить предмету его ненависти.

Человѣкъ, вышедшій изъ себя въ вспышкѣ гнѣва, только съ виду страшень; его можно сравнить съ буль-догомъ, котораго всегда можно смирить при нѣкоторомъ хладнокровіи и храбости. Но злопамятный похожъ на змѣю. Какъ отъ него остеречься? Онъ ползаетъ невидимый вами.

Остерегайтесь, не довѣряйте презрѣнной душѣ, въ изгибахъ которой можетъ скрываться злоба и ненависть. Такая душа несомнѣнно мелка и низка.

Остерегайтесь злопамятнаго, если даже онъ увѣряетъ, что простилъ вамъ, не вѣрьте ему: увѣренья его гроша не стоятъ. Онъ никогда не забываетъ; его улыбка лице-мѣрна; это скрытая засада. Его поцѣлуй—это поцѣлуй Иуды. Прежде чѣмъ сдѣлаться измѣнникомъ, Иуда былъ злопамятный завистникъ. . . .

И з м ѣ н а.

Измѣна въ глазахъ всѣхъ, обладающихъ открытой, честной душой, представляется такимъ непросителнымъ, возмутительнымъ преступленіемъ, что измѣнникъ возбуждаетъ въ нихъ глубокое отвращеніе. По отношенію къ измѣнѣ исчезаетъ всякое состраданіе и сердца, наиболѣе вѣрующія въ божественное милосердіе, задаютъ себѣ вопросъ, можетъ ли быть прощень Господомъ и этотъ грѣхъ подобно всѣмъ другимъ, даже въ случаѣ полного раскаянія.

Святой Францискъ Сальскій обладалъ милосерднѣйшей душой, способной смягчить самое черствое сердце. Никто не говорилъ такъ краснорѣчиво о милосердіи и никто такъ широко его ни оказывалъ. По его понятіямъ не существуетъ преступленія, какъ бы велико и важно оно ни было, которое не можетъ быть прощено божьимъ милосердіемъ. Неисчерпаемая благодать Бога, стоящая выше всѣхъ слабостей человѣческихъ, не можетъ имѣть границъ; при раскаяніи она все прощаетъ, все безусловно.

Но однажды онъ усумнился въ вѣрности этого взгляда.

Одинъ изъ друзей его, разговаривая относительно этого вопроса, сказалъ ему:

«Едва ли Богъ могъ простить Іуду?»

— Кто знаетъ?—отвѣчалъ кроткій святой и послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ принималъ въ соображеніе и сопоставлялъ весь ужасъ преступленія и свою вѣру въ Божью благодать, онъ добавилъ:

«Кто знаетъ? Но если Іуда не остался проклятымъ, то ему удалось то, что никому изъ людей не удавалось и если онъ избавленъ отъ вѣчныхъ мукъ, то долженъ поставить Богу свѣчку во весь свой ростъ».

Мы вполне согласны съ самымъ сострадательнымъ изъ святыхъ и изъ моралистовъ и скажемъ, что самымъ величайшимъ усиліемъ человѣческаго милосердія, это прощеніе измѣннику, такъ какъ такое прощеніе было призвано высшей мѣрой даже божескаго милосердія.

Что слѣдуетъ признавать необходимымъ.

Это—быть честнымъ человѣкомъ.

Честность человѣка все возвышаетъ въ немъ; она отражается на его положеніи, профессіи, произвольныхъ недостаткахъ его воспитанія и даже на неуспѣхѣ; честный человѣкъ можетъ испытывать неудачи, несчастья, но онъ не знаетъ паденій.

Честность все облагораживаетъ. Какъ бы ни было низменно по внѣшности общественное положеніе честнаго человѣка, онъ всѣмъ равный и всякій разумный человѣкъ; даже тѣ, кто воображаетъ себя выше его, все же относятся къ нему съ уваженіемъ!

Даже глупые и плуты въ душѣ уважаютъ его и мнѣ, кромѣ того, положительно извѣстно, что есть многіе между ними изъ тѣхъ, кто его обманывалъ, втайнѣ завидующіе ему.

Его уваженіе, каково бы ни было его положеніе въ обществѣ, цѣнится очень высоко.

Иной выскочка, по внѣшности опьяненный своимъ торжествомъ, въ глубинѣ души сознаетъ, что ему самага важнаго не достаетъ, потому что тамъ, гдѣ то

въ сторонѣ, нашелся честный человѣкъ, отлично знающій какими средствами добился выскочка успѣха и потому отказавшійся пожать руку, которую выскочка осмѣлился ему протянуть.

Честному человѣку триумфъ не нуженъ, ему совершенно достаточно безмолвное признаніе его достоинства въ глубинѣ собственной совѣсти.

Въ частной жизни честный человѣкъ перлъ семьи; онъ разумъ, душа и свѣтъ всего дома.

Въ жизни общественной онъ совѣсть страны. О немъ другіе честные люди и даже его противники, вынужденные преклоняться предъ ними, хотя и не любятъ его, говорятъ:

«Онъ вполне человѣкъ; это человѣкъ съ характеромъ».

Шумъ, блескъ часто окружаютъ честнаго человѣка, идя на встрѣчу ему, но самъ онъ никогда не ищетъ шума и блеска. Честный человѣкъ всегда простъ. Онъ скромнень истинной настоящей скромностью, т. е. даже никогда не стараясь быть таковымъ. Все его стремленіе, все, чѣмъ онъ дорожитъ и всего больше его прельщаетъ, это—общее благо.

Если бы всѣ честные люди вполне сознавали всю важность, всю внушительность честности и умѣли бы этимъ пользоваться, тогда не было бы наглыхъ, самоувѣренныхъ плутовъ. Беззастѣнчивость плута только внѣшняя, кажущаяся, взглядъ отважнаго честнаго человѣка скоро обращаетъ плута въ бѣгство.

Плуты всегда дѣлаютъ замѣтныя усилія для сближенія съ честными людьми, они заискиваютъ въ нихъ, надѣясь такимъ образомъ замаскировать чужой честностью свою безсовѣстность, но все же имъ дышется легко и чувствуютъ они себя совершенно свободно только между себѣ подобными. Нѣтъ ничего болѣе стѣсняющаго порочныя совѣсти, какъ присутствіе честныхъ людей.

Но въ присутствіи честнаго человѣка, всѣ, кто обладаетъ прямодушіемъ, чувствуютъ себя свободно, зато всякое порочное сердце чувствуетъ себя неловко. Вотъ въ этомъ выражается преобладаніе добра.

Слѣдовательно, надо быть честнымъ человѣкомъ не потому, что это красиво, привлекательно, но потому что это хорошо, потому что честность единственно прочная основа всей жизни, потому что это единственная подушка, въ которой никогда не бываетъ колючекъ, только на ней всегда спится спокойно.

«Хорошо, прекрасно—говорите вы, читающій эти мои строки, сидя рядомъ съ отцомъ.—Объ этомъ я вспомню современемъ. Я буду честнымъ человѣкомъ, когда буду большимъ, когда сдѣлаюсь взрослымъ мужчиною!»

Нѣтъ, вы заблуждаетесь, дитя мое. Я все это говорилъ не только для вашего будущаго, но и для настоящаго. Надо чтобы честный ребенокъ обратился въ честнаго человѣка. Честнымъ человѣкомъ можно быть во всякомъ возрастѣ.

Да и, притомъ, почему вы думаете, что такъ велика разница и что ребенокъ не человѣкъ? Развѣ крошечный дубокъ не дубъ? Повѣрьте мнѣ, вы тоже вполнѣ человекъ.

Конечно, вамъ только десять лѣтъ, вы еще мальчуганъ, вы веселы, вы большой вѣтрогонъ, шалунъ, какими бываютъ въ вашемъ возрастѣ и имѣются даже въ васъ нѣкоторые недостатки. Но все же у васъ доброе сердце, вы прямодушны и рассуждаете здраво и если услышите о какомъ либо прекрасномъ или добромъ поступкѣ, у васъ показываются слезы на глазахъ, когда же вы услышите о какой либо низости, несправедливости, преступленіи, вы чувствуете отвращеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что вы честный человѣкъ.

Пока вы только школьникъ, но по отношенію къ вашимъ обязанностямъ какъ дитя, сынъ, братъ, ученикъ и вообще по отношенію ко всякому долгу вашему, истинѣ, совѣсти вашей, вы безупречны. Слѣдовательно, вы честный человѣкъ.

Да, нѣжно любить отца и мать, любоваться всѣмъ хорошимъ, добрымъ, ненавидѣть все дурное, тщательно готовить всѣ заданные уроки, играть съ товарищами честно и добродушно, не позволяя себѣ хитрыхъ и злыхъ выходокъ въ рекреационные часы, доброжелательно

относиться къ учителямъ, то есть облегчать имъ тяжелую задачу образованія дѣтей—исполнить все это, значить быть честнымъ человѣкомъ.

Въ доказательство полной справедливости такого вывода, я вамъ приведу еще одно весьма вѣское доказательство.

Если вы будете вести себя совершенно противоположно сказанному, т. е. будете лгуномъ, хитрецомъ, плутомъ, лицемеромъ, лѣнивымъ, драчуномъ, недобрымъ сыномъ, нехорошимъ товарищемъ и плохимъ ученикомъ, т. е. если вы окажетесь безъ сердца и безъ совѣсти и если вы не будете относиться какъ къ святынь къ тому, что должно быть свято во всякомъ возрастѣ, именно къ долгу,—если вамъ даже всего только десять лѣтъ, то и тогда вы все таки не честный, а безчестный человѣкъ!

Власть добра.

Можете недовѣрчиво относиться ко всякому могуществу, ко всякой власти, но никогда не сомнѣвайтесь въ могущество добра. Нѣтъ ни одного атома добра, который могъ бы погибнуть бесплодно и безслѣдно даже въ нашемъ мѣрѣ. Вы не можете знать, гдѣ дастъ ростокъ зерно, унесенное вѣтромъ и которое, повидимому, поглотила буря; будьте покойны, оно неизбежно дастъ ростокъ. Сущность добра заключается въ неразрушимости, въ несокрушимости, а также въ томъ, что будучи невидимымъ глазу, оно сохраняетъ способность всегда и всюду расти и распространяться.

Даже мысль о добрѣ уже приноситъ благо всему міру, потому что міръ, не могу сказать какимъ образомъ, но тотчасъ прозрѣваетъ добро, какъ только оно возникнетъ и вдыхаетъ его въ себя. Какъ то легче дышется тогда.

Вѣра въ Бога по отношенію къ вѣчности, вѣра въ добро по отношенію къ земной жизни, всегда полезна, всегда необходима не только для всѣхъ, но и для каждаго въ отдѣльности. Вотъ что дѣлаетъ человѣка дѣйствительно человѣкомъ. Отнимите у него эту двойную вѣру и онъ станетъ только вещью, предметомъ.

Но вы, пожалуй, скажете, что самый хорошій человѣкъ бываетъ иногда очень несчастливъ. Но кто осмѣлился бы это утверждать? Да кто и что говоритъ вамъ, что несчастіе такое уже злополучіе для человѣка крѣпкаго духомъ? Развѣ зима зло для деревьевъ? А между тѣмъ она ихъ обнажаетъ. Полагаете ли вы, что лѣсъ въ декабрѣ имѣетъ право сомнѣваться въ существованіи живительныхъ лучей солнца? Ахъ не клеветайте на невзгоды времянь года и не будемъ злословить невзгоды жизни. Все это необходимыя и спасительныя испытанія.

«Всѣ тѣ, кого постигаютъ несчастія, не могутъ признавать себя крѣпкими духомъ»—говорите вы.

Но вотъ именно для того, чтобы они сдѣлались такими, ихъ постигаютъ несчастія. Покой не закаляетъ, не дѣлаетъ сильными и выносливыми, а только борьбой достигается эта цѣль.

Но какъ много добрыхъ изнемогаетъ и гибнетъ въ этой борьбѣ?

Да неужели было бы лучше, если бы они пали въ борьбѣ какъ грѣшныя подъ тяжестью угрызений совѣсти? Нѣтъ, вы слѣдовательно не видѣли и не знаете какъ умираетъ праведный, если вы полагаете, что праведникъ можетъ бояться смерти. Трудно, разставаясь съ этимъ міромъ, унести съ собою что либо болѣе утѣшительное, какъ твердое убѣжденіе, что перенесешься въ другой міръ свободнымъ отъ всякихъ прегрѣшеній, страданій и слабостей?

Послѣднія минуты жизни это часъ рѣшительный, часъ свидѣтельства и признанія праведной жизни. Это, пожалуй, самый пріятный, самый лучший и сладкій часъ во всей жизни.

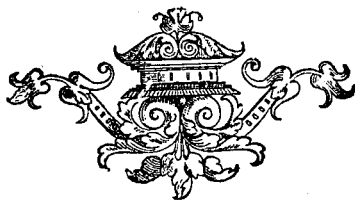
Даже въ древнемъ, античномъ мірѣ, когда люди имѣли весьма смутное представленіе о будущей жизни, когда

признавали нѣкотораго рода смѣлостью вѣру въ безсмертіе души, эти древніе, признававшіе, что только въ предѣлахъ земной жизни можетъ быть рѣчь о добродѣтели, о счастіи и тѣ говорили: «твори добро, твори его до самой смерти, ибо мудрость есть счастіе!» Мы же люди новаго времени, обладающіе болѣе высокимъ понятіемъ о божественномъ духѣ нежели древніе должны понять глубокой смыслъ изрѣченія античной мудрости: «Добродѣтель есть счастіе».

Человѣкъ умираетъ на посту избранномъ и указанномъ его совѣстью; неужели кто либо осмѣлится сказать что смерть его не достойна почета? Неужели вы не поймете, что если онъ предпочелъ смерть злу, такъ это потому, что смерть меньшее зло по его убѣжденію, чѣмъ пожертвованіе долгомъ? Неужели вы думаете, что въ кубкѣ Сократа былъ только ядъ и ничего болѣе?

Нѣтъ, положительно, нѣтъ! Я увѣренъ, что вы иного убѣжденія. Ваша душа и ваша совѣсть не могла на три тысячи лѣтъ отстать отъ прогресса всего человѣчества.

Итакъ, творите добро; будьте благодѣтелемъ и будь что будетъ, человѣкъ, творящій благо, превосходитъ даже честнаго человѣка. Это честный человѣкъ, испытанный умудренный опытомъ дѣйствительной жизни; онъ тотъ, честность котораго уже принесла плоды и подѣлившіяся своимъ урожаемъ съ тѣми, нивы которыхъ обманули ожиданія и надежды своихъ обладателей.

Безкорыстіе.

Безкорыстіе и неподкупность имѣють то преимущество предъ всѣми другими качествами, что если они и ничего не приносятъ, даже почета, они все же цѣнны какъ драгоценные камни.

Безкорыстіе само себя удовлетворяетъ. Его матеріальныя потери равносильны его нравственнымъ приобрѣтеніямъ; чѣмъ болѣе оно отнимаетъ у человека на землѣ, тѣмъ болѣе растетъ его богатство предъ лицомъ Господа. Въ немъ самомъ всѣ его капиталы и всѣ доходы; ничего оно не приобрѣтаетъ извнѣ и ничего не можетъ оно потерять внутри.

Безкорыстіе есть единственное сокровище, которое всегда остается неприкосновеннымъ, неуменьшаемымъ. Тотъ, кто имъ обладаетъ, владѣетъ имъ всегда цѣльнымъ и нераздѣльнымъ. Неизбѣжно онъ долженъ сохранять его неприкосновеннымъ, а въ противномъ случаѣ отказаться отъ него вовсе. Самое ничтожное прикосновеніе къ нему, уменьшающее хотя на атомъ его цѣлость, отнимаетъ у него всю цѣнность. Безкорыстіе есть богатство, снова не восстанавливаемое; потерявъ его, вновь приобрѣсти безусловно невозможно. Нельзя быть безкорыстнымъ наполовину; здѣсь все или ничего. Нельзя также быть имъ въ прошломъ, надо быть всегда и въ настоящемъ.

Безкорыстіе, есть единственное изъ богатствъ, имѣющее ту особенность, что недостойные лишены возможности входить съ нимъ въ соприкосновеніе. Оно не боится воровъ. Это та золотая монета басни, которая мгновенно

превращается въ сухой листь, когда попадаетъ въ руки недостойныхъ, ея не заслуживающихъ. Отъ обладающаго этимъ сокровищемъ, нисколько не зависитъ подѣлиться имъ съ кѣмъ либо другимъ. Это имущество не подлежащее отчужденію. Не существуетъ безчестнаго чело-вѣка, который въ силахъ былъ бы пріобрѣсти ничтож-ную частичку этого имущества, хотя бы онъ обладалъ миллиардами.

Безкорыстіе это предметъ вѣчной зависти плута.

Итакъ, будь покоенъ бѣднякъ, но честный, безкорыст-ный челоуѣкъ и даже гордись, если тебѣ это доставить удовольствіе. Богатые, въ глубинѣ души сознающіе, что богатства ихъ нечистыми путями пріобрѣтены, отлично знаютъ, что они тебя не стоятъ. Всѣмъ извѣстно, что есть болѣе жалкіе нищѣ, нежели выпрашивающіе мѣд-ную монету у сострадательныхъ людей—это: протяги-вающіе руки и выпрашивающіе уваженіе къ себѣ у тѣхъ, кто въ правѣ имъ это оказать, но между тѣмъ, несмотря на все свое милосердіе, эти честные люди отказываютъ имъ, не чувствуя себя въ силахъ дать просимое.

Уваженіе нельзя сравнивать съ милостыней. Это доро-гая монета, обращеніе которой возможно и допустимо исключительно между честными людьми, но ею обяза-тельно и всегда, надлежитъ платить тѣмъ, кто того заслу-живаетъ. Тотъ кто не оказываетъ должнаго уваженія честному челоуѣку, по отношенію къ послѣднему является несостоятельнымъ должникомъ. Онъ остается его не-оплатнымъ должникомъ, злостнымъ банкротомъ въ этомъ мірѣ, въ ожиданіи пока въ будущемъ мірѣ окончательно будутъ сведены всѣ счета.

Не слѣдуетъ говорить всѣмъ въ одно и
то же время.

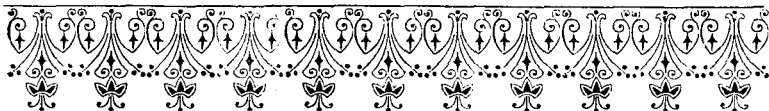
какъ то святой Францискъ Сальскій произнесъ превосходную проповѣдь, одну изъ тѣхъ, въ которыхъ онъ обращалъ вниманіе дамъ высшаго свѣта на нѣкоторыя кроткія и оздоравлиющія начала нравственности.

Когда онъ сошелъ съ кафедры, многія изъ дамъ высшаго свѣта, сильно увлеченныя его проповѣдью, окружили его толпой. Всѣ спѣшили изложить ему что либо важное, лежавшее на ихъ совѣсти; всѣ спѣшили разрѣшить нѣкоторыя мучившія ихъ сомнѣнія и всѣ говорили въ одно и то же время.

Святой Францискъ Сальскій, недоумѣвая какую изъ нихъ выслушать, сказалъ имъ: «Я отвѣчу на всѣ ваши вопросы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы предварительно отвѣтили мнѣ на слѣдующій вопросъ: «Въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ въ одно время говорятъ и никто не слушаетъ, что тамъ говорится?»

Всѣ почувствовали себя крайне смущенными и разомъ всѣ умолкли, какъ тысячи квакующихъ лягушекъ смолкаютъ мгновенно, какъ только бросятъ камень въ воду.

То самое, что святой Францискъ Сальскій нашелъ нужнымъ сказать современнымъ ему дамамъ высшаго свѣта, слишкомъ спѣшившимъ высказаться, то самое и въ наше время приходится говорить дѣтямъ и ученикамъ, всѣмъ отцамъ и матерямъ семействъ, учителямъ, учительницамъ и, конечно, не разъ, а сотни разъ!

Молчаніе—золото.

Вотъ одна изъ пословиць, которую отнюдь не слѣдуетъ понимать буквально. Ею высказывается только одно: не болтайте попусту, но взвѣшывайте, обсуждайте предварительно ваши слова. Францискъ Сальскій сказалъ: «Многословіе не оказываетъ большого вліянія и не вызываетъ великія дѣянія. Чѣмъ толще и вѣтвистѣе стволъ виноградной лозы, тѣмъ менѣе на ней плодовъ. Когда рѣчь слишкомъ длинна, въ концѣ ея забывается середина, а въ срединѣ забывается начало».

Все это несомнѣнно очень мудро, но изъ этого не слѣдуетъ, что достаточно молчать, чтобы оказаться правымъ. Тогда было бы слишкомъ легко быть правымъ и нѣмые отъ рожденія были бы въ такомъ случаѣ самыми мудрыми въ мірѣ и животныя, не обладающія, какъ это, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, способностью рѣчи, были бы выше человѣка.

Конечно, надо умѣть молчать и молчать безусловно, но только въ такомъ случаѣ, если сказать ничего не приходится. Но въ силу той же самой причины, надо умѣть говорить и умѣть все выяснить, если только представляется приличнымъ и полезнымъ высказаться. Тогда долгъ обязываетъ говорить. Богъ одарилъ насъ этимъ великолѣпнымъ даромъ рѣчи, конечно, не для того, чтобы мы этимъ злоупотребляли, но, понятно, и не для того, чтобы хранить его втунѣ и не умѣть имъ воспользоваться.

Безмолвіе представляется добродѣтелью только тогда, когда оно устраняетъ возможность говорящему высказы-

вать глупости, а другихъ избавляетъ отъ необходимости ихъ выслушивать. Но рѣчь, въ свою очередь, является добродѣтелью, когда она умѣстна, когда она хороша. Скажу болѣе, такая добродѣтель много выше достоинства молчанія, такъ какъ послѣднее представляется только отрицательнымъ достоинствомъ, добродѣтелью только въ исключительныхъ случаяхъ и это потому, что рѣчь, это дѣйствіе, движеніе являющіяся цѣлью жизни.

Поддерживать рѣчью хорошее дѣло, защищать справедливость слабого, угнетеннаго, заставить понять ближняго все то, что ему знать полезно, распространять знанія, понятія о справедливомъ, любовь къ правдѣ, ненависть къ злу, вопрошать съ цѣлью научиться и отвѣчать, чтобы научить другихъ—это хорошее, высокое дѣло и какъ таковое, гораздо лучше нежели пребывать замкнутымъ въ презрительномъ и эгоистичномъ безмолвіи.

Итакъ, если молчаніе золото, то слово, кстати и хорошо примѣненное, по крайней мѣрѣ, брильянтъ!

Что такое страхъ въ любви.

Слѣдуетъ бояться Бога въ силу любви, но не надлежитъ любить его въ силу страха предъ нимъ.

Эти слова святого Франциска Сальскаго вполне правильны и примѣнимы не только по отношенію любви къ Богу, но и по отношенію любви дѣтей къ родителямъ.

Надлежитъ опасаться огорчать и оскорблять тѣхъ, кого мы любимъ, но не изъ страха наказанія за это, а изъ опасенія огорчить ихъ и не понравиться имъ. Что можетъ быть законнѣе, благоразумнѣе, благороднѣе какъ этотъ

страхъ, эти опасенія, знакомыя всѣмъ кто умѣетъ любить и опасается огорчить любящее его сердце? А потому не заглушайте въ себѣ этого святого опасенія, полагая, что оно несовмѣстимо съ бодростью и смѣлостью духа.

А главное ни въ какомъ случаѣ не краснѣйте, не смущайтесь, если какой либо вѣтряный и пустой товарищъ васъ уговариваетъ свернуть на такую дорогу, которая хотя нравится и восхваляется имъ, но навѣрное не будетъ одобрена и не понравится вашимъ родителямъ. Не стѣсняйтесь, не позволяйте овладѣть собою ложному стыду и смѣло отвѣчайте ему: «Я не желаю огорчать моего отца и мать; они любятъ меня и добры ко мнѣ; страхъ ихъ огорчить преобладаетъ во мнѣ надъ всѣми другими чувствами. Думай обо мнѣ все, что тебѣ угодно, а еще лучше если будешь разсуждать такъ же какъ и я. Мое сердце подсказываетъ мнѣ, что я правъ, страшась огорчить тѣхъ, кто меня любитъ и кого я люблю».

Весьма возможно, что, досадуя за то, что вы оказались лучше его, вашъ товарищъ будетъ осмѣивать ваши опасенія, хотя въ глубинѣ души самъ сознаетъ, что вы правы. Постарайтесь спокойно выдержать его насмѣшки и отвѣчайте на нихъ только презрительнымъ молчаніемъ. Если вы даже отъ этого будете нѣсколько страдать, то утѣшьте тѣмъ, что вы страдаете изъ любви къ тѣмъ кто васъ любитъ и, въ свою очередь, готовы много пострадать за васъ; это будетъ только дѣломъ обоюднымъ, дѣломъ справедливости. Несомнѣнно полезно еще и въ раннемъ возрастѣ испытать, что пріятно пострадать немного за тѣхъ, кого мы любимъ.

Впрочемъ, будьте покойны. Товарищъ вашъ не всегда останется ребенкомъ. Наступитъ время размышленія, начнется раздуміе и воспоминанія о прошломъ; вы постарѣете, какъ одинъ такъ и другой и, размышляя о прошлыхъ дняхъ, о своихъ родителяхъ, которыхъ, увы, у него тогда уже не будетъ и которыхъ онъ очень часто огорчалъ, онъ скажетъ себѣ: «мой другъ Морисъ былъ уже и тогда гораздо лучше меня; онъ очень любилъ своихъ родителей! Если бы я велъ себя такъ же какъ и онъ, у меня не было бы теперь многого тяжелаго на

совѣсти и я могъ бы теперь безъ горькаго чувства сожалѣнія вспоминать о моемъ дѣтствѣ».

Призываю въ свидѣтели сиротъ всякаго возраста. Можетъ ли быть что тяжелѣе какъ быть вынужденнымъ сознаться въ томъ, что пришлось много, очень много огорченій доставить родителямъ, а между тѣмъ возможно было избавить ихъ отъ этого. «Быть можетъ они умирая вспомнили, что я ихъ очень мало и плохо любилъ и это отравило ихъ послѣднія минуты. Но теперь поздно и ничѣмъ нельзя поправить сдѣланное имъ зло».

Какъ дорого бы далъ иной, чтобы возвратились прошлые дни, когда то такъ дурно проведенные, чтобы возможно было изгладить изъ сердець тѣхъ кого любилъ, слѣды тѣхъ огорченій, того горя, которое имъ причинилъ.

Вашъ отецъ теперь еще около васъ, полный жизненныхъ силъ;—ваша мать полна еще той особой красоты и силы, придаваемыхъ материнской любовью; вы пользуетесь ими, они ваши. Вы даже злоупотребляете ихъ любовью, слишкомъ хорошо сознавая, что стоитъ вамъ заикнуться объ извиненіи, показать малѣйшій видъ раскаянія и самыя крупныя ваши прегрѣшенія будутъ тотчасъ прощены. А, между тѣмъ, вы со дня на день, отъ мѣсяца до мѣсяца, съ года на годъ откладываете свое намѣреніе исправиться и сдѣлаться лучшимъ сыномъ.

Увы, увы! Дитя мое, заклинаю васъ не откладывайте до завтра доброе намѣреніе. Завтра никому не принадлежитъ; оно только въ рукахъ Бога. Кто можетъ вамъ поручиться, что завтра у васъ будутъ отецъ и мать?

Избавьте себя отъ ужаснаго раскаянія въ томъ, что вы надѣялись на завтрашній день, дѣйствительно наступившій, но только для васъ, а не для нихъ!

Простите, я, конечно, жестоко поступаю, вызывая такіе образы и дѣлая подобныя предположенія. Но я былъ бы во сто разъ болѣе жестокъ, если бы забылъ навести васъ на эту мысль и не высказалъ бы вамъ горькой правды. Сегодня я васъ огорчаю только для того, чтобы избавить васъ отъ неизмѣримо большихъ огорченій въ будущемъ и чтобы убѣдить васъ поскорѣе броситься въ объятія вашихъ родителей.

Однако, вы хотите выказать стойкость, твердость характера и независимость убѣжденій. Совѣтую высказывать вамъ все это кстати, тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а не тамъ гдѣ это вовсе не нужно.

Двѣ сестры.

Демонъ безцѣльныхъ путешествій овладѣлъ нами. Это случилось послѣ долгой и трудной поѣздки.

Внезапно я очутился на склонѣ зеленѣющей горы. Мой другъ Жакъ, сидя рядомъ со мною въ какомъ то мрачномъ отчаяннїи, такомъ же какъ и я, созерцалъ великолѣпный видъ, открывавшійся предъ нами. Это былъ Брегенцъ, видный съ вершины горы Св. Гебгарда. Какъ ни прекрасна была эта картина, но эта пустынность и уединеніе подавляющимъ образомъ дѣйствовали на насъ. Это не было похоже на отечество. Я бы вообразилъ себя въ никѣмъ не населенной странѣ, если бы не примѣтилъ вдали, идущихъ по двумъ дорогамъ, изъ которыхъ одна примыкала къ горѣ съ правой, а другая съ лѣвой стороны отъ меня, двухъ женщинъ высокаго роста.

Онѣ показались мнѣ прекрасными и величественными. Я замѣтилъ, что тамъ, гдѣ проходила женщина, шедшая съ правой стороны отъ меня, выростали цвѣты, покрывались зеленью луга, а деревья листьями и плодами. Тамъ же, гдѣ проходила женщина, шедшая съ лѣвой стороны, высохло все и даже земля высыхала, какъ будто вслѣдъ за ней шло полное истребленіе всего живущаго.

Онѣ до такой степени были похожи другъ на друга, что ихъ отличить было невозможно, если бы та, которая называлась Жизнь, не обладала губами настолько же

розовыми, насколько страшно блѣдны были холодныя губы другой, носившей имя: Смерть.

По мѣрѣ того какъ онѣ приближались ко мнѣ, я почувствовалъ, что мною овладѣваетъ невыразимая грусть.

Когда онѣ уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, та, которая была Жизнью, стала между нами и той, которая была Смертью, сказавъ ей:

— Я отнимаю у тебя эту добычу; эти двое дѣтей, мои любимыя дѣти и имъ еще не хочется умереть.

— Если повѣрить тебѣ—отвѣчала Смерть, открывая вуаль и открывая лицо, показавшееся намъ ужаснымъ и въ то же время прелестнымъ,—невозможно любить смерть. Развѣ ты забыла, что многимъ изъ твоихъ сыновей надоѣло ждать на землѣ исполненія твоихъ обѣщаній и они покинули тебя, послѣдовавъ за мною?

— Увы, увы!—воскликнула Жизнь.

— Со всѣхъ концовъ этой обширной имперіи призываютъ меня и зовущіе меня . . . это твои же неблагодарныя дѣти, даже тѣ изъ нихъ, которыхъ ты изо дня въ день какъ добрая мать щедро одѣляешь неисчерпаемыми благами, находящимися въ твоемъ распоряженіи.

Тогда Смерть повернулась къ намъ, сказавъ:

— Все, что создано, должно жить и умирать; жалобы ваши дошли до моего слуха; вы проклинали Жизнь; я—освобожденіе—слѣдуйте за мною. . . .

— О нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ я.—Твоя сестра строга, но она справедлива и добра. Я пренебрегъ ея приказаніями, но дай мнѣ время ихъ выполнить, я не хочу предстать предъ Господомъ, такъ какъ пока не въ состояніи дать удовлетворительный отчетъ въ хорошемъ пользованіи дарованной мнѣ жизни. . . .

— Вотъ видишь,—сказала Жизнь. О, сестра! Смилуйся, уступи!

Тогда грозная богиня, бросивъ на насъ взоръ, въ которомъ отражалась не то жалость, не то презрѣніе, промолвила:

— Смерть, неизбежная Смерть, можетъ обождать.

Она удалилась.

Жизнь, взявъ насъ за руки и указывая намъ мѣстность

Этотъ старикъ отъ имени всѣхъ произносилъ утреннюю молитву
Богу.

за Константскимъ озеромъ, голубыя воды котораго струились у ногъ нашихъ, а также цвѣтуція тропинки, по которымъ она прошла и обработанныя поля, роскошныя нивы, на которыхъ работали земледѣльцы, сказала:

— Законъ мой—это трудъ. Я обѣщаю и даю только выполняющимъ этотъ святой законъ. Итакъ, вотъ въ эту сторону, на эти поля, обработанныя братьями вашими, вамъ надлежитъ направиться, но не въ ту противоположную сторону, гдѣ существа, обезсиленные и потерявшія всякую бодрость, идутъ со стономъ вслѣдъ за моею сестрой.

Перстомъ она указывала намъ мрачную дорогу, по которой шла ея сестра, и мы съ ужасомъ увидѣли, что путь ея грозной подруги былъ уже усѣянъ мертвыми и умирающими.

Въ эту минуту мнѣ послышалось много свѣжихъ, молодыхъ голосовъ, пѣвшихъ кантату, въ отвѣтъ на текстъ, произнесенный строгимъ и внушительнымъ голосомъ.

Это былъ голосъ старика; съ обнаженной головой, поднявъ глаза къ небу, стоя у порога своей фермы, среди многочисленныхъ дѣтей, внуковъ и слугъ, старикъ произносилъ утреннюю молитву. Въ открытыя двери овчаренъ выходили стада и старикъ просилъ Господа благословить предстоящія дневныя работы.

— Помолимся и мы!—сказалъ мнѣ мой другъ Жакъ и мы опустились на колѣни.

— Раймондъ!—сказалъ, окончивъ молитву и обращаясь ко мнѣ, Жакъ,—довольно уже намъ бродить по свѣту; наши старые отцы давно уже съ нетерпѣніемъ ждутъ своихъ неблагодарныхъ, но раскаивающихся сыновей.

Когда я проснулся, увидѣлъ Жака, стоящаго около меня, съ дорожной палкой въ рукахъ.

— Пойдемъ прямымъ путемъ, прямо во Францію!—сказалъ онъ мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

Такимъ образомъ окончилось наше рысканіе по свѣту.

Путешествіе на призрачномъ кораблѣ.

Мы стояли у берега моря.

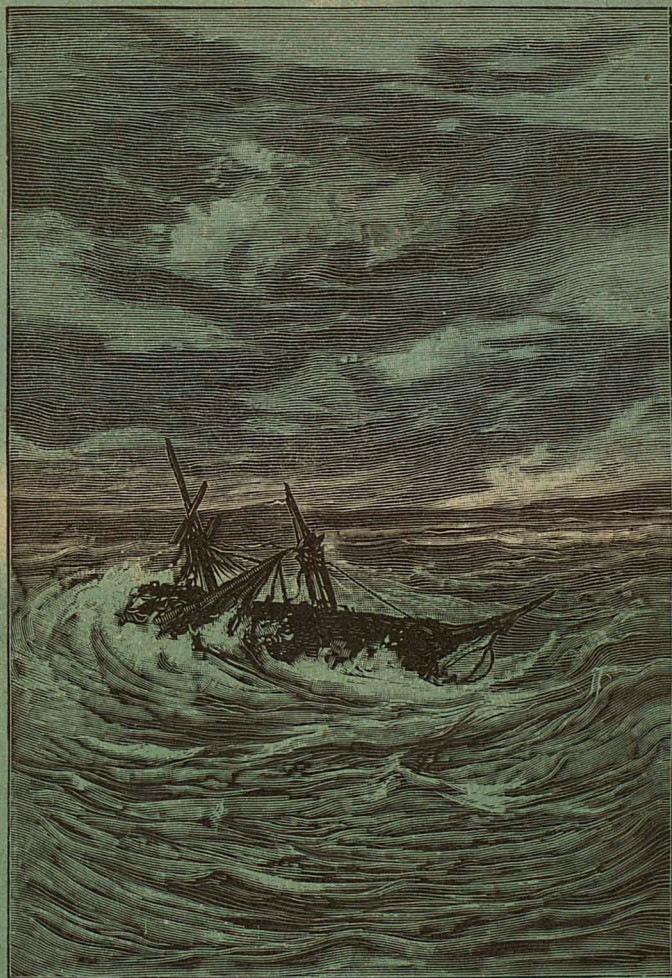
Корабль поднималъ паруса; отъ него отошла маленькая зеленая лодка и направилась къ намъ. Въ ней былъ только одинъ гребець весь въ розовомъ; онъ сдѣлалъ намъ знакъ рукою.

Вдругъ какая то старушонка появилась неожиданно для насъ изъ-за уступа скалы и подошла къ намъ прихрамывая, опираясь на костыль. Старый, весь въ дырахъ и заплаткахъ, черный плащъ едва прикрывалъ ея изможденное тѣло. Черты лица, несмотря на преклонный возрастъ и слѣды страданій, выказывали мужество и покорность судьбѣ.

Старушка, обратившись къ намъ, сказала:

— Если у васъ есть жена, есть дѣти, если вы не одиноки на этомъ свѣтѣ, если любимы и любите, т. е. если живете не только въ себя и для себя, наконецъ, если есть на землѣ мѣсто, гдѣ васъ поджидаютъ, не отправляйтесь въ море на этой вѣроломной лодкѣ.

Въ этотъ моментъ съ судна донеслись къ намъ дивныя гармоническіе звуки; это была какая то чудная небесная музыка. На горизонтѣ вода засіяла заря; утренній туманъ разсѣялся; необъятное голубое небо было ясно и безоблачно. Лодка, покачиваемая тихой волной, была у нашихъ ногъ. И колебался минуту; но тотъ, кто созер-

Корабль Иллюзія.

Къ стр. 322.

цаеть пропасть, уже принадлежитъ ей. Мы отчалили и легкій вѣтерокъ понесъ насъ къ роскошному кораблю.

На кормѣ его была изображена съ изумительнымъ искусствомъ исторія всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ создали новыя страны; были также изображены самыя главные факты, ознаменовавшіе эти открытія. Паруса были изъ какой-то дивной ткани, необычайно тонкой, но замѣчательно прочной; она была такъ прозрачна, что трудно было ее отличить отъ воздуха, цвѣтъ котораго она имѣла.

Надъ мачтами развѣвались зеленые флаги, вышитые золотомъ такъ искусно и изящно, что только руки какой либо феи могли сдѣлать что либо подобное. Самыя мачты поражали своей рѣзьбой и инкрустаціями и казались самой тонкой работой искуснѣйшаго ювелира. Въ довершеніе волшебной прелести этого корабля, виднѣлись группы крошечныхъ ангеловъ, распустившихъ крылышки и летавшихъ между снастями и исполнявшихъ обязанности юнговъ съ изумительнымъ искусствомъ и въ полномъ порядкѣ. Всѣ снасти, даже самыя толстыя, были сотканы изъ золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ кистей.

Пассажиры поражали гордымъ и полнымъ достоинства видомъ, которымъ отличаются люди, предназначенные для высокаго положенія въ жизни; даже матросы казались переодѣтыми принцами.

На палубѣ стояла съ распушенными волосами, въ прелестномъ платьѣ, отливавшемъ всѣми цвѣтами радуги, окруженная такими же прелестными какъ и она сама подругами женщина. Нѣтъ не женщина, а скорѣе дивная богиня съ чарующей улыбкой на устахъ. Едва распустившіеся цвѣты украшали ея голову; на лбу ея блесѣла яркая звѣзда, а на груди покоился спящій ребенокъ прелестный какъ амуръ, а еще вѣрнѣе дѣйствительный амуръ.

Рука женщины была обращена въ нашу сторону. Ея движеніе и улыбка какъ бы говорили, что мы были желанные гости на кораблѣ. Она сказала, обращаясь къ намъ:

— Я королева, добро пожаловать. Едва мы вступили на корабль, тотчасъ благопріятный вѣтеръ заигралъ его прозрачными парусами и мы понеслись въ невѣдомыя страны.

Веселые матросы пѣли:

«Только Иллюзія украшаетъ всегда печальное настоящее, навѣвая блестящія грезы о будущемъ».

«Тотъ или другой моментъ ничего не значать».

«Вчера было нѣчто, а сегодня канунъ завтрашняго; а завтра будетъ великолѣпно!».

«Посреди волшебнаго прошлаго и очаровательнаго будущаго, что въ силахъ сдѣлать настоящее, такъ какъ оно только простой смертный и можетъ вести насъ отъ одного къ другому, будучи самъ направляемъ Иллюзіей».

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, взявъ арфу, пропѣла:

«Тотъ, кто все потерялъ, въ сущности ничего не теряетъ, если я у него остаюсь; меня прозвали несокрушимой Иллюзіей, той которую ничто не въ силахъ уничтожить, той, которая переживаетъ все существующее».

«Только благодаря мнѣ, жизнь становится сносною».

«Только благодаря мнѣ стремятся къ смерти, потому что даже самое время принадлежитъ мнѣ и я есмь то, чего недостаетъ каждому!».

«Мою сестру зовутъ Надеждой; у нея имѣются божественныя пѣсни, успокаивающія человѣческія страданія, усыпляющія всѣ боли и невзгоды. Врагомъ моимъ является Дѣйствительность; своимъ грубымъ голосомъ она всѣхъ пробуждаетъ».

«Дѣйствительность—врагъ человѣка».

«Когда, утомясь бороздить неблагоприятную землю, измученный земледѣлецъ покидаетъ плугъ, я указываю ему богатую жатву и онъ снова берется за плугъ, заканчивая распаханную полосу».

«Наступаетъ гроза все уничтожающая, но все же онъ жилъ надеждою».

«Когда опускается гробовая крышка и когда подъ тяжелымъ камнемъ навсегда кажутся погребенными вмѣстѣ съ тѣмъ кого мы любимъ, всѣ радости твоей жизни, никто иной какъ я приподнимаетъ камень и вызываетъ

оттуда того, кто, кѣмъ и чѣмъ бы ты ни былъ, съумѣеть утѣшить тебя. Этотъ нѣкто никто иной какъ мой братъ, зовутъ его: Забвеніе».

«Забвеніе сдѣлаетъ тебя неблагодарнымъ, но угрызений совѣсти ты чувствовать не будешь».

Корабль попрежнему несся по тихимъ волнамъ, но матросы уже не слушали глѣніе, такъ какъ дѣвушка замолкла.

Солнце ярко пылало, на небѣ не было видно ни малѣйшаго облачка.

Держа руль рукою, Пилотъ всматривался въ необъятное пространство, какъ бы вопрошая его.

Вскорѣ по данному имъ знаку, на воду были спущены лодки.

Иллюзія сошла въ лодки, окруженная своей прелестной свитой. Покидая насъ, она улыбнулась намъ обворожительно. Все это произошло поразительно быстро.

Долго мы слѣдили глазами за парусомъ лодки, уносившей ее далеко отъ насъ въ невѣдомыя страны. Возвращенія ея мы не ждали, такъ какъ изъ ея взгляда и улыбки поняли, что это послѣднее прощаніе.

Когда лодка исчезла совершенно изъ вида мы оглянулись кругомъ. Все измѣнилось; даже солнце исчезло и грозныя тучи висѣли надъ нашими головами.

На палубѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно красовалась чудная королева, увидѣли мы мрачную фигуру старушки въ черномъ плащѣ. И съ трудомъ узналъ ее, до такой степени она стала грозной и высокой ростомъ; глаза ея метали молніи.

— Что вы мнѣ рассказываете пустое!—сказала она, точно угадавъ наши тайныя мысли. Въ голосѣ ея слышались печаль и въ то же самое время гнѣвъ.

— Всѣ эти матросы были всегда бѣдняками-матросами; а эти пассажиры, добродушные люди, проклинаящіе теперь минуту, когда имъ взбрело въ голову рыскать по свѣту вслѣдъ за химерами. Палуба эта всегда была тѣмъ, какъ вы ее видите теперь: то есть непрочною и

ненадежной. Солнце дѣйствительно ярко блистало, противъ этого я съ вами не спорю, но теперь его заслонили тучи и постарайтесь всмотрѣться въ Пилота, по выраженію его лица вы поймете что погибли.

И, дѣйствительно, мы погибали.

Вѣтеръ бѣшено рвалъ наши снасти и точно лоскутья хлесталъ наши паруса; волны швыряли нашъ корабль то на бокъ, то внизъ точно въ пропасть и вслѣдъ за тѣмъ подбрасывали вверхъ чуть не подъ самое небо. Страхъ обратилъ всѣхъ людей экипажа какъ бы въ статуи. Всѣ замерли не шевелясь и каждый чувствовалъ около себя дыханіе смерти. Замолкло все; не слышно было уже ни стоновъ, ни жалобъ, слышался только страшный трескъ корабля, смѣшивавшійся съ свистомъ, шумомъ и яростнымъ плескомъ бѣшеныхъ волнъ.

Весь багажъ былъ выброшенъ за бортъ. «Бросайте, бросайте все, даже лютни серафимовъ и золотые якоря—говорила женщина въ черномъ плащѣ.—Бросайте все даже флаги, а вслѣдъ затѣмъ выкиньте за бортъ, всѣ ваши иллюзіи.

Тѣмъ, кто горевалъ и жаловался, она говорила:

— Не всѣмъ же удается благополучно добраться до порта. Что случилось бы съ землей, если бы смерть не косила подчасъ этотъ лугъ, непрерывно засѣваемый жизнью? Это неожиданный подарокъ, доставляемый вамъ судьбою. Быть можетъ вамъ пріятнѣе было бы умереть отъ чумы или отъ голода? Можетъ вамъ нравится медленная агонія? Молитесь, такъ какъ вода не можетъ смыть всѣ грязныя пятна. Люди считаютъ себя мужественными и должны знать, что несчастье чаще вызываетъ обращеніе душъ къ Богу нежели счастье.

Была минута когда мы хотѣли покинуть корабль, но женщина въ черномъ этого не допустила, грозно промолвивъ:

— Теперь уже поздно; кто виноватъ, что вы предпочли Ложь Правдѣ?

Вдругъ раздался ужасный трескъ; я смутно почувствовалъ, что палуба провалилась подъ нами; все затрепетало и мы ринулись въ бездну.

Открывъ глаза, я увидѣлъ себя въ кровати,
 Слава Богу; значить это былъ сонъ и я только во
 снѣ отплылъ въ невѣдомыя страны на кораблѣ Иллюзии.

Архитекторъ.

Одинъ архитекторъ, имя котораго затерялось во
 мракъ многихъ тысячелѣтій, построилъ когда
 то въ необитаемомъ уголкѣ міра и, повидимому,
 до такой степени необитаемомъ, что можно было
 назвать его царствомъ хаоса, великолѣпное,
 изумительное сооруженіе такого поразитель-
 наго совершенства, такой художественной законченности,
 что надъ нимъ пронеслось много столѣтій, но сооруженіе
 казалось нисколько не пострадавшимъ отъ времени. Оно
 сохранялось до такой степени хорошо, что хотя было
 самое древнее въ мірѣ и, слѣдовательно, просуществовало
 много тысячелѣтій, а между тѣмъ имѣло видъ такой,
 какъ будто воздвигнуто весьма недавно. Мало-по-малу,
 небольшая страна, въ которой находилось это сооруже-
 ніе, населилась. Первобытные жители этой страны на-
 шли сооруженіе великолѣпнымъ и, въ теченіи долгаго
 времени, живѣйшей ихъ радостью и главнѣйшимъ удо-
 вольствіемъ было разсматривать и восхищаться сказан-
 нымъ зданіемъ. Однако, мало-по-малу привычка ослабляла
 и наконецъ совсѣмъ уничтожила силу первоначальныхъ
 впечатлѣній и новыя поколѣнія, художники которыхъ
 все еще восторгались прелестью памятника сѣдой дре-
 вности, равнодушно возражали этимъ художникамъ:

— Да, это недурно, но это уже черезчуръ старо,
 да и, кромѣ того, все одно и то же, нѣтъ разнообразія.

Нѣкоторые простоватые люди, замѣчая, что въ этомъ
 древнемъ сооруженіи ничто не выражало, что оно стоило
 усилий и трудовъ, кончили даже тѣмъ, что говорили
 себѣ:

— Во всякомъ случаѣ, все это нетрудно было сдѣлать и надо признать, что уже слишкомъ много толкуютъ и слишкомъ высоко цѣнили, какъ древнюю постройку такъ и ея создателя.

Годы шли за годами, а зданіе стояло несокрушимо по-прежнему; города, цивилизаціи, народы смѣнились одни за другими, только зданіе оставалось неизмѣннымъ и несокрушимымъ. Ни одинъ камень въ немъ не выпалъ и такъ какъ содержаніе и поддержаніе зданія ровно ничего не стоило, кончили тѣмъ, что перестали даже обращать на него вниманіе, точно оно вовсе не существовало. Были даже времена, когда въ виду неизвѣстности имени архитектора, нѣкоторые вольнодумцы, любящіе легкія и простыя разрѣшенія трудныхъ и сложныхъ вопросовъ кончили тѣмъ, что порѣшили слѣдующимъ образомъ:

— О чемъ они хлопчугъ? Дѣло простое: это зданіе никто не строилъ; это вѣрнѣе всего выстроилось само собою.

Однако духъ великаго архитектора, узнавая такого рода толки, нисколько этимъ не смущался на высотѣ своего небеснаго жилища. Его созданіе продолжало существовать вопреки всѣмъ толкамъ, онъ былъ этимъ вполне удовлетворенъ и глупости, изобрѣтаемая смертными, не могли помрачить его вѣчной славы.

Между тѣмъ наступилъ день, когда онъ нѣсколько взволновался тѣмъ, что говорилось на землѣ объ его произведеніи. Возникло ученіе, получавшее широкое распространеніе. Хотя это весьма рѣдко встрѣчается, но вышло такъ, что нѣсколько философовъ и нѣсколько ученыхъ пришли къ соглашенію общими усиліями стремиться къ объясненію того, что было имъ непонятно. Согласно ихъ выводамъ, храмъ былъ самъ своимъ архитекторомъ; земля вся цѣликомъ возникла и создалась собственными усиліями изъ чего слѣдовало, что все существующее само себѣ является Богомъ. Ученіе это казалось привлекательнымъ еще и потому, что всѣ его изобрѣтатели и всѣ ихъ послѣдователи оказались никому и ничѣмъ не обязанными, а только себѣ самимъ.

Послѣдствіемъ этой странной системы было то, что каждый, сказываясь самъ себѣ Богомъ, признавалъ за собою право считать себя центромъ мірозданія и полагалъ, что все остальное должно ему подчиняться. Никто не хотѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ и довольствоваться ролью, предназначенной ему въ мірозданіи. Индивидуальныя пополозновенія становились все шире и шире, тщеславіе наполняло всѣ сердца и мрачный огонь глубокаго эгоизма охватилъ всѣ головы. Высшіе, т. е. тѣ кто воображаетъ себя таковыми, угнетали низшихъ, не обращали ни малѣйшаго вниманія на ихъ участіе въ общемъ дѣлѣ и, вмѣсто того, чтобы сдѣлать участъ ихъ сколько-нибудь сносной, повидимому, высшей цѣлью своихъ усилій, ставили стремленіе, доказать имъ, что они, эти низшіе, должны довольствоваться жалкимъ и тягостнымъ существованіемъ.

Чтобы образумить людей и дать имъ урокъ, въ которомъ они сильно нуждались, великій архитекторъ, — вы вѣроятно догадались, что я и раньше подразумѣвалъ Бога, — дозволилъ заговорить камнямъ, входившимъ въ составъ дивнаго храма.

Неописуемое волненіе охватило населеніе земли когда они въ одно прекрасное утро услышали какъ заговорили безсловесные, нѣмые предметы. Это волненіе усилилось во сто кратъ, когда люди начали понимать бесѣду камней между собой, происходившую отъ основанія до верхушки того громаднаго сооруженія, которое вчера еще казалось имъ безжизненной, неодушевленной массой.

Были камни ровно ничего не говорившіе, или весьма мало, что, конечно, служило уже имъ въ заслугу; но были и такіе, которые говорили очень много.

Камни, входившіе въ составъ фронтона, болѣе другихъ возвышали голосъ. Ихъ настроеніе, полное высокомерія, высказывалось слѣдующими словами:

— Мы выше васъ, мы представляемъ собою самую благородную часть этого зданія; мы являемся его славой и вѣнцомъ; вы должны быть вполне счастливые, поддерживая насъ; вы должны быть благодарны намъ за то, что мы согласились помѣститься надъ вами, и тѣмъ

придали законченность и изящную красоту грудѣ камней, безъ смысла и формы, которой вы были бы безъ насъ. Въ насъ вмѣщается самая суть великаго произведенія, котораго вы состоите только грубыми частями; мы относительно васъ—мозгъ, голова.

Камни нижніе вначалѣ довольствовались только стопами, но мало-по-малу ими овладѣло раздраженіе, вызвавшее робкій шопоть; вскорѣ шопоть перешелъ въ ропоть; глухіе возгласы выходили какъ бы изъ нѣдръ земли, это заговорили уже камни фундамента, самыя основы зданія; ихъ голосъ, какъ подземный громъ, гремѣлъ глухими раскатами.

Камни фронтона внимательно и безмолвно прислушивались и замѣтно было, что это вниманіе доказывало, что ими овладѣло не столько презрѣніе, сколько ужасъ.

Рѣчь камней фундамента не была длинная, но оказалась весьма мудрой:

— Мы дѣйствительно ничего не значимъ, такъ какъ мы то самое, что и вы; въ свою очередь вы также ничтожество, потому что вы то самое что и мы; какъ мы, такъ и вы, находимся на мѣстѣ, предназначенномъ намъ въ этомъ мірѣ самимъ Богомъ. Наше назначеніе равносильно вашему и мы другъ другу равны. Богъ не допускалъ неравныхъ долей, а распредѣлилъ все такъ, чтобы всѣ были полезны и необходимы его произведенію. Вы говорите, что вы нашъ мозгъ? Пусть будетъ по-вашему, но мы ваши ноги и если вы стоите, такъ только потому, что мы васъ поддерживаемъ; если бы захотѣлъ нашъ создатель, если бы ему заблагоразсудилось насъ перемѣстить, отбросивъ своей могучей десницей на сто шаговъ отъ теперешняго нашего мѣста, чрезъ нѣсколько минутъ всѣ вы обратитесь въ прахъ. Высшимъ въ этомъ мірѣ можно признавать только вѣднія Бога и установленный имъ порядокъ. Мы не видимъ оснований гордиться тѣмъ, что вамъ полезны, но мы гордимся тѣмъ и признаемъ это законной, справедливой гордостью, что лучше васъ понимаемъ, что мы предъ Богомъ вамъ равны; вы красивѣе, а мы крѣпче, прочнѣе. Каждому изъ насъ опредѣлено извѣстное назначеніе и не подобаетъ

частямъ присвоивать себѣ значеніе всего цѣлаго. Если вы не желаете, чтобы дивное произведеніе великаго мастера сдѣлалось кучей развалинъ, будьте скромнѣе на будущее время; мы здѣсь, точно такъ же какъ и вы, выполняемъ волю Божью, но не вашу и не нашу. Братья мои, повѣрьте намъ, только одинъ Богъ можетъ разъяснить мірозданіе и только онъ въ состояніи его подержать. Законъ, преподанный имъ намъ, есть законъ братства и милосердія. Предъ этимъ закономъ мы всѣ равны и мы можемъ возвыситься и приблизиться къ Богу только путемъ созерцанія его величія.

Камни зданія замолкли и воцарилось полное безмолвіе и потеряли даръ слова. Многіе изъ людей поняли ихъ бесѣду, но, увы, далеко не всѣ.

Чтеніе въ Семьѣ.

тцы наши имѣли хорошее обыкновеніе и не только хорошее, но даже прелестное. Этотъ обычай былъ такъ хорошъ, что до сихъ поръ не исчезъ еще вполне. Онъ еще въ почетѣ во многихъ старинныхъ семьяхъ; но это еще недостаточно; очень желательно было бы, если бы обычай этотъ былъ всеобщимъ.

По наступленіи вечера, когда всѣ дневныя работы были покончены, вся семья собиралась вокругъ большого стола; на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ отецъ; противъ него помѣщалась мать; бабушка сидѣла около камина или у печи, а дѣти размѣщались кто справа, кто слѣва. Каждый приносилъ съ собой какое-нибудь орудіе тѣхъ маленькихъ ручныхъ работъ, нисколько не требующихъ размышленія; маленькія дѣти приносили съ собою игрушки, не производящія вовсе какого либо шума и нисколько не мѣшающія полной тишинѣ и вниманію. Присутствіе ку-

колѣ также не воспрещалось. Кукла принадлежитъ къ семьѣ; если она пообѣщаетъ вести себя хорошо, она пріобрѣтаетъ мѣсто въ семейныхъ собраніяхъ. Я помню, что у старой бабушки одного изъ моихъ друзей, гдѣ я во время каникулъ провелъ много пріятныхъ дней, дѣло происходило такъ, какъ я описываю; даже слуги, разумѣется не имѣвшіе по вечерамъ какихъ либо особыхъ обязанностей, а совершенно свободные, также являлись и чинно усаживались за спиною маленькихъ членовъ семьи. Это было доброе, хорошее время, когда слуги, по большей части родившіеся въ домѣ своихъ хозяевъ, составляли неотъемлемую часть семьи. Старая Роза вертѣла веретенонъ точно добрая, старая фея деревни; ея внучка Жанетта вязала теплые чулки сестрѣ Луизѣ. Даже Турокъ, собака основательныхъ размѣровъ, очень смышленная, важная и внимательная, занимала мѣсто около камина какъ разъ противъ бабушки и, видимо, прислушивалась къ чтенію.

Большая лампа ярко освѣщала не только середину стола, но и всю просторную комнату. Нѣсколько книгъ лежало на большомъ столѣ. М. Х. . . бралъ одну изъ этихъ книгъ, говоря:

— Дѣти мои, вы вѣроятно не забыли о чемъ мы читали вчера?

Затѣмъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ напоминалъ о прочитанномъ и начиналъ читать.

Чтеніе продолжалось въ теченіи часа. Слушателей бывало отъ двѣнадцати до пятнадцати. Прочти какдый изъ насъ то самое про себя, это не принесло бы и десятой доли той пользы, которую приносило *чтеніе сообща*.

Изрѣдка раздавался голосъ бабушки, отца или матери въ тѣхъ случаяхъ когда требовалось разъяснить или дополнить какими либо комментаріями трудное или мало понятное мѣсто и вызвать этимъ вопросы дѣтей, которыхъ они безъ этого и не подумали бы сдѣлать.

Это чтеніе доставляло дѣтямъ большое удовольствіе и ждали его всегда съ нетерпѣніемъ. Не участвовать въ немъ считалось весьма серьезнымъ наказаніемъ.

Не боясь высказать парадоксъ, я смѣло скажу, что

чтеніе сообща удесятерило достоинство каждой прочитанной книги.

Книга, вмѣсто того чтобы быть одинокимъ и тайнымъ другомъ, становилась сразу открытымъ другомъ всѣхъ и каждаго. То, что въ ней черпалось хорошаго, составляло какъ бы общее достояніе, одновременно приобретаемое. Посредствомъ ея умственное единеніе между членами семьи становилось сильнѣе и скрѣплялись сильнѣе отношенія сердечныя. Рядомъ съ чувствомъ группировались мысли. Являлось полное единодушіе не только по общимъ вопросамъ и взглядамъ, но и по частнымъ отдѣльнымъ подробностямъ. Это скрѣпляло души и вскорѣ вся аудитория составляла въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи одно неразрывное цѣлое.

Бесѣда получала болѣе задушевный характеръ; являлся предметъ обсужденій чего либо хорошаго, а именно этого то часто недостаетъ даже въ дружныхъ семьяхъ. Нельзя ограничиваться только ежедневными, обыденными фразами, выражающими нужды членомъ семьи.

Когда книга была серьезная, научная, общими силами старались до нея возвыситься. Если книга была трогательная, всѣ растроганы были сообща. Если она была веселая—веселость становилась общей. Если подчасъ возникали разногласія, они разъяснялись свободно и спокойно и кончалось полнымъ соглашеніемъ. Каждаго изъ семьи тѣ или другіе взгляды и красоты книги затрогивали различно; одного болѣе, другого менѣе; одному нравилось одно, другому другое, а благодаря чтеніямъ сообща они изучали другъ друга и хорошо знали взгляды и вкусы каждаго. Чтенія служили какъ бы пробнымъ камнемъ.

Отцу и матери не приходилось опасаться, что душа ихъ ребенка ускользнула отъ ихъ наблюденія, осталась ими неразгаданной, или, что его возрѣнія и нравственный складъ развились даже помимо его воли, внѣ всякаго родительскаго вліянія. При чтеніи сообща т. е. въ семьѣ, другъ друга дополняютъ, исправляютъ, взаимно разъясняя, обмѣниваясь мыслями. Конечно, индивидуальности опредѣлялись, очерчивались, но это происходило подъ контро-

лемъ общимъ всей семьи. Онѣ не появлялись внезапно, неожиданно, выражаясь точно взрывомъ среди семейнаго очага и не становились неизбѣжной причиной семейнаго разлада.

Возникшія изъ одного и того же источника, идеи какого либо члена семьи, какъ бы ни были они своеобразны, были хорошо знакомы, вполне извѣстны другимъ членамъ семьи. Соглашеніе не было невозможнымъ, насколько оно можетъ быть достигнуто при извѣстныхъ условіяхъ противоположностей и разнообразія встрѣчаемыхъ въ природѣ. Мысли и чувства въ этомъ нравственномъ центрѣ образовывали какъ бы пчелиный рой. Самая вѣтряная, любящая всюду полетать пчелка, выбиравъ по вкусу цвѣтокъ, все же несетъ медъ въ общій улей.

Не могли происходить тѣ печальныя недоразумѣнія, въ силу которыхъ такъ легко сбиваются съ пути. Заблудиться, остаться одинокимъ, было невозможно. Тѣ кто не покинулъ добраго пути и шелъ надлежащей дорогой, какъ часовой, слѣдилъ всегда за другимъ и во время кричалъ ему:

— Не туда! Возвратись обратно; ты попалъ не на ту дорогу.

Въ наше время, когда, силою обстоятельствъ общественное обученіе почти вездѣ замѣнило обученіе въ семьѣ, къ сожалѣнію, весьма рѣдко можно встрѣтить, чтобы сынъ шелъ по слѣдамъ отца. При такомъ социальномъ порядкѣ, когда глава семейства, поглощенный добываніемъ средствъ жизни и матеріальнаго поддержанія своей семьи, не имѣетъ возможности слѣдить за занятіями и воспитаніемъ сына, чтеніе сообща, по крайнемѣрѣ, въ младшемъ возрастѣ, предъ поступленіемъ въ школу или въ пансіонъ, даетъ возможность положить основы умственнаго и нравственнаго воспитанія. Это было бы нѣкоторымъ предохраненіемъ отъ будущихъ уклоненій отъ надлежащаго направленія и если оно было бы недостаточно для полнаго скрѣпленія нравственной связи отца съ сыномъ, по крайней мѣрѣ, оно помѣшало бы разрыву послѣдней.

Да, полезно, чтобы первыя книги, дѣйствующія на умъ

ребенка, усвоивались подъ наблюдениемъ отца и не ускользнули отъ напряженнаго слуха матери.

Трудно выразить до какой степени важно, чтобы воспоминанія о первыхъ прочитанныхъ книгахъ были тѣсно связаны съ воспоминаніями о родительскихъ наставленіяхъ и разъясненіяхъ, сопровождавшихъ эти чтенія.

Что это такое, если не вмѣшательство третьяго лица, незнакомца, посторонняго въ тѣсный семейный кругъ, если не первое свѣдѣніе и разъясненіе, воспринимаемое ребенкомъ, не исходящее непосредственно отъ отца или матери? Это первый опытъ вліянія на его сердце, на воображеніе, на начинающее развиваться разумѣніе, причемъ вліяніе это оказывается помимо примѣровъ родителей. Въ силу этого необходимо, чтобы ребенокъ сознавалъ, что этотъ новый элементъ чувства и размышленія переданъ ему отеческой рукою; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы, передавая его своему ребенку, отецъ былъ способенъ доказать ему, что этотъ новый прищлецъ, этотъ рекомендованный имъ ребенку элементъ, заслуживаетъ вполне уваженія и довѣрія со стороны отца.

Однако какимъ же образомъ можетъ сдѣлать это отецъ, если онъ мало знакомъ съ книгой?

Слѣдуетъ твердо помнить, что первыя книги, смотря потому хорошо или дурно онѣ выбраны, являются первыми друзьями, лучшими друзьями помимо родителей, а иногда первыми и худшими врагами дѣтей.

Когда какому либо писателю, съ добрымъ сердцемъ и высокимъ дарованіемъ, удалось подарить человечеству одно изъ тѣхъ произведеній, которыя представляютъ собою благодѣяніе для семьи,—было бы невысказаннымъ допустить, чтобы книга, предназначеніе которой просвѣтить и возродить дѣтей, была неизвѣстна отцу и матери послѣднихъ. Было бы непростительно, если бы отцы и матери не ознакомились надлежащимъ образомъ съ тѣмъ произведеніемъ, которое въ дѣлѣ воспитанія окажетъ имъ или громадную помощь, или громадный вредъ.

Вы не рѣшаетесь допустить посторонняго кормить вашихъ дѣтей, не удостовѣрившись предварительно въ доброкачественности предлагаемой пищи; неужели же

вы рѣшитесь допустить посторонняго предлагать вашимъ дѣтямъ пищу умственную и нравственную, не оцѣнивъ ея достоинства, не провѣривъ ея дѣйствіе?

Я бы отъ души желалъ полного возстановленія чтенія въ семьѣ, этого прекраснаго обычая добраго стараго времени. Однако, я не хотѣлъ бы, чтобы заблуждались относительно дѣйствительной моей цѣли. Я вовсе не ратую за организацію чего то строго педагогическаго, за устройство какого то подготовительнаго класса въ тѣсномъ семейномъ кругу. Я не желаю ничего натянутаго, обязательнаго въ чтеніи сообща. Воспоминаніе объ этихъ незабвенныхъ часахъ отдохновенія являются самыми лучшими, веселыми, свободными изъ впечатлѣній нашего дѣтства.

Мы бы хотѣли, чтобы они и для другихъ были тѣмъ, что были для насъ, т. е. милыми и пріятными. Кромѣ того, мы ровно ничего не имѣемъ противъ того, что въ случаяхъ отвлеченія отца и матери какимъ либо другимъ дѣломъ, ихъ замѣняли старшій сынъ или старшая дочь. Само собою разумѣется, что чтеніе вслухъ будетъ имъ очень полезно. Умѣть хорошо читать способствуетъ хорошему пониманію. Тотъ, кто умѣетъ хорошо читать, будетъ умѣть хорошо говорить

Въ то время, о которомъ я говорю, собиралась семья для чтенія вслухъ не только съ цѣлью обученія, но и съ цѣлью развлеченія. Несомнѣнно, что дѣлался строгій выборъ между счастливыми книгами, обладающими даромъ нравиться одинаково какъ взрослымъ такъ и дѣтямъ; притомъ надо замѣтить, что выборъ книгъ для чтенія сообща можетъ быть менѣе строгъ, нежели выборъ книгъ для чтенія про себя, въ одиночку, такъ какъ при чтеніи въ семьѣ вслухъ, всякія замѣчанія, всякія дополненія и даже исправленія могутъ быть своевременно сдѣланы, чего не можетъ быть при одиночномъ чтеніи.

Книга должна быть проста и здрава, а, главное, не должна быть пуста; она должна быть способна служить темой бесѣды, вызывать вопросы, разъясненія, наконецъ можетъ быть не только подчительной, но и забавной.

При этихъ условіяхъ книги удовлетворяютъ своей задачѣ. Если совершенно взрослый, обладая правильнымъ складомъ ума, сумѣетъ найти и для себя кое что интересное, даже въ книгѣ, составленной для дѣтей, то, въ свою очередь, и маленькія дѣти всегда найдутъ кое что пригодное для нихъ и близкое къ ихъ разумѣнію въ самой серьезной книгѣ для взрослыхъ, если этому содѣйствуютъ взрослые своими разъясненіями.

Замѣчательно, что маленькія дѣти очень рѣдко требуютъ комментарій. Точно ихъ ничего не изумляетъ. А между тѣмъ, очень часто раздававшійся сребристый смѣхъ, извѣщавъ серьезную половину аудиторіи, что ею не обращено было полное вниманіе на какое либо милое и наивное мѣсто въ читаемомъ произведеніи, но оно обратило на себя вниманіе ребенка.

Вамъ, вѣроятно, случалось иногда обратить вниманіе на замѣчательную особенность людей, даже съ среднимъ образованіемъ, высказывать дѣльныя сужденія о какомъ либо произведеніи, если они находятся въ сообществѣ съ другими и познакомились съ этимъ произведеніемъ одновременно съ другими. Эти самые люди не высказали бы свое мнѣніе такъ умно и удачно, если бы читали одиноко то же самое произведеніе. Есть что то электрическое, возбуждающее въ чтеніи сообща. Эта способность вѣрнѣе и лучше судить обо всемъ сообща, свойственна людямъ во всякомъ возрастѣ и во всякомъ уровнѣ образованія. Масса маленькихъ свѣточей, сливаясь вмѣстѣ, могутъ образовать нѣчто въ родѣ солнца.

Случалось мнѣ видѣть дѣтей чрезвычайно внимательно слушавшихъ чтеніе произведеній, относительно слишкомъ серьезныхъ для ихъ возраста и степени разумѣнія.

Разница между пониманіями маленькихъ и большихъ дѣтей далеко не такъ велика, какъ это иногда угодно воображать себѣ господамъ большимъ дѣтямъ. Впрочемъ, каждый быстро приспособляется и подхватываетъ изъ прочитаннаго вслухъ то, что ему наиболѣе пригодно и кажется подходящимъ. Даже совсѣмъ маленькіе ребята и тѣ, кажется, по своему умѣютъ принять участіе въ чтеніи сообща. Я помню много забавныхъ дѣтскихъ

Этому четырехлѣтнему слушателю больше всего понравился Господинъ Тюрентъ.

выходокъ по поводу прочитаннаго и эти выходки на цѣлый вечеръ развеселяли слушателей. Я еще и теперь живо помню (хотя и говорятъ, что время все сглаживаетъ изъ памяти, но я полагаю, что очень часто это клевета на нашу память) все то, что выше описываю. Вспоминая все, я какъ живыхъ вижу и себя самого и всѣхъ сидѣвшихъ тогда за этими семейными столами. Да, всѣхъ; но если бы пришлось ихъ снова собрать вокругъ этого стола, увь, какъ многихъ теперь бы не хватило!

Вспоминаю теперь, какъ однажды вечеромъ для чтенія была выбрана книга съ жизнеописаніемъ знаменитыхъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Каждый изъ слушателей, между которыми былъ одинъ премиленькій мальчуганъ лѣтъ четырехъ, восторгался тѣмъ или другимъ изъ этихъ знаменитостей и восхищался ими по своему.

Каждый изъ слушателей избиралъ героя по своему вкусу, т. е. такого, какимъ самъ желалъ бы быть. Одинъ, почитывавшій уже философскія сочиненія, пожелалъ быть Сократомъ, даже рискуя испробовать немножко цикуты. Другой мечталъ сдѣлаться новымъ Христофоромъ Колумбомъ и былъ бы въ восхищеніи, открывая новыя невѣдомыя еще страны. Третій, съ склонностью къ своеволю и произволу, мечталъ сдѣлаться Александромъ Македонскимъ, которому никто не могъ противостоятъ; онъ выдавалъ этимъ желаніемъ свойства своего характера. Другой мальчикъ славный, съ ровнымъ, спокойнымъ характеромъ и чрезвычайно терпѣливый, восхищался Оемистокломъ и его знаменитымъ изреченіемъ:

«Рази, но выслушай!» Добрая маленькая дѣвочка, — собравшая въ громадной коробкѣ, которую ея сестры и братья называли: *юпиталь куколъ*, ровно четырнадцать искалѣченныхъ куколъ, по большей части безъ рукъ и безъ ногъ, а нѣкоторыя и безъ головъ, за которыми она усердно ухаживала, потому что ихъ совсѣмъ забросили ея сестры, — эта маленькая сестра милосердія, мечтавшая объ исцѣленіи всѣхъ больныхъ и даже мертвыхъ, очень хотѣла быть святымъ Винцентомъ де Поль. Другая маленькая барышня, помогавшая во время чтенія

своему маленькому братцу построить въ боевой порядкъ армію оловянныхъ солдатиковъ, заявила что ей очень хотѣлось бы быть Іоанной д'Аркъ, если бы ее не сожгли злые англичане. Человѣчекъ семи лѣтъ, во время чтенія усердно выдѣлывавшій изъ бумаги лодки и корабли, заявилъ, что ему очень хотѣлось бы быть Жаномъ Бартъ и, сидя на боченкѣ съ порохомъ, спокойно покуривать трубочку. Нашелся и такой, которому все показалось ничтожнымъ, не важнымъ и, презрительно выслушавъ все сказанное, онъ воскликнулъ, что всѣ эти господчики не стоятъ Робинзона Крузо на его необитаемомъ островѣ, хотя понятно, что о Робинзонѣ и рѣчи не было въ книгѣ о знаменитыхъ людяхъ. Самый маленькій изъ этой компаніи, на котораго никто не обращалъ вниманія, толстый и хорошенькій блондинъ, во все время чтенія съ важнымъ видомъ разсматривавшій книгу съ картинками и никакихъ признаковъ не подававшій своего вниманія къ читаемому, торжественно приподнялся на подножкѣ своего высокаго креслица и громогласно объявилъ что его, больше всего позабавилъ Господинъ Тюренъ.

Мальчугана звали Жюль, но сестры и братья прозвали его Господинъ Жюжюль и съ тѣхъ поръ никто въ домѣ иначе его не называлъ.

— Почему же Тюренъ?—спросила его мать.

— О! Я знаю хорошо, почему Тюренъ ему нравится!— безъ церемоніи перебилъ Жюжюля мальчикъ лѣтъ девяти. Нравится онъ ему потому, что Тюренъ спалъ на пушкѣ.

— Вовсе нѣтъ!—съ важнымъ видомъ возразилъ Жюжюль. Она могла бы выстрѣлить, а мнѣ это совершенно не нравится.

— А можетъ понравился потому, что слуга больно хлопнулъ Тюрена по извѣстному мѣсту, а тотъ даже не разсердился? сказала поклонница Жанны д'Аркъ, добавивъ:—впрочемъ это доказываетъ, что Тюренъ былъ очень добръ и вовсе не былъ вспыльчивъ какъ одинъ извѣстный мнѣ мальчикъ....

Нетерпѣливо передернувъ плечиками Господинъ Жюжюль презрительно возразилъ:

— Да вовсе же не потому!

— Дайте же объясниться, не мѣшайте ему высказаться!—вмѣшалась мама Жюжюля, обращаясь къ сыну;

— Ну скажи же мой миленькій Жюль, почему тебѣ нравится Тюренъ? Не потому ли что онъ былъ генераль?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ Жюль, почти разсердившись.

— Такъ скажи же, почему?

— Это потому—сказалъ Жюжюль и вдругъ звонко расхохотался, очевидно вспомнивъ что то такое, казавшееся ему чрезвычайно смѣшнымъ,—это вотъ почему. Какъ то папа прочелъ намъ, что однажды учитель заперъ генерала Тюрена на ключъ въ его учебной комнатѣ, чтобы заставить его выучить урокъ; а маленькій генераль очень ловко выпрыгнулъ въ окно, нисколько не ушибся и убѣждалъ играть въ саду.

Можете судить, какое впечатлѣніе произвело на слушателей это признаніе маленькаго Жюжюля о мотивахъ предпочтенія, оказываемаго имъ великому Тюрену.

Господинъ Жюжюль былъ ростомъ въ мой сапогъ, когда выказалъ это несомнѣнное доказательство своей скороспѣлости въ умственномъ отношеніи. Что сдѣлали бы вы, будучи на нашемъ мѣстѣ, выслупавъ это сужденіе объ историческомъ лицѣ, выраженное мальчуганомъ четырехъ лѣтъ? Конечно, вы бы много смѣялись, и отъ всего сердца. Вотъ и мы поступили именно такимъ образомъ, къ великому изумленію маленькаго историка, находившаго, что его мотивы самыя лучшіе, самыя основательныя. Онъ доказывалъ, съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица, что маленькому генералу пришла превосходная мысль въ голову, а главное онъ умѣлъ очень удачно выскочить изъ окна безъ всякаго ушиба, а вѣдь это не легкая штука выпрыгнуть изъ окна.

Вслѣдъ за тѣмъ мальчуганъ, весело и плутовски сверкая глазенками, добавилъ:

— А тотъ учитель, возвратившись обратно и никого

не найдя въ комнатѣ.... Какъ онъ былъ изумленъ этотъ господинъ учитель!...

Снова улыбка восторга заиграла на губахъ мальчугана и его свѣтлые, большіе голубые глаза весело и плутовски заискрились.

Господинъ Жюжюль въ настоящее время полковникъ. Я очень былъ бы радъ, еслибы эти строки попали ему на глаза; мнѣ бы очень хотѣлось знать, полагаетъ ли онъ еще и теперь, что высшая заслуга великаго полководца заключается въ продѣланіи ловкой штуки съ своимъ наставникомъ.

Какъ и всегда, вечеръ чтенія заканчивался молитвою, громко произносимой вслухъ бабушкою; при чемъ я убѣжденъ, что хотя предъ этой молитвой болѣе и громче смѣялись чѣмъ обыкновенно, но Богъ этимъ не обидѣлся и молитва ничего не потеряла въ искренности и усердіи.

Послѣ чтенія сообща, общая молитва, это другой трогательный обычай добраго, стараго времени, пожалуй одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, противъ всеобщаго распространенія котораго вы ничего не будете имѣть.

ПОДВИЖНЫЯ ИГРЫ.

Физическое развитіе человѣка. Соч. профес. Э. Кольрауша и Г. Вагнера. Переводъ съ нѣмецкаго М. Михайлова, съ 183 рисунками, 350 страницъ. Спб. и. 1 р. Въ книгѣ описаны игры лѣтомъ и зимой; игры составляютъ прекрасную гимнастику: возбуждаютъ рѣшительность, самоувѣренность, мужество, внимательность; развиваютъ мускулы, силу, ловкость, смѣлость, изворотливость ума и быстроту движения. 150 игръ всѣ интересны, многія иллюстрированы. Описанію модной игры «Лаунъ-тенисъ», отведено большое мѣсто и подробно иллюстрировано. Историческій очеркъ.—Поляза игра.—1) Для здоровья.—2) Для выработки характера.—Время и мѣсто для игр.—Приспособленія для игр.—Выборъ игры.—Гусиный вориска.—Тирольцы.—Линейный бѣгъ.—Гусиный маршъ.—Спиральный.—Птичій.—Змѣиный.—Бѣгъ на срокъ.—Бѣгъ къ цѣли.—Тревожный бѣгъ.—Казакъ.—Король, я въ твоей сторонѣ.—Гуси, лебеди, домой.—Игра въ пары.—Игра въ пѣлнники.—Пятнашки.—Медвѣжья пятнашки.—Лиса въ норку.—Продавецъ птицъ.—Охота.—Разбойники и монашка.—, Круговой бѣгъ.—Жмурки.—Жгутъ видеть.—Кожки-мышки.—Курва и коршунъ.—Последняя пара впередъ (Горѣлки).—Союзники.—Казакъ разбойники.—Турокъ.—Пятнашки съ рукобитіемъ.—Дразнилы.—Обыкновенныя прятки.—Моя палочка идетъ.—Прятки съ погукиваніемъ.—Горить.—Слѣзная охота.—Пастухъ и стадо.—Игра въ краски.—Игра въ тѣни. Бѣгъ хромоногихъ.—Призовое скаканье.—Скаканье въ мѣшкѣ.—Присѣдки.—Чехарда.—Прыганье съвозъ обручъ.—Прыганье черезъ веревку.—Борьба за знамя или Гора моя. Перетягиванье палки.—Военныя игры.—а) Обыкновенная военная игра.—б) Военная игра съ палками.—в) Рыцари и горожане.—Ловля шаровъ.—Киданье въ стѣну.—Киданье въ хвостъ.—Шары въ кольцо.—Катанье по доскѣ.—Обыкновенныя кегли.—Воздушныя кегли.—Крокетъ.—Школа мячиковъ.—Призовый мячъ.—Царскій мячъ.—Мячъ-коршунъ.—Погрѣничный мячъ.—Игра въ короли.—Игра въ стоянку.—Игра въ подброски.—Охота за мячами.—Мячъ всадниковъ.—Угловой мячъ.—Лапта.—Полевой мячъ.—Лапта на постахъ.—Ангаійскій крокетъ. Странствующій мячъ съ перекидываніемъ. Ножной мячъ.—Ручной мячъ.—Бубень-лапта.—Лаунъ-тенисъ.—Свайка.—Городки или рюхи.—Игра въ бабки.—Въ масло.—Рикошетъ.—Бросанье кольца на крюкъ.—Бросанье обручей.—Стрѣльба въ лука.—Волчки.—Бумажный змѣй.—Ходули.—Ловля камней.—Вильбеде.—Обыкновенныя снѣжки.—Борьба съ снѣжками.—Катанье въ саняхъ.—Катанье по льду безъ коньковъ.—Катанье на конькахъ.—Упражненія на конькахъ.—Дуговой бѣгъ наружу.—Фигурный бѣгъ.—Повороты и прыганье.—Купанье и нырянье.—Упражненія въ плаваніи.—Особые приемы плаванія.—Собиратель бабочекъ и пр. и пр. Большой томъ.

«Жизнь животныхъ», А. Брема, въ 3-хъ томахъ.

690 рисунковъ, 2130 страницъ.

Подъ редакціей магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Брѣмъ всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу, вездѣ живя подолгу и изучая жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился во всѣми звѣринцами и зоологическими садами, дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для наблюденія и изученія ихъ. Книга состоитъ изъ трехъ томовъ, напечатанныхъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата, 690 рисунк., исполненныхъ въ Библиографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова.

СОДЕРЖАНІЕ. I томъ: «Млекопитающія». II томъ «Птицы». III томъ Пресмыкающіяся гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя. Цѣна за три тома 9 р. съ перес.

72181

Нравственныя сочиненія С. Смайльса.

Т. I. Умъ и энергія. «Жизнь и трудъ» (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб. 1899 г. Ц 1 р. 35 к. Содержаніе: Люди и благородные люди. Великіе люди—великіе работники. Великіе юноши. Великіе старцы. Родословная таланта и гениа. Литературный недугъ. Излишняя мозговая работа. Здоровье. Пристрастія. Городская и сельская жизнь. Одинокіе и женатые. Подруги. Закатъ жизни. Послѣднія мысли великихъ людей.

Т. II. Саморазвитіе. Умственное, нравственное и практическое, съ дополнит. статью «Русскіе дѣятели». (Самодѣятельность).—Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 1900 г. 400 стр., ц. 1 р. 25 к. Самопомощь общественная и личная. Изобрѣтатели и промышленные дѣятели. Три гончара. Прилежаніе и настойчивость. Научная дѣятельность. Труженики изящныхъ искусствъ. Труженики пера. Энергія и сила воли. Дѣловые люди. Деньги—пользованье и злоупотребленіе ими. Саморазвитіе. Значеніе примѣра. Значеніе характера. Русскіе дѣятели.

Т. III. Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой, 1900 г. 8-е изданіе. Вліяніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ.—Вліяніе брака.—Школа жизни. Ц. 1 р.

Т. IV. Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда, 3-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Т. V. Долгъ. Нравственныя обязанности человѣка. Переводъ С. Майковой. Содержаніе: Долгъ.—Совѣсть.—Честность.—Правдивость.—Мужество.—Терпѣніе.—Героизмъ добрыхъ дѣлъ.—Человѣколюбіе.—Гуманное обращеніе съ животными и лошадьми въ особености.—Отвѣтственность.—Послѣдній конецъ. 3-е изданіе. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Т. VI. Бережливость. Переводъ Сысоевой. Спб. 3-е изд. 1904 г. Ц. 90 к. Цѣль этой книги побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣтится человѣку много враговъ: праздность, легкомысліе, тщеславіе, порокъ, невоздержность. Послѣдняя—самый худшій изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ, показывающихъ, что одинъ изъ лучшихъ способовъ состоятъ въ возбужденіи старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Т. VII. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ рисунками. Переводъ В. Воляскаго. Спб. 2-е изданіе Ц. 1 р.

Т. VIII. Біографіи промышленныхъ дѣятелей. Переводъ Мазуренко, 300 страницъ. Спб. 1902 года. Ц. 1 р.

Lau + Jamin

9
10/10/10